№ 1848 10-11

ПАНТЕОНЪ

издаваемый

Ѳ. КОНЕ.

Санктпетербургъ.

Зотовъ. — Хмѣльницкій. — Бутковъ. — Достоевскій. — Андреевъ. — Сементовскій. — Кони

II-9.
П-109.

ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ѲЕДОРОМЪ КОНИ.

1981. Ф31

ТОМЪ VII и VIII

АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ — КНИЖКА ДЕСЯТАЯ И ОДИННАДЦАТАЯ

1848.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 31-го Декабря, 1848 года.

Цензоръ *В. Лангеръ.*

Въ типографіи И. Фишона.

Содержание десятой - одиннадцатой книжек. 1848. – Т. 7 – 8.

I. Драматическая литература.
Притчи, или Эзоп у Ксанфа: комедия с куплетами, в двух действиях, соч. кн. А. А. Шаховского.

II. **Изящная словесность**.
Воля и доля: простые случаи из жизни: рассказ И. С. Юрьевой.

III. Стихотворения.
В Альбом. М. Лермантов. – Две звезды. Н. Греков. – Дорога. (Посвящ. П. О. Ш). В. Корсаков. – Признание. Н. Греков. – Лидия. Н. Голубин. – Могильный дар. Н. Греков. – Венеция. Д. Сушков. – В тоске предчувствия мятежной… Н. Греков.

IV. Похождения в дилижансе: рассказ Шпиндлера.

V. История искусства.
Рафаэль Санцио: статья Густава Планша.

VI. Юмористика.
Счастливый муж: характеристический очерк.

VII. Воспоминание актрисы
Луизы Фюзи. Глава XXIV.

VIII. Театральная летопись.
Московский театр. 30-го августа. Параша Сибирячка: драма в 2-х действиях. – Бенефис танцовщика Пешкова. Восстание в Серале: балет в 3-х действиях. Ай да французский язык!: водевиль в 1-м действии. – 3 сентября. Новый Парис: оперетка в 1-м действии. – 8 сентября. Пиковая дама. – 15 сентября. Бенефис Щепкина. Таинственные духи, или Проклятое место: волшебная опера в 4-х действиях. – Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь: драма в 5-ти действиях. – 22 сентября. Бенефис Немчинова. Благословение материнское: пьеса. – 3 октября. Бенефис Ленского. Опекун: комедия в 1-м действии. Влюбленный брат: драма в 1-м действии. Статья 213: комедия в 1-м действии. Барская спесь и гулянье на Острове. – 4 октября. Наследница: комедия в 1-м действии в стихах А. И. Писарева. 28 октября. Бенефис Живокини. Дебют Е. Андреяновой.

IX. Панорама современных театров.
Франция. Париж. Макбет. Катилина. Кандид. Миньона и Хворый лев. Черная книга. Парижские жены. Открытие Водевиля, под новым управлением, открытие итальянской оперы с новой труппой, новая опера Соважа Лукавица. Новый балет Сен-Леона «Маркитанка».

X. Смесь.
Невеста инки: астлейский театр. Обед Бетховена. Письмо из Москвы. Врач по неволе. Знаменитый парижский трагик Бокаж.

XI. Калейдоскоп.
Эммочке Жужу. Знаменитый автограф. Красавица по мнению итальянцев. Урок воспитания. Современные вопросы. Сравнение Моцарта и Россини. Забавная публикация. Вебер и Россини. Театральный аукцион. Мудрое слово. На прокат!.

XII. Балагур.

XIII. Репертуар русской сцены № 10.
Современный анекдот с жильцом и домохозяином: оригинальная шутка-водевиль в 1-м действии П. Н. Григорьева 1-го.

II-9.
П-110.
ОП
7032
7982

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

ПРИТЧИ

или

ЕЗОПЪ У КСАНѲА.

Комедія съ куплетами, въ двухъ дѣйствіяхъ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя А. А. Шаховскаго.*

—

Басни въ ней приведенныя, взяты изъ Крылова, Дмитріева, Хемницера и вновь переведены съ древнихъ языковъ авторомъ.

—

X-XI

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

КСАНѲЪ, философъ и риторъ Самосскій.
ПРАКСАГОРА, его жена
ЛЕСБІЯ, ихъ дочь.
ПЛИСѲЕНЪ, ученикъ
ЕЗОПЪ, рабъ } КСАНѲА.
МАРКЕСЪ, садовникъ

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

—

* Эта пьеса, одна изъ лучшихъ маленькихъ комедій, написанныхъ на русскомъ языкѣ, никогда еще не являлась въ печати, хотя давно уже на репертуарѣ. Покойный авторъ назначилъ ее для *Пантеона* еще при жизни, но мнѣ пришлось исполнить его желаніе только послѣ его смерти. *Редак.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ садъ при домѣ Ксанѳа.

I.

МАРКЕСЪ, потомъ **ПРАКСАГОРА** и **ЛЕСБІЯ.**

МАРКЕСЪ

Вотъ я чего не понимаю:
Цвѣты сажаю я съ умомъ,
Лелѣю, холю, поливаю!
А все ростутъ они съ трудомъ;
Напротивъ же, трава дурная
Сама собой бѣжитъ вотъ такъ,
Что я, день цѣлый вырывая,
Всей вырвать не могу никакъ!

Эта проклятая дурная трава мнѣ мозолитъ пальцы и кружитъ голову. . . . Но я спрошу объ ней Ксанѳа, моего господина,–онъ философъ; обучаетъ въ Самоссѣ логикѣ–и самъ говоритъ, что все знаетъ, то какъ же ему не знать дурной травы. . . Ба! кто это выходитъ изъ дома? Не онъ ли? Ахъ, нѣтъ, Праксагора, жена его. Она мнѣ надоѣла больше дурной травы: цѣлый день кричитъ, какъ лягушка въ болотѣ, и какъ репейникъ, во что вцѣпится, то не скоро оторвешь. . . . Она говоритъ съ дочерью, кричитъ, машетъ руками,–такъ убраться же мнѣ, пока меня не увидѣла.

ПРАКСАГОРА, *за кулисами.* Нѣтъ! этому не бывать, не бывать! . . .

МАРКЕСЪ. Проскользну между кустовъ. (*уходитъ.*)

ПРАКСАГОРА. Какъ? Чтобъ я согласилась на эту глупость? Какъ? Чтобъ дочь Ксанѳа, перваго философа въ Самоссѣ, а что еще больше: почти перваго богача, вышла за Плисѳена Амморіонца, послѣдняго изъ учениковъ, и что еще хуже: за бѣдняка?

ЛЕСБІЯ. Твое разсужденіе, матушка, недостойно супруги философа, который совсѣмъ другое проповѣдуетъ.

Вчерашняго его урока
Еще полна вся голова:
Ахъ! въ сердцѣ и въ умѣ глубоко
Мнѣ врѣзались его слова:
«*Къ богатству жадность–мать пороковъ!*»
Онъ говорилъ ученикамъ. . .

ПРАКСАГОРА.

Онъ говорилъ: однакожъ самъ
Имъ даромъ не давалъ уроковъ?

Отецъ твой, какъ философъ, учитъ тому, что велитъ философія, а дѣлаетъ то, что ему или мнѣ надобно, и беретъ чистымъ золотомъ за свои уроки. Да что было–бы путнаго въ философіи, еслибъ она не приносила пользы?

ЛЕСБІЯ. Такъ почему же и Плисѳенъ, набравшись у Ксанѳа Философіи, за послѣднее свое золото, не можетъ и самъ преподавать ее другимъ и разбогатѣть такъ–же, какъ батюшка.

ПРАКСАГОРА. А потому, что онъ два года какъ пріѣхалъ изъ Амморіона, а еще, по словамъ Ксанѳа, не научился логически говорить, объяснять, доказывать, убѣждать, и прочая.

ЛЕСБІЯ.

А я такъ увѣрена въ противномъ.

Чтобъ о любви понятье дать,
Учитель говорилъ прекрасно;
Но мнѣ, признательно сказать,
Казалось что–то все неясно.
Бывало мысли углублю,
Постичь стараюсь, — все напрасно:
А *ученикъ* сказалъ: люблю!
И все мнѣ сдѣлалося ясно.

ПРАКСАГОРА. О! что касается до любви, то это самая слабая часть Ксанѳовой Логики; онъ никогда объ ней не умѣлъ говорить порядочно. . . . Но я не хочу, чтобы ты говорила съ Плисѳеномъ, не только о любви, но о чемъ бы то ни было. По милости его, ты ужъ сдѣлалась не такъ привержена къ родителямъ и къ богамъ.

ЛЕСБІЯ. Напротивъ, батюшка находитъ, что я никогда не была такъ къ нему привержена: я не пропускаю ни одного урока! А съ тѣхъ поръ, какъ узнала Плисѳена, то еще больше прежняго люблю боговъ.

ПРАКСАГОРА. А это отчего?

ЛЕСБІЯ.

Отецъ мой, геніемъ высокимъ
Постигнувъ тайны существа,
Училъ: почтеніемъ глубокимъ
Платить за благость божества;
Плисѳенъ же, уступя ученью
И знаньямъ моего отца,
Вдохнувъ въ меня любовь къ творенью,
Заставилъ обожать Творца.

ПРАКСАГОРА. Такъ ты, пожалуй, прикажешь благодарить его за твое воспитаніе? . . . Да вотъ отецъ твой: посмотримъ, будетъ ли онъ ему благодаренъ!

II.

ТѢЖЕ и КСАНѲЪ.

ПРАКСАГОРА. Поди, великій философъ, упади на колѣна передъ мальчикомъ! Скажи ему, что ты передъ нимъ, со всей твоей логикой, совершенный глупецъ.

КСАНѲЪ. Что ты говоришь? Предъ кѣмъ я глупецъ?

ПРАКСАГОРА. Предъ ученикомъ твоимъ, который ей объясняетъ то, чего ты объяснить не умѣешь.

КСАНѲЪ. Какъ! Онъ объясняетъ то, чего Ксанѳъ объяснить не умѣетъ. . . . Ха, ха, ха! . . . Я бы хотѣлъ знать, кто это говоритъ и кто этому вѣритъ?

ПРАКСАГОРА. Вотъ она—и говоритъ, и вѣритъ.

КСАНѲЪ. Дочь моя . . . кровь моя . . . . можетъ вѣрить . . . . Нѣтъ, нѣтъ, Праскагора, ты ослышалась!

ЛЕСБІЯ. Нѣтъ, батюшка, я говорила, что хотя краснорѣчіе твое прекрасно, но ученикъ твой, не смѣя равняться съ тобою ученостью, знаніемъ и геніемъ, заставляетъ сердце чувствовать то, въ чемъ ты убѣждаешь разсудокъ.

КСАНѲЪ. А! это другое дѣло . . . .

ПРАКСАГОРА. Ты только слышалъ о своемъ краснорѣчіи, знаніи, учености, чести, убѣжденіи и разсудкѣ: да дѣло все не въ нихъ, а въ сердцѣ.

КСАНѲЪ. Но сердце должно покорятся разсудку; разсудокъ убѣждается краснорѣчіемъ; краснорѣчіе совершенствуется уче-

ностью, а ученость постигается геніемъ, этимъ огнемъ, похищеннымъ съ небесъ Промеѳеемъ, этимъ участкомъ божества, который мы называемъ душею, безсмертнымъ духомъ, вдохновеніемъ,— и передъ которымъ сердце, какъ вещественность, и потому жертва тлѣна, не можетъ и не должно ничего значить.

ЛЕСБІЯ. Можетъ быть; только . . . .

КСАНѲЪ. Что? . . . Что? . . . Говори, я люблю слушать и поправлять твои разсужденія.

ЛЕСБІЯ.

Разсудокъ, знанія и геній,
Огнь Промеѳея, иль душа,
Насъ ставятъ выше всѣхъ твореній,
Понятье о богахъ внуша;
Но сердце, эта жертва тлѣна,
Располагаетъ душу въ насъ,
Любить . . . .

ПРАКСАГОРА.

Кого?

ЛЕСБІЯ.

Обоихъ васъ.

ПРАКСАГОРА.

Прибавь: а больше васъ—Плисѳена.

КСАНѲЪ. Плисѳена!

ПРАКСАГОРА. Да, Плисѳена, Плисѳена, слышишь ли ты? Плисѳена.

КСАНѲЪ. Какъ! развѣ я ей не говорилъ, что Плисѳенъ не можетъ быть ея мужемъ? Я объяснилъ ей это очень ясно.

ПРАКСАГОРА. Можетъ быть и ясно; только напрасно. Она любитъ Плисѳена, и твои объясненія ни къ чему не годятся. Скажи-ка лучше просто, какъ я говорю: не бывать тебѣ за Плисѳеномъ, не входить ему въ домъ мой.

КСАНѲЪ. Да чтожъ ты этимъ доказываешь?

ПРАКСАГОРА. А то, что я мать, и что такъ хочу, — вотъ и все.

КСАНѲЪ. И твое *все* — ровно *ничего* не значитъ по Логикѣ.

ПРАКСАГОРА. Да значитъ *все* въ моемъ домѣ! Не ты ли самъ мнѣ далъ во всемъ домашнемъ полную власть? . . . . Я не мѣшаю твоей учености, а ты не мѣшай моему хозяйству.

КСАНѲЪ. Да дочь моя принадлежитъ къ учености, она ходитъ въ мою школу.

ПРАКСАГОРА. А еслибъ она не ходила въ твою школу, то

не выучилась бы любить Плисѳена; а умѣла бы стряпать кушанье; была бы послушной дочерью, хорошей женою . . . . .

КСАНѲЪ. Которая бы шумѣла, кричала и не давала покоя своему мужу.

ПРАКСАГОРА. Какъ? Что ты хочешь этимъ сказать?

КСАНѲЪ. Я хочу сказать, что дочь моя не должна думать о Плисѳенѣ . . . . Или, лучше сказать, она можетъ объ немъ думать, ибо мысли имѣютъ свободную волю; но не можетъ выдти за него, потому, что счастливое супружество, какъ и всякое условіе, требуетъ совершенной свободы и равенства; а такъ какъ, во первыхъ: дочь зависитъ отъ воли родителей, и потому дѣйствія ея не свободны; а во вторыхъ: Плисѳенъ бѣденъ, а она богата, то между ними и нѣтъ совершеннаго равенства.

ЛЕСБІЯ. Если бы мнѣ позволили, то я могла бы доказать. . . . .

ПРАКСАГОРА. Не позволяю.

КСАНѲЪ. Позволимъ ей, мой другъ . . . . Не ужели ты думаешь, что ея доказательства могутъ быть сильнѣе моихъ? Говори.

ЛЕСБІЯ. Противъ перваго, я не смѣю ничего говорить, а противъ втораго скажу: Плисѳенъ, конечно, теперь бѣденъ; но, обучаясь у славнѣйшаго философа, онъ можетъ со времянемъ сдѣлаться тоже богатымъ, какъ и его учитель.

КСАНѲЪ. Да, многіе мои ученики, и изъ самыхъ непонятливыхъ, сдѣлались учителями въ другихъ мѣстахъ. Но я говорилъ не о будущемъ, а о настоящемъ.

ЛЕСБІЯ.

А въ настоящемъ, мы равно
Несчастны отъ богатства оба,
Равно страдать намъ суждено,
Равно клялись любить до гроба,
Равно, безъ скорби, этотъ свѣтъ
Оставить въ насъ душа готова:
И вотъ безъ равенства какого
Въ супружествѣ блаженства нѣтъ.

ПРАКСАГОРА. Ну, мудрецъ! Каково доказано?

КСАНѲЪ. Право не дурно.

ПРАКСАГОРА. Нѣтъ, очень дурно. А гораздо бы лучше было, еслибъ ты запретилъ ей ходить въ твой школьный портикъ, которой бы я давно сожгла, еслибъ онъ не приносилъ намъ дохода.

КСАНѲЪ. И ты бы открыла новое средство гасить огнемъ свѣтъ просвѣщеніе. . . . Но оставимъ это; а поговоримъ о томъ, что до тебя касается.

ПРАКСАГОРА. А что до меня касается?

КСАНѲЪ. Хозяйство. Ты желала, чтобы я тебѣ купилъ невольника, для поварни,–я купилъ.

ПРАКСАГОРА. И вѣрно какого нибудь полуученаго всезнайку?

КСАНѲЪ. Напротивъ; когда я его спросилъ: что онъ знаетъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: *ничего*! — и я его взялъ въ свой домъ, чтобъ доказать, какъ двѣ противоположности сходятся вмѣстѣ.

ПРАКСАГОРА. Да гдѣ жъ онъ и каковъ собою?

КСАНѲЪ. Вообрази себѣ молодаго, очень стройнаго человѣка, съ голубыми глазами, съ свѣтлыми волосами, съ кораловымъ ртомъ, съ жемчужными зубами. . . . .

ПРАКСАГОРА. Ну, такъ чтожъ?

КСАНѲЪ. И ты совершенно увидишь противное этому.

ПРАКСАГОРА. Такъ ты купилъ урода?

КСАНѲЪ. Да, онъ можетъ почестся совершенствомъ въ своемъ родѣ — т. е. въ безобразіи.

ПРАКСАГОРА. Кого-же ты хочешь имъ пугать?

КСАНѲЪ. Онъ именно просилъ меня купить его, потому, что очень полезенъ для маленькихъ дѣтей: когда они разблажатся, то стоитъ его показать, — и они, отъ страха, ради будутъ все дѣлать.–Ну, я его и купилъ.

ПРАКСАГОРА. Да кого-жъ ты имъ хочешь усмирять? ужъ не меня ли?

КСАНѲЪ. Развѣ ты дитя?

ЛЕСБІЯ. Ахъ! какъ я хочу видѣть этаго пугалу. . . . .

КСАНѲЪ. Я его оставилъ за оградой; поди, позови его.

ЛЕСБІЯ. Тотчасъ. . . . (*бѣжитъ за кулисы и кричитъ*:) Ахъ!

ПРАКСАГОРА. Что сдѣлалось?

КСАНѲЪ. Ничего, она увидѣла моего Езопа; и ведетъ его. . . . .

—

II.

ТѢЖЕ и ЕЗОПЪ.

ПРАКСАГОРА. Боги! Что за чудовище!

ЛЕСБІЯ. И я сначала его испугалась. . . . А теперь не могу удержаться отъ смѣха.

ПРАКСАГОРА.

Нѣтъ, я на этого урода
Смотрѣть безъ страха не могу.

Да въ немъ поругана природа:
И развѣ нынче на торгу
Однихъ чудовищъ продавали,
И ты получше не нашелъ?

Езопъ.

Орловъ къ орлицамъ разобрали,
И онъ къ тебѣ сову привелъ.

ПРАКСАГОРА. Что ты говоришь?

ЕЗОПЪ. Я говорю, что твой мужъ меня къ тебѣ привелъ.

ПРАКСАГОРА. Да ты что-то прежде сказалъ.

ЕЗОПЪ. Я прежде молчалъ, и думалъ.....

ПРАКСАГОРА. А что ты думалъ?

ЕЗОПЪ. Я думалъ, что въ томъ домѣ, гдѣ нѣтъ маленькихъ дѣтей, какъ мнѣ сказалъ мой господинъ, я не услышу дѣтскаго разсужденія.

ПРАКСАГОРА. Какъ дѣтскаго? Что ты хочешь сказать?

ЕЗОПЪ Притчу, если ты позволишь.

ПРАКСАГОРА. Я ничего тебѣ не позволяю.

КСАНѲЪ. И душа моя, пусть онъ говоритъ: ты, услыша его слова, можешь вѣрнѣе рѣшишь, оставить его намъ, или нѣтъ. — Говори.

ЕЗОПЪ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать, къ отцу онъ приступаетъ,
Что этакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ
Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ!
Которая тебя такъ много забавляетъ?
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ.
— Вотъ, батюшка, она! — сказалъ.
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньи:
»Какія перушки! Куда, какъ онъ пригожъ!
»Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!«
Вотъ дѣтское сужденье.

Да полно и въ житействѣ тожъ:
О людяхъ многіе по виду заключаютъ.
Кто наряженъ, богатъ, пригожъ,
Того и умнымъ почитаютъ.

КСАНѲЪ. Да эта басня не безъ ума. . . .

ПРАКСАГОРА. Напротивъ, совсѣмъ глупа.

КСАНѲЪ. Позвольте мнѣ судить объ умѣ,—это мое дѣло.

ПРАКСАГОРА. Ты можешь судить объ умѣ; а я сужу о глупости; только не о своей, а о твоей.

КСАНѲЪ. Праксагора, мнѣ кажется, ты забываешь съ кѣмъ ты говоришь.

ПРАКСАГОРА. Я говорю съ человѣкомъ, который всѣхъ учитъ уму, а самъ дѣлаетъ глупости. . . . На что ты привелъ этого урода?—Мнѣ нуженъ поваръ, а не шутъ съ побасенками; мнѣ надобенъ человѣкъ, а не чудовище. Я его не хочу видѣть.

КСАНѲЪ. Если ты не хочешь его имѣть при себѣ, то я его возьму; пусть онъ будетъ служить мнѣ, прибирать мой портикъ, приготовлять мои хартіи и слушать мои уроки.

ПРАКСАГОРА. Я не хочу, чтобы онъ жилъ въ моемъ домѣ, чтобы онъ служилъ тебѣ, чтобъ слушалъ твои уроки, до которыхъ, впрочемъ, мнѣ нѣтъ дѣла.

КСАНѲЪ. А когда тебѣ нѣтъ дѣла, то позволь ему. . .

ПРАКСАГОРА. Не позволяю. . .

КСАНѲЪ. Да почему же?

ПРАКСАГОРА. Такъ.

КСАНѲЪ. Да что доказываетъ твое *такъ*?

ПРАКСАГОРА. Что-бы оно ни доказывало, а я не непозволяю.

КСАНѲЪ. Постыдись, хотя его: что онъ скажетъ? . . .

ЕЗОПЪ. А вотъ, что я скажу:

Собака на сѣнѣ лежала,
И солнышкомъ пригрѣтая, слегка
Какъ будто задремала.
Тутъ бѣдный волъ, не ѣвши ни клочка,
Все утро провозяся съ плугомъ,
Проходитъ скошеннымъ до чиста лугомъ,
И видитъ сѣно. Ну какъ сѣнца не много не поѣсть?
Волъ издали къ нему протягиваетъ губы.
Оскалила собака зубы,
Щетиной поднялася шерсть,

Ворчитъ; а волъ тишкомъ подходитъ ближе,
Собака взлаяла: и Волъ, направя лыжи,
Крутя хвостомъ, мычитъ:
Собака ты презлая,
Не убыль для тебя какая,
Что съѣмъ я клокъ сѣнца: ты пользуешься-ль имъ?
Сама не ѣшь-и не даешь другимъ.

КСАНѲЪ. Изрядно. . . очень изрядно.

ПРАКСАГОРА. Этотъ уродъ, кажется, сравниваетъ меня съ собакой: а ты его похваливаешь! Такъ пусть я, по его, собака; да ученье твое не лучше сѣна; оно, кромѣ ословъ и воловъ, ни для кого не годится. . . ѣшь его самъ, и убирайся съ этимъ уродомъ, или отдай мнѣ мое приданое, и я васъ здѣсь обоихъ оставлю. Смѣшите вдвоемъ весь городъ,-и пусть знаютъ, что Ксанѳъ промѣнялъ жену на урода; что Ксанѳъ учитъ всѣхъ презирать богатство для того, чтобы собирать его; что онъ говоритъ, какъ философъ, а поступаетъ какъ. . .

КСАНѲЪ. Молчи! . . .

ПРАКСАГОРА. Мнѣ молчать?-Нѣтъ, этого не будетъ: я стану кричать здѣсь, тамъ, вездѣ. . . . Но не могу видѣть этого урода и потому только ухожу. (*уходитъ.*)

КСАНѲЪ. Нѣтъ, я за ней пойду, и скажу ей. . .

ЕЗОПЪ. Не говори; она не услышитъ.

КСАНѲЪ. Я стану кричать.

ЕЗОПЪ. Все таки не услышитъ; досада хуже глухоты.

КСАНѲЪ. Но я уничтожу ея досаду силой доказательствъ.

ЕЗОПЪ. Алкидъ и сильнѣе тебя былъ, а не могъ сладить.

КСАНѲЪ. Съ кѣмъ?

ЕЗОПЪ. Съ Раздоромъ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесной,
Однажды, проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ,
Стезей опасною и тѣсной,
Вдругъ видитъ на пути, свернувшись, будто ёжъ,
Лежитъ, чуть видное—не знаетъ, что такое:
Онъ раздавитъ его хотѣлъ пятой. И чтожъ?
Оно раздулося и стало больше вдвое.
Отъ гнѣва вспыхнувъ тутъ, Алкидъ,
Тяжелой палицей своей его разитъ.
Глядитъ,
Оно становится страшнѣе съ виду.

Толстѣетъ, бухнетъ и ростетъ,
И заслоняетъ путь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи, недвижимъ.
Тогда ему Аѳина вдругъ предстала.
«Оставь напрасный трудъ, мой братъ,» она сказала.
«Чудовищу сему названіе: *Раздоръ*.
«Не тронуто–его едва примѣтитъ взоръ;
«Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться,
«Оно отъ браней лишь тучнѣе становится,
И выростаетъ выше горъ.»

ксанѳъ. Я надѣюсь, что мы подымемъ нашу ношу, хотя она, признаюсь, и тяжела. . . Прощай, я иду къ Праксагорѣ. У меня будутъ ужинать нѣсколько пріятелей;–я заговорю ей о столѣ между блюдами поднесу тебя,–и надѣюсь, что моя логика, будетъ достаточной тебѣ приправой.

(*уходитъ*)

—

IV.

ЛЕСБІЯ и ЕЗОПЪ.

езопъ. Ты, я думаю, знаешь нравъ твоей матушки, то какъ думаешь: закроетъ ли его логика мои горбы?

Лесбія.

У батюшки съ ней логика простая:
Онъ *говоритъ*; она *кричитъ* свое,
И онъ, во всемъ ей будто уступая,
Все дѣлаетъ, что хочетъ изъ нее.
Въ другихъ мѣстахъ, жена своимъ покорствомъ
Надъ мужемъ будто надъ рабомъ властна;
А здѣсь женой владѣетъ мужъ потворствомъ,
А думаетъ имъ властвовать жена.

езопъ. А! понимаю: его философія жалуетъ лесть.

лесбія. Ахъ нѣтъ; онъ вчера еще говорилъ ученикамъ своимъ очень сильно противъ лести.

ЕЗОПЪ.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнустна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да призадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ.
Лисица видитъ сыръ, - лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву, на цыпочькахъ, подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ, такъ сладко, чуть дыша:
» Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтикъ, не стыдись.-Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была Царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперла
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ - съ нимъ была плутовка такова.

ЛЕСБІЯ. Знаешь ли, что ты меня очень забавляешь своими баснями: и я рада, что хотя онѣ заставляютъ меня забыть на минуту мое несчастіе.

ЕЗОПЪ. Ахъ, какъ бы я радъ былъ, еслибы онѣ меня заставили забыть мое горестное положеніе.

ЛЕСБІЯ. Какое?

ЕЗОПЪ. Я родился во Фригіи; отецъ мой оставилъ мнѣ въ наслѣдство свое рабство: и вотъ уже меня въ третій разъ продаютъ, какъ рабочую лошадь.

ЛЕСБІЯ. Да, это ужасно! Но утѣшься! — у насъ ты будешь счастливъ, батюшкѣ ты полюбился, матушкѣ полюбишься, а я тебя очень полюбила; житье въ нашемъ домѣ очень хорошое: спроси у Маркеса, нашего садовника, желаетъ ли онъ насъ оставить? Онъ всегда веселъ, поетъ.

ЕЗОПЪ. Я этому всему вѣрю; но вотъ что объ этомъ поетъ знакомая мнѣ птичка.

Задумалъ кто-то птицъ ловить
И западню имъ выставляетъ,
Наклавъ въ нее всего довольно-ѣсть и пить.
А чтобы птицъ еще вѣрнѣе приманить,
Обманъ къ обману прибавляетъ,
И птичку въ западню сажаетъ,
Которую словилъ.
Когда-же онъ такой обманъ употребилъ,
Чтобъ птичка, въ клѣткѣ разпѣвая,
Другимъ приманкою была,
И, голосомъ своимъ прельщая,
Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ на добро, звала,
Одна изъ птичекъ подлетѣла,
И къ западнѣ, на голосъ птички той,
Подсѣла.
Заглядываетъ къ ней со стороны, съ другой;
Но вдругъ, подумавши съ собой,
»Нѣтъ, говоритъ: хоть сколько ты ни пой,
Сомнителенъ мнѣ голосъ твой,
Не спроста здѣсь и ты, да и запасъ такой!
Я, правда, цѣлой день не ѣла,
Однако въ тѣсноту такую не пойду;
А въ поле полечу; тамъ кормъ себѣ найду,
Какой я и всегда, хоть и съ нуждой, имѣла;
А здѣсь готовое даютъ и ѣсть и пить,
Да только тѣсно жить!«

ЛЕСБІЯ. Ахъ! я и сама думаю, какъ эта птичка; и постаралась бы вылетѣть изъ западни.

ЕЗОПЪ. И я постарался бы, да вотъ въ чемъ бѣда:

✦

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободу получить?
Да надобно за все, подумавъ, приниматься,
Чтобы большой бѣды отъ малой не нажить.
Собака привязи избавиться хотѣла,
И привязь стала было рвать;

Не рвется привязь: ну, грызть ее. . . . и переѣла.
Но тою жъ привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежняго собаку привязали.

ЛЕСБІЯ. Да, это можетъ случиться; но у кого же ты прежде служилъ?

ЕЗОПЪ. Я долго былъ слугою въ Амморіонѣ.

ЛЕСБІЯ. Въ Амморіонѣ?

ЕЗОПЪ. Да, и надѣялся выдти на волю. Обо мнѣ старался сынъ господина моего, юноша добрый, прелестный, умный. . . .

ЛЕСБІЯ. Юноша добрый, прелестный? . . . Ахъ! какъ мое сердце забилось. . .

ЕЗОПЪ. Отчего?

ЛЕСБІЯ. Такъ. А какъ зовутъ его?

ЕЗОПЪ. Плисѳенъ, сынъ Калистратовъ.

ЛЕСБІЯ.

Плисѳенъ! я тотчасъ угадала;
И ошибиться не могла;
Его я имя не слыхала,
А, кажется, сейчасъ – бы назвала.
Онъ точно юноша прелестный,
Со всѣми ласковъ, добръ и милъ;
И самъ ты человѣкъ пречестный,
Когда тебя онъ полюбилъ.

ЕЗОПЪ. Онъ меня очень любилъ; да не такъ страстно, какъ тебя.

ЛЕСБІЯ. А ты это почему знаешь?

ЕЗОПЪ По глазамъ твоимъ. – Такъ онъ бываетъ здѣсь?

ЛЕСБІЯ. Всякой день; онъ ученикъ батюшкинъ; и я дивлюсь, что еще его нѣтъ здѣсь. Плисѳенъ никогда къ урокамъ не опаздывалъ.

—

VI.

ТѢЖЕ и ПЛИСѲЕНЪ.

ПЛИСѲЕНЪ. А развѣ онъ опоздалъ?

ЛЕСБІЯ. Какъ бы ты рано ни пришелъ, но мнѣ все кажется, что поздо. Но посмотри сюда . . . . .

плисѳенъ. Ахъ, Езопъ, другъ мой! Ты ли это?

езопъ. Меня еще, благодаря матери моей природѣ, никто не принималъ за другаго.

плисѳенъ. Какъ я радъ! Ты здѣсь: стало быть отецъ мой сдержалъ слово, онъ далъ тебѣ свободу.

езопъ. Онъ все дожидался . . . . .

плисѳенъ. Вѣрно моего возвращенія?

езопъ. Моей дряхлости.

плисѳенъ. Что это значитъ?

езопъ. А вотъ что:

✣

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало;
Не конь, а кладъ,
Какъ говорятъ.
Скупаго барина такого не бывало,
И только одного коня онъ и держалъ,
Которой въ домѣ всю работу исправлялъ,
Какую бы и тремъ исправить въ пору было.
Конь сколько могъ служилъ; но время наступило,
Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служить.
И по прямому бъ надлежало
Изъ благодарности, коня по смерть кормить.
Но чувства въ баринѣ такого небывало;
Конь въ тягость сталъ; онъ шлетъ его продать.
Но дряхлаго коня кто станетъ покупать?
Ведутъ его назадъ. «Ну, не хочу я болѣ,»
Хозяинъ осердясь сталъ людямъ говорить,
«Безпрокаго коня кормить:
Сгоните въ поле;
Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ:
Какой еще награды ожидать?—»
И бѣднаго коня велѣлъ онъ со двора согнать.

плисѳенъ. Возможноль, чтобъ отецъ мой такъ думалъ! . . . Я его просилъ . . . .

езопъ. Да ты-же просилъ, чтобъ онъ присылалъ тебѣ денегъ, для окончанія твоего ученья: и такъ вторая твоя просьба убила первую,-и онъ продалъ меня.

Плисѳенъ. И я же былъ причиною твоего несчастія!

езопъ. Это еще не рѣшено; воля боговъ неисповѣдима. Почему знать, что она меня не привела сюда для того, чтобы я

былъ тебѣ полезенъ, за добро, которое ты мнѣ сдѣлалъ или хотѣлъ сдѣлать: это все равно передъ богами.

плисѳенъ. Но чемъ ты можешь мнѣ помочь въ твоемъ несчастномъ положеніи?

езопъ. Я это столько же знаю, какъ и ты; но ты мнѣ сдѣлалъ или хотѣлъ сдѣлать добро: и боги воздадутъ тебѣ за твое намѣреніе. Я ничтожный рабъ и, какъ муравей, несу на плечахъ ношу, наброшенную природою, а сверхъ ея, часто и ту, которую кладутъ господа мои; но и я, какъ муравей, могу изъ благодарности помочь тебѣ.

✦

Попался муравей
Нечаянно въ ручей,
И въ немъ бѣдняжка тонетъ.
По счастью голубокъ пилъ воду изъ ручья,
Увидѣлъ, сжалился. Кого не тронетъ
Бѣда чужая, тотъ не голубь, а змѣя.
И голубь крылошко разсправилъ,
Спустилъ въ ручей, черпнулъ имъ, вынулъ муравья,
Стряхнулъ—и обсыхать на берегу оставилъ.
А самъ, межъ перушекъ заткнувъ носокъ,
Поправилъ ихъ, вспорхнулъ и на кустокъ,
Заворковалъ,–и вовсе не примѣтилъ,
Что къ берегу подкравшися, стрѣлокъ
Ужъ натянулъ свой лукъ, въ него стрѣлу намѣтилъ,
И голубкова жизнь была на волоскѣ;
Но муравей подползъ,–и, слава Богу,
Стрѣлка ужалилъ въ ногу.
Стрѣлокъ вздрогнулъ, затрясся лукъ въ рукѣ,
Ослабла въ пальцахъ сила,
Стрѣла сорвалась съ тетивы:
И выше головы
Надъ голубкомъ сучекъ свалила.
Такъ голубкова жизнь спаслась
Ничтожнымъ муравьемъ, котораго онъ спасъ.

плисѳенъ. А! я помню, какъ ты эту притчу говорилъ мнѣ, качая меня на своихъ колѣнахъ . . . . Знаешь ли, Лесбія, что Езопъ, какъ ты его видишь, признанъ въ моемъ отечествѣ восьмымъ чудомъ?

езопъ. А Езопъ не признаетъ и семи; они можетъ быть поумнѣе другихъ: но мудрость–тамъ; глупость — здѣсь.

ЛЕСБІЯ. Однако батюшку всѣ считаютъ мудрецомъ.

ПЛИСѲЕНЪ. Да, онъ самъ увѣряетъ, что все знаетъ.

ЕЗОПЪ. Тѣмъ лучше,–и мы это увидимъ на дѣлѣ.

ЛЕСБІЯ. Ахъ! какъ мнѣ совѣстно, что я давича надъ тобою смѣялась . . . . Ты не сердишься на меня?

ЕЗОПЪ. Еслибы я сердился на всѣхъ, кто надо мною смѣялся, то у меня и сердца не достало–бы. Но растолкуй мнѣ хорошенько, за что Ксанѳъ не хочетъ васъ соединить?

ЛЕСБІЯ. Онъ это тебѣ растолкуетъ; а я боюсь, чтобъ матушка сюда не пришла . . . . Сбѣгаю, посмотрю, что тамъ дѣлается и прибѣгу назадъ. До свиданья. (*уходитъ*)

—

VII.

ЕЗОПЪ и ПЛИСѲЕНЪ.

ЕЗОПЪ. Поздравляю: она прелестна.

ПЛИСѲЕНЪ. Ахъ! я это чувствую . . . . Но поздравлять не съ чемъ; я самый несчастный человѣкъ.

ЕЗОПЪ. И ты это говоришь Езопу, который съ ребячества не жилъ ни одной минуты, какъ бы онъ хотѣлъ.

ПЛИСѲЕНЪ. Конечно, это горестно; однакожъ ты всегда казался веселымъ.

ЕЗОПЪ. Не только казался, а былъ веселъ въ самомъ дѣлѣ. Но веселость не счастье. Имѣй я свой уголокъ, гдѣ бы могъ дѣлать, что захочу, тогда бы я не позавидовалъ никому въ свѣтѣ;– и умѣлъ бы скрыть себя отъ чужой зависти.

✦

Между репейникомъ и розовымъ кустомъ,
Фіялочка себя отъ зависти скрывала,
Безвѣстною была и горести не знала.
Тотъ счастливъ, кто своимъ доволенъ уголкомъ.

ПЛИСѲЕНЪ. И потому я несчасливъ, что не доволенъ цѣлымъ свѣтомъ.

ЕЗОПЪ. Плисѳенъ, ты любимъ . . . . А я! . . . . видишь . . . . .

плисѳенъ.

Кто нѣжною пылая страстью,
Любви ни въ комъ не возжигалъ,
Тотъ былъ несчастливъ: но несчастью
Другихъ съ собой не подвергалъ.
Я Лесбію люблю такъ страстно,
Она въ любви открылась мнѣ;
Но чрезъ меня она несчастна,
И такъ: несчастливъ я вдвойнѣ.

езопъ. Я вижу, что ты учился Логикѣ,—и учитель твой долженъ быть доволенъ тобою. . . Но отчего же онъ не выдаетъ за тебя дочери?

плисѳенъ. Отъ скупости и самолюбія.

езопъ. Да; эти двѣ болѣзни много дѣлаютъ худаго, а иногда, ошибкой, и хорошаго; но съ ними еще можно сладить.

плисѳенъ. Нѣтъ, невозможно!

езопъ. Что кажется невозможнымъ одному, то бездѣлица для другаго.

✦

Купались карлики; къ нимъ великанъ пришелъ
И тожъ хотѣлъ
Купаться;
Да видишь, для него рѣка,
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.
Онъ началъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли, гдѣ глубина?
« Поди туда,» ему сказали:
« Вотъ тамъ она; »
И мѣсто указали.—
Однакоже рѣка
Для великана все мелка;
Нельзя ему купаться.
Еще у нихъ онъ добиваться.—
« Ну! говорятъ: такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли. »
Но все, гдѣ карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ великанъ.
Иному такъ въ дѣлахъ и лужа океанъ.

плисѳенъ. Нѣтъ, я чувствую, что я не великанъ и утону въ моемъ несчастіи.

езопъ. Не утонешь, если не будешь отчаяваться. Слушай, Плисѳенъ; я, можетъ быть, ошибаюсь; по мнѣ кажется, что я видѣлъ средство противъ Ксанѳовай скупости.

плисѳенъ. Какое? Гдѣ?

езопъ. Входя въ Самосъ, я у самыхъ городскихъ воротъ долженъ былъ ожидать купца, который привезъ меня сюда: никто изъ живыхъ не хотѣлъ со мною говорить, такъ я пошелъ бесѣдовать съ мертвыми: и между гробницъ увидѣлъ четвероугольный камень, въ который врѣзана мѣдная доска, съ надписью, составленной изъ заглавныхъ буквъ. Этотъ камень на правой сторонѣ, въ пятнадцати шагахъ отъ дороги, подъ большимъ кипарисомъ, между гробницъ Плутонова жреца и Лезбосской прелестницы. Ты замѣть его днемъ, вырой вечеромъ подъ нимъ яму, и что тамъ найдешь, принеси сюда и съ доскою.

—

VIII.

ТѢЖЕ, КСАНѲЪ И ПРАКСАГОРА.

ксанѳъ. Праксагора, по добротѣ своей, позволяетъ тебѣ остатся въ нашемъ домѣ.

праксагора. Да; хотя я и не могу смотрѣть на тебя безъ ужаса.

езопъ. Такъ продай меня лучше, черезъ это мы оба выиграемъ.

праксагора. Что это значитъ?

езопъ. Мы оба избавимся отъ неудовольствія: ты не будешь видѣть моего безобразія, а я не стану тебѣ его показывать.

праксагора. Нѣтъ, я ужъ рѣшилась говорить съ тобою, не глядя на тебя; вотъ такъ. . . Ба! зачѣмъ здѣсь Плисѳенъ?

плисѳенъ. Я пришелъ слушать уроки мудраго Ксанѳа.

ксанѳъ. Ты знаешь, что уроки мои начнутся черезъ два часа, не прежде.

ПЛИСѲЕНЪ. Я боялся опоздать и потерять минуту.

ПРАКСАГОРА. Вишь какъ уроки мудраго Ксанѳа приманчивы.

ПЛИСѲЕНЪ.

Греція объ этомъ знаетъ,
Вся Азія согласна въ томъ,
Что Ксанѳа мудрость привлекаетъ
Того, кто хочетъ быть съ умомъ.
И это также всѣмъ извѣстно.
Что Ксанѳъ такъ знаніемъ великъ,
Что самъ учителемъ всемѣстно
Его быть можетъ ученикъ.

КСАНѲЪ. Да, это многіе говорятъ.

ПРАКСАГОРА. Не вѣрь всему, что говорятъ; а повѣрь мнѣ; что онъ и слушать бы не хотѣлъ твоей мудрости, безъ другой приманочки.

ЕЗОПЪ

Когда бъ приманчивость людьми не управляла,
Къ нему бъ тогда годился свѣтъ?
Куда бъ и не идти, теперь иной идетъ:
Приманчивость ведетъ!
А эта мысль мнѣ вотъ съ чего припала.
Я видѣлъ, лошадь возъ съ каменьями везетъ,
И очень лошадь ужъ устала.
Возъ сѣна впереди идетъ;
Но, чтобъ до сѣна ей добраться,
Она, хоть черезъ мочь, готова надсѣдаться;
И такъ впередъ все шла, да шла,
Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

ПРАКСАГОРА. Да это опять притча: а я ихъ терпѣть не могу.

КСАНѲЪ. Но за что же, мой другъ?

ПРАКСАГОРА. А за то, что я не хочу, что-бы меня, тебя и всѣхъ честныхъ людей равняли съ собаками, волами и ослами.

КСАНѲЪ. Но это игра ума.

ПРАКСАГОРА. А я не люблю ума.

КСАНѲЪ. Но я ужъ тебѣ доказывалъ, что умъ есть лучшій даръ боговъ.

ПРАКСАГОРА. Такъ мнѣ стыдно за боговъ, если они бросаютъ свой даръ на такихъ ничтожныхъ тварей; развѣ мало есть порядочныхъ людей, которымъ бы онъ очень пригодился: и на что рабу умъ? Дѣлай что велятъ—вотъ и все.

КСАНѲЪ. На то, чтобъ повиноваться, надобно имѣть не менѣе ума, какъ и на то, чтобы повелѣвать. Я это всякой день твержу моимъ ученикамъ, и знаешь ли ты, что Езопъ, какъ сказывала мнѣ дочь, почитался въ своей землѣ мудрецомъ.

ПЛИСѲЕНЪ. Да; весь Амморіонъ знаетъ наизусть его басни и слава его должна быть тебѣ извѣстна. . . .

КСАНѲЪ. Да, да, я очень знаю, что Езопъ. . . . Но я думалъ, что это другой . . . и радуюсь, что имѣю въ домѣ моемъ человѣка, который хотя въ Амморіонѣ слылъ за мудреца.

ПРАКСАГОРА. А я такъ совсѣмъ не радуюсь; мнѣ и тебя одного слишкомъ довольно . . . Да гдѣ же онъ учился?

ЕЗОПЪ. Въ лучшей въ свѣтѣ школѣ?

КСАНѲЪ. Какъ въ лучшей въ свѣтѣ школѣ?

ЕЗОПЪ.

Скрипица дюжинна упала и разбилась;
Скрыпачъ ее склеилъ,
И скрипка изъ дурной — прекрасной очутилась.
Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣдствій былъ.

КСАНѲЪ. (*хохача.*) Презабавная притча?

ПРАКСАГОРА. Какъ, опять притча! . . . Да если ты еще скажешь хоть полпритчи, то тебя самаго я сдѣлаю разбитой скрипкой.

КСАНѲЪ. (*тихо Езопу*). Не бойся, я тебя склею.

ПРАКСАГОРА. Если ты въ самомъ дѣлѣ какой-то мудрецъ, то я тебѣ приказываю сказать мнѣ только, и безъ притчи, что должно дѣлать съ тѣмъ, которой ходитъ къ отцу для того, чтобы обольщать дочь его?

ЕЗОПЪ. Выгнать его изъ дома.

ПРАКСАГОРА. Умно и я его выгоняю:-да, вотъ мое послѣднее слово. Я не хочу, чтобы Плисѳенъ дольше здѣсь оставался, я не хочу, чтобы онъ видѣлъ мою дочь, я не хочу, что-

бы она была за чимъ; я не хочу ни видѣть, ни слышать его. — Слышишь ли! Чтобъ его ни здѣсь, ни въ школѣ твоей не было, или . . . я сейчасъ сама бѣгу изъ дома. (*уходитъ*).

КСАНѲЪ. Послушай Праксагора, онъ мой ученикъ (*идетъ за нею*):

ПЛИСѲЕНЪ. Какъ, Езопъ! И ты ей далъ такой совѣтъ? И ты противъ меня?

ЕЗОПЪ.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.
Увидя старика входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною!
Съ боязнью, шопотомъ бѣднякъ ее молилъ:
«Я сутки ужъ не ѣлъ . . . Отъ голода страдаю!»
— За тѣмъ-то я и лаю,
Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ. —
Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь — а добръ; тотъ ласковъ — а кусаетъ.

Да, я хочу, чтобы ты вкусилъ отъ плода счастія. Иди теперь на кладбище, отыщи камень, рой землю, и что найдешь, принеси сюда.

ПЛИСѲЕНЪ. Но если меня не пустятъ въ домъ?

ЕЗОПЪ. Пустятъ.

ПЛИСѲЕНЪ. Да какъ ты это сдѣлаешь, если запрутъ дворъ?

ЕЗОПЪ.

Медвѣдя Левъ просилъ: «Черезъ твою берлогу
Позволь мнѣ проложить военную дорогу?»
— Нельзя, сказалъ Медвѣдь, и въ шубу носъ уткнулъ.
Что жъ сдѣлалъ Левъ? — Перешагнулъ.

Иди, и оставь меня съ Ксанѳомъ.

—

IX.

ЕЗОПЪ и КСАНѲЪ.

КСАНѲЪ. Я радъ, что досада Праксагоры на Плисѳена помирила ее съ тобою: она не можетъ, чтобъ на кого нибудь не сердится; такъ пусть же сердится на Плисѳена.

ЕЗОПЪ. А потомъ?

КСАНѲЪ. А потомъ . . . Я стану дѣлить съ тобою хоть мои досуги.

ЕЗОПЪ. Дѣлить досуги, только?

КСАНѲЪ. Да, я уважаю твой умъ; твои басни мнѣ начинаютъ нравиться.

ЕЗОПЪ. Такъ я тебѣ скажу такую, которая будетъ очень кстати.

❖

Собравшись Левъ звѣрей ловить,
Осла въ числѣ своихъ придворныхъ приглашаетъ,
Чтобъ на охоту съ нимъ сходить.
Оселъ дивится и не знаетъ,
Какъ милость эту объяснить,
За тѣмъ, что этого съ нимъ сроду не случалось,
И съ глупа показалось
Ему,
Что милость Льва къ нему
Такая,
Его особу уважая.
Вотъ говоритъ:
Вся мелочь при дворѣ меня пренебрегаетъ,
Бранитъ
И обижаетъ,
А самъ-то Царь,
Мой государь,
Сподобилъ милости, не погнушавшись мною
Такъ знать чего нибудь я стою.
И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
Нѣтъ, полно уступать! — сказалъ.
Какъ членъ суда иной, что въ члены онъ попалъ,

Судейску важную осанку принимаетъ,
Возносится и всѣхъ ни за что почитаетъ;
И что ни дѣлаетъ и что ни говоритъ,
Всегда и всякому, что членъ онъ подтвердитъ.
И ежели кого другаго ни поймаетъ,
Хотя на улицѣ къ ребятамъ радъ пристать,
И имъ, что членамъ онъ, сказать.
Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можетъ удержаться
Чтобъ членамъ каждой разъ ему не подписаться;
И словомъ: весь онъ членъ; и въ домѣ отъ людей
Все членъ по немъ до . . . лошадей!
Такъ точно и Оселъ мой началъ возноситься:
Не знаетъ, какъ ему ступить;
Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то быть!
Не всякому Ослу случится
Льва на охоту проводить,
Да чѣмъ то это все рѣшится?
Осла Льву на охоту брать . . .
Чтобъ съ царской милостью Ослу не горевать.
Звѣрей, которыхъ затравили,
Всѣхъ на Осла взвалили,
И съ головы до ногъ всего
Обвѣсили его.
Тогда Оселъ узналъ, что взятъ онъ на охоту,
Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

КСАНѲЪ. (*смѣясь.*) Чтожъ ты подразумѣваешь?

ЕЗОПЪ. А какъ Плисѳена не будетъ, то ты думаешь взвалить брань Праксагоры съ себя на меня; но на меня уже такъ много вьючили всякой клади, что я и эту снесу; она все таки легче пятипудоваго мѣшка.

—

X.

ТѢЖЕ и МАРКЕСЪ.

МАРКЕСЪ, (*выглядывая*) А! онъ одинъ . . . Здравствуй, мудрый Ксанѳъ.

КСАНѲЪ. А! Маркесъ! . . . какъ идетъ садъ нашъ!

МАРКЕСЪ. Онъ стоитъ на мѣстѣ: а дурная трава такъ идетъ вверхъ, что заглушила всѣ цвѣты.

ЕЗОПЪ. Вещь обыкновенная.

МАРКЕСЪ, (*увидя Езопа*) Ахъ!

ЕЗОПЪ. Ты меня испугался?

МАРКЕСЪ. Признаюсь.

ЕЗОПЪ. И вѣрно обрадовался?

МАРКЕСЪ. Чему?

ЕЗОПЪ. А тому, что пока я буду въ твоемъ садѣ, птицы не осмѣлятся клевать плодовъ: я вѣрно страшнѣе твоей пугальной мѣльницы.

МАРКЕСЪ. А что ты думаешь: да птицы куда нейдутъ: отъ нихъ или тобой или мѣльницей можно отпугаться, прилетятъ да и отлетятъ: а вотъ ужъ дурная трава, которая непрошеная лезетъ изъ земли, меня сдѣлала и безъ рукъ и безъ головы, я думалъ, думалъ . . . однакожъ ничего не выдумалъ, и пришелъ просить великаго философа, чтобъ онъ мнѣ разтолковалъ: за чѣмъ разнородные цвѣты, которые я сажаю, за которыми я хожу, какъ за роднымъ сыномъ, насилу выходятъ, а дурную траву земля пыряетъ изъ себя такъ скоро, что и вырывать не успѣваю?

КСАНѲЪ. Это оттого, мой добрый Маркесъ, что воля боговъ, создавъ вселенную, наложила на нее неизмѣняемые законы, которымъ равно повинуется и огромный Кавказъ, возносящій величественную главу свою надъ тучами, и былинка, попираемая ногами самыхъ презрѣнныхъ тварей.

МАРКЕСЪ. Оно такъ: да отчего эта былинка ростетъ лучше моихъ цвѣтовъ?

КСАНѲЪ. Оттого, что это такъ предопредѣлено.

МАРКЕСЪ. Я и въ этомъ не спорю: да зачѣмъ же это такъ предопредѣлено?

КСАНѲЪ. За тѣмъ, что это такъ быть должно.

МАРКЕСЪ. Да отчего же это такъ быть должно?

КСАНѲЪ. Оттого, что все существующее въ мірѣ, отъ былинки до обладателя Ассиріи, создано волею боговъ; а такъ-какъ воля боговъ есть неизмѣняемый законъ природы, то все существующее волею сего закона должно необходимо существовать.

МАРКЕСЪ. Я этому вѣрю; да не вижу необходимости, чтобы негодная трава вредила моимъ прекраснымъ цвѣтамъ.

КСАНѲЪ. А видишь ли ты бѣгущаго съ поля коня, изсѣкаю-

щаго пламенныя искры изъ подножныхъ кремней, красивый бѣгъ его восхищаетъ сердце всадника; бѣлая грива его, какъ парусъ, раздувается вѣтромъ; ржаніе его, какъ звукъ воинской трубы, зовущей на брань, разносится эхомъ: но пресмыкающійся въ прахѣ василискъ уязвляетъ его, и краса природы упадаетъ безъ жизни, въ снѣдь хищнымъ птицамъ . . . И думаешь ли ты, что боги вооружили безобразную змію жаломъ для того только, чтобъ истреблять прекрасныхъ коней?

МАРКЕСЪ. Я ничего не вижу и не думаю; а спрашиваю тебя: отчего . . .

КСАНѲЪ. Знаю, знаю . . . (*Езопу*): Какъ несносно говорить съ невѣждами . . .

ЕЗОПЪ. И стоитъ ли онъ, чтобы ты на него тратилъ лучшіе цвѣты краснорѣчія; съ него довольно моихъ басенъ.

КСАНѲЪ. Избавь же меня отъ его глупыхъ вопросовъ.

ЕЗОПЪ. Ты спрашиваешь, отчего земля лучше роститъ дурную траву, чѣмъ твои хорошіе цвѣты?

МАРКЕСЪ. Да, имянно.

ЕЗОПЪ. Такъ слушай же.

Вдова соскучась быть вдовою,
Но видя, что у ней желтѣетъ цвѣтъ лица,
Сѣдинка кое гдѣ блеститъ надъ головою,
Рѣшилась выйти за вдовца.
И въ мужнинъ домъ ввела съ собою
Своихъ съ покойникомъ дѣтей.
А также, какъ у ней,
У мужа отъ жены покойной
Осталися ребятки на рукахъ.
Жена взялась смотрѣть за всей семьею сводной,
Какъ о своихъ пещись о мужниныхъ дѣтяхъ,
И говоритъ она: бѣдняжки сиротинки,
Невинные птенцы;
О дѣтяхъ могутъ ли пещися такъ отцы,
Какъ матери, онѣ на нихъ и порошинки
Ужъ вѣрно не дадутъ упасть:
И развѣ мужнино дитя женѣ чужое?
Она объ немъ, чтобъ тѣмъ умножить въ мужѣ страсть,
Противъ своихъ должна пещися вдвое.
Чтожъ вышло?—Черезъ годъ
Замѣтилъ мужъ, что матушкины дѣтки

Цвѣтутъ, какъ розаны на вѣткѣ,
И зрѣютъ, какъ румяный плодъ,
Его же, будто изпитыя,
Такія тощія, худыя,
Что вчужѣ жалко поглядѣть,
То каково-жъ отцу терпѣть! . . .
Онъ, покачавши головою,
Вздохнулъ, и вымолвилъ сквозь слезъ:
«Такъ съ новою моей женою
Я въ домъ къ себѣ піявицъ перевезъ,
И тѣмъ они толстѣютъ,
Что кровь мою сосутъ.»
Сосѣдъ, случившись тутъ,
Шепнулъ отцу: гдѣ жъ матери радѣютъ
Такъ о дѣтяхъ чужихъ,
Какъ о своихъ?

МАРКЕСЪ. Ну такъ чтожъ?

ЕЗОПЪ. А тожъ, что дурную траву родитъ сама земля; а хорошіе цвѣты ты сажаешь,—такъ оттого то она своимъ *мать*, а твоимъ *мачиха*.

МАРКЕСЪ. А! а!

Да, это право съ дѣломъ схоже:
Есть сынъ и у жены моей
Отъ мужа перваго: и тоже
Мой сынъ гораздо мнѣ милѣй.
Они сшалятъ равно, а лишній
Чужому попадетъ щелчокъ;
И я вчера побилъ подъ вишней
Чужаго своему въ урокъ.

* * *

Такъ самородное все скоро
Изъ матери земли ростетъ;
А пересадное неспоро
На мачихѣ землѣ цвѣтетъ.
И за землей повадка таже,
Какая, признаюсь, за мной:
Хоть будь чужаго втрое гаже,
А все милѣй мнѣ сынъ родной.

КСАНѲЪ. Такъ ты, наконецъ, понялъ? — а? . . .

МАРКЕСЪ. Да онъ разсказалъ такъ ясно. . .

КСАНѲЪ. А еслибы онъ тебѣ разсказалъ про Осла, то тебѣ еще яснѣй было-бы.

МАРКЕСЪ. Да отчего же ты. . .

КСАНѲЪ. Поди, ты мнѣ надоѣлъ своими вопросами.

МАРКЕСЪ. Я ужъ буду впередъ съ ними ходить къ этому уроду. — Спасибо, братъ, за ясной толкъ. (*уходитъ*)

КСАНѲЪ. Знаешь ли, Езопъ, что ты очень не глупъ; я открываю въ тебѣ природныя способности къ повѣствовательному слогу. . . Ходи, мой другъ, ходи чаще на мои уроки, — и я надѣюсь, что ты заставишь себя слушать. Мы докажемъ и здѣсь, какъ въ Амморіонѣ, что въ уродливомъ сосудѣ можетъ быть хорошій напитокъ. — Я иду къ ученикамъ; а ты поди къ Праксагорѣ, подбейся къ ней въ милость; а тамъ мы увидимъ. . . Мы покажемъ, можетъ быть, что Ксанѳъ умѣетъ выбирать невольниковъ. Прощай пока. (*уходитъ*).

ЕЗОПЪ. Мы! . .

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой повстрѣчали.
«Откуда ты, сестра?» отъ этой былъ вопросъ.
А та поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ:—Откуда?—Мы пахали.
Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось ли подъ часъ вамъ слышать, господа:
«Мы сбили, мы рѣшили.»

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Ксанѳа; на столѣ зазженныя лампы, древняя чернилица, письменныя трости, хорошія таблеты и папирусы.

I.

ЕЗОПЪ и ЛЕСБІЯ.

ЛЕСБІЯ. Поди сюда, Езопъ; я тебѣ скажу пріятную новость.

ЕЗОПЪ. Скажи, для рѣдкости.

ЛЕСБІЯ. Матушкѣ твои басни стали нравиться, съ тѣхъ поръ, какъ ты прочелъ ей «*Муравья и Стрекозу.*»

ЕЗОПЪ. Она себя видитъ въ муравьѣ, а Ксанѳа въ стрекозѣ; но только не она его, а онъ ее заставляетъ плясать.

ЛЕСБІЯ. Вѣдь я тебѣ говорила.

ЕЗОПЪ. Да; но чтоже говорилъ ей Ксанѳъ обо мнѣ?

ЛЕСБІЯ. Онъ, возвратясь изъ своей школы, все хвалится своей покупкой.

ЕЗОПЪ. А это отчего?

ЛЕСБІЯ. А оттого, что тамъ случились какіе-то философы, которые возвращаясь изъ Азіи, хотѣли слушать Ксанѳову Логику.

ЕЗОПЪ. Такъ чтожъ?

ЛЕСБІЯ.

Лишь только назвалъ онъ тебя,
Какъ вдругъ изъ философовъ двое
Вскричали, будто внѣ себя:
Какое счастіе большое,
О Ксанѳъ, тебѣ даруетъ Ѳивъ!
Какой мудрецъ тебѣ достался:
И сколько самъ Езопъ счастливъ,
Что къ Ксанѳу онъ въ рабы попался.

ЕЗОПЪ. Я имъ уступаю это счастіе: но что же, говоритъ Ксанѳъ?

Лесбія.

Ты не повѣришь, какъ онъ радъ,
Своей покупкой какъ гордится,
И говоритъ: пусть этотъ кладъ
Найти другой кто умудрился.
И хочетъ въ школѣ онъ своей
Тебя разсказывать заставить
Тѣ басни, что найдетъ умнѣй,
Чтобъ школу тѣмъ свою прославить.

Езопъ. Онъ узналъ мнѣ цѣну, хвастаетъ своей покупкой, превозноситъ мой умъ, оттого, что путешественники меня похвалили; онъ хочетъ прославить свою школу дарованіемъ, которое мнѣ дали боги и открыли другіе, это дѣло обыкновенное,—я встрѣчалъ много такихъ умниковъ—они всѣ выходили въ люди. Да не говорилъ ли онъ еще чего?

Лесбія. Ахъ! говорилъ. . . Что онъ не позволитъ ни за что Плисѳену ходить въ домъ свой.

Езопъ. А Плисѳенъ только теперь изъ него вышелъ.

Лесбія. Не ужели!... Да какъ же я его не видала?

Езопъ. Ночью трудно видѣть.

Лесбія. За чѣмъ же онъ приходилъ сюда?

Езопъ. Онъ приходилъ сказать мнѣ, что онъ исполнилъ то, что я ему совѣтовалъ; нашелъ то, чего не ожидалъ,—и надѣется на то, на что не смѣлъ надѣяться.

Лесбія. На что же онъ надѣется?

Езопъ. На согласіе Ксанѳа выдать тебя за него; и проситъ только, чтобъ ты обѣщала мнѣ согласится на то, что я тебѣ предложу при отцѣ твоемъ, какъ бы это страшно ни показалось сначала.

Лесбія. Клянусь сдѣлать все, что Плисѳенъ потребуетъ; но я не страшусь и не надѣюсь ничего. Отецъ мой богатъ, а Плисѳенъ бѣденъ. . . О! еслибъ онъ былъ такъ богатъ, то я увѣрена, что онъ не поступилъ бы какъ батюшка; онъ бы сдѣлалъ не только дочь свою, но всѣхъ счастливыми.

Езопъ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:

Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша Пастуха Ручей журчитъ сердито:
«Рѣка несытая! что еслибъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты такъ алчно поглотила?
Я чай бы со стыда ты землю бы прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижинки и каждаго кусточка.
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга;
Но съ нихъ бы не унесъ листочка;
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.»
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И чтожъ? Не минуло недѣли,
Какъ туча сильная надъ ближнею горой
Разсѣлась.
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась!
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ
Пѣнялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.
Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!

ЛЕСБІЯ. Нѣтъ Плисѳенъ не изъ этихъ ручейковъ: дай-ка ему сдѣлаться богатымъ...

ЕЗОПЪ. Я ужъ и такъ кажется далъ.

ЛЕСБІЯ. Какъ? Да ты самъ ничего не имѣешь.

ЕЗОПЪ. Да развѣ тѣ даютъ что нибудь, которые много имѣютъ?

ЛЕСБІЯ. Однакоже, у кого ничего нѣтъ, такъ тому и давать нечего.

ЕЗОПЪ. Кто имѣетъ желаніе дѣлать добро, тотъ будетъ умѣть его сдѣлать; хотя это и очень трудно.

ЛЕСБІЯ. Да, зло дѣлать, кажется, гораздо легче; но отчегоже это?

ЕЗОПЪ. Оттого, что нѣтъ глупца, которой бы не съумѣлъ сдѣлать чистаго зла: а надо имѣть много ума, чтобъ дѣлать добро безъ примѣси вреда. Я замѣтилъ, что тѣ, которыхъ называютъ, не зная, какъ иначе назвать, *добрыми людьми*, гораздо больше погубили умнаго народа отъ безумной доброты, чѣмъ злодѣи отъ хитраго расчета.

ЛЕСБІЯ. А это отчего?

ЕЗОПЪ. Оттого, что умъ–щитъ противъ хитрости и цѣль для глупости:–она, объ немъ только что провѣдуетъ, и швыряетъ въ него чѣмъ ни попало.

Ползъ свѣтлый червячекъ; встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
«Убійца!» онъ вскричалъ: «за что же гибну я?»
Ты свѣтелъ, отвѣчаетъ.

А глупость опаснѣе всякой змѣи: отъ нея не уйдешь и не спрячешься; вездѣ отыщетъ или вездѣ съ нею встрѣтишься.

—

II.

ТѢЖЕ И КСАНѲЪ.

КСАНѲЪ. Ну, любезный Езопъ; не говорилъ ли я тебѣ, мой другъ, что Праксагора скоро помириться съ твоимъ безобразіемъ.

ЕЗОПЪ. Да, ты это говорилъ.

КСАНѲЪ. И сдѣлалъ: хоть съ нею трудно ладить.

—Она, конечно, женщина не злая; но въ сердцахъ никого

не щадитъ, и, не смотря ни на что, ругаетъ меня и ученость мою безъ пощады; но я ей прощаю, отхожу.

ЕЗОПЪ. И умно дѣлаешь.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ, среди цвѣтовъ,
И встрѣтилъ тамъ змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ и на орла кидается съ размаху.
Чтожъ дѣлаетъ пернатыхъ царь:
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.
Такъ геній своему хулителю отмщаетъ.

КСАНѲЪ. Прекрасно! Безподобно! . . . вотъ самая умная басня; я тебя заставлю ее прочесть въ полномъ собраніи всѣхъ моихъ критиковъ: повѣрь мнѣ, я умѣю цѣнить твой умъ, и награжу его, чѣмъ хочешь.

ЕЗОПЪ. Если ты отдаешь на мою волю, то я у тебя попрошу двухъ наградъ: одну для меня и для тебя; а другую только для тебя.

КСАНѲЪ. Вотъ это что то новое: ты просишь у меня наградъ для меня же . . . . Говори, какихъ?

ЕЗОПЪ. Отдай мнѣ свободу, и выдай дочь свою за Плисѳена.

КСАНѲЪ. То есть: потеряй свои деньги даромъ, и выдай дочь свою за бѣдняка; я тутъ не вижу для себя никакой награды.

ЕЗОПЪ. Деньги твои пойдутъ въ ростъ: ты на нихъ вмѣсто раба купишь друга, и возмешь къ себѣ въ домъ честнаго человѣка, которой будетъ пещись о счастіи всего твоего семейства, я знаю Плисѳена.

ЛЕСВІЯ. Да, батюшка, онъ коротко его знаетъ.

КСАНѲЪ. А я знаю, что изъ Плисѳена ничего путнаго не будетъ: онъ ни мало не успѣваетъ въ Логикѣ: а безъ Лигики человѣкъ не можетъ ни думать, ни говорить порядочно.

ЕЗОПЪ.

Садовникъ сѣтовалъ, что долго плодъ незрѣетъ;
А плодъ судилъ: «вина не отъ моихъ сѣмянъ:
Дай больше солнца мнѣ и буду я румянъ.»
Безъ солнца и талантъ въ созрѣлости коснѣетъ.

КСАНѲЪ. Я самъ его учу и просвѣщаю; какого же солнца ему еще надобно?

ЕЗОПЪ. (*показывая на Лесбію*) Вотъ какого.

КСАНѲЪ. Это солнце слишкомъ высоко и жарко для него: а если онъ, какъ Икаръ осмѣлится къ нему приблизиться, то полетитъ. . . .

ЕЗОПЪ. Въ его объятія.

КСАНѲЪ. Нѣтъ, въ морскую пучину; солнце спалитъ ему крылья.

ЕЗОПЪ. Спросимъ у самаго солнца, спалитъ ли оно его?

ЛЕСБІЯ.

Я признаюся: много разъ
Онъ говорилъ мнѣ, будто пламень
Моихъ ему пріятенъ глазъ,
Что онъ зажжетъ и самый камень.
Однакожъ въ школѣ часто онъ
Со мною сиживалъ хоть рядомъ,
Но мною не былъ обазженъ;
Хоть самъ палилъ мнѣ сердце взглядомъ.

КСАНѲЪ. Такъ вотъ чѣмъ вы занимались въ моей школѣ!.... И послѣ этого ты хочешь, чтобы я выдалъ тебя за него? . . . Онъ мѣшаетъ тебѣ пользоваться мудростью отца твоего; ни какія убѣжденія краснорѣчія не могли заставить его постигнуть высоту и обширность моихъ познаній.

ЛЕСБІЯ.

Я слушала тебя прилежно,
Когда ты душу объяснялъ:
Плисѳенъ же, взглядывая нѣжно,
Ее мнѣ чувствовать давалъ,
Его напрасно обвиняешь,
Онъ мудростью твоей плѣненъ:
И въ томъ всѣхъ больше убѣжденъ,
Что ты одинъ все въ свѣтѣ знаешь.

КСАНѲЪ. Какъ! Не ужели онъ это думаетъ?

ЕЗОПЪ. Да, я отъ него объ этомъ самъ слышалъ;–и увѣрялъ его, что онъ ошибается.

КСАНѲЪ. Какъ ошибается? Въ томъ, что я все знаю?

ЕЗОПЪ. Именно въ томъ.–Я ему говорилъ: Ксанѳъ очень ученъ, знаетъ многое; но не все.

КСАНѲЪ. Я бы хотѣлъ, чтобы кто нибудь мнѣ доказалъ: чего я не знаю.

ЕЗОПЪ Мое дѣло исполнять твои желанія и я докажу, если прикажешь.

КСАНѲЪ. Что?

ЕЗОПЪ. Что ты, какъ ни всезнающъ, а споткнешься на самой первой ступенькѣ учености.

КСАНѲЪ. Какъ? На чемъ?

ЕЗОПЪ. На азбукѣ.

КСАНѲЪ. Ха, ха, ха! . . . Езопъ, съ кѣмъ ты говоришь?

ЕЗОПЪ. Съ премудрымъ Ксанѳомъ, которой не разберетъ точнаго смысла восьми буквъ.

КСАНѲЪ. Восьми буквъ? На какомъ языкѣ?

ЕЗОПЪ. На томъ, на которомъ мы говоримъ.

КСАНѲЪ. Что это: басня или притча?

ЕЗОПЪ. Теперь это пока только правда; а если ты согласишься на мое предложеніе, то будетъ быль.

КСАНѲЪ. На твое предложеніе? На какое?

ЕЗОПЪ. Если я тебѣ докажу, что ты не разберешь смысла самыхъ обыкновенныхъ буквъ, то ты дашь мнѣ свободу, и выдашь ее за Плисѳена.

КСАНѲЪ. Да этого быть не можетъ . . . .

ЕЗОПЪ. А когда не можетъ быть, то почему же тебѣ не принять моего предложенія?

КСАНѲЪ. Нѣтъ, это мнѣ смѣшно . . . . Какъ! я! Ксанѳъ! Не разберу? . . . И чего? . . . .

ЕЗОПЪ. Самыхъ простыхъ буквъ. А если ты разберешь, то я на городской площади клятвенно и всенародно объявлю, что Ксанѳъ восьмой мудрецъ; а ты знаешь, что меня въ Амморіонѣ самого жаловали въ это званіе.

КСАНѲЪ. Знаю ли я? . . . Развѣ не я тебя купилъ? . . . .

ЕЗОПЪ. За шестнадцать оболовъ: но не въ цѣнѣ дѣло: а въ томъ, что ты будешь объявленъ всенародно восьмымъ мудрецомъ; что ты будешь въ басняхъ моимъ орломъ учености и львомъ премудрости,–и что дочь твоя добровольно откажется отъ Плисѳена.

ЛЕСБІЯ. Какъ? . . . .

ЕЗОПЪ. Да, ты добровольно откажешься отъ Плисѳена: не обѣщала–ли ты сама. . .

КСАНѲЪ. Какъ! Она обѣщала. . . .

ЕЗОПЪ. Отказаться отъ Плисѳена и слѣпо положиться на тебя въ выборѣ мужа . . . если ты узнаешь смыслъ моихъ буквъ.

ЛЕСБІЯ. (*тихо Езопу.*) Да онъ вѣрно узнаетъ, и я погибла. . .

ЕЗОПЪ.

Телицу бѣдную на жертву въ храмъ вели;
Она крутитъ хвостомъ, бодается головкой,
Но средство усмирить ее тотчасъ нашли:
Скрутили бѣдную веревкой.
Она реветъ, тутъ песъ знакомый пробѣгалъ.
И на бѣгу ей тихо проворчалъ:
«Твой ревъ въ нихъ жалости, повѣрь мнѣ, не возбудитъ;
Такъ изъ чего жъ ревѣть?
Терпи, когда пришлось терпѣть;
Иди, закрой глаза; чему же быть, то будетъ.»
И жертва, не хотя, послушалася пса.
Но, сжалясь, можетъ быть, надъ нею, небеса
Закрылись тучею, — и громовымъ ударомъ
Вдругъ капище зажгли.
Жрецы, занявшися пожаромъ,
Спасали, что могли,
О жертвѣ позабыли,
Но песъ не позабылъ; веревку перегрызъ,
Которой внизъ
Головку ей, почти къ копытцамъ прикрутили;
И въ радости сказалъ: ну, вотъ, прошла бѣда!
Но еслибъ на боговъ ты больше полагалась,
И не рвалась и не бодалась,
Тогда
Веревку эту грызть мнѣ не было-бъ труда.

ЛЕСБІЯ. Ахъ! чему быть, то будетъ! Я согласна на Езопово условіе.

КСАНѲЪ. Какъ! и ты! . . *(Смѣется)* Они уморятъ меня со смѣха. Меня хотятъ учить азбукѣ! . . . Да не думаешь ли ты, оттого, что тебя кто-то и гдѣ-то назвалъ мудрецомъ, мнить и равнять себя съ такимъ человѣкомъ, какъ я? . . .

ЕЗОПЪ. Избави меня отъ этаго великій Зевсъ.

Лягушка, на лугу увидивши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравнятся:
(Она завистлива была;)
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
— «Смотри-ка, квакушка, что, будуль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»
Ну, каково?

Пополнилась ли я? — «Почти что ничего.»
— Ну, какъ теперь? — «Все тожъ.» Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравняшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.
Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво-ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный господинъ?

КСАНѲЪ. Прекрасно! . . . Тотъ истинно уменъ, кто знаетъ мѣру своихъ способностей.

ЕЗОПЪ. А какъ ты долженъ быть истиннно уменъ и знаешь мѣру своихъ способностей, то тебѣ нечего бояться моего предложенія.

КСАНѲЪ. Конечно нечего; оно только меня забавляетъ.

ЛЕСБІЯ. А меня совсѣмъ не забавляетъ.

КСАНѲЪ. Но не ужли вы въ самомъ дѣлѣ можете думать, что я . . . мнѣ смѣшно сказать. . . . .

ЛЕСБІЯ. Ахъ! я право ничего не думаю.

КСАНѲЪ. И соглашаешься . . . А! понимаю . . . . (*всторону*) Езопъ употребляетъ хитрость, чтобы угодить мнѣ и заставить ее добровольно . . . Странно, какъ я тотчасъ не догадался . . . Да, да, я соглашаюсь показать знаніе мое въ азбукѣ. . . . Право, не шутя соглашаюсь.

ЕЗОПЪ. И писменно?

КСАНѲЪ. И писменно, и при свидѣтеляхъ.

ЕЗОПЪ. Вотъ хартіи и писменныя трости, пиши: а свидѣтели также нужны: . . . .

КСАНѲЪ. Хорошо, пишу.

ЛЕСБІЯ.

Ахъ! сердце замираетъ
Въ глазахъ темнѣетъ свѣтъ;
Закладъ онъ проиграетъ,
И мнѣ спасенья нѣтъ!

КСАНѲЪ. Вотъ тебѣ мое рукописаніе, Езопъ: читай.

ЕЗОПЪ. Не нужно; я знаю, что ты прекрасно пишешь; но теперь надобно пригласить свидѣтелей.

КСАНѲЪ. Они тотчасъ будутъ готовы; я призову сюда всѣхъ моихъ учениковъ; и пусть они рѣшатъ общимъ совѣтомъ.

ЕЗОПЪ. А всѣ ли они умны?

КСАНѲЪ. Забавный вопросъ: очень счастливо, если гдѣ нибудь найдешь одного умнаго—на сто. . . .

ЕЗОПЪ. Глупцовъ? . . . Такъ мы обойдемся безъ нихъ.

Левъ учредилъ Совѣтъ какой-то неизвѣстно;
И посадя въ него сочленами слоновъ,
Прибавилъ больше къ нимъ ословъ.
Хотя слонамъ сидѣть съ ослами и не вмѣстно,
Но левъ не могъ того числа слоновъ набрать,
Какому надлежало
Въ Совѣтѣ засѣдать,
Ну, чтожъ? Пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь этобъ не мѣшало
Дѣла производить.
Нѣтъ, какъ же? А уставъ ужели переступить?
Хоть будь ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ стало.
А сверхъ того, какъ левъ совѣтъ сей учреждалъ,
Онъ этакъ разсуждалъ,
И все надеждой льстился,
Что умъ слоновъ
На разумъ наведетъ ословъ.
Однако, какъ Совѣтъ открылся,
Дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли:
Ослы слоновъ съ ума свели.

КСАНѲЪ. Однакожъ не льва.

ЕЗОПЪ. Но левъ, для избѣжанія всякой опасности, пригласилъ только тѣхъ, до кого дѣло касалось; а имянно: Праксагору, Лесбію и Плисѳена; — онъ не обходимъ.

КСАНѲЪ. Да, я ужъ объ этомъ думалъ; и такъ, я самъ пойду и приведу его; если Лесбія согласна.

ЛЕСБІЯ. Ты видишь, что я нынче на все соглашаюсь.

КСАНѲЪ. Такъ меня сегодня Езопъ будетъ испытывать въ азбукѣ. . . : Нѣтъ, право ты очень забавенъ.

ЕЗОПЪ. Я очень бы желалъ, чтобъ и всѣ обо мнѣ тоже сказали.

КСАНѲЪ. Скажутъ . . . . *(улыбаясь и глядя на Лесбію:)* Но не всѣ могутъ тебя понять. . . .

ЕЗОПЪ. И мнѣ тоже кажется.

КСАНѲЪ. Да, да . . . *(смѣется):* Мнѣ даже жалко Лесбію: какъ она недогадается. . . Надобно признаться, что этотъ Езопъ очень не глупъ. . . Какая выдумка! . . . Я отсюда вижу длинное

лицо Плисѳена, когда дочь моя при немъ откажется. . . Не надо терять времени; оно насъ не дожидается. — И такъ, Езопъ, до свиданія,—приготовься же хорошенько мнѣ доказывать, что я . . . не знаю азбуки. *(смѣется и уходитъ)*

ЛЕСБІЯ. Онъ смѣется. . . .

ЕЗОПЪ. А ты чуть не плачешь; но черезъ нѣсколько минутъ ты будешь смѣяться, а онъ. . . .

ЛЕСБІЯ. Не ужели плакать?

ЕЗОПЪ. Нѣтъ, мы до слезъ его недопустимъ; благодаря боговъ, Езопъ еще никогда не заставлялъ плакать; кромѣ маленькихъ дѣтей, разумѣется.

—

III.

ТѢЖЕ и ПРАКСАГОРА.

ПРАКСАГОРА. Куда побѣжалъ Ксанѳъ въ эту пору?... Ужъ не вздумалъ ли онъ пригласить всѣхъ своихъ учениковъ на ужинъ? . .

ЕЗОПЪ. А развѣ съ нимъ это бываетъ?

ПРАКСАГОРА. Нѣтъ; да куда же онъ побѣжалъ? Не опять ли въ свою школу; которая мнѣ до смерти надоѣла? . . . Она совсѣмъ вскружила голову моему мужу. Не безумное ли дѣло, хлопотать, мучиться, изъ того, чтобы сдѣлать цѣлый свѣтъ умнымъ.

ЕЗОПЪ.

Какой-то банщикъ захотѣлъ
Добится бѣлизны на африканской кожѣ.
И ну араба мыть . . . Измучился: и что же?
Онъ въ пѣнѣ самъ, а все арабъ не побѣлѣлъ.

ПРАКСАГОРА. А развѣ я ему не тоже цѣлый день твержу: изъ чего ты хлопочешь? Чего добиваешься? Сколько ни ломай себѣ головы, а дураки умнѣй не будутъ. Я не говорю, чтобы онъ вовсе не училъ кой чему за плату; да не тратилъ бы даромъ такъ много времени, здоровья и ума. . . .

ЕЗОПЪ. И ума? . . . .

ПРАКСАГОРА. Да, да; чѣмъ онъ больше учить другихъ, тѣмъ меньше самъ понимаетъ; и когда я у него требую на домашніе расходы, то всегда онъ говоритъ: я не понимаю отчего такъ много выходитъ на кушанье. . . . и не мудрено: если бы онъ за-

нялся вмѣсто своей Логики моей кухней, то бы узналъ, чѣмъ держится домъ: его ли ученьемъ, или хозяйствомъ: а онъ же еще мнѣ слова не дастъ выговорить.

ЕЗОПЪ.

Съ пчелою курица затѣяла считаться,
И говоритъ пчелѣ: ну, подлинно, пчела!
Ты въ праздности одной весь вѣкъ свой прожила.
Тебѣ бы тѣмъ лишь заниматься,
Чтобъ на цвѣтокъ съ цвѣтка летать,
Да медъ съ нихъ собирать.
И впрямъ о чемъ тебѣ стараться?
Довольно, что лишь мы не въ праздности живемъ,
И каждый день яйцо несемъ.»
— Не смѣйся, курицѣ пчела на то сказала:
Что я тебѣ не подражала,
Когда ты, вставъ съ гнѣзда, съ надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла и всѣмъ о томъ твердишь;
Такъ ты и заключила
Что праздно я живу Нѣтъ, нѣтъ!
Ты ошибаешься, мой свѣтъ!
А въ улей загляни; споръ тотчасъ нашъ рѣшится;
Узнаешь, кто изъ насъ по-болѣе трудится:
Мы, нашей матери наставлены умомъ,
Прилѣжностью, трудомъ
Себѣ уютный строимъ домъ,
И пищу со цвѣтовъ сбираемъ;
Избытокъ нашъ съ людми дѣлимъ,
Ихъ яства услаждаемъ,
Во тьмѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и трутней лишь хранимъ.

Кого же мы съ пчелой и съ курицей сравнимъ?
Невѣжа и хвастунъ озлиться,
Когда съ насѣдкою сравниться,
Такъ лучше мы къ пчелѣ науку примѣнимъ.

ПРАКСАГОРА. Такъ, точно такъ, я не спускаю дурнымъ людямъ и лѣнивцамъ. . . . Право, Езопъ, я начинаю любить твои басни, и ты бы самъ, не смотря на твое уродство, мнѣ очень пригодился, если бы зналъ толкъ въ кушаньяхъ.

ЕЗОПЪ. А развѣ я незнаю, какое самое лучшее и самое худшее блюдо? . . .

ПРАКСАГОРА. Какъ самое худшее и самое лучшее?

ЕЗОПЪ. То есть: самое полезное и самое вредное.

ПРАКСАГОРА. Да Ксанѳъ у себя въ домѣ находитъ всѣ дорогія кушанья вредными, а на чужихъ обѣдахъ полезными.

ЕЗОПЪ. И мое также, смотря по обстоятельствамъ, и дешево и дорого, и полезно и вредно.

ПРАКСАГОРА. Да чтожъ это такое? . . . А! знаю:—Устерсы; они близко моря дешевы, а далеко отъ моря дороги; они весной здоровы, а въ каникулы ядъ, и для того ихъ лѣтомъ не ловятъ.

ЕЗОПЪ. А мое не только всегда ловятъ; но и оно само ловитъ.

ПРАКСАГОРА. Ловитъ?— Такъ это щука: и ее ловятъ рыбаки, и она ловитъ маленькихъ рыбъ.

ЕЗОПЪ. Не то: щука съ зубами, а мое безъ зубовъ; а остро и очень зло кусаетъ.

ПРАКСАГОРА. Какъ кусаетъ. . . . А! знаю, знаю: драхва.

ЕЗОПЪ. Еще не то. драхва летаетъ, а мое не выходитъ изъ своего мѣста; но иногда заставляетъ летать.

ПРАКСАГОРА. Вотъ ужъ это что-то непонятное. . . Не выходитъ изъ своего мѣста. . . Черепаха! . . . Да она не заставляетъ, кажется, никого летать. . . . А! . . .

ЛЕСБІЯ. Я знаю только одно на это похожее.

ПРАКСАГОРА. Что?

ЛЕСБІЯ. Любовь.

ПРАКСАГОРА. Что за вздоръ.

ЛЕСБІЯ.

Ахъ! въ сердце врѣзавшись, его
Любовь на мигъ не оставляетъ;
Однако же быстрѣй всего
Летать въ насъ мысли заставляетъ..

ПРАКСАГОРА.

Да развѣ здѣсь объ этомъ рѣчь?
Ты вѣчно говоришь пустое:
И можно ли любовь испечь,
Или изжарить на жаркое?

ЕЗОПЪ. Конечно не можно; хотя любовь сама и печетъ, и жаритъ,– не такъ ли?

ЛЕСБІЯ. Ахъ!

ПРАКСАГОРА. И ты вздоръ заговорилъ: терпѣть не могу, когда дѣло съ бездѣльемъ мѣшаютъ: дѣло въ моемъ кушаньи, а не въ ея любви;– и я хочу непремѣнно, чтобы ты сказалъ. . . . Нѣтъ, нѣтъ,– не говори. . . . Я сама добьюсь. . . . Самое худшее и самое лучшее. . . . ловятъ, и само ловитъ; заставляетъ летать, и не летаетъ. . . . Стало безъ крыльевъ?

ЕЗОПЪ. И безъ ногъ.

ПРАКСАГОРА. Безъ ногъ. . . . Ужъ не змѣя ли какая?

ЕЗОПЪ. Не змѣя, а жалитъ.

ПРАКСАГОРА. И жалитъ. . . . Вотъ еще новое? . . . Однакожъ съ головой?

ЕЗОПЪ. Безъ головы, а только безъ хорошей головы никуда не годится.

ПРАКСАГОРА. Безъ головы, а безъ головы ни куда не годится! . . . Часъ отъ часу не легче. . . . Или это вздоръ, или ты толкуешь неясно.

ЕЗОПЪ. Нельзя яснѣе.

ПРАКСАГОРА. Да твои загадки самъ Ксанѳъ не пойметъ, хоть и говоритъ, что все знаетъ.

ЕЗОПЪ. А я ему докажу, что онъ и этого не знаетъ.

ПРАКСАГОРА. Неужели? . . . Такъ намекни-ка мнѣ хорошенько, чтобъ я догадалась.

ЕЗОПЪ. Изволь, я намекну; но съ уговоромъ. . .

ПРАКСАГОРА. Съ какимъ?

ЕЗОПЪ. Когда я намекну, ты догадаешься и тѣмъ докажешь Ксанѳу, что ты больше его знаешь, это согласись. . .

ПРАКСАГОРА. На что?

ЕЗОПЪ. Не спорить противъ того, на что онъ согласится, если я ему при тебѣ же докажу, что онъ не разберетъ простыхъ азбучныхъ буквъ.

ПРАКСАГОРА. Ахъ, какъ бы я хотѣла похохотать надъ его пристыженной мудростью. А на что же онъ согласится?

ЕЗОПЪ. Послѣ узнаешь.

ПРАКСАГОРА. Да ужъ это вѣрно не въ убытокъ?

ЕЗОПЪ. Напротивъ, это принесетъ богатство вашему дому.

ПРАКСАГОРА. Да чтожъ такое? Говори скорѣй. . .

ЕЗОПЪ. Невозможно: и ты, если хочешь посмѣяться надъ нимъ, должна на все согласиться, клянусь тебѣ Гермесомъ, что раскаяваться не будешь.

ПРАКСАГОРА. Такъ и быть: я согласна на все, на что Ксанѳъ согласится... И не все ли равно, что теперь, что послѣ? – Вѣдь онъ упроситъ же меня.

ЛЕСБІЯ. Конечно, ты батюшку такъ любишь...

ПРАКСАГОРА. Люблю да не въ томъ дѣло... Я клянусь, что не буду спорить!... Ну, намекай же...

ЕЗОПЪ. Хорошо... Чѣмъ я говорю?

ЛЕСБІЯ. А!

ПРАКСАГОРА. Какъ, чѣмъ ты говоришь? Словами.

ЕЗОПЪ. А что произноситъ эти слова?

ПРАКСАГОРА. Губы.

ЕЗОПЪ. Да чтожъ за губами произноситъ звукъ?

ПРАКСАГОРА. Ну,– гортань.

ЕЗОПЪ. Да чтожъ между губъ и гортани?

ПРАКСАГОРА. Что?– Зубы.

ЛЕСБІЯ. (*облизываясь сначала загадки*) Езопъ... а?

ЕЗОПЪ. Давно вижу.

ПРАКСАГОРА. Не мѣшай... Чтожъ далѣе?

ЕЗОПЪ. Да, что далѣе зубовъ и ближе гортани? Чѣмъ говорю?... я...

ПРАКСАГОРА. Языкъ.

ЕЗОПЪ. Догадалась.

ПРАКСАГОРА. Какъ догадалась?

ЛЕСБІЯ. Да, матушка, языкъ всего лучше и всего...

ПРАКСАГОРА. Молчи... безъ тебя знаю... Да почему же?

ЕЗОПЪ. Онъ потому самое полезное, что люди имъ сообщаютъ свой умъ, и имъ же...

ПРАКСАГОРА. Бранятъ... Это я тотчасъ узнала... Да какъ же онъ заставляетъ летать?

ЕЗОПЪ. Давича твоя кухарка разсердила тебя своимъ языкомъ,– и твоя большая ложка въ нее тотчасъ полетѣла.

ПРАКСАГОРА. Такъ. Да какъ же мнѣ это не пришло въ голову?...

ЕЗОПЪ. А кухаркѣ пришло въ самый лобъ.

ПРАКСАГОРА. Да, такъ; безъ крыльевъ, безъ ногъ, не летаетъ... Ну какъ бы кажется тотчасъ не догадаться!

ЕЗОПЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,

За дѣло просто взяться.
Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
И всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:—«Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ Механикѣ и я чего нибудь да стою.»
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ, не такъ, не тамъ. Механикъ пуще бьется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его; никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался.

ПРАКСАГОРА. Однакожъ, я все таки догадалась. . . .

ЕЗОПЪ. Какъ же. . . .

ПРАКСАГОРА. Ну, посмѣюсь же надъ Ксанѳомъ.

ЕЗОПЪ. Посмѣешься . . . . А! да вотъ и онъ.

ПРАКСАГОРА. Съ Плисѳеномъ! . . . За чѣмъ? . . . .

ЕЗОПЪ. Развѣ ты хочешь торжествовать безъ свидѣтелей?....

—

IV.

ТѢЖЕ, КСАНѲЪ и ПЛИСѲЕНЪ.

КСАНѲЪ. А! вотъ ужъ здѣсь все собраніе . . . . Ну, Езопъ, давай учиться азбукѣ: гдѣ она?

ЕЗОПЪ. Я вижу, что она подъ его мантіей. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разбиранію буквъ, нужно, чтобы Плисѳенъ и

Лесбія поклялись повиноваться безмолвно рѣшенію Праксагоры.

ПРАКСАГОРА. Умно.

ЕЗОПЪ. Но, разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда я проиграю закладъ.

КСАНѲЪ. Пусть ихъ клянутся.

ПРАКСАГОРА. И я не спорю.

КСАНѲЪ. Не споришъ?

ПРАКСАГОРА. Да; и знаю для чего.

КСАНѲЪ. А!... Клянись же!...

ПЛИСѲЕНЪ И ЛЕСБІЯ.

Когда дастъ буквамъ объясненье
Самоскій мудрый философъ,
То я клянусь ея рѣшенье
Исполнить безо всякихъ словъ.
Я всѣ страданія, всѣ муки
Рѣшаюся переносить,
Но вѣрно знаю, что разлуки
Мнѣ съ нимъ / съ ней никакъ не пережить,

ПРАКСАГОРА. Ахъ! какъ она жалко клянется!....

КСАНѲЪ. Жалость–слабость.

ЕЗОПЪ. Дѣти поклялись;–и родители должны тоже сдѣлать.

КСАНѲЪ. И родители клянутся: если Езопъ убѣдитъ Ксанѳа яснымъ и аргументальнымъ доказательствомъ, что Ксанѳъ не понялъ смысла восьми буквъ, (*въ сторону*) чего быть не можетъ, (*вслухъ*) то Ксанѳъ дастъ свободу Езопу, и выдастъ дочь свою за Плисѳена.

ПРАКСАГОРА. Какъ выдастъ?... Я не клянусь.

ЕЗОПЪ. А языкъ.....

ПРАКСАГОРА. Проклятой языкъ!... Но все равно, языкъ или не языкъ; но я все.....

КСАНѲЪ. Праксагора, жена моя, стыдись!... Не ужели ты можешь подумать, что я.....

ПРАКСАГОРА. Да, я могу подумать, что конь о четырехъ ногахъ да спотыкается.... что я сама.... не дура.... но... все равно.... только я.....

КСАНѲЪ. Выслушай... (*говоритъ ей на ухо:*)

ЕЗОПЪ. (*Лесбіи.*) Будь по веселѣй? онъ съ тобой, а съ нимъ твое счастіе; вотъ она подъ мышкой... Но ты увѣрился ли во всемъ?

ПЛИСѲЕНЪ. Я сдѣлалъ, какъ ты велѣлъ.

ЕЗОПЪ. Хвала Зевесу! вотъ въ первый разъ мнѣ говорятъ: не я велю, а ты велѣлъ;–и это доброй знакъ.

КСАНѲЪ. (*Праксагоръ*:) Понимаешь? . . (*Езопу*.) Ну, Езопъ, начинай мое испытаніе въ азбукѣ. . Нѣтъ, я право теперь самъ себѣ смѣшонъ. . . того и гляжу, что онъ заставитъ меня читать буквы по порядку.

ЕЗОПЪ. Дѣло идетъ не объ этихъ буквахъ.

КСАНѲЪ. А о какихъ же?

ЕЗОПЪ. Два путешественника разсматривали надгробныя надписи, и вдругъ увидѣли между гробницъ камень съ мѣдною доскою, на которой было написано: Р. З. Т. С. К. П. Е. Д. и одинъ изъ путешественниковъ, знаменитый философъ, славный риторъ, тотчасъ разобралъ надпись и сказалъ. . . Что онъ сказалъ?

КСАНѲЪ. Повтори буквы скорѣе, одна послѣ другой.

ЕЗОПЪ. Р. З. Т. С. К. П. Е. Д.–Буквы повторены; что же сказалъ философъ?

КСАНѲЪ. Философъ засмѣялся и сказалъ, что тутъ ни разбирать, ни толковать нечего; сами буквы все объясняютъ и просто и толково. Всякая буква по старинному нарѣчію заключаетъ въ себѣ полный смыслъ слова: и такъ: Р. З. Т. С К. П. Е. Д. въ новомъ слогѣ значитъ: Говори земля твердое слово како: покой есть добро! то есть: покойникъ какъ бы изъ гроба говоритъ: Скажи земля, покрывающая тлѣнный мой прахъ, тѣмъ людямъ, которые, занимаясь бренностію жизни, безпокоятся, мучатся, мучатъ другихъ, влюбляются, ревнуютъ, досадуютъ, бѣсятся, ищутъ, ползаютъ, пресмыкаются и прочее: что покой смерти, которымъ я наслаждаюсь, есть истинное добро, блаженство, счастіе, и прочая.– А? . . .

ПРАКСАГОРА. Точно такъ.

ЛЕСБІЯ. Я погибла;

ПЛИСѲЕНЪ. Ахъ, Езопъ. . .

ПРАКСАГОРА. Ну, Езопъ, ты видишь, что его языкъ стоитъ твоего,– (*обнимая Ксанѳа*) Славно! ты не осрамилъ свою жену.

ЕЗОПЪ. И ты увѣренъ, что это толкованіе вѣрно, и что надпись значитъ то, что ты говорилъ?

КСАНѲЪ. А развѣ кто нибудь еще въ этомъ сомнѣвается?

ПРАКСАГОРА. Я увѣрена, и прошу Плисѳена сейчасъ выдти изъ моего дома.

ЕЗОПЪ. Погоди не много, онъ еще намъ нуженъ.

ПРАКСАГОРА. На что?

ЕЗОПЪ. На доказательство.– (*Илисвену:*) Подай доску, (*Ксанву.*) разсмотри ее самъ,– и увѣрься въ буквахъ.

КСАНѲЪ. Разсмотрѣлъ и увѣрился, что я не ошибся.

ЕЗОПЪ. И такъ мудрецъ сказалъ, давъ буквальный смыслъ надписи, что онъ не ошибся.

КСАНѲЪ. И не можетъ ошибиться.

ЕЗОПЪ. И не можетъ ошибиться. А другой путешественникъ, человѣкъ самой простой, который не смѣлъ равняться съ философомъ ни мудростію, ни знаніемъ, подумалъ, покачалъ головою,– и сказалъ ему притчу:

Днемъ солнечнымъ желая насладиться;
По поднебесью Царь пернатый птицъ леталъ,
И тамъ гулялъ
Гдѣ молнія родится.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ
Царь–птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для орла насѣстокъ незавидной;
Но у Царей свои причуды есть;
Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было вблизи ему по чину сѣсть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю, что за мысль, но только что Орелъ
Не много посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то, хохлатая насѣдка
Толкуетъ такъ съ другой своей кумой:
«За что орлы въ чести такой?
Неужли за полетъ, голубушка сосѣдка?
Ну право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же впередъ такія дуры,
Чтобъ почитать орловъ честнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты же видѣла сейчасъ,
Что понизу они летаютъ такъ, какъ куры.»
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
— Ты права, только не совсѣмъ:
Но курамъ никогда съ орлами не подняться!
Когда поэтовъ судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно,
Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

КСАНѲЪ. Къ чему же сказалъ эту притчу человѣкъ простой?

ЕЗОПЪ. А къ тому, чтобы тѣ, которые его слушаютъ, не судили о геніи, какъ куры: онъ, хоть и вознесся въ поднебесные предѣлы краснорѣчія, но можетъ ошибаться въ азбучномъ объясненіи; но чрезъ то никакъ не будетъ равенъ какому нибудь рабу . . . .

КСАНѲЪ. А, продолжай!

ЕЗОПЪ. Простой человѣкъ объяснилъ басню; мудрецъ сказалъ: А! и улыбнулся, а простой человѣкъ, не говоря ни слова, пошелъ за ломомъ и заступомъ.

ПРАКСАГОРА. За ломомъ, и заступомъ? а это на что?

ЕЗОПЪ. На то, чтобъ тотчасъ исполнить приказаніе доски.

ПРАКСАГОРА. Какъ?

ЕЗОПЪ. На ней написаны однѣ заглавныя буквы, которыя сами по себѣ хоть и представляютъ тотъ смыслъ, которой нашелъ философъ; но съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ маленькихъ буквъ въ каждой заглавной, значитъ: рой землю, ты сыщешь кладъ подъ этой доскою.

ПРАКСАГОРА И ЛЕСБІЯ. Кладъ? . . . .

КСАНѲЪ. Кладъ. . . . Не можетъ быть.

ЕЗОПЪ. Ты не вѣришь?

КСАНѲЪ. Гдѣ доказательство?

ЕЗОПЪ. Плисѳенъ, подай доказательство

ПЛИСѲЕНЪ. Вотъ оно; – (*подаетъ ящичекъ*) я его выкопалъ подъ этой доской.

КСАНѲЪ. Возможно ли! . . . да что въ немъ?

ЕЗОПЪ. Мы это увидимъ.

КСАНѲЪ. Какъ онъ тяжелъ . . . . а какъ отворяется?

ПСАКСАГОРА. Просто, просто . . . онъ мнѣ объ этомъ сказывалъ.

ПЛИСѲЕНЪ. Нѣтъ, этотъ ящикъ отворяется ключемъ, которой я подъ нимъ нашелъ.

ЕЗОПЪ. Отопремъ же его . . . (*отпираетъ ящикъ*)

ПРАКСАГОРА. А гдѣ ты–нашелъ этотъ ящикъ?

ПЛИСѲЕНЪ. За городомъ между гробницъ.

ПРАКСАГОРА. Надобно–жъ къ моему несчастію, чтобъ я терпѣть не могла гробницъ, а то бы вѣрно нашла.

КСАНѲЪ. Нѣтъ, хвала Аѳинѣ, не я ошибся, а надпись: этой пишется съ *э*, а тутъ поставлено *есть*.

ЕЗОПЪ. Покойникъ видно не былъ большой грамотей.

КСАНѲЪ. Его вина: для чего онъ не учился? . . . а я правъ, — и не согла . . . .

ЕЗОПЪ, (*открывъ ящикъ.*) Сколько золота!

ВСѢ. Ахъ! (*Езопъ закрываетъ ящикъ:*)

КСАНѲЪ. Зачѣмъ ты его закрылъ?

ЕЗОПЪ. Чтобъ не мѣшать тебѣ досказать, что ты началъ говорить.

КСАНѲЪ. А что бишь я началъ . . . Да все равно . . . открой ящикъ . . . (*беретъ золото въ руки*) И это все принадлежитъ Плисѳену? . . .

ПЛИСѲЕНЪ. Лесбіи, если ты, позволишь.

КСАНѲЪ. Какъ ты думаешь, Праксагора, вѣдь мы проиграли закладъ . . . . А!

ПРАКСАГОРА. О! конечно проиграли.

КСАНѲЪ. Да, я признаюсь, что я приведенъ въ заблужденіе буквою *есть* и не точно растолковалъ смыслъ восьми буквъ.

ЕЗОПЪ. (*Бросая вверхъ свою шапку.*) Такъ я свободенъ?

КСАНѲЪ. Да;—и мы, чтобъ исполнить нашу клятву, отдаемъ дочь за Плисѳена.

ПРАКСАГОРА. Отдаемъ.

ЛЕСБІЯ. (*Бросаясь къ отцу и матери*) Ахъ, батюшка! . . . . Ахъ, матушка! . . . .

ПЛИСѲЕНЪ. (*Обнимая Езопа.*) Езопъ, ты отдалъ мнѣ это богатство.

ЕЗОПЪ. А ты купи мнѣ изъ него уголокъ земли,—и Езопъ будетъ счастливѣе всѣхъ въ свѣтѣ.

КСАНѲЪ. Езопъ сдѣлалъ насъ всѣхъ счастливыми,—и я хочу ему за то отслужить: завтра же поведу его къ Архонту; дамъ ему при немъ свободу; заставлю его прочесть нѣсколько басенъ, и пусть онъ судитъ, умѣю ли я цѣнить достоинство.

ЕЗОПЪ. Все это прекрасно; только я что-то боюсь судей....

КСАНѲЪ. Почему?

ЕЗОПЪ.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: послушай-ко дружище!
Ты, сказаваютъ, пѣть великой мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?
Тутъ соловей являть свое искуство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ

На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть, чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
Изрядно, говоритъ, сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.
Услыша судъ такой, мой бѣдной соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Лесвія.

Не авторъ вздумалъ съ соловьемъ
Въ сравненіе себя поставить:
Нѣтъ, онъ хотѣлъ чужимъ умомъ
Вамъ удовольствіе доставить.
Онъ къ критикѣ всегда готовъ;
Его, коль стоитъ онъ, хулите;
Но пѣсни славныхъ соловьевъ
Къ намъ слушать чаще приходите;
А кто жъ они?—Со мной скажите:
Хемницеръ, Дмитріевъ, Крыловъ.

—

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

—

Воля и доля.

Простые случаи изъ жизни.

—

Разсказъ И. С. Юрьевой.

—

I.

Поля только что сбросили съ себя снѣговые саваны и покрылись весенней зеленью и цвѣтами; все въ природѣ ожило и обновилось, кромѣ человѣка, которому нѣтъ обновленія: ежели рука разрушенія уже коснулась его, онъ безъ возврата вянетъ и исчезаетъ для земли. Роса спрыснетъ, солнце согрѣетъ—и увядшее растеніе ожило, разцвѣло; но ни горькія слезы, ни горячая любовь, напрасно изливаемыя на гробѣ, не вызовутъ человѣка къ жизни.

Въ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ майскихъ дней, когда въ воздухѣ и на землѣ все, кажется, живетъ двойною жизнію, въ домѣ княгини Борецкой царствовали мракъ и тишина могильные. Темные занавѣсы на окнахъ княгининой спальни были опущены, и среди свѣтлаго Божьяго дня распространяли въ комнатѣ почти совершенную темноту. Одинъ только лучъ лампады, горѣвшей предъ иконою Богородицы, разливалъ слабый свѣтъ и падалъ на ложе страданія, съ котораго старая княгиня должна была сойти въ могилу. Жизнь еще, по временамъ, проявлялась въ ней страданіемъ тѣла, но душа давно уже не оживляла этого полуразрушеннаго остава ни мыслію, ни сознаніемъ, и ждала только послѣдняго удара смерти, чтобы освободиться отъ своихъ тяжелыхъ узъ.

Мертвая тишина въ комнатѣ была изрѣдка нарушаема хриплымъ и прерывистымъ дыханіемъ больной и едва слышными рыданіями молодой дѣвушки, которая сидѣла у ногъ умирающей. Наконецъ дверь въ сосѣднюю комнату отворилась и молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, вошелъ въ спальную.

— Посмотрите, Шарль, ей кажется еще хуже, говорила молодая дѣвушка.

— Ей не можетъ быть хуже, Надина, отвѣчалъ молодой человѣкъ, взявъ за руку больную: руки ея уже похолодѣли. Но для чего же такъ печалиться, продолжалъ онъ, взглянувъ на плачущую дѣвушку съ любовію и горемъ: развѣ вы не знаете, что ваше отчаяніе терзаетъ меня? Перестаньте, Надина... довольно, мой добрый другъ, горе наше не спасетъ ее... теперь ей помощникъ одинъ Богъ! Чтобы спасти ее для нашего общаго счастія, я сдѣлалъ всё, что наука и знаніе мое могли мнѣ представить, я хотѣлъ спасти ее для васъ, Надина, но Богъ не далъ мнѣ этой радости; по-крайней-мѣрѣ, онъ поможетъ мнѣ посвятить вамъ жизнь мою, сдѣлать все для счастія моей Наденьки и постараться собою замѣнить вамъ потерю матери.

Наденька (такъ звали молодую дѣвушку) тихо пожала протянутую ей руку: Будущее въ рукахъ Бога, сказала она, но теперь о ней, только о ней... и что же докторъ, за которымъ посылали? будетъ-ли онъ? Можетъ быть, вдвоемъ вы ей и поможете; не сердитесь, Шарль, но вы еще такъ молоды, онъ старѣе и, стало быть, опытнѣе васъ.

— За докторомъ послали три подставы, говоритъ батюшка, мы ждемъ его съ минуты на минуту.

— А отъ князя нѣтъ извѣстія?

— Нѣтъ! Посланный еще не возвращался; вѣрно князь самъ будетъ сюда.

Тихо, неслышными шагами приблизилась Наденька къ больной. Княгиня была покойнѣе, дышала рѣже и страдальческія вѣжди сомкнулись для успокоительнаго сна. Въ это время тройка измученныхъ лошадей остановилась у крыльца: прибылъ докторъ. Всѣ бросились къ нему на встрѣчу, но прекрасная душа княгини Борецкой уже высоко парила надъ землею. Запоздалый докторъ, чтобъ не потерять награды за визитъ, взглянулъ на больную и, пощупавъ пульсъ, съ весьма важнымъ и рѣшительнымъ видомъ объявилъ, что княгиня скончалась, хотя плачъ окружающихъ еще при входѣ извѣстилъ его объ этомъ.

Пышные похороны тянулись, черезъ нѣсколько дней, изъ гос-

подскаго дома въ церковь. Все, что было богатаго и знатнаго въ окружности, на разстояніи ста верстъ, провожало тѣло княгини.

Обитая трауромъ церковь, высокій катафалкъ, хоръ пѣвчихъ изъ губернскаго города—все придавало торжественность обряду; ничего не было упущено изъ вида богатымъ наслѣдникомъ, племянникомъ покойницы.

Въ день выноса домъ наполнился народомъ, хоръ пѣвчихъ величественно и грустно пѣлъ молитвы за упокой души усопшей. Дамы, раздѣлясь на группы, помѣстились въ разныхъ мѣстахъ, у гроба остались только богатый наслѣдникъ, молодой докторъ и Наденька, воспитанница и крестница княгини Борецкой.

—Посмотрите, графиня, говорила одна изъ дамъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, посмотрите, ради Бога, на эту бѣдную дѣвушку: мнѣ кажется, она умираетъ; взгляните, она еще блѣднѣй покойницы. . . право мнѣ её очень жаль.

— Да; отвѣчала другая дама, ея положеніе не завидно; у княгини она привыкла жить по-барски, а вѣдь она, я слышала, дочь какого-то бѣднаго моряка, ее бы не слѣдовало пріучать къ роскоши; у меня у самой были двѣ воспитанницы; ну я ихъ и держала, какъ было прилично ихъ званію, учила только тому, что было нужно знать имъ, и обѣихъ пристроила: одна у меня завѣдуетъ теперь всѣмъ домомъ и я ей плачу жалованье; другая за-мужемъ за моимъ прикащикомъ, и обѣ очень довольны своимъ положеніемъ.

—Но вѣдь и покойная княгиня хотѣла....

— Помилуйте, да это идиллія въ лицахъ! просто романъ Дюкре-дю-Мениля! вотъ ужъ года три какъ уѣзжалъ онъ,—и словоохотная разсказчица показала глазами на молодаго доктора,—за-границу образовываться; смѣшно сказать, сына управителя, какого-то бездомнаго нѣмца, посылать за-границу для образованія, какъ будто онъ изъ какого-нибудь знатнаго дворянскаго дома! Къ чему это? Впрочемъ говорятъ, что будто онъ ей былъ немножко съ родни.... при этомъ графиня язвительно улыбнулась. Твердитъ бывало: Нельзя же оставить, вѣдь Богданъ Богданычъ служилъ вмѣстѣ съ моимъ мужемъ! — Слышите . . . вмѣстѣ служили! — онъ, говоритъ, такой честный человѣкъ! Боже мой, да мало-ли честныхъ людей, нельзя же у всѣхъ дѣтей обобрать на воспитаніе. Мнѣ сказывали, что лѣтъ за двадцать этотъ Богданъ Богдановичъ нанялся къ ней въ управители и привезъ съ собою сына, мальчика лѣтъ восьми или девяти; княгиня тогда давно уже вдовѣла, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего взяла къ себѣ мальчика, и пошла въ него садить деньги: и лучшій пансіонъ, и Университетъ, и поѣздка за

границу — Ну, ужъ какъ хотите, а по моему это не съ проста! Сыну управляющаго можно подарить сто рублей, а не убавить на него тысячи.

— Ну, а Наденька? возразила другая дама.

— Чтожъ, другая странность! Крестница вѣдь не дочь, а она воспитала ее, какъ знатную барышню, всю свою жизнь только и возилась съ нею. Мои воспитанницы видите-ли были ей не пара, ихъ понятія о вещахъ, какъ говорила покойница, совершенно различны. — Да, Боже мой, мало-ли глупостей она дѣлала, царство ей небесное! Что же вышло изъ всего этого? Дочь ея сердца, какъ она называла Надю — теперь нищая бѣлоручька, которая сама и прокормить-то себя не можетъ.

— Но, вѣроятно, княгиня обезпечила ея состояніе; свадьба ужъ была назначена въ будущемъ сентябрѣ, вѣрно же она подумала объ счастіи двухъ юныхъ, пламенныхъ сердецъ, сказала дама насмѣшливо, желая не отстать отъ Графини и въ свою очередь кинуть доброе словцо въ еще открытый гробъ покойницы.

— Да, да! сказала съ грустнымъ видомъ Графиня, развѣ что такъ. Ну вотъ скажите, продолжала Графиня, какъ вы это назовете, — а я, прости меня Господи грѣшную, ужъ и словъ не приберу: вздумала женить своихъ любимцевъ и затянула дѣло на три года, пусть, молъ, прежде привыкнутъ къ мысли, что они будутъ принадлежать другъ другу, покороче узнаютъ другъ друга. Да мы сами и не такого рода, а выходили-же замужъ безъ этихъ французскихъ вычуръ — и, слава Богу, прожили вѣкъ и дѣтей нажили. — Ужъ ежели покойница, не тѣмъ будь помянута, хотѣла представлять Аркадію въ лицахъ, такъ поскорѣй бы ихъ подъ вѣнецъ, да и дѣлу конецъ, и давно бы имѣла счастіе нянчить плодъ отъ плода своихъ благодѣяній.

Такъ, или съ маленькими измѣненіями, говорили повсюду. Наденька была темою, которую каждый варьировалъ по своему.

— А что скажешь, Nicolas! вѣдь дивно хороша, а особливо въ черномъ? Точно бѣлая роза, сорванная со стебля, сказалъ одинъ охотникъ до сравненій.

— Да, отвѣчалъ другой, но такъ же нѣжна и недоступна; нѣтъ, я не охотникъ до розъ, я люблю полевые цвѣты.

Въ продолженіе отпѣванія, богатый наслѣдникъ держалъ себя, какъ должно при такомъ случаѣ: грустно-холодное лицо, короткіе, важнымъ голосомъ произносимые отвѣты на дѣлаемые

вопросы, всё обличало въ немъ человѣка, умѣющаго жить и держать себя въ свѣтѣ.

Страшная суматоха поднялась, когда начали прощаться съ покойною Княгинею; со всѣми дамами, выключая Наденьки, дѣлалось дурно, а особливо съ Графинею; одна Наденька твердо подошла къ гробу. Поклонясь въ землю, она прошептала: «прощай, моя мать!» — холодными, посинѣвшими губами приложилась къ рукѣ ежедневно благословлявшей ее, и отошла отъ гроба безъ стона, безъ слезъ. — «Какое каменное сердце у этой дѣвушки!» тутъ же сказали многіе. И дѣйствительно! давно опустѣло кладбище и добрые сосѣди, въ упоеніи отъ радушнаго хозяина, послѣ роскошныхъ и суетливыхъ поминокъ, разъѣхались во-свояси, а она всё еще стоитъ надъ высокую насыпью, холодна, безжизненна, какъ марморная фигура надгробнаго памятника. Поздно уже въ домѣ хватились Наденьки. Тихо, покорно послѣдовала она за человѣкомъ, отыскавшимъ ее; ее уложили въ постель, и она долго не покидала ее, въ наказаніе за свою безчувственность.

Много страдальческихъ дней и ночей прошли для бѣдной дѣвушки, многое измѣнилось въ домѣ покойной княгини, когда Наденька впервые пришла въ себя, и хотя смутно, но вспомнила прошедшее. Она тихо кликнула:—Дуняша! и молодая горничная Наденьки, подошла къ постели.

— Отъ чего такъ тихо въ домѣ ? гдѣ-же всѣ?

— Да никого почти нѣтъ, сударыня, комнаты всѣ заперты, баринъ еще на другой день послѣ похоронъ уѣхалъ. Слуги пебрались въ людскую, кромѣ насъ, человѣкъ трехъ, которымъ велѣно оставаться при вашей милости.

— Но развѣ я такъ долго была больна?

— « Ахъ, Боже мой, да вѣдь ужъ почти пять недѣль прошло, какъ барыня скончалась, и вы какъ захворали, то всё были безъ памяти, и когда Карлъ Богдановичъ простился съ вами, вы тоже ничего не помнили и не узнали его.

— Какъ простился? за чѣмъ?—И больная, какъ бы отъ электрическаго удара быстро приподнялась на постели.

— Какъ зачѣмъ-съ? Да вѣдь они уѣхали въ Питеръ; говорятъ, что имъ пришелъ срокъ явиться на службу. А ужъ какъ-же онъ бѣдный плакалъ, цѣлуя ваши ручьки, даже и мы всѣ прослезились.— Ахъ батюшки-свѣты! да вамъ дурно! Господи, что я дура надѣлала!

Наденька лежала безъ чувствъ, послѣднихъ словъ она уже не слышала. Карлъ уѣхалъ-кинулъ ее, больную, на краю гроба. Гдѣ

же исполненіе тѣхъ пышныхъ обѣщаній, гдѣ клятва посвятить ей всю жизнь свою, замѣнить ей собою всё и всѣхъ? Это былъ одинъ пустой звукъ, который исчезъ въ воздухѣ.

Богданъ Богдановичъ Гейманъ, отецъ Карла, былъ человѣкъ, который смотрѣлъ на людей и жизнь, какъ говорится, съ настоящей точьки зрѣнія. Положительный, твердый и упрямый, онъ въ продолженіе своей шестидесяти-лѣтней жизни не сдѣлалъ ни одного необдуманнаго поступка или нерасчитаннаго шага; увлечься, покориться чему-нибудь—были для Геймана слова непонятныя. Два слова *полезно* и *невыгодно*, значеніе которыхъ онъ постигалъ во всей обширности, руководили всѣми его дѣйствіями.

Онъ былъ расчитанно честенъ, никогда не присвоялъ чужаго, но не уступалъ и своего. Выгода была единственная цѣль, къ которой стремился Гейманъ и горе всякому человѣческому чувству, если оно становилось ему поперегъ дороги; онъ презиралъ и громадность страданія и рѣки слезъ, смѣло шелъ впередъ, наперекоръ препятствіямъ. Этой твердостью характера Богданъ Богдановичъ заставилъ всѣхъ окружающихъ уважать свою волю и покоряться ей. Гейманъ сказалъ-это значило тоже, что Гейманъ сдѣлалъ.

Карлъ, напротивъ, былъ совершенный контрастъ съ отцомъ. Добрый, деликатный, великодушный, даже до излишества уступчивый, онъ дѣйствовалъ всегда по внушенію сердца; мудрено-ли, что онъ часто впадалъ въ заблужденія. Но и самые его проступки носили на себѣ слѣдъ глубокаго задушевнаго чувства. При такомъ характерѣ, понятно, что отецъ имѣлъ надъ нимъ неограниченную власть.

Чрезъ три дня послѣ описаннаго нами происшествія старикъ Гейманъ позвалъ Карла въ кабинетъ.

— Срокъ твоего отпуска приходитъ къ концу, тебѣ надо ѣхать— этого требуетъ твоя польза. Княгиня умерла, теперь ты долженъ надѣяться только на себя, и отнюдь не уклоняться отъ своихъ обязанностей, чтобы не испортить будущей карьеры, которую тебѣ, слава Богу, открыли порядочно.

Пораженный до глубины души Карлъ въ первый разъ рѣшился возражать отцу; но на всѣ убѣжденія просьбы онъ слышалъ одинъ отвѣтъ: « Вздоръ, ребячество! Этого требуетъ твоя польза. »

— Но Наденька, батюшка, больна, при смерти. Она моя невѣста, кому же я ее поручу, какъ посмѣю оставить?

— Я послалъ за другимъ докторомъ. Если ей суждено умереть, то ты не спасешь ее, а повредишь только себѣ. — Ваша свадьба не можетъ быть ранѣе года, этого требуетъ благодарность къ памяти вашей благодѣтельницы и приличіе, — а если ты не исполнишь моего желанія, то я никогда не дамъ моего согласія на вашъ бракъ.

Что было дѣлать бѣдному молодому человѣку? Вполнѣ завися отъ отца и зная его непреклонную волю, онъ долженъ былъ уступить и съ отчаяніемъ въ душѣ повиноваться. Невыразимо страдая, онъ передалъ больную на руки пріѣхавшему врачу и въ первой разъ въ жизни забылъ всѣ приличія свѣта и важность своего званія: онъ плакалъ, какъ дитя, прощаясь съ своею безчувственною невѣстою.

Карлъ уѣхалъ. Наденька осиротѣла.

Болѣзнь тѣла какъ будто убила горе души въ бѣдной дѣвушкѣ.

Слабая, изнуренная, она просиживала по нѣсколько часовъ сряду подъ окномъ, смотря вдаль, безъ мысли, безъ чувства, даже безъ воспоминанія прошедшаго. Въ такомъ положеніи была Наденька, когда въ одинъ изъ вечеровъ на дорогѣ, тянувшейся широкою лентою въ поле, показалось густое облако пыли и неслось все ближе и ближе, наконецъ уже можно было различить прекрасный берлинъ, запряженной четверкою въ рядъ. — Въ домѣ все ожило, засуетилось. Широкія ворота раскрыли свои объятія, и быстро и гордо влетѣлъ въ нихъ новый обладатель.

Первый вопросъ его былъ объ Наденькѣ, и кланяясь ласково на обѣ стороны столпившейся дворовой прислуги, онъ прямо прошелъ на половину, гдѣ помѣщалась молодая дѣвушка.

И родственная любовь, и теплая дружба, и задушевное участіе просвѣчивались въ глазахъ Князя, когда онъ подалъ руку несчастной дѣвушкѣ. Цѣлый часъ говорилъ Князь съ Наденькою, и уходя сказалъ: выздоравливайте и будьте покойны! объ вашемъ счастіи заботиться вашъ другъ.

Часъ этотъ былъ благотворенъ для Наденьки: въ этотъ часъ она выздоровѣла, потому что Князь съумѣлъ заставить ее плакать тихими слезами сердечнаго горя и тѣмъ снялъ холодную воду отчаянія съ души ея. Въ первый разъ она, послѣ смерти Княгини, слышала голосъ дружбы и участія и это воскресило ея душу; мысль ея ожила и прошедшее быстро понеслось передъ ея воображеніемъ.—Вотъ она дитя, на колѣнахъ у своей плачущей матери, она слышитъ, какъ та говоритъ: «Дитя мое, отецъ твой умеръ и у насъ ничего нѣтъ!» — Потомъ пріѣхала какая-то богатая, ласковая дама; она такъ цѣловала дитя, такъ долго говорила

съ матерью, а мать плакала, кланяясь и насильно цѣлуя руки у доброй дамы. — Но вотъ у воротъ ихъ маленькаго домика остановилась богатая карета. Наденьку одѣли въ бѣлое платьеце, заставили молится въ землю образу, который держала рыдающая мать, благословили и повезли въ богатой каретѣ. Тутъ началась новая жизнь. Много игрушекъ, много платьевъ и много книгъ; у нея особенная комната, съ ней неразлучно какая-то старушка, которая много говоритъ и которую она не понимаетъ, а ласковая дама говоритъ ей, расглаживая на лбу ея волосы:» учись душечька по французски, вѣдь ты у меня милое дитя! Я дамъ тебѣ новое платьеце!»

Мелькнуло предъ Наденькою ея первое знакомство съ маленькимъ товарищемъ. «Люби его, Наденька, говорили ей, это твой братъ!»—И сколько веселыхъ часовъ, сколько игръ, какъ любилъ ее этотъ миленькій братецъ!-Быстро промчались предъ Наденькою годы дѣтства и годы юности; однообразно, но счастливо катились они; любовь и попеченія княгини, ея крестной матери, прогулки съ старушкой француженкой, ея гувернанткой, ежедневныя занятія съ учителемъ словесности, съ этимъ задумчивымъ чудакомъ, надъ которымъ такъ смѣялась вся дворня, потому что онъ былъ восторженный бѣднякъ и странно одѣвался, по запоздалой модѣ, и котораго боялась Наденька, потому-что онъ объяснялся съ ней такъ высокопарно и для нея непонятно.

Учитель этотъ первоначально былъ уѣзднымъ лекаремъ, но за неимѣніемъ практики въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ каждый боится доктора болѣе самой болѣзни, принужденъ былъ заняться преподаваніемъ уроковъ, а какъ усадьба княгини была не дальше двухъ верстъ отъ города, то онъ у ней почти и жилъ. «Что наша ученица, говорила княгиня, входя въ классную комнату: какъ успѣваетъ?—Она сама поэзія, ваше сіятельство! отвѣчалъ учитель: часы, которые мы здѣсь съ ними посвящаемъ Аполлону и музамъ, я почитаю наслажденіемъ для меня духовнымъ. — И сыпались на Надю ласки послѣ этой выспренней похвалы, и она какъ будто до сихъ поръ еще чувствовала теплое дыханіе и поцѣлуи доброй крестной на своей щекѣ. Но однообразіе жизни нарушилось: учитель словесности, получивъ изъ Одессы извѣстіе, что дядя его, котораго онъ зналъ только по слуху, умеръ и отказалъ ему свою рухлядь, принужденъ былъ туда ѣхать по вызову присутственнаго мѣста, да старушка гувернантка, черезъ-чуръ затянувшись и скушавъ лишній кусокъ дыни на имянинахъ княгини, вдругъ ночью захворала и умерла отъ спазмовъ. Потомъ

жизнь опять потянулась такъ же тихо:—библіотека съ лучшими твореніями — чудный садъ съ безконечными аллеями — любимые цвѣты, любимое лицо крестной — вотъ все ея разнообразіе.

Но вотъ ударилъ часъ перерожденія: завтра ей 17 лѣтъ. Крестная и она на балконѣ. Солнце клонилось къ закату и обливало всю окрестность золотомъ, а легкія облачка пурпуромъ; птицы, щебеча, летѣли въ гнѣзда свои и все растительное царство напутствовало уходящее свѣтило благословеніемъ въ благовонныхъ струяхъ. Даль затуманилась. Крестьяне съ пѣснями шли съ работы мимо барскаго двора. Едва пѣсни замерли за прилѣскомъ, какъ вдали зазвенѣлъ колокольчикъ, радостный вѣстникъ гостей. Вотъ звенитъ онъ все громче, громче, ближе, ближе и замолкъ у воротъ — кто-то выскочилъ изъ экипажа, поднялся на лѣстницу, раздались шаги въ залѣ и молодой человѣкъ почти вбѣжалъ на балконъ.

Это Карлъ.

Боже мой! какъ онъ перемѣнился, какъ выросъ, какъ возмужалъ! Нѣтъ и тѣни того Карла, который за три года бѣгалъ съ Наденькою по саду въ запуски. Карлъ кончилъ курсъ наукъ и пріѣхалъ въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ за границу, провести лѣто въ деревни у Княгини.

Какъ быстро понеслось время. Едва кажется прошелъ день Наденькинаго рожденья, еще не высохли въ вазѣ цвѣты, подаренные Карломъ новорожденной, а уже наступила зима и съ нею день отъѣзда Карла. — Но въ эти немногіе мѣсяцы много пережила, перечувствовала Наденька: Карлъ ея женихъ! — Это желаніе крестной. Добрая крестная, она желала того, что таилось глубоко на сердцѣ у самой дѣвушки. Тайна ея вылилась въ горячихъ поцѣлуяхъ и теплыхъ слезахъ на груди Княгини: «Да maman, да, я люблю его! Люблю больше всего на свѣтѣ!» воскликнула Надя, когда та говорила: Не стыдись, мой другъ Наденька! Любовь чувство святое, дѣвушка должна имъ гордится, если она только такъ чиста, какъ ты.

Но вотъ дорожная коляска, она увезетъ далеко ея Карла — и Надя плачетъ; — вотъ прощаются и Княгиня говоритъ: «Карлъ! проститесь съ Наденькою, поцѣлуйте невѣсту въ первой разъ!» — Вотъ и поцѣлуй; но это не тотъ, не перьвый: Наденька помнитъ еще поцѣлуй — тамъ, въ концѣ аллеи, въ бесѣдкѣ, гдѣ она слышала въ перьвой разъ: «Люблю васъ Надина!» — и тотъ поцѣлуй еще до сихъ поръ горитъ на ея щекѣ.

Три года — вѣчность! но и они прошли. Ждутъ домой желаннаго гостя. Сколько обновъ, нарядовъ, сколько ласкъ отъ крест-

ной — дѣвушка счастлива! «Къ осени будетъ сюда мать твоя, Надина, мы ее перевеземъ изъ города, мы будемъ съ нею жить здѣсь, а вы тамъ, мой другъ» — и она показала крестницѣ на виднѣвшуюся за лѣсомъ деревеньку — хорошенькую, съ прекраснымъ господскимъ домомъ, съ садомъ и съ церковію, которая, утонувъ въ густой зелени, выглядывала только золотымъ крестомъ, ярко блиставшимъ отъ солнца. — «Это будетъ ваша усадьба; я вамъ ее куплю. Но вы переѣдите туда не скоро, чрезъ полъ-года, чрезъ годъ; тогда я буду ѣздить къ вамъ въ гости, ласкать васъ и всѣхъ вашихъ . . . и Княгиня такъ радушно улыбнулась, такъ ласково смотрѣла на Наденьку.

Пріѣхалъ Карлъ. — Понеслось время, а съ нимъ и воображеніе дѣвушки и съ ужасомъ остановилось предъ высокимъ, мрачнымъ катафалкомъ; четыре свѣчи, увитыя чернымъ крепомъ, тускло обивали гробъ, стоявшій на немъ — а въ гробѣ лежало все счастіе, вся радость бѣдной дѣвушки! Вотъ высится свѣжая могила: на ней нѣтъ еще камня, одинъ простой крестъ.... и Наденька со стономъ упала на ручку кресла... Она силилась взглянуть, что для нея готовится за этою могилою — но....

— Князь приказалъ спросить, гдѣ вамъ угодно, чтобы они кушали чай, у васъ или у себя? — прервалъ мечты дѣвушки голосъ вошедшаго слуги.

— Гдѣ угодно Князю, отвѣчала еще взволнованная Наденька.

— Если это васъ не обезпокоитъ, то его сіятельство желаютъ у васъ чай кушать.

— Очень рада, милости просимъ.

Нѣсколько дней, остававшихся еще до шестинедѣльнаго срока, провела Наденька, если не счастливо, то по крайности покойно. Еслибы кто со стороны взглянулъ, болѣе опытнымъ глазомъ, чѣмъ Наденька, то увидѣлъ бы, что въ ласкахъ Князя, въ его угожденіяхъ и нѣжномъ вниманіи, проглядывало болѣе, чѣмъ обыкновенное участіе къ бѣдной дѣвушкѣ, что глаза его искрились не однимъ состраданіемъ; но Наденька въ своей невинности приписывала все необычайной добротѣ его сердца и была въ душѣ ему благодарна.

Наконецъ наступилъ сороковой день. Послѣ панихиды и завтрака, все мѣстное начальство приступило къ вскрытію имущества покойной Княгини. Печати сняты, ящики отперты, начались разборы бумагъ: все было въ прекрасномъ порядкѣ, купчія крѣпости, вѣрящія письма, вотъ пачки ломбардныхъ билетовъ, большая часть изъ нихъ на имя неизвѣстнаго и на значительную

сумму, все было тутъ на лицо — кромѣ духовнаго завѣщанія, котораго Княгиня вѣроятно еще не сдѣлала, надѣясь при жизни устроить всё по своему желанію.

Князь былъ объявленъ полнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ и введенъ во владѣніе законнымъ порядкомъ.

При поздравленіи, увѣреніяхъ во всегдашней готовности служить и желаніи счастія разъѣхались земскіе чины. Былъ уже почти вечеръ. Утомленный Князь остался одинъ въ своемъ кабинетѣ.

Наденька не была при вскрытіи наслѣдія, она оставалась одна въ своей комнатѣ — цѣлый день прошелъ, и никто и не заглянулъ къ ней, даже чайный приборъ съ самаго утра не былъ вынесенъ изъ комнаты. Не зная ничего, бѣдная дѣвушка безотчетно тосковала, на нее нападалъ какой-то ужасъ, какъ бы отъ присутствія невидимаго существа, тоскующаго съ нею. Нѣсколько разъ она принималась молиться, но душа была холодна, языкъ нѣмъ.—Такъ прошелъ день, такъ прошла и ночь.—Склоня голову на грудь, сѣла Наденька на краю своей постели, и въ этомъ положеніи застало ее выглянувшее изъ за лѣсу солнце. Вскорѣ въ домѣ мало по малу начало все приходить въ движеніе, громкій разговоръ, неосторожная походка и стукъ дверей въ сосѣднихъ комнатахъ ясно показали ей контрастъ вчера и сегодня.—Въ десять часовъ Князь прислалъ просить ее къ себѣ.

Болѣе часа уже прошло, какъ Наденька была въ кабинетѣ, объ чемъ тамъ говорили, никто не зналъ. Когда она пришла къ себѣ въ комнату, она быстро подошла къ столу, взяла листъ бумаги и скоро начала писать. Нѣсколько разъ Наденька клала перо и прижимала руки къ груди, какъ бы останавливая ея волненіе, потомъ опять принималась за письмо. Вотъ что писала дѣвушка.

« Карлъ! »

« Судьба наша рѣшена, всё разрушено! Богу не угодно было устроить нашего счастія, покрайнѣй мѣрѣ теперь. Покоримся Его святой волѣ. Я никогда не соглашусь соединить судьбу мою съ вашей, при теперешнихъ обстоятельствахъ. Я дала клятву себѣ и той, которая такъ желала видѣть насъ благополучными, считать ваше счастіе моею первою обязанностію, и не измѣню моей клятвѣ. Внести къ вамъ въ домъ заботы, нужду, и слѣдовательно горе, — это значило бы погубить васъ. Я слишкомъ люблю васъ, чтобъ быть эгоисткой, у насъ въ эту минуту ничего нѣтъ, кромѣ воспоминанія объ надеждѣ на счастіе. Если когда нибудь я буду въ состояніи представить вамъ вмѣстѣ съ моей любовью не одни только заботы и бѣдность, то я сама напомню о себѣ,

если же нѣтъ, — то будьте счастливы и забудьте обо мнѣ. Это моя молитва къ Богу.» *Надина.*

Она поспѣшно запечатала письмо, рука была тверда—вся энергія женщины, любящей и потрясенной чѣмъ то до глубины души, выказалась у ней въ эту минуту.

Служанка Лиза, нѣмая свидѣтельница этой сцены, стояла, какъ прикованная, едва вѣря глазамъ, до того поразительно перемѣнилась Наденька въ одинъ часъ: она возмужала и окрѣпла, такъ, что сама была въ состояніи дѣйствовать за себя, она перешагнула за рубежъ надежды на счастіе.

— Лиза, сказала Наденька, сейчасъ сходи къ Богдану Карловичу и попроси его на одну минуту пожаловать ко мнѣ.

Оставшись одна, бѣдная дѣвушка нѣсколько минутъ ходила по комнатѣ, потомъ подошла къ образу и, поклонясь въ землю, долго оставалась въ этомъ положеніи, стараясь вызвать изъ души молитву: тщетны были ожиданія, она въ состояніи была только прошептать: «Господи, Боже мой, спаси и не оставь меня!» — Отчаянье сушитъ слезы — Наденька не плакала.

Когда пришелъ Гейманъ, Наденька поблѣднѣла. Настала роковая минута, которая рѣшала окончательно все.

Гейманъ молча поклонился и нѣсколько минутъ ждалъ; но видя, что Наденька молчитъ, онъ систематически понюхалъ табаку и спросилъ весьма хладнокровно: вы желали сказать мнѣ что нибудь?

Холодный голосъ, безучастный взоръ старика въ минуту возвратили дѣвушкѣ твердость; правда, нѣсколько разъ голосъ ея терялъ ровность, но это было на мигъ.

— Богданъ Карловичъ, я рѣшилась обезпокоить васъ, потому что считаю необходимымъ и очень важнымъ для меня объясниться съ нами откровенно.

— Я васъ слушаю.

— Вѣроятно вамъ уже извѣстно, что. . .

— Что Княгиня умерла, не оставя завѣщанія, и тѣмъ лишила васъ всего обѣщаннаго — знаю.

— Слѣдовательно, вы знаете, что въ настоящемъ положеніи предположенное ею соединеніе....Наденька остановилась.

— Было-бы болѣе, чѣмъ не благоразумно, подхватилъ Гейманъ, ни мой сынъ, ни вы ничего не имѣете; когда-то вы еще что нибудь пріобрѣтете своими трудами, и до тѣхъ поръ — что? — Разсчитывать-же на небольшое мое состояніе. . .

— Я, господинъ Гейманъ, прервала Наденька быстро, никогда и ни на что не разсчитывала, даже едва понимаю это слово.

Я желаю счастія вашему сыну и не хочу обременять никого. А въ доказательство, вотъ вамъ письмо къ Карлу, отошлите его и прибавьте, что я спокойно покоряюсь волѣ обстоятельствъ. — Руки у бѣдной дѣвушки была холодны, губы дрожали, это были единственные признаки ея страданія. Гейманъ взялъ письмо и сломилъ печать. Легкой крикъ вырвался изъ груди Наденьки. Не обращая на это вниманія, Гейманъ прочелъ письмо, и наконецъ взглянувъ на Наденьку со всею ласкою, къ какой онъ былъ способенъ, сказалъ: Вы добрая и благородная дѣвушка, мнѣ очень жаль, что все это такъ случилось; но дѣлать нечего. Для общей вашей пользы, должно отложить, покрайнѣй мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ вашу свадьбу. — Но, продолжалъ онъ, я бы вамъ совѣтовалъ приписать еще здѣсь, внизу, чтобы Карлъ не безпокоилъ васъ своими письмами, это ни къ чему не поведетъ, а заставить васъ только обоихъ страдать и долѣе, и безъ пользы.

— Наденька повиновалась безпрекословно.

Богданъ Карлычъ вложилъ письмо въ конвертъ, осторожно запечаталъ и положилъ въ карманъ.

— Теперь, между нами все кончено, сказала бѣдная дѣвушка.

— Ваша матушка должна скоро быть здѣсь, за нею четыре недѣли уже посланы лошади.

Чрезъ три дня у подъѣзда стояла дорожная кибитка, въ которую укладывали чемоданы и узлы. Горничная усердно хлопотала, говоря: укладывайте такъ, чтобы было покойно сидѣть, дорога неблизкая, а она, бѣдненькая, ужъ отвыкла отъ такихъ экипажей.

Вскорѣ на крыльцѣ показались двѣ женщины, старушка и молодая дѣвушка, перьвая горько плакала, молодая же была только очень блѣдна, и цѣлуя горничную сказала: «Прощай Дуняша — спасибо за все!»

Наконецъ сѣли, бывшіе на крыльцѣ два лакея и Дуняша перекрестились, лошади тронулись. — Наденька уѣхала, покинувъ кровъ, гдѣ такъ много сулила ей судьба.

—

II.

На Пречистенкѣ, въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ, остановилась госпожа Носкова, помѣщица, пріѣхавшая изъ деревни въ Москву, какъ говорится, людей посмотрѣть и себя показать. Правда, ужъ это было не въ первый разъ, три года сряду она на зиму предпринимала эту поѣздку съ своимъ семействомъ, въ на-

деждѣ оставить въ столицѣ кого нибудь изъ своихъ чадъ. Но до сихъ поръ надежда ея не сбывалась.

Домъ этотъ можно было назвать домомъ вѣчныхъ хлопотъ, никто изъ окружающихъ г-жу Носкову не зналъ покоя ни на минуту, лакеи всегда въ разсылкѣ, дѣвки въ бѣготнѣ, едва было отдано приказаніе, какъ вслѣдъ затѣмъ другой бѣжалъ, чтобы отмѣнить его, и третій догонялъ съ новымъ утвержденіемъ.

Въ минуту, въ которую мы знакомимъ ее съ читателями, г-жа Носкова была очень озабочена, и не даромъ: на дняхъ объявленъ былъ балъ-маскерадъ въ Дворянскомъ Собраніи.

Десять часовъ утра! Ольга Алексѣвна Носкова сидѣла, на диванѣ и голосъ ея, подобно бранной трубѣ, звучалъ изъ конца въ конецъ на ея квартирѣ.

Она была еще не одѣта, бѣлый, широкій пеньоаръ покоился на ея полномъ станѣ, ночной чепчикъ былъ кинутъ на столѣ и густыя съ просѣдью волосы въ безпорядкѣ космами выползали сквозь зубья гребня, не смотря на то, что горничная уже около часу стояла позади барыни, ожидая приказанія начать уборку головы.

— Эй! кто тамъ? Крикнула Ольга Алексѣевна; горничная кинулась было къ дверямъ. — Куда ты дура, развѣ кромѣ тебя никого нѣтъ? Кто тамъ? Раздался голосъ громко и въ комнату вбѣжала молодая дѣвушка.

— Что это вы, матушка, словно съ цѣпи сорвались! а барышни гдѣ?

— У себя въ комнатѣ, одѣваются, чтобы ѣхать съ вами, отвѣчала тихо дѣвушка.

— Одѣваются? А для чего?

— Вы изволили приказать мнѣ велѣть закладывать возокъ; онъ готовъ.

— Что это вы, мамзель, въ самомъ дѣлѣ! Никакъ съ ума сошла! И вы смѣете въ чужомъ домѣ распоряжаться, сказала Ольга Алексѣевна. Развѣ вы ослѣпли, что я еще не одѣта, что жъ они поѣдутъ съ вами что ли? Пожалуйста, не умничайте у меня; я еще не скоро поѣду, а лошадямъ нельзя мерзнуть два часа на холоду, для вашей забавы.

Минутъ чрезъ десять опять раздался призывный гласъ г-жи Носковой. «Что же барышни? Гдѣ онѣ? Въ комнату вошли двѣ молодыя дѣвушки, высокія, полныя, словомъ, кровь съ молокомъ, меньшой, казалось, было 24 года.

— Ну что, вы готовы? надѣвайте же салопы, да и въ магазинъ. Палаша! скорѣе одѣваться. Палаша кинулась со всѣхъ ногъ.

— Да прикажите сперва возокъ заложить, сказали дочери, чтобъ намъ его не ждать.

— Да кто жъ велѣлъ лошадей распречь, вѣдь онъ былъ готовъ?

— Надежда Александровна сказала, что вы приказали.

— Гдѣ мамзель?

— Здѣсь, произнесъ голосъ компаніонки въ залѣ.

— Что это вы, на смѣхъ, что-ли мамзель, кто вамъ велѣлъ?

— Вы изволили сказать, что не скоро поѣдете, кротко отвѣчала дѣвушка: и что лошадямъ нельзя ждать.

— Распоряжайся, матушка, своими лошадями, у себя, въ своемъ дому, коли его наживешь а не въ чужомъ, гдѣ васъ кормятъ, да еще и деньги платятъ. Чтобы была сейчасъ готова карета. Слышите?

Но судьбѣ было видно не угодно, чтобы Ольга Алексѣевна ѣхала. Въ минуту, когда сказали, что экипажъ готовъ, другой лакей доложилъ, что Ѳекла Егоровна пріѣхала. Ѳекла Егоровна Пампушкина? Ахъ Боже! проси скорѣе. Ну дѣти, теперь нельзя ѣхать, видишь, гости, ужъ послѣ поѣдемъ.

— Матушка, Ѳекла Егоровна, сказала Ольга Алексѣевна, кидаясь на встрѣчу гостьи: сколько лѣтъ, сколько зимъ! — Богъ съ вами! забыли меня, совершенно забыли.

— Ахъ, Ольга Алексѣевна, не до выѣздовъ, мать моя, было; хлопоты всё такія ... просто не видала, какъ время бѣжитъ, отвѣчала гостья.

— Какія же хлопоты?

— Да вѣдь мои то молодые изъ Питера пріѣхали, помните, я говорила, что сестра дочь выдаетъ замужъ — ну вотъ и выдала; а они то голубчики и пріѣхали меня, старушку, провѣдать; помолодѣла матушка я сама, глядя на нихъ — ужъ парочка, лучше кажется и подобрать нельзя.

— « А кто онъ такой? завистливо спросила Ольга Алексѣевна!

— Докторъ, сударыня моя, докторъ, да еще какой? У меня, вы знаете, всегдо бывала бьетъ кровь въ голову; а теперь не бьетъ, вылѣчилъ, и чѣмъ вы думаете? Кушайте, говоритъ, тетушка уху да молочное, а сидѣть то мы Катенькою вамъ недадимъ, и начали таскать старуху, и гуляла я съ ними каждое утро, возметъ подъ руку да и маршъ. Чтоже? прошла болѣзнь въ мѣсяцъ — молокомъ вылечилъ. А молодецъ-то какой? Вотъ гляжу-гляжу

на него, да и скажу Катенькѣ: ну, мой другъ, благословилъ тебя Богъ! — Скромный какой, услужливый, ласковый, ну просто рѣдкій человѣкъ. Орденъ имѣетъ.

— Богатъ?

— Слава Богу— отецъ говорятъ богатъ, ему на другой день свадьбы подарилъ пятьдесятъ тысячь—да служба—да практика, оно и будетъ съ нихъ — да я старый человѣкъ, отдала имъ мою деревеньку — немного и всего то, 150 душъ, на что она мнѣ, Ольга Алексѣевна, только хлопоты, а имъ помощь, вѣдь молоды, пожить хочется и пусть живутъ. Сосѣдство, говорю я имъ, славное, самая близкая сосѣдка, да еще и кума мнѣ Ольга Алексѣевна Носкова, я ее очень люблю и уважаю — она здѣсь теперь. Вотъ они и пристали, познакомить ихъ съ вами да и всё тебѣ тутъ. — Ну что матушка, поѣхала просить, можно ли привезти ихъ къ тебѣ?

— Какъ же, какъ же, даже завтра, вы меня очень обяжите, я буду ждать.—Пожалуйста, Ѳекла Егоровна, это была бы обида, какъ не познакомить со мною, вѣдь мы почти родныя, въ кумовствѣ. — Да еще онъ мнѣ можетъ быть и поможетъ, въ моей то болѣзни — страдаю ужасно матушка —вѣдь ужъ кажется я цыпленка добрѣе и за что Богъ наказалъ, не знаю. Вотъ разтревожитъ меня кто нибудь—и подкатится подъ самое сердце—свѣту Божьяго не вижу, такъ бы зубомъ и съѣла всѣхъ — просто бѣда.

— Эхъ, Ольга Алексѣвна, зачѣмъ гнѣваться? — сказала кротко Пампушкина. Гнѣвъ грѣхъ, махни рукой, какъ я, коли кто провинился, да и скажи: «глупъ народъ,» вотъ и всё: что себя тревожить. А пока прощайте, ѣду къ нимъ, и такъ завтра утромъ, мы ваши гости.

На другой день у Ольги Алексѣвны поднялись всѣ съ зарею — бѣготня и крикъ были удвоены; въ десять часовъ было всё въ порядкѣ, комнаты убраны, дочери одѣты, хозяйка причесана и въ большомъ чепцѣ.

Разодѣтыя въ пухъ дѣвицы Носковы стояли, съ самаго утра, у окна, чтобы видѣть пріѣздъ гостей. Гувернантка (или *Мамзель*, какъ звали её всѣ въ домѣ) въ черномъ платьѣ (госпожа Носкова не любила, чтобы служащія у неё подражали ея дочерямъ въ роскоши, да можетъ быть молодая дѣвушка и не имѣла средствъ рядиться;) была также въ залѣ. Сидя въ отдаленіи, она безучастно смотрѣла на всё окружающее; на ея спокойномъ лицѣ съ перваго взгляда не видно было никакого чувства; но вглядѣвшись хорошенько, душа могла содрогнуться отъ жалости; вы бы увидѣли столько затаеннаго страданія, и

столько покорности своей участи, что одно только отчаяніе, отъ неизмѣнности судьбы, могло привести ее въ такое положеніе.

Наконецъ желанной часъ насталъ.

— Маменька, карета, карета остановилась, кричали барышни, кидаясь въ гостиную; но при первомъ крикѣ Г-жа Носкова была уже на ногахъ, такъ-что котъ, непривыкшій къ такимъ быстрымъ движеніямъ, далеко слетѣлъ съ колѣнъ своей властительницы. «Ахъ, батюшки, котъ убился! закричала Ольга Алексѣевна. Мамзель, что вы тамъ дѣлаете, вытянулись да и знать ничего не хотите. Отнесите кота въ дѣвичью и придите сюда. — Дѣти смотрите-же, вѣдь они петербургскіе.

— Вотъ, матушка, сказала Ѳекла Егоровна, вводя за руку племянницу. Рекомендую вашу новую сосѣдку, Катерину Сергѣевну Гейманъ, прошу полюбить ее, какъ меня любили, а за Карла Богдановича просить не буду, онъ выше всякой рекомендаціи и не полюбить его нельзя.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, тетушка, сказалъ раскланявшись Гейманъ, впрочемъ, смѣю увѣрить Ольгу Алексѣевну, что употребло всю мою добрую волю, чтобы попасть въ число ихъ хорошихъ знакомыхъ.

— Ахъ батюшка, Карлъ Богдановичъ, да ваше знакомство я почитаю для насъ счастіемъ — честь имѣю рекомендовать себя и дочерей моихъ въ ваше и Катерины Сергѣевны дружеское расположоніе, проговорила церемонно Ольга Алексѣевна. Дочери жеманно присѣли.

— Милости просимъ въ гостиную, сюда, на диванчикъ, Катерина Сергѣевна, Ѳекла Егоровна. Карлъ Богдановичъ, вы здѣсь, подлѣ меня старухи, чтобъ я могла всѣхъ васъ видѣть и любоваться. Дѣти! скамеечку Катеринѣ Сергѣевнѣ.

— Ахъ, ради Бога! сказала госпожа Гейманъ, дамочька прехорошенькая, съ черными, живыми глазками, вѣчно смѣющимся ротикомъ, миленькой игривой физіономіей, одѣтая по послѣдней модѣ: ради Бога не надо, какъ это можно.

— Молодыя дѣвицы должны услуживать старшимъ, это ихъ долгъ, отвѣчала Ольга Алексѣевна. Госпожѣ Гейманъ было лѣтъ двадцать.

— Что матушка, Катерина Сергѣевна, вы, я чай, никогда еще не бывали въ деревнѣ и вѣрно не хотите?

— Да, отвѣчала г-жа Гейманъ, я никуда не выѣзжала изъ Петербурга — но мужъ мой говоритъ, что лѣтомъ деревня рай. А кто же въ рай не хочетъ? Въ комнату вошла гувернантка.

— А вотъ рекомендую, наша мамзель. Но тихое: «Ахъ!» прервало рекомендацію Ольги Алексѣевны; мамзель упала на полъ безъ чувствъ.

Въ гостиной поднялась суматоха. Ахъ, мой Богъ, только этого не доставало, чтобы она стала падать въ обморокъ, да еще при гостяхъ, вопила Ольга Алексѣевна, когда дѣвушку выносили изъ комнаты: на что это похоже?

— Но, вѣроятно, она нездорова, сказала съ участіемъ Катерина Сергѣевна, и надобно поскорѣе помочь. Шарль! сдѣлай милость. . . . Но Боже мой, что съ тобою?

Гейманъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и держался за стулъ.

— Что съ тобою, Шарль, повторила встревоженная Екатерина Сергѣевна: тебѣ дурно?

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Гейманъ, дѣлая надъ собою неимовѣрное усиліе, не тревожьтесь: голова что то закружилась, все пройдетъ, вотъ видите и прошло. Онъ силился улыбнуться; но губы его дрожали.

Карлъ и Наденька встрѣтились — онъ счастливый, женатый, она гувернантка у необразованой и капризной женщины.

— Да не угарно ли у тебя, матушка? спросила Ѳекла Егоровна, у меня кажется, тоже что-то голова начинаетъ кружиться. Г-жа Пампушкина была мнительна, но это дало счастливый переворотъ дѣлу.

— И точно, должна быть какая нибудь причина, мой мужъ, тетушка и ваша гувернанка — сказала тоже г-жа Гейманъ.

— У нее все прошло, отвѣчала, входя въ комнату, старшая дочь Ольги Алексѣевны: она говоритъ, что у нея голова закружилась.

— Тоже голова! отвѣчала Ольга Алексѣевна, да въ головѣ то ничего нѣтъ, сдѣлать такую неприличность, при моихъ дорогихъ гостяхъ, и всполошить всѣхъ, просто пококетничать захотѣла, всё-таки молъ, на меня поглядятъ.

— Но изъ кокетства нельзя такъ ушибаться, какъ ушиблась она бѣдненькая, сказала съ негодованіемъ г-жа Гейманъ, смотря на Ольгу Алексѣевну.

Послѣ этого визитъ длился не долго.

— Богъ съ вами, говорила Ольга Алексѣевна, не хотите потѣшить старуху, куда-то спѣшите. Но за то вѣрно завтра въ Собраніи увидимся, маскарадъ, говорятъ, будетъ отличный. Ужъ вы вѣрно будете?

— Думаю, отвѣчала Катерина Сергѣевна, глядя на мужа.

— Почему же, мой другъ, отвѣчалъ Гейманъ, стараясь быть покойнымъ, если ты хочешь.

Проходя залу, г-жа Гейманъ увидѣла Наденьку, которая стояла у окна, опустивъ голову.

— Скажите, мой другъ, говорила она съ участіемъ, подходя къ Наденькѣ и взявъ ее за руку, не ушиблись ли вы? и не чувствуете ли чего? мой мужъ докторъ, онъ приѣдетъ къ вамъ, если угодно.

— Благодарю васъ отъ души, отвѣчала Наденька, очень покойно, даже весело: я совершенно здорова и сама не знаю, что это со мною случилось?

— Вертижъ, матушка! сказала Ѳекла Егоровна, я смолоду сама имъ страдала.

Карлъ стоялъ съ Ольгой Алексѣевной въ отдаленіи и прилежно слушалъ про ея болѣзнь, но на вопросъ ея: какъ онъ думаетъ, чѣмъ бы ей пользоватся — отвѣчалъ, разсѣянно: да, я думаю, что пройдетъ.

— Какая миленькая дѣвушка, говорила г-жа Гейманъ своей теткѣ въ передней, мнѣ жаль её.

Карлъ отеръ холодный потъ съ лица.

— Ну ужъ, Богъ съ ними со всѣми, и угаромъ-то они насъ угостили, отвѣчала Ѳекла Егоровна: ты, Катичька, ничего не чувствуешь?

— Нѣтъ, тетенька.

— Богъ же тебя знаетъ, какъ это ты, а вотъ мы съ племянничкомъ-то. . . . ну что ваша голова, Карлъ Богдановичъ!

— Еще кружится, отвѣчалъ Гейманъ.

— Ахъ, тетушка, мы къ нимъ больше не поѣдемъ, говорила Катерина Сергѣевна, онѣ мнѣ что-то не нравятся.

Г-жа Носкова въ свою очередь говорила дочерямъ съ полугнѣвной, полусардонической усмѣшкой:

— Ну ужъ хваленый, да это какой-то увалень, прости Господи! ни ласковаго слова, ни вниманя къ дамамъ; глядитъ только на свою куклу и приличія не знаетъ никакого: вздумалъ въ гостяхъ захворать — угорѣлъ, видишь-ли! У меня-то угорѣлъ! Куда, какъ вѣжливо; иной бы, еслибъ и точно угорѣлъ, такъ изъ одной амбиціи и деликатности не сказалъ бы ни слова. И дуракъ набитый — я ему говорю про болѣзнь, а онъ отвѣчаетъ, чортъ знаетъ, что такое. Ну, да ужъ и женка-то его! Только-что расфуфоненная пава петербургская, а ужъ собой вовсе не хороша, маленькая, мизерная, сухопарая, какъ спичка — просто дрянь. Нѣтъ! мы вотъ и не Петербургскія — а слава Богу — видно, что знаемъ хлѣбъ-соль и выросли не на чухонскомъ маслѣ. — Поцѣлуйте меня, дѣти!

Обѣ дюжія сестрицы-дѣти чмокнули маменьку поочередно въ пухлую щеку и жирное плечо, и въ припрыжку отправились распускать свои корсеты для предстоящаго завтрака.

—

III.

Объявленный балъ-маскарадъ наконецъ насталъ; длинная цѣпь экипажей тянулась еще къ подъѣзду Благороднаго Собранія, не смотря на то, что въ залахъ не было уже проходу.

Громкій оркестръ музыки, сливаясь съ пискливыми голосами масокъ, поражалъ слухъ, если не особенно стройной гармоніею, то какимъ-то свободнымъ весельемъ и непринужденнымъ разгуломъ. Молоденькія дамы и дѣвицы не сидѣли чинно вокругъ стѣны, не ждали съ нетерпѣніемъ тѣхъ, кому было назначено судьбою въ этотъ вечеръ выводить ихъ на сцену бала, не смотрѣли завистливо на свою vis-à-vis, когда та танцовала съ избранникомъ сердца въ то время, какъ онѣ принуждены были строить пару съ какимъ-нибудь взъерошеннымъ à la coq, который превычурно выдѣлываетъ па и обращаетъ на себя общее вниманіе, — нѣтъ! въ эту минуту всѣ эти дамы свободно бѣгали по заламъ, болтали непринужденно, весело смѣялись, и уже право избирательное было на ихъ сторонѣ.

По мѣрѣ того, какъ толпа въ залѣ густѣла, рядъ экипажей уменьшался; запоздалые посѣтители были люди, которые или пресытились уже удовольствіями свѣта и отъ нечего дѣлать стремились за общимъ потокомъ, чтобы только ихъ тамъ видѣли; или люди, желавшіе поразить и удивить всѣхъ пышностію и дороговизною своего наряда и тѣмъ произвести эфектъ.

У подъѣзда остановился четырехъ-мѣстный возокъ; неуклюжій лакей отворилъ дверцы и помогъ выдти дамѣ, потомъ двумъ аркадскимъ пастушкамъ и черному домино.

— Смотрите же дѣти, говорила дама, одѣтая со всѣмъ желаніемъ хорошо нарядиться, войдя въ первую комнату и охорашиваясь передъ трюмо и поправляя хвосты двухъ райскихъ птицъ, висящіе съ обѣихъ сторонъ краснаго тока, ведите себя какъ слѣдуетъ, а вы мамзель извольте быть при нихъ неотлучно.

Довольно масивныя пастушки, которыхъ вовсе не идиллическія формы ясно указывали на Аркадію хлѣбородныхъ губерній, двинулись впередъ за хвостами райскихъ птицъ, а домино тихо и печально слѣдовало за ними.

У самого входа въ залу они встрѣтились съ Гейманомъ, который стоялъ у колонны.

— Карлъ Богдановичъ, говорила нарядная дама, раскланиваясь съ нимъ: какъ ваше сегодня здоровье? А ваши здѣсь?

— Благодарю васъ, Ольга Алексѣевна, жена танцуетъ, а тетушка вотъ тамъ сидитъ — и онъ предложилъ руку Ольгѣ Алексѣевнѣ и, подведя ее къ Ѳеклы Егоровнѣ, сказалъ: теперь позвольте мнѣ позаботится, чтобы прекраснымъ маскамъ не было скучно.

— Покорнѣйше благодарю, батюшка, съ рукъ на руки вамъ сдаю. Дѣти, благодарите.

Нельзя было хлопотать усерднѣе объ удовольствіи дѣвицъ Носковыхъ, какъ хлопоталъ Гейманъ. Сейчасъ были имъ пріисканы кавалеры, которыхъ, мимоходомъ замѣтить, въ Москвѣ не очень много, а особливо танцующихъ, и пастушки уже лѣтали по паркету, какъ шарики на бильярдѣ подъ рукою ловкаго игрока, когда Гейманъ обратился къ домино и сказалъ: а ты, маска, не хочешь ли походить со мною?

— Охотно! отвѣчало домино.

Руки Геймана дрожали, маска была спокойна; такъ они прошли нѣсколько комнатъ, молча и торопливо; наконецъ въ одной изъ боковыхъ залъ Гейманъ остановился и сказалъ, взглянувъ на замаскированную даму: «Надина, Надина! вы ли это?

— Во первыхъ, сказала дама, я не Надина, а Надежда Александровна, и не знаю, почему мое присутствіе въ Москвѣ такъ удивляетъ г. Геймана?

— Надежда Александровна! но вѣдь вы та, которая была изъ дѣтства моею сестрою, лучшимъ другомъ, завѣтною мечтою моего сердца. О Боже мой! какимъ презрѣннымъ человѣкомъ я долженъ вамъ казаться.

— Вы? отъ чего это? не оттого ли, что вы женаты? но Боже мой, не я ли сама дала вамъ на то право?

— И я такъ охотно, такъ скоро воспользовался имъ, думаете вы — не такъ ли . . .

— Послушайте, Карлъ, въ свою очередь я назову васъ такъ, чтобы доказать, что я ничего дурнаго объ-васъ не думаю; къ чему этотъ разговоръ? Вы женаты и между нами все кончено — зачѣмъ же возвращаться къ прошедшему? Что прошло, того не будетъ: это натурально; постараемся лучше изъ настоящаго извлечь для себя счастіе, каждый по своему — вы въ семейномъ быту, а я. . . . да мнѣ ничего и не нужно: я вполнѣ

счастлива — вотъ и все; теперь пойдемте, сказала она, дѣлая шагъ впередъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гейманъ, нѣтъ, Надина, развѣ вы не видите, что я въ отчаяніи, или вы не хотите понять, что я страдаю, что я со вчерашняго дня несчастливъ вполнѣ. Послѣ-завтра мы ѣдемъ въ Петербургъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ я васъ вижу и говорю съ вами, я долженъ облегчить душу отъ тяжкаго камня, который гнететъ ее, я долженъ открыть вамъ все, оправдать мои поступки; наконецъ, я не хочу, чтобы вы думали обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, достойномъ презрѣнія.

Въ глазахъ и въ голосѣ его было столько горя, что Наденька на минуту призадумалась и потомъ сказала: сядемте.

— Надина, началъ Карлъ, вы помните то время, когда я кинулъ васъ больную, умирающую; но вы не знаете, чего мнѣ это стоило, ни мольбы, ни слезы, ничто не помогло, отецъ былъ неумолимъ; я долженъ былъ уѣхать. Не знаю, какіе виды вдругъ побудили его къ удаленію меня отъ васъ, но онъ былъ непреклоненъ. Въ Петербургѣ я ждалъ, какъ смертнаго приговора, извѣстія объ васъ, и наконецъ получилъ его. Вы выздоровѣли, я писалъ къ вамъ, отвѣта не было, что я перечувствовалъ тогда, знаетъ одинъ Богъ. Но зачѣмъ передавать вамъ все, что писали ко мнѣ. Чрезъ три мѣсяца послѣ того, отецъ мой самъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ отъ васъ письмо. Вы запрещали мнѣ думать объ васъ, писать къ вамъ, и батюшка мой удивился этому, его это поразило не менѣе моего. — Но гдѣ же она теперь, что дѣлаетъ? спрашивалъ я у отца. — Она въ Москвѣ, князь увезъ ее съ собою къ матери. — Вы знаете, что въ Москвѣ у меня не было знакомыхъ, мнѣ не отъ кого было узнать объ васъ; но батюшка началъ хлопотать, и извѣстія, одно другаго страннѣе, стали доходить до меня — то вы съ матушкою въ деревнѣ у князя, то васъ выдаютъ замужъ; я много разъ писалъ къ вамъ, но отвѣта по прежнему не получалъ, наконецъ, въ прошломъ году, ваша матушка писала къ моему отцу, что вы умерли. — Ахъ, Надина, что же это такое было? Кто такъ ужасно смѣялся надо мною?

— Я! сказала Наденька твердымъ голосомъ: продолжайте.

— Вы?

— Продолжайте! повторила Наденька.

Карлъ смотрѣлъ на нее, какъ помѣшанный, и наконецъ сказалъ: продолжать нечего. Я женился, невѣста меня любила, отецъ желалъ этого союза и я....

— Вы согласились и прекрасно сдѣлали, отвѣчала Наденька: послушайте, Карлъ Богдановичъ, продолжала она: все, что вы мнѣ передали, почти что правда. Письмо же мое было слѣдствіемъ думы многихъ дней — я привыкла къ роскоши, къ довольству у покойной княгини, перемѣнить мою жизнь мнѣ казалось ужаснѣе всего. — Въ душѣ у насъ обоихъ было очень много, за душою — ничего; чѣмъ бы мы стали жить? У князя въ деревнѣ я не была; но знакомый его сватался на мнѣ — женитьба эта не сладилась оттого, что онъ хотѣлъ казаться богаче, чѣмъ былъ. — Ваши письма я получила; но къ чему было отвѣчать на нихъ, не значило ли это возобновлять прошедшее ребячество, которое не могло и не должно было воскресать въ лѣта зрѣлости и разсудка? Видите ли, какъ я откровенна. А что я желаю вамъ добра и всегда желала, такъ это доказывается тѣмъ, что я упросила матушку написать къ вамъ объ моей смерти; смерть разрѣшаетъ все и слагаетъ всѣ обѣты — этою благоразумною мѣрою я ускорила ваше счастіе — вотъ и все.

Наденька приподняла немного маску, и отерла холодный потъ съ лица, а можетъ быть и жгучія слезы.

Гейманъ былъ до того пораженъ этимъ признаніемъ, что могъ только произнести въ какомъ-то полузабытьи: О Боже мой, Боже мой! Казалось, онъ медленно пробуждался отъ тяжкаго, болѣзненнаго сна и все еще боялся довѣриться дѣйствительности.

Послѣдовало минутное молчаніе, обѣ стороны, по видимому, не находили предмета для продолженія разговора. Наконецъ Гейманъ сказалъ, взглянувъ на свою собесѣдницу съ болѣзненнымъ участіемъ.

— Но вы, Надежда Александровна, вы. . . . что же съ вами будетъ?

— Со мною? отвѣчала Наденька, какъ-то странно засмѣявшись; я скажу вамъ по секрету: я ищу богатаго мужа — и кажется скоро найду — здѣсь есть одинъ заѣзжій старичекъ, но это пока еще тайна. . . . и потому прошу васъ, уйдите теперь отъ меня, онъ очень ревнивъ, и я не хочу, чтобы онъ насъ засталъ вмѣстѣ.

Гейманъ поднялся, еще съ минуту онъ стоялъ блѣденъ и нѣмъ предъ Наденькою, съ слезами на глазахъ, и наконецъ съ словомъ: прощайте, прощайте, Надина! — кинулся въ толпу. Прикованная къ мѣсту, долго, долго сидѣла несчастная — жертва была свершена вполнѣ. Все для Карла, все для его счастія и покоя, а для себя она не оставила даже добраго воспоминанія въ

душѣ того, кого такъ любила. Послѣднія слова Карла ставили вѣчный рубежъ между міромъ ея души, который одинъ еще поддерживалъ ея существованіе, и дѣйствительностію; съ послѣднимъ ихъ звукомъ она болѣзненно склонила печальную голову на разстерзанную грудь.

Кружева на ея полумаскѣ, влажныя отъ слезъ, плотно прилипли къ лицу бѣдной дѣвушки, когда она встала и тихо вмѣшалась въ рядъ масокъ.

Въ большой залѣ балъ кипѣлъ, кадриль смѣнялась кадрилью, дамы въ маскахъ и безъ масокъ легко скользили по паркету, хотя многія изъ нихъ, утомленныя, сошли уже съ арены.—Въ числѣ ихъ была и госпожа Гейманъ. Пышный бальный нарядъ еще болѣе выказывалъ ея красоту; она сидѣла, прислонясь къ стѣнкѣ креселъ, ея милое, игривое лицо въ эту минуту горѣло неподдѣльнымъ счастіемъ; мужъ стоялъ сзади, весело и съ любовію смотрѣлъ на нее. Наденька прошла мимо ихъ незамѣченная и тихо прошептала: онъ теперь совершенно счастливъ. Прощай, мой Карлъ, прощай навѣкъ!

Балъ кончился; всѣ разъѣхались, не подозрѣвая, что въ эти немногіе часы, среди хохота и веселья, разыгралась очень патетическая сцена.

—

IV.

Замоскворѣчье въ Москвѣ почти тоже, что Петербурская сторона въ Петербургѣ, тамъ другіе нравы, другіе обычаи; житель Замоскорѣчья спокойно доживаетъ свой вѣкъ, не заботясь ни о чемъ, счастливый своимъ невѣденіемъ; Москва-рѣка служитъ какъ бы рубежемъ, чрезъ который не смѣютъ перешагнуть никакія нововведенія. Ступайте за Москву-рѣку, и вы очутитесь въ новомъ мірѣ, въ мірѣ патріархальномъ; очень рѣдко залетитъ туда какая нибудь новость изъ Москвы, и то тогда уже, когда въ Москвѣ объ ней и толковать перестали. Тамъ есть такіе жители, которые не получаютъ даже писемъ, потому что живутъ въ переулкахъ, не носящихъ никакого названія, хотя многія улицы и переулки и называются *безъимянными* — но есть и такіе, которые не пользуются рѣшительно ни какимъ прилагательнымъ, а такъ просто переулокъ-себѣ, да и всё тутъ. Бѣда попасть туда незнающему, онъ запутается, какъ муха въ паутинѣ. Это лабиринтъ,

изъ котораго безъ надежнаго проводника не выберетесь. — Лефортово, Рогожская, Мѣщанскія, Сокольники, всё это не Замоскворѣчье — жители этихъ мѣстъ принадлежатъ еще обществу, а тѣ принадлежатъ одной исторіи.

Въ одной изъ безъимянныхъ улицъ, за Москвой рѣкой, стоялъ маленькой, сѣренькій, деревянный домикъ, покачнувшійся довольно неловко на одинъ бокъ, и принадлежащій какому-то вѣчноцѣховому. Нижнюю часть его занимало семейство хозяина, а мезонинъ отдавался въ наймы. Пройдя довольно неопрятный дворъ, заставленный кадками, ведрами, завѣшанный бельемъ, въ углу его встрѣчали узенькую, крутую лѣстницу, ведущую въ мезонинъ; лѣстница эта, чисто вымытая, всегда выметенная, съ перваго взгляда предупреждала васъ въ пользу тѣхъ, которые ходили по ней и составляла рѣзкій контрастъ съ неряшествомъ на дворѣ. Крошечныя сѣни, тщательно прибранныя, заставляли невольно желать заглянуть въ комнаты къ жильцамъ. Вы были бы изумлены необыкновенною чистотою и порядкомъ въ этой маленькой квартирѣ: нигдѣ ни соринки, ни пылинки, всё было на своемъ мѣстѣ до того, что огонекъ, горѣвшій на очагѣ, казалось не смѣлъ нарушить общаго порядка: онъ откидывалъ отъ себя съ трескомъ горящія угли, какъ это обыкновенно бываетъ, и тихимъ пламенемъ обнималъ свѣтлую кастрюлю, около которой въ эту минуту хлопотала старушка въ бѣломъ, кисейномъ чепцѣ, въ ситцовомъ, хотя поношенномъ, но чистенькомъ капотѣ. Всё вниманіе этой женщины было обращено на кипѣвшую кастрюлю, она то снимала, то ставила ее опять на огонь, по временамъ она помѣшивала въ ней и отвѣдывала; наконецъ сказала съ улыбкою: «Ну славу Богу, кажется хорошо, можетъ быть и покушаетъ!» — Потомъ, откинувъ не догорѣвшія дрова къ сторонкѣ, изъ бережливости, и поставя кушанье на горячія уголья, она заглянула въ сосѣднюю комнатку; мгновенно улыбка сбѣжала съ ея лица и грустно покачивая головою, остановилась она у полуотворенной двери.

Комната, въ которую заглянула старушка, была раздѣлена ширмами, за которыми вѣроятно спали, а остальная часть служила повидимому пріемною. Штопанныя, но бѣлыя, какъ снѣгъ, занавѣсы на окнахъ, простенькая и опрятная мебель, тщательно раставленная, и ломберный раскрытый столъ, на которомъ лежало много разныхъ прекрасныхъ гравюръ, вотъ все, что составляло убранство комнаты—да правда, лучшимъ ея украшеніемъ служила богатая картина или портретъ, на которомъ представлена была дама, ласкающая дѣвочку лѣтъ тринадцати.

У стола сидѣла молодая дѣвушка, предъ ней лежала литографія «Моленіе о чашѣ» Бруни, которую она раскрашивала. Въ минуту, когда заглянула старуха, въ исхудавшей рукѣ кисть съ краскою давно уже обсохла, а блѣдное и изнуренное лицо было опущено на грудь, дума дѣвушки была такъ глубока, что она не слыхала скрыпа отворенной двери; долго старушка смотрѣла со слезами на глазахъ на нее и потомъ, тихо подойдя къ ней, сказала: «Надя а Надя!» — Дѣвушка вздрогнула и подняла голову, тутъ только старушка увидѣла, что лицо ея было омочено слезами.

— Надичка, другъ ты мой, что съ тобою, объ чемъ ты плачешь?

— Я, маменька, отвѣчала Наденька, быстро стирая съ лица слезы и стараясь улыбнуться: я—ни объ чемъ. Это такъ отъ слабости, отъ болѣзни.

— Но Боже ты мой! продолжала мать, что же это такое? зачѣмъ же ты убиваешь себя надъ этой работою, для чего скрываешь отъ меня, что ты всё еще нездорова?

— Я здорова, маменька; нервы только еще слабы, а работаю я, вы знаете, для развлеченія.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, это не то; по цѣлымъ днямъ для развлеченія не работаютъ. — Прежде, до этого проклятаго мѣста, на которомъ ты потеряла здоровье, ты этою работою кормила меня, и теперь вѣрно думаешь дѣлать тоже. — Но развѣ хлѣбъ, надъ которымъ изнываетъ дочь, можетъ накормить меня? я не хочу съѣдать твое здоровье, я сама могу достать денегъ — свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Пойду вотъ . . .

— Ахъ, маменька! милостина! это ужасно, проговорила бѣдная дѣвушка, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Милостина, говоришь ты. Мой другъ, вотъ то-то и есть, что ты не такъ думаешь, отвѣчала съ достоинствомъ старушка, милостину просятъ лѣнтяи, которые не хотятъ заработать насущный хлѣбъ, а старость и болѣзнь требуютъ только помощи, въ которой имъ нельзя отказать, самъ Господь заповѣдывалъ . . .

— Но, маменька, для чего же намъ прибѣгать къ этому средству, когда я, слава Богу, могу еще заработать столько достать, чтобы не заставлять васъ унижаться и просить; помогать вамъ моя радость, мое единственное счастіе въ жизни!

— Плохое мнѣ счастіе, когда ты изведешь себя за работою! Эхъ, Надя, Надя! вѣдь ты у меня одна только и есть, я чело-

вѣкъ старый, живу тобою и для тебя! Кто-же закроетъ мнѣ глаза, когда Господь пошлетъ мнѣ кончину?

— Ахъ, маменька, маменька, вскричала Наденька, кидаясь къ старушкѣ, Богъ съ вами, что это вы говорите!

— Ну, ну, я такъ, только ты береги себя. Богъ милостивъ, будущее въ руцѣ Его, и старушка набожно взглянула на образъ. Да не пора-ли обѣдать?

— Пора, маменька.

Старушка засуетилась. Бѣлая скатерть и два прибора вмигъ явились на столѣ. Пока старушка побѣжала въ кухню, Наденька, стоя у окна, уныло смотрѣла на дворъ; пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она оставила домъ Ольги Алексѣевны. Послѣ бала въ Благородномъ Собраніи она захворала.

— Вотъ еще причуды какія! говорила г-жа Носкова: туда же хворать вздумала, словно благородная! Ужъ не прикажете ли для нея нанимать доктора да платить за визиты? Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ важно будетъ. Антиповъ! Разсчитать мамзель, сколько ей тамъ приходится, да нанять извощика: пусть сегодня же выѣзжаетъ.

И вотъ Наденьку больную отправили къ матери, гдѣ лучшимъ для нея лекарствомъ были заботы и попеченія доброй старушки. Въ глубокую ночь, когда все въ мірѣ покоилось, старушка, какъ ангелъ-хранитель, была у изголовья дочери и тихими слезами молила Бога спасти послѣднюю ея радость въ жизни.

Богъ внялъ мольбѣ: Наденька ожила и выздоровѣла, но только страшно измѣнилась; болѣзнь, разрушивъ физическія силы, отняла у ней и ту энергическую твердость, подъ которою она скрывала свои страданія; затаенныя слезы, застывавшія на сердцѣ бѣдной дѣвушки, теперь при всякой свободной минутѣ бѣжали жаркою струею по блѣдному лицу. До встрѣчи съ Карломъ, она еще жила надеждою не разума, но сердца; всякой день молилась объ немъ, любила, мечтала и эта любовь была единственнымъ щитомъ ея противъ отчаянія. Но этотъ щитъ разрушила судьба. Наденька упала духомъ; послѣднимъ облегченіемъ для нея остались слезы — но они огорчали старушку мать и бѣдная дѣвушка не могла даже плакать свободно.

— Ну вотъ, Наденька, и супъ! кажется хорошъ, а вотъ и курочка, можетъ быть покушаешь, говорила старушка, входя въ комнату съ мискою въ рукахъ. Съ кѣмъ это ты кланяешься?

Въ это время Наденька дѣйствительно кому-то поклонилась въ окно.

— Съ хозяиномъ, отвѣчала Наденька.

Старушка поспѣшно поставила супъ на столъ и подошла къ окну.

— Ѳаддей Петровичъ, здравствуйте, батюшка, говорила она въ окно, здоровы-ли? Что новенькаго въ городѣ?

— Благодаримъ покорнѣйше, отвѣчалъ голосъ со двора:—Изъ Польши почта пришла.

— Пришла! вскрикнула старушка, и два красныя пятна выступили у нея на щекахъ, она опустилась на ближній стулъ, какъ бы не имѣя силъ стоять на ногахъ.

— Маменька, голубушка, чего вы такъ испугались? говорила Наденька, подбѣгая къ матери, что съ вами?

— Такъ, такъ, пройдетъ, дай-ка мнѣ водицы... это отъ печки, отъ жару! Господи, Боже ты мой! утѣшь ты меня на старости лѣтъ, ниспошли намъ великую свою милость.

— Да что съ вами? повторила Наденька, подавая воду.

— Ничего, Надя, ничего—будь покойна, видишь ли, можетъ быть тебѣ не нужно будетъ больше работать, можетъ быть.... кто знаетъ, Его святая воля—тогда я умру спокойно, дитя мое, моя милая Наденька, сердце ты мое! не оставлю тебя сиротой безпріютной! Я объ этомъ только и молю Господа и онъ видитъ мое сердце: не корысть, не суета—а только чистая любовь къ тебѣ, моя ангельская душка! И она ласкала дочь, цѣловала ее въ лобъ, въ глаза, плакала и крестилась.

Никогда Наденька не видала мать въ такомъ волненіи. Старушка была какъ будто въ помѣшательствѣ: глаза ея горѣли, по лицу пробѣгала странная улыбка, то выражавшая гордость, то умиленіе. Испуганная болѣе, чѣмъ изумленная, Надя, не зная причины, которая могла довести мать до такого положенія, усердно хлопотала около нея. Наконецъ старушка успокоилась немного.

— Ну, Надичка, давай обѣдать поскорѣе, или лучше, кушай одна, а я побѣгу, мнѣ нельзя терять ни минуты.

— Куда же, маменька, вы пойдете, и безъ обѣда? Но что съ вами, право вы меня пугаете.

— Эка глупенькая, сказала старушка, взглянувъ на дочь, чего тутъ пугаться! — Ну, ну, пожалуй, сядемъ обѣдать вмѣстѣ, видишь-ли, я жду нужнаго письма изъ Польши, вотъ и всё...

— Отъ кого, маменька?

— Ну отъ кого? узнаешь послѣ—теперь не до разсказовъ, мнѣ надо спѣшить.

— Такъ вы пойдете въ городъ, на почту?

Старушка кивнула головою.

— Душечка, маменька, занесите, пожалуйста, кстати мой адресъ въ домъ, гдѣ ищутъ учительницу на фортепьяно; они просили прислать, это адресъ лавки, гдѣ я беру раскрашивать гравюры, а ужъ отъ нихъ дадутъ мнѣ знать, когда надо будетъ начать уроки.

— Ну хорошо, положи въ мѣшокъ на всякой случай, можетъ быть Богъ дастъ и не понадобится заносить; говорила старушка, поспѣшно одѣваясь. Когда она была совершенно готова, то подошла къ комоду, вынула изъ него шкатулку, отперла ее маленькимъ ключемъ, и взяла что-то тщательно завернутое въ бумажку; потомъ подошла къ образу, сдѣлала три земныхъ поклона, говоря каждый разъ: «Помоги намъ, Господи!» и обратясь къ Наденькѣ, сказала: » ну, поцѣлуй же меня, мой другъ, на счастіе.» Долго, долго держала она въ объятіяхъ дочь, долго шепотомъ творила молитвы и когда подняла голову, на тусклыхъ, впалыхъ глазахъ блистали купныя слезы.—Благослови тебя Господь, мой дружечекъ! проговорила она еще разъ, цѣлуя Надю и осѣняя ее крестнымъ знаменіемъ.

— Маменька, говорила Надя съ безпокойствомъ: не лучше ли мнѣ отправиться съ вами? Я васъ провожу.

— На что это? Тебѣ нуженъ покой, а я. благодаря Бога, здорова. Прощай-же, жди меня, я скоро приду, а можетъ быть и пріѣду, улыбаясь говорила старушка.

— Вы лучше не спѣшите, маменька, вамъ вредно скоро ходить.

— То-то и есть, отвѣчала мать, спускаясь съ лѣстницы, ужъ кабы не эта одышка, я слетала бы соколомъ; да нѣтъ ужъ, старость. . . что дѣлать, забьется сердце—такъ просто дышать не могу.

Возвратясь въ комнату, Наденька видѣла, какъ мать прошла дворъ, какъ она вышла за ворота, вотъ еще мелькнулъ ея бѣленькій чепчикъ за заборомъ, и наконецъ она скрылась. Долго Наденька стояла у окна, на душѣ у нея было тяжелѣ обыкновеннаго, сердце ея сжималось отъ какого-то безпокойства. » Ахъ Боже мой, зачѣмъ я её отпустила!» проговорила она наконецъ.

Старушка между тѣмъ шла впередъ и такъ скоро, какъ только позволяли силы, она прошла Замоскворѣчье, перешла Каменный мостъ, и тутъ только остановилась у перилъ, чтобы перевести духъ; постоявъ съ минуту, она опять пошла впередъ и дойдя

до Воскресенскихъ воротъ, вошла въ часовню Иверской Божіей Матери. Богомольцевъ было много, она вмѣшалась въ ихъ толпу. И долго видѣли ее тамъ на колѣнахъ, предъ чудотворнымъ образомъ, кладущую земные поклоны.

—

V

Было два часа дня. Двери въ магазинахъ на Кузнецкомъ мосту безпрерывно хлопали за покупателями; экипажи быстро перерѣзывая дорогу, останавливались то тутъ, то тамъ; но преимущественно всѣ стремились къ одному изъ большихъ магазиновъ, въ этотъ день въ магазинѣ торговали, какъ говорятъ, на славу; прикащики едва успѣвали показывать вещи, требуемыя покупателями и получать деньги. Только двое молодыхъ прикащиковъ, стоя за прилавкомъ, не торговали, и не смотря на то, всѣ почти при входѣ въ магазинъ обращались къ нимъ съ вопросомъ: «Посмотрите мой билетъ, не выигралъ ли?»—и, смотря по отвѣту, физіономія приходящихъ то хмурилась, то свѣтлѣла, и отрывистыя фразы: » Наконецъ:-то», «слава Богу», или, «чортъ знаетъ, что за несчастье! нѣтъ, не стоитъ брать,—плакались мои денежки»—смѣжали другъ друга.

Въ числѣ прочихъ посѣтителей была очень старая женщина; давно уже она вошла въ магазинъ и остановилась почти у дверей; на блѣдномъ, морщинистомъ лицѣ виднѣлось много прошлаго горя и страданія, это было одно изъ тѣхъ существъ, къ которымъ счастіе, кажется, не заглядывало во всю ихъ жизнь.

По временамъ она опускала руку въ ридикюль и вынимала сложенную бумажку, въ этотъ мигъ лицо ея покрывалось багровою краскою, она дѣлала шагъ впередъ, но какъ бы не имѣя духа подойти къ прилавку и спросить, опять останавливалась и сжимала въ рукѣ завѣтный листокъ; въ этомъ клочкѣ бумаги, казалось, заключена была судьба всей ея жизни.

Молодые люди, стоя за прилавкомъ, посмѣивались изъ-подтишка, смотря на старушку:—«Жозефъ, говорилъ одинъ изъ нихъ: взгляни-ка, старуха-то опять пришла.—Сумасшедшая! отвѣчалъ другой, развѣ сказать ей сегодня? или нѣтъ, пускай ее ходитъ, по-крайней-мѣрѣ есть надъ чѣмъ посмѣяться.»

Старушка, видя, что на нее смотрятъ, рѣшилась было подойти, но въ то же время къ прилавку подошелъ мужчина лѣтъ

тридцати-пяти; бѣлокурые волосы, гладко и невычурно причесанные, открывали высокій лобъ его круглаго и полнаго лица. Природа не дала этому лицу ни одной изъ тѣхъ поразительныхъ чертъ, которыя составляютъ красоту мужчины, мускулы не выражали ни тонкаго остроумія, ни страстной игривости воображенія: въ чертахъ его скорѣе высказывалась простота и безмятежное добродушіе человѣка всѣмъ довольнаго и ничѣмъ не возмущаемаго. Подойдя къ прилавку, онъ вынулъ изъ кармана туго-набитый бумажникъ и досталъ изъ него пачку билетовъ. Прикащикъ, принимая билеты, едва удерживался отъ смѣха и бѣлокурый господинъ невольно оглянулся по направленію его глазъ: возлѣ прилавка стояла старуха, съ лицемъ робко вопросительнымъ. Потъ крупными каплями выступалъ у нея на лбу, протянутая рука, держа завѣтную бумажку, тряслась; посинѣлыя губы силились что-то сказать. Взглянувъ на нее, мужчина вздрогнулъ. «Чему-же вы смѣетесь? » спросилъ онъ прикащика по-нѣмецки.

— Ахъ, сударь, это ужасно! старуха эта купила у насъ четвертинку билета, года уже четыре, и билетъ ея давнымъ-давно проигралъ. Когда мы ей сказали, что билетъ ея не выигралъ, то она не поняла, и спросила, ну, можетъ быть послѣ выиграетъ, мы для шутки не хотѣли ее разувѣрять — и съ тѣхъ поръ она каждый разъ приходитъ справляться объ выигрышѣ.

— И вы надъ ней смѣетесь, это очень дурно! сказалъ господинъ серьезно. Потомъ, обратясь къ старушкѣ, онъ сказалъ: пожалуйте мнѣ вашъ билетъ, онъ ничего теперь не значитъ, а вотъ.... И онъ, взявъ отъ прикащика свои билеты, развернулъ ихъ передъ старушкою опахаломъ: « Выберете на счастье одинъ изъ этихъ! » — Но, какъ-же это... «Ничего, ничего, берите смѣлѣе...» Старушка протянула дрожащую руку, робко выдернула билетъ и положила на прилавокъ.

— Посмотрите, сказалъ господинъ прикащику; тотъ поспѣшно взглянулъ на нумеръ и отвѣчалъ: « О, этотъ выигралъ.

— Сколько?

— Двѣсти тысячъ злотыхъ.

— Вотъ вы и съ выигрышемъ, поздравляю! сказалъ весело, обращаясь къ старухѣ, бѣлокурый господинъ.

Голова у старушки тряслась, глаза блистали, и она хриплымъ голосомъ спросила: выиграла? я выиграла?

— Да, вы.

— Выиграла! и старуха безъ чувствъ упала на полъ.

— Воды, воды! кричалъ виновникъ этого обморока, стараясь

поднять старушку. «Ахъ, Боже мой, какъ это её поразило!» Многіе кинулись смотрѣть и узнать, что случилось; но догадливый содержатель магазина, не желая отвлекать публику отъ ея занятія такимъ вздоромъ, какъ онъ говорилъ, велѣлъ проворно перенесть безчувственную къ себѣ въ комнаты, тѣмъ болѣе, что незнакомый господинъ требовалъ этого. Старушку положили на диванъ, и старались привести въ чувство: уксусъ, спиртъ, всѣ домашнія средства были употреблены въ дѣло; ничто не помогало; послали за докторомъ, незнакомый господинъ былъ въ отчаяніи. «Боже мой! говорилъ онъ: какое несчастіе, кто могъ это предвидѣть!» Наконецъ прискакалъ докторъ; освидѣтельствовавъ больную, онъ объявилъ, что она очень опасна; сильный приливъ крови къ головѣ угрожалъ ударомъ. Надлежало сейчасъ-же пустить кровь. Разсѣкли жилу, но только послѣ многихъ усилій показалась кровь. «Неужли она здѣсь умретъ, говорилъ въ испугѣ хозяинъ магазина. Да помилуйте! что-же это такое!

Наконецъ старушка открыла глаза, но они были мутны, безжизненны; говорить она не могла.

—Ее надо сейчасъ отправить домой, сказалъ докторъ: потому что она едва ли останется жива. — Но кто же она? спрашивалъ незнакомый господинъ, гдѣ живетъ? Я бы самъ отвезъ ее къ роднымъ. Никто не зналъ, кто была больная, положеніе окружающихъ было самое затруднительное. Больная, казалось, слышала все, она взглянула на незнакомаго господина и силилась что-то сказать.—«Что вамъ угодно? говорилъ онъ съ участіемъ, наклоняясь къ ней незнакомецъ. Старуха сдѣлала неимовѣрное усиліе: она хотѣла говорить, но одинъ хриплый стонъ вырвался изъ ея груди, глаза ея зажглись на минуту и опять подернулись оловянной пеленою, но указательный палецъ съ трудомъ поднятой руки остановился на ридикюлѣ и какъ будто окостенѣлъ въ этомъ положеніи.

— А! вскричали присутствующіе и кинулись къ старому ситцевому мѣшку старухи.

Пестрый носовой платокъ, нѣсколько копѣекъ мѣдными деньгами и бумажка съ адресомъ рисовальнаго магазина, вотъ всё, что въ немъ нашли. Но адресъ служилъ указаніемъ; вѣроятно въ этой лавкѣ знали её.

Прекрасная карета на лежачихъ рессорахъ, принадлежащая незнакомому господину, въѣхала на дворъ. Бережно перенесли въ нее старушку, съ которою помѣстился незнакомый господинъ и докторъ, котораго благодарили довольно убѣдительно. Старушка находилась все въ одномъ и томъ-же положеніи.

Экипажъ поѣхалъ такъ скоро, какъ только позволяло состояніе больной, прямо въ означенную лавку и мальчикъ изъ лавки сдѣлался путеводителемъ незнакомца къ жилищу умирающей. Уже было около семи часовъ, когда карета остановилась на дворѣ маленькаго деревяннаго домика; цѣпная собака, отъ роду не видавшая такой диковинки, громко залаяла, а домовая хозяйка съ двумя бабами, не менѣе удивленная этимъ небывалымъ явленіемъ, выбѣжала на крыльцо.

Мальчикъ, ѣхавшій впереди на извощикѣ, отворилъ дверцу кареты — и докторъ вышелъ первый. Послушайте, сказалъ онъ, обращаясь къ тремъ женщинамъ: у васъ здѣсь живетъ старушка, она очень заболѣла; говорятъ, у нея есть дочь, гдѣ она? надо ее предупредить.

— Живетъ, батюшка, живетъ, отвѣчала хозяйка, да что-же это съ нею сердечною приключилось, экой грѣхъ какой!

— Гдѣ ея дочь? повторилъ докторъ.

— Тамъ, батюшка, ваше благородіе, на верху, въ свѣтелкѣ.

— Ну, такъ помогите вынуть больную изъ кареты и внести къ нимъ въ квартиру, а я пойду впередъ.

Надинька сидѣла грустно за роботою, когда вошелъ докторъ. Не обращая вниманія на внѣшній шумъ, который часто дѣлали извощики, привозя хозяевамъ муку или дрова, она не подошла даже къ окну и не видала происходившаго на дворѣ. Приходъ незнакомаго мужчины ее удивилъ; но лишь только докторъ заговорилъ объ ея матери, объ ничтожномъ обморокѣ, бѣдная дѣвушка поблѣднѣла и со стономъ кинулась къ дверямъ. По тоскующей душѣ своей она угадала опасность: въ сѣняхъ Наденька приняла на руки умирающую мать.

Крикъ ужаса и отчаянія, вырвавшійся изъ груди ея, оживилъ на мигъ умирающую, она открыла глаза, и въ ея потухшемъ взорѣ еще заискрилась материнская любовь, губы разскрылись и тихо прошептали: «Молись, благодари, ты выиграла. . . . благословляю тебя...» еще мигъ, еще вздохъ—и рука благословляющей опустилась безъ движенія; ангелъ смерти уносилъ уже душу въ обитель вѣчнаго мира и покоя. Пока женщины и докторъ хлопотали около Наденьки, которая лишилась чувствъ отъ неожиданнаго горя, незнакомый господинъ одинъ оставался въ рабочей ея комнатѣ. Прошедшее казалось ему сномъ. «Магазинъ... у его прилавка женщина, съ немногими копѣйками въ карманѣ, но существо, живущее надеждою и упованіемъ. . . . нѣсколько минутъ — и она богата, сверхъ ожиданія, но трупъ безъ нуждъ и

желаній. . . . Чудны дѣла твои, Господи!» думалъ незнакомецъ. Машинально обвелъ онъ глазами бѣдную комнату и остановилъ ихъ на прекрасной картинѣ въ богатой рамѣ. «Что это! Портретъ княгини Борецкой съ ея крестницею, его при мнѣ писали для Наденькиной матери, какъ онъ сюда попалъ?» говорилъ про себя съ удивленіемъ незнакомецъ. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ уже на портретъ, какъ за перегородкою послышались снова рыданія: Наденька пришла въ память.

— Матушка, Надежда Александровна, молитесь Богу, говорила хозяйка: на то знать была Его святая воля.

— Надежда Александровна! повторилъ незнакомецъ съ удивленіемъ: ея имя, этотъ портетъ, что все это значитъ?

Въ это время хозяйка вышла изъ-за перегородки; незнакомецъ остановилъ ее.

— Послушайте, матушка, сказалъ онъ: давно у васъ живутъ эта старушка съ дочерью?

— Да старушка-то, царство ей небесное, ужъ года съ три, а дочка жила въ мамзеляхъ, да захворала, сердечушко, и переѣхала къ матери, около полугода, кажись.

— Чей-же это портретъ виситъ у нихъ? продолжалъ онъ, показывая на стѣну.

— А это, батюшка, княгиня одна, важная барыня; была кумушка покойницы, тоже умерла, а дѣвочка-то бѣдная Надежда Александровна, какъ еще была махонькая. Незнакомецъ всплеснулъ руками, сказавъ: «Боже мой! И въ какомъ положеніи! Можно ли къ ней войти?

— Можно, батюшка, она одѣта, только жаль смотрѣть, говорила хозяйка, отворяя двери за перегородку.

— Послушай, душа моя, позаботься о покойницѣ, сдѣлайте всё, какъ слѣдуетъ, я вамъ за все заплачу, вотъ возьми на первые расходы. И онъ подалъ женщинѣ три золотыхъ, а самъ поспѣшилъ въ смѣжную комнату. Хозяйка дома съ изумленіемъ посмотрѣла вслѣдъ незнакомцу. «Видно богатъ!» наконецъ промолвила она: знать родной какой — экой добрый, подумаешь!» — и отправилась исполнять приказаніе.

Бѣдная Наденька была въ отчаяніи; горьки всѣ утраты въ жизни, но когда человѣкъ теряетъ послѣднее любимое и любящее существо, то одна рука Божія можетъ его поддержать въ минуту скорби и отчаянія.

Горько плача, сидѣла несчастная Надя, закрывъ лицо руками,

предъ нею стоялъ докторъ, молча и выжидая, пока слезы утолятъ немного скорбь души.

Незнакомецъ подошелъ къ ней, съ болѣзненнымъ чувствомъ посмотрѣлъ на нее. «Такъ вотъ то прекрасное дитя, окруженное любовью и нѣгою, обѣщавшее столько же радости другимъ, сколько судьба сулила ей самой, надъ чьей младенческой головой вился такой радужный вѣнокъ! Одна, сирота, безъ помощи! Боже мой! Боже мой! такъ смерть княгини лишила ее всего!» Такъ думалъ онъ, молча страдая за бѣдною дѣвушку.

Наконецъ природа утомилась, нервическое рыданіе стало утихать и Наденька подняла голову.

— Надежда Александровна! сказалъ тогда незнакомый господинъ: утѣшать васъ не смѣю и не могу, но смѣло могу предложить всю мою готовность быть вамъ полезнымъ... не оскорбляйтесь! Намѣренія мои святы и безкорыстны, притомъ я имѣю нѣкоторыя права на предложеніе вамъ моихъ услугъ: мы съ вами старые знакомые.

Наденька съ изумленіемъ взглянула на незнакомца.

— Помните ли вы печальнаго чудака, Александра Ивановича, вашего учителя словесности и исторіи въ домѣ покойной княгини Борецкой.

Эти слова вмигъ перенесли дѣвушку къ ея прошедшему, заставили сравнить его съ настоящимъ, и она, горько заплакавъ, подала руку тому, кто такъ усердно трудился надъ образованіемъ ея юной души.

—

Чрезъ нѣсколько дней у воротъ маленькаго домика женщина приклѣивала ерлычекъ, намазанный тѣстомъ, къ ней подошла другая баба, изъ сосѣдняго дома.

— Богъ въ помощь, сосѣдка, что это ты маракуешь?

— Да вотъ, тетка Аксинья, клѣю билетъ, что фатера есть порожняя.

— А жиличка-то знать ужъ выѣхала.

— Да, ее увезла какая-то барыня, говоритъ, тетка того, что хлопоталъ объ похоронахъ.

— Что, сосѣдка, и говорить! теперь богата стала, такъ всякъ возметъ, шуточное дѣло сто-тысячь, вишь-ли выиграла. . . а вотъ попробовала бы прежде.

— А и то сказать, отвѣчала клѣильщица, дай ей Богъ здоровья и всяческаго благополучія — все, что было въ фатерѣ, намъ

отдала: на, говоритъ, возьми, хозяюшка, себѣ на память, — опричь большой картины, съ ней, говоритъ, не разстанусь по гробъ моей жизни! — Помогла бѣднымъ людямъ, награди ее Господи! . . А вѣдь денежки-то за фатеру всѣ сполна заплатила до полушечки, даже чего, стекло было заклѣено бумажкой — и то на свой счетъ вставила. . . ей Богу!

— Да, да, возразила завистливо собесѣдница, кому ужъ какое счастіе. . . Что-жъ, давай Богъ, не намъ, такъ хоть чужимъ!

—

VI.

Въ послѣднее время Петровскій Паркъ сдѣлался самымъ любимымъ гуляньемъ московской публики. Деревья его разрослись и разстилаютъ густую тѣнь; дорожки, усыпанныя грудами щебня, укатаны и не рѣжутъ болѣе ушей, какъ пилою; пыль выучилась покоряться власти поливательныхъ снарядовъ; поля обросли садами и изподпишка начинаютъ смахивать на вилы Петербургскихъ острововъ, словомъ, мѣсто стало, если не прелестною окрестностію, то, по крайней мѣрѣ, пріятнымъ сборнымъ пунктомъ охотниковъ и охотницъ, не природою наслаждаться, но себя показать и другихъ посмотрѣть.

Въ назначенные для гульбищь дни экипажи всѣхъ вѣковъ, фасановъ и калибровъ несутся за Тверскую заставу и, соединяясь въ аллеяхъ Парка, составляютъ живую, движущуюся картину изъ колесъ, пестрыхъ ливрей, цвѣтовъ, лентъ, разношерстыхъ лошадей и самыхъ разнородныхъ лицъ и племенъ. Эту пестроту можно встрѣтить только въ Москвѣ. Дамы, какъ лучшее украшеніе этой подвижной понорамы, то небрежно, то кокетливо пріютясь въ своихъ роскошныхъ раковинахъ, блестятъ всѣми дарами, полученными отъ щедрой природы и купленными въ модныхъ и косметическихъ магазинахъ.

Москва издавна славится калачами и красавицами.

И что за костюмы! какое разнообразіе, какіе контрасты! то до вычурности они прихотливы, то поразительно-странны и смѣшны, какъ и всякая претензія на оригинальность! Вотъ роскошное, свѣтлое ландо, запряженное четверкою вороныхъ лошадей, какъ будто покрытыхъ атласомъ. Серебрянная сбруя такъ и горитъ, ремни лоснятся; а въ ландо. . . . нѣтъ! зажмурьте лучше глаза,

держите крѣпче ваше сердце, мой читатель, не то бѣда... бѣда неминучая: черезъ двѣ недѣли вы — или сумасшедшій отъ любви, или *счастливый* мужъ, одно изъ двухъ — но безъ этого не обойтись.

Вотъ еще хорошенькая вѣнская коляска, пара бѣлыхъ коней такъ и пляшутъ подъ своимъ легкимъ грузомъ, заставляя коляску на эластическихъ рессорахъ баюкать пріютившееся въ ней легкое, полувоздушное существо, какъ въ колыбели. А вотъ тамъ еще, еще и еще – экипажъ экипажа красивѣе, красавица красавицы лучше. Пѣшеходы на тротуарѣ, составляя пеструю кайму этой движущейся гирлянды, съ любопытствомъ и часто съ завистью смотрятъ вслѣдъ улетающимъ красавицамъ, и волтижирующимъ вокругъ нихъ, какъ осы, неслужащимъ кавалерамъ въ усахъ и громадныхъ булавкахъ.

Правда, въ ряду экипажей, тащатся кое-гдѣ и безобразныя колымаги съ неуклюжимъ грузомъ, въ бляхахъ и позвонкахъ, съ гигантскими наременниками (т. е. старинными рессорами). Вотъ, напримѣръ, рыдванъ, который тащатъ тоже четыре разномастныя клячи, кое-гдѣ недостатокъ ремней замѣняется услужливой веревкой; сбруи, служившія когда-то громадной породѣ старинныхъ коней, болтаются на истертыхъ бокахъ лошадей – скелетовъ; форейторъ въ синемъ, а кучеръ въ зеленомъ армякахъ и измятыхъ шляпахъ; неизбѣжные два лакея на запяткахъ, представители необычайной толстоты и худобы, тоже въ разообразныхъ ливреяхъ; на одного изъ нихъ натянутъ силою и кое-какъ застегнутъ на верхнюю пуговицу сюртукъ сомнительно-гороховаго цвѣта, съ безчисленными воротничками, пирамидально восходящими подъ самую шляпу; другой, какъ палка въ чужомъ футлярѣ, болтается въ когда-то зеленой, а теперь полосатой хламидѣ, выкроенной на подобіе французскаго кафтана и отороченной полинялыми бассанами; на одномъ огромная треуголка съ позументомъ поперегъ дороги, на другомъ круглая шляпа на бекрень-съ кокардою! Въ самой-же колымагѣ выставка цѣлой аранжереи бумажныхъ и кисейныхъ цвѣтовъ. Но за то какое самодовольство, какая гордая осанка у этихъ дамъ! Усѣвшись такъ, чтобъ ни одна складочка яркоцвѣтныхъ платьевъ не пропала безъ эфекта, ни одна ленточка или бантикъ не спрятался въ тѣни, они поглядываютъ на обѣ стороны, какъ бы говоря: смотрите и дивитесь, вотъ мы каковы!

Такъ было въ одинъ изъ обыкновенныхъ дней гулянья. Ряды густѣли часъ отъ часу болѣе и болѣе, и наконецъ дѣйствительно въ Паркѣ небыло ни прохода, ни проѣзда. Многіе изъ гуляющихъ

спѣшили пробраться къ Воксалу. Оркестръ полковой музыки и хоръ цыганъ привлекъ туда уже очень много посѣтителей.

Около восьми часовъ экипажи ежеминутно стали подъѣзжать къ крыльцу Воксала и наконецъ публика совершенно наполнила всѣ его залы. Многочисленная прислуга едва успѣвала исполнять требованія посѣтителей и подавать имъ мороженое и прохладительные напитки. Многіе изъ вновь пріѣжающихъ не могли найти для себя мѣста въ залѣ и выходили на галлерею. Въ числѣ ихъ была маленькая, толстенькая старушка съ молодымъ человѣкомъ. Едва она вышла, какъ къ Воксалу подъѣхалъ, стуча и звеня всѣми винтами, страшный рыдванъ; три дамы, опираясь на руки Голіафа, спѣшили выдти изъ него и старшая изъ нихъ закричала, увидя старушку: «Ахъ, мать моя, Ѳекла Егоровна, вы ли это?» — и вслѣдъ за тѣмъ посыпались громкіе и звучные поцѣлуи.

— Ну-что же мы стоимъ, пойдемте въ залу.

— Да тамъ нѣтъ мѣста, отвѣчала Ѳекла Егоровна, гдѣ бы можно было напится чаю, лучше сядемъ, отсюда, по крайней мѣрѣ, видно всѣхъ, кто пріѣзжаетъ.

— Кто это съ вами? спрашивала старшая изъ трехъ дамъ.

— Это одинъ знакомый моего племянника, ѣдетъ изъ Петербурга въ Одессу, такой милый, право, почти насильно утащилъ меня на гулянье: » я, говоритъ, буду вашимъ кавалеромъ, а одинъ ни за что не поѣду. »

— Женатъ? поспѣшно спросила дама.

— Нѣтъ, холостой.

— Такъ познакомь же меня, матушка, съ нимъ; привези къ намъ. Вѣдь, чай ему здѣсь безъ знакомыхъ - то скучно, а у меня дѣти займутъ его. Онѣ таки по петербургскому у меня воспитаны.

— Да онъ скоро ѣдетъ, отвѣчала Ѳекла Егоровна.

— Нужды нѣтъ, познакомь; - какъ знать, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ. . .

— Маменька, маменька, взгляните-ка сюда! закричали вдругъ двѣ дюжія дочки дамы, говорившей съ Ѳеклой Егоровной.

Предметъ ихъ удивленія была прекрасная, модная коляска, легко подкатившаяся къ Воксалу. Лакей, въ прекрасной ливреи, ловко соскочилъ съ козелъ и помогъ выдти изъ нея мужчинѣ лѣтъ подъ сорокъ; вслѣдъ за нимъ, опираясь на его руку, выпорхнула дама въ самомъ разцвѣтѣ лѣтъ и красоты. Бѣлый шитый шелкомъ бурнусъ едва прикасался къ ея чудесному бюсту, и маленькая,

розовая шляпка кокетливо обрамливала ея свѣжее лицо, исполненное чувства и счастія. Знакомый Ѳеклы Егоровны, увидя пріѣхавшихъ, кинулся къ нимъ. Дружеское пожатіе руки мужчинѣ и почтительный поклонъ дамѣ показывали, что онъ знакомъ съ ними коротко.

— Ахъ, батюшки! наконецъ проговорила дама, къ которой кинулись съ крикомъ дочери: скажите пожалуйста, да вѣдь это наша мамзель, право она!

— Что ты такъ кричишь, Ольга Алексѣевна, сказала Ѳекла Егоровна, вѣдь они могутъ услышать.

— Вотъ еще новость, да пусть слышатъ, стану я съ нею церемониться! Ужъ не оттого-ли, что она въ коляскѣ пріѣхала? Да я только этаго отъ нея и ожидала.

Молодой человѣкъ, проводя кавалера и даму до дверей Воксала, вернулся къ Ѳеклѣ Егоровнѣ.

— Позвольте мнѣ, сударыня, сказалъ онъ, минутъ на пять войти въ залу; — я встрѣтилъ здѣсь одного нашего одесскаго: Батюшка и я съ нимъ знакомы лѣтъ съ десять.

— Кто же онъ? спросила Ольга Алексѣевна.

— Александръ Ивановичъ Лунинъ, прекрасный, преблагородный и очень богатый человѣкъ.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— Онъ пріѣхалъ сюда по дѣлу, которое ему оставилъ покойный дядя, вмѣстѣ съ милліономъ денегъ. Дядя-то его былъ человѣкъ не больно тороватый, но жилъ себѣ на умѣ. Всѣ почитали его бѣднякомъ, а онъ былъ только скряга. По смерти у него оказалось слишкомъ на милліонъ состоянія. Всѣ радовались за Александра Ивановича, потому - что добрѣе и честнѣе его трудно встрѣтить человѣка.

— Ну, а эта барынька - то какъ съ нимъ очутилась? сказала насмѣшливо Ольга Алексѣевна. Молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и отвѣчалъ: я васъ не понимаю; Надежда Александровна его жена, и что же мудренаго, что она съ нимъ на гуляньи?

Онъ поклонился и ушелъ.

— Жена! повторила Ольга Алексѣевна и насмѣшливая улыбка смѣнилась злобною. Жена! вотъ поди ты! такія дряни всегда найдутъ мужа, а порядочная мать, какъ ни бейся, не можемъ ни одной сбыть съ рукъ!

— И, мать моя, отвѣчала Ѳекла Егоровна: у бѣднаго Богъ попечитель и опекунъ.

— Видно, что такъ! но ужъ я туда не пойду. . . прощайте, матушка! моимъ дочерямъ неприлично. . . Поѣдемте-ка лучше домой! Ей, подавать коляску.

И рыдванъ задребезжалъ по гладкому полукругу Воксала и скоро его тоскливая музыка замолкла въ дальней аллеѣ.

—

Стихотворенія.

Въ Альбомъ. *

(* * *)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.
Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою.
И что-жъ? я радъ, что онъ не можетъ
Тебя любить, какъ я люблю.
Но если счастіе случайно
Мелькнетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей.

М. Лермантовъ

---

* Это стихотвореніе, написанное на память дамы, доставлено намъ чрезъ посредство Н. П. Грекова, котораго мы душевно благодаримъ за это пріятное сообщеніе. *Ред.*

Двѣ звѣзды.

I.

Отворилъ окно я въ садъ тѣнистый:
Грустно мнѣ. Прохладой вѣетъ садъ;
Западъ весь облитъ зарей огнистой;
Двѣ звѣзды зажглись ужъ и горятъ.

II.

И глаза прикованы къ нимъ жадно;
Но за чѣмъ? какія вновь мечты,
Разбудивъ, подняли безпощадно
Эти двѣ горящія звѣзды?

III.

Озарило-ль ихъ лучей сіянье,
Память о быломъ на днѣ души?
Вспомнилъ-ли я сладкій часъ свиданья
Иль разлуки часъ въ ночной тиши?

IV.

И за чѣмъ безумный сердца трепетъ?
Иль я жду еще чего-нибудь,—
И опять надежды дѣтскій лепетъ
Взволновалъ тоской больную грудь?

V.

Далеко мой сонъ меня уноситъ—
Онъ душой проникнутъ глубоко. . . .
И душа такъ жадно жизни проситъ,
И угаснуть было-бъ такъ легко.

Н. Грековъ.

Дорога.

(Посвящ. П. О. Ш.)

Въ жизни стелется дорога
Узкой, скользкою тропой—
И идутъ по ней немного:
Рѣдко кто рука-съ-рукой!
Этотъ путь ведетъ далеко—
Къ цѣли дивной проложенъ. . .
И однимъ лучомъ Востока
Для идущихъ озаренъ.
Но онъ презрѣнъ межъ живыми,
И отъ славы онъ сокрытъ:
Ни горами золотыми,
Ни честями не даритъ!
Много камней преткновенья,
Много терній на пути:
Если путникъ безъ терпѣнья—
То погибъ онъ, то прости!
Нужно съ волею желѣзной
Этотъ путь переходить,
И на небо, и на бездну
Взоръ съ надежной возводить. . .
А котомку за плечами
Замѣнить ярмомъ креста:
Онъ, какъ ключь подъ небесами,
Растворяетъ ворота. . .
Путникъ жаждой утомится—
(Выше силъ его труды!)
Но за то предъ нимъ струится
Ручеекъ живой воды. . .
Тотъ ручей неизсякаетъ—
Это съ неба водопадъ:
Кто напьется — не страдаетъ
И не требуетъ наградъ;
Кто напьется — не страдаетъ. . .
Но скорбей и тѣсноты
Больше жаждетъ . . . и желаетъ
Какъ богатства — нищеты!
Поднесутъ ли люди-братья
Чашу горя въ тишинѣ;

Иль Іудины объятья
Примутъ путника во тьмѣ;
Иль безсловіемъ, какъ славой.
Надъ толпой превознесутъ,
Или міръ — судья лукавый
Увлечетъ на ложный судъ; —
Непреклонный, неизмѣнный,
Но надежды тайной полнъ,
Путникъ станетъ предъ вселенной,
Какъ скала средь ярыхъ волнъ!
И помчавшись птицей вольной
Надъ распутьемъ бѣдъ и золъ,
Онъ глядитъ на міръ бездольный
Какъ заоблачный орелъ. . .
И побѣдными крылами,
Міра жалкій сирота,
Отопретъ подъ небесами
Къ цѣли дивной ворота . . .
Новый гость въ краю желанья
Тамъ онъ — царь его красотъ,
Славы, вѣчнаго сіянья
Лавръ невянущій пожнетъ!

В. Корсакъ.

=

Признаніе.

Когда внимая приговору
Минутной страсти, я увлекъ,
Быть можетъ, на стезю къ позору
Тебя, пустынный мой цвѣтокъ!
Склонясь усталой головою
На блѣдное твое плечо,
Я думалъ съ тайною тоскою:
Зачѣмъ, о другъ, такъ горячо,
Такъ безкорыстно, простодушно

Меня ты любишь, и къ чему
Несешь ты, сердцу лишь послушна,
Все въ жертву сердцу моему?
Вѣдь ты его не разгадаешь,
Вѣдь я его не обновлю.
Меня, какъ ангелъ, ты ласкаешь—
Тебя, какъ демонъ, я гублю;
Вѣдь между мною и тобою
Есть недоступная черта,
И намъ ни мыслью, ни мечтою
Не обмѣняться никогда.
Вѣдь кромѣ жара поцѣлуя
Во тьмѣ ночной, въ нѣмой тиши,
Дать ничего ужъ не могу я
Изъ глубины моей души.
Но вѣрь, что тотъ, кому любовью
Не суждено горѣть къ тебѣ,
Готовъ бы заплатить всей кровью
За счастье дней твоихъ—судьбѣ!

Н. Грековъ.

=

Лидія.

Ужъ полночь бьетъ. Печальная луна
Свой слабый свѣтъ на землю проливаетъ. . . .
А Лидія сидитъ тоскливо у окна
И все груститъ, все плачетъ, и страдаетъ.
О чемъ же плачешь ты, красавица моя?
Иль жаль тебѣ весны, изчезнувшей такъ рано?
Иль грудь твою тоска терзаетъ, какъ змѣя?
Иль гибнетъ жизнь твоя подъ бременемъ обмана?
Утѣшься, милый другъ! На свѣтѣ все мечта!
Намъ радости даны на краткое мгновенье. . . .
Тебя отъ нищеты избавитъ красота,
А остальное все — не стоитъ сожалѣнья!

Н. Голубинъ.

=

Могильный даръ.

Теперь ты мой, цвѣтокъ уединенный,
Цвѣтокъ простой, но милый для души!
Ты выросъ надъ могилой мнѣ безцѣнной,
Надъ ней разцвѣлъ одинъ, въ нѣмой тиши.
Взлелѣянъ ты не теплою весною,
Ты осенью туманною взрощенъ,
И не одной небесною росою,
Здѣсь по утрамъ бывалъ ты орошенъ.

Едва взойдя, надъ тихою могилой,
Ты силою чужой надъ нею росъ:
Твой корень и листки твои поила
Тоска души горячей влагой слезъ.
Ты не блестишь, не льешь благоуханья,
Какъ многіе душистые цвѣты;
Но полонъ ты красой воспоминанья
И о быломъ живутъ въ тебѣ мечты.

Увядшій на груди моей, ты много
Мнѣ говоришь о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что жизни цвѣтъ душевною тревогой
Сгубило здѣсь, какъ я тебя, мой цвѣтъ.
О, никогда не будетъ намъ разлуки,
И сберегу тебя я отъ грозы,
И въ дни тоски, и въ дни душевной муки
Найду тебѣ замѣну я росы.

Н. Грековъ.

═

Венеція.

Черная гондола
Вóлны разсѣкаетъ,
Звучно баркарола
Воздухъ оглашаетъ

Тихо всё, спокойно,
Ропщутъ только волны;
Миновалъ день знойный
И томленья полный.
Вдалекѣ отъ шума,
Средь ночной прохлады,
Поэтичнѣй дума,
Много есть отрады
Жизни вялой бремя
Легче на мгновенье,
Забываешь время,
Чуешь вдохновенье. . .
Сердцу такъ привольно
Мыслить, забываться,
Звуками невольно
Ночью упиваться. . .
Горе и печали,
И былыя слёзы —
Всё на-мигъ умчали
Радужныя грёзы.
Но вдали бѣлѣетъ
Тихая ограда:
Тамъ другъ милый тлѣетъ —
И прошла отрада.
Сердце вновь заныло,
Мраченъ я и скученъ,
И опять, какъ было,
Жизнію измученъ.
Ракъ мой безпощадный!
Было-бъ мнѣ не трудно
Средь могилы хладной
Вѣкъ спать безпробудно!

Д. Сушковъ.

—

* * *

Въ тоскѣ предчувствія мятежной,
Ко мнѣ склоняясь головой,
Ты мнѣ шептала, другъ мой нѣжный,
Ты говорила ангелъ мой:
«Для насъ разлуки неизбѣжной
День наступаетъ роковой.»
И улыбаясь, ты смотрѣла
Съ такою нѣгой на меня,
Какъ будто усладить хотѣла
Всю грусть, предсказаннаго дня—
И день насталъ . . . . ты улетѣла
Въ другіе, лучшіе края.
И вотъ, подъ властью обаянья,
Сраженъ внезапною грозой,
Тону въ мечтахъ воспоминанья,
Люблю весь сонъ любви былой. . .
И все, какъ будто, жду свиданья
Въ другомъ краю, въ странѣ иной.

Н. Грековъ.

ПОХОЖДЕНІЯ ВЪ ДИЛИЖАНСѢ.

Разсказъ Шпиндлера

—

I.

ИЗУЧЕНІЕ РАЗНЫХЪ НАУКЪ.

Послѣ выпуска моего изъ учебнаго заведенія, въ которомъ я воспитывался, я сдѣлался тѣмъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ молодые люди: кандидатомъ на всевозможныя должности и званія. Пышный аттестатъ, полученный мною при выпускѣ, поддерживалъ мою самоувѣренность. Однако я остался при кандидатствѣ.—Вакансіи на хорошее мѣсто не открывалось, а служить Богъ знаетъ гдѣ я не хотѣлъ; я имѣлъ состояніе и любилъ покойную жизнь.—Потерявъ родителей въ ранней молодости, я остался съ порядочнымъ состояніемъ; попечительное о сиротахъ правительство назначило мнѣ опекуна, который истинно по братски подѣлился со мною моимъ достояніемъ и, по окончаніи опеки, отретировался, сдавъ мнѣ кипу бумагъ и уцѣлѣвшія деньги, весьма довольный собою, и еще болѣе моею невинной благодарностію и квитанціею.

Если бы я не имѣлъ рѣшительнаго отвращенія къ адвокатскимъ занятіямъ, то я бы могъ впервые испытать свои юридическія способности надъ моимъ опекуномъ

Однако я не сталъ спорить съ опытнымъ плутомъ и удовольствовался половиною наслѣдства, уже значительно уменшеннаго всѣми удобствами моей академической жизни. Я обратился къ практическому изученію людей и свѣта.— Я думалъ дойти до вѣрнаго познанія характеровъ, и дошелъ до рѣшительнаго истощенія кошелька.— Обманщики пользовались моимъ уваженіемъ къ старости; услужливые пріятели черпали въ моемъ карманѣ; другіе грабили меня во имя любви къ ближнему; женщины не упускали случая пользоваться моимъ легковѣріемъ, а я, несчастный, думалъ, что подъ каждымъ хорошенькимъ личикомъ кроется идеалъ непорочности. Каждая треть моего академическаго ученія незамѣтно приближала меня къ раззоренію, а невинное банкротство одного изъ моихъ Пиладовъ окончательно сбило меня съ ногъ: я поручился за него въ нѣсколькихъ тысячахъ талеровъ, пріятель скрылся во время, я заплатилъ послѣднее, и—сѣлъ на мель!

—

II.

МОЯ РЕПУТАЦІЯ.

Добрыя кузины, тетушки, сосѣдки и сосѣди, благодаря Бога, не замедлили принять участіе въ моемъ положеніи,—тогда только увидѣлъ я, что мое ученіе кончилось, и что я дошелъ до ясныхъ результатовъ. Я болѣе не могъ сомнѣваться въ своихъ личныхъ достоинствахъ, потому что всѣ о нихъ положительно говорили.

»Глиммеръ дуракъ!» кричала одна половина города. «Онъ ни къ чему не годенъ!» кричала другая половина; и если принять, что дуракъ дѣйствительно ни къ чему не годенъ въ свѣтѣ, то обѣ половины города говорили

одно и тоже. Друзья удалились при появленіи полицейскихъ чиновниковъ съ печатями въ рукахъ; тѣ, которые пользовались прежде моими одолженіями, явно смѣялись надо мной; женщины радовались паденію невиннаго агнца. О должности думать было нѣчего; родные прогнали меня и бѣдняга Глиммеръ остался одинъ, какъ перстъ, благодаря Бога за то, что шумъ столичной жизни вскорѣ покрылъ его тихія жалобы и далъ другое направленіе языкамъ, глазамъ и мыслямъ добродушныхъ жителей столицы.

Всего ужаснѣе было для меня то, что какъ разъ въ это время, мой дядя, торговавшій до того въ Восточной Индіи и нажившій тамъ огромныя богатства, возвратился въ Европу; не нанося никакого ущерба единственной своей дочери, онъ легко могъ бы вывести меня изъ затруднительнаго положенія,—но любовь къ ближнему постаралась уничтожить мою послѣднюю надежду.—Почтенный опекунъ мой, коммерціи совѣтникъ Трюблинъ, о которомъ я какъ-то неосторожно выразился по поводу управленія моимъ имѣніемъ, незамедлилъ извѣстить моего дядю, находившагося въ Гамбургѣ, о постигшемъ меня бѣдствіи, и излить весь свой гнѣвъ на мою беззащитную голову. Вліяніе подобнаго извѣщенія преимущественно оказалось въ томъ, что дядя, которому я написалъ претрогательное письмо, прислалъ мнѣ весьма лаконическій отвѣтъ, въ которомъ было сказано, что онъ вовсе не желаетъ потворствовать расточителю, что сынъ сестры не есть еще его сынъ, что онъ болѣе не будетъ мнѣ писать, что онъ даже, на проѣздѣ своемъ въ Швейцарію, гдѣ намѣренъ жить, не заѣдетъ на родину, чтобы не подвергнуться непріятностямъ обременительнаго знакомства со мною. Холодный и неприличный тонъ этого письма до того взбѣсилъ меня, что я мысленно и изустно проклиналъ стараго скрягу, у котораго сердце обратилось въ колоніальное произведеніе.

—

III.

МИРНАЯ ЖИЗНЬ.

Однако вы ошибаетесь, если думаете, что удаленіе мое изъ шумнаго свѣта произвело на меня дурное впечатлѣніе. Я былъ отчасти доволенъ такою перемѣною и началъ вести скромную жизнь философа въ небольшой комнаткѣ, приготовленной для меня доброю вдовою Сабиною, владѣтельницею домика въ предмѣстіи. Добрая старушка не забыла, что мужъ ея провелъ много счастливыхъ дней въ услуженіи у моего отца и что родители мои, во время женитьбы его, подарили ему домъ съ садомъ, который и остался его вдовѣ. — Сабина искренно любила сына своего благодѣтеля и, когда онъ обѣднялъ, съ радостью предложила ему дѣлиться съ нимъ небольшимъ своимъ достаткомъ. — Я принялъ ея услуги съ тѣмъ, что буду платить ей по своимъ средствамъ, и сталъ прозябать въ каморкѣ, окруженный птицами, цвѣтами и книгами. Съ ранняго утра я начиналъ заниматься, въ 11 часовъ отправлялся въ садъ, въ 12 скромно обѣдалъ съ хозяйкою, до четырехъ блуждалъ по лѣсамъ и полямъ; вечеръ же исключительно посвящалъ литературнымъ занятіямъ, составлявшимъ мой единственный доходъ; журналы доставляли мнѣ хлѣбъ насущный. Ровно въ 10 часовъ, усталый и сонный, я ложился на кровать, достойную картезіанца, на которой однако я пріятнѣе спалъ, чѣмъ на мягкихъ пуховикахъ моей прежней роскошной кровати. — И такъ, я не имѣлъ никакой причины жаловаться на свою судьбу; вскорѣ я даже сталъ благословлять ее. — Читатель тотчасъ пойметъ это, когда я стану говорить о предметѣ, составляющемъ важнѣйшую главу моей жизни.

—

IV.

ПРОТИВЪ МОЕГО ОКНА.

Сказанный предметъ былъ ни что иное, какъ личико пятнадцатилѣтней дѣвушки, обворожительной красоты, поселившейся въ уединенномъ переулкѣ предмѣстья, противъ моего окна. Хорошенькая Розина испытала почти одинакую со мною участь. Отецъ ея, разбогатѣвъ мелочною торговлею въ сосѣднемъ городкѣ, погнушался своими скромными занятіями, пустился въ спекуляціи, и вмѣсто перца и деревяннаго масла, вздумалъ торговать векселями. Но ему не посчастливилось и судъ вскорѣ продалъ оптомъ имущество мелочнаго торговца. Самъ онъ умеръ отъ огорченія, оставя Розину безъ всякаго наслѣдства. Къ счастію одна изъ тетокъ бѣдной сироты имѣла довольно средствъ и человѣколюбія, чтобы принять ее къ себѣ и удѣлить ей мѣстечко въ своемъ домикѣ. Съ тѣхъ поръ Розина жила, не зная нужды, какъ маргаритка въ полѣ, но никакое уединеніе не можетъ спасти цвѣтка отъ жадныхъ рукъ любителя красивыхъ растеній.—На этотъ разъ любителемъ былъ я. Красавица не укрылась отъ моего орлинаго взгляда и только тогда началъ я грустить о прошломъ своемъ богатствѣ. Подѣлиться съ нею достатками было бы для меня неописаннымъ удовольствіемъ, но въ настоящемъ положеніи я не могъ ничего сдѣлать; я только изливалъ свою грусть въ мелодическихъ сонетахъ, послалъ избранной сердца моего прехорошенькую канарейку, украсилъ ея окошко лучшими цвѣтами, и, несмѣя открыться ей, избралъ повѣренною своей страсти старушку Сабину. Она принимала искреннее участіе въ моемъ горѣ, старалась утѣшить меня и клялась, что Розина неравнодушна ко мнѣ, что тетка уже не разъ говорила ей о вѣжливомъ молодомъ сосѣдѣ, о явномъ удовольствіи Розины,

когда разговоръ касался до меня и о радости, съ которою она принимала мои подарки.

Такіе разсказы приводили меня въ восторгъ и я былъ бы въ полномъ блаженствѣ, еслибы демонъ мрачнаго безпокойства не нашептывалъ мнѣ на ухо: «Не слишкомъ радуйся! какъ знать! какъ знать!»

—

V.

НЕПОГОДЫ.

Въ это время случилось, что я отправился къ своему покровителю, издателю Меркурія, за полученіемъ слѣдовавшей мнѣ платы. Онъ медленно отсчиталъ мнѣ деньги, и потомъ, къ величайшему моему удивленію, сказалъ: «Любезный Глиммеръ! мнѣ всегда пріятно было имѣть съ вами дѣло; поэтому я крайне сожалѣю, что теперь долженъ окончить наши счеты и просить васъ не безпокоить себя дальнѣйшими трудами.» — Я какъ съ неба упалъ. — «Какъ прикажете понимать это?» произнесъ я довольно наивно. — «Вотъ въ чемъ дѣло:» — сухо отвѣтилъ мнѣ редакторъ, предварительно набивъ свой носъ табакомъ: «Конечно ваши сочиненія въ началѣ чрезвычайно нравились читателямъ и доставили большія выгоды моему журналу, но съ нѣкотораго времени вы совершенно измѣнились, и подписчики мои, прежде съ жадностью кидавшіеся на ваши произведенія, теперь зѣваютъ при видѣ знакомой подписи.» —Какъ это можетъ быть?-спросилъ я, немного обидясь. — «Богъ знаетъ что съ вами случилось,» продолжалъ редакторъ, «вмѣсто прежней легкости и игривости, ваши разсказы и стихи отличаются теперь какою-то несчастною сантиментальностью, которая дѣйствительно невыносима и никогда не можетъ нравиться читателямъ. Вы или влю-

блены, или сдѣлались мистикомъ. — Послѣдній вашъ романъ въ Вертеровскомъ вкусѣ привелъ всѣхъ въ негодованіе, — гіацинты и нарциссы болѣе не въ модѣ; а въ вашихъ послѣднихъ стихотвореніяхъ ужъ черезъ чуръ много луннаго свѣта и душистыхъ цвѣтовъ! Что это за стихи! Посмотрите заглавія: *Сонетъ къ розѣ, тріолетъ къ ней, посланіе къ Аменаидѣ, Шарада Розабеллѣ, Анаграмма имени красавицы* и т. под.-

«Вполнѣ убѣжденный въ достоинствѣ вашихъ сочиненій, я отдалъ ихъ въ типографію, не прочитавъ, а теперь меня всѣ упрекаютъ. — Вы видите, любезный Глиммеръ, мнѣ очень жаль, что мы должны разойтись, но дѣлать нечего, если вы теперь станете въ десятеро лучше писать, то и это вамъ не поможетъ; вы потеряли довѣріе и имя ваше сдѣлалось смѣшнымъ для читающаго міра.»

Я въ справедливомъ негодованіи оставилъ вандала! Но, выбѣжавъ на улицу, тотчасъ же успокоился; потому что на афишѣ объявлено было представленіе моей большой трагедіи: «Розамунда» (не Кёрнера). — «Несчастный журналистъ!» — гордо воскликнулъ я, — «твое шарлатанство не введетъ меня въ заблужденіе и не лишитъ бодрости. — Сегодня ожидаютъ меня въ театрѣ лавры, а завтра богатая награда, обѣщанная въ случаѣ успѣха»

Злополучная самоувѣренность! — Вечеромъ я, освистанный авторъ, робко прокрадывался между толпами уходившихъ зрителей и безъ оглядки бѣжалъ домой; — на другой день я и не думалъ идти за обѣщанною наградою. Горькія послѣдствія моего паденія не заставили себя ждать. Имя автора не осталось скрытымъ, жестокосердые журналисты разорвали на клочки мою литературную славу, книгопродавцы и редакторы отсылали мои статьи безъ всякихъ объясненій, — и я сдѣлался несостоятельнымъ литераторомъ. — Я вѣрно бы не перенесъ такого горя, еслибы Розина и добрая старушка моя не старались меня успокоить.

—

VI.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ И ПОПЫТКИ.

Не смотря на различіе въ образѣ дѣйствій моихъ утѣшительницъ, онѣ сходились въ одномъ мнѣніи, именно въ томъ, что мнѣ должно искать другихъ средствъ для существованія. Увы! совѣты эти были излишніе; я самъ съ ужасомъ слѣдилъ за быстрымъ уничтоженіемъ моихъ наличныхъ средствъ. Я не могъ вынести мысли, что долженъ буду пользоваться благодѣяніями Сабины, — но на всѣ мои предположенія разсудокъ отвѣчалъ: «Надежды нѣтъ! надежды нѣтъ!» — Коллегіи были безвозвратно закрыты для меня, потому что я въ счастливыя времена отказался служить изъ чести; стаи служакъ и переписчиковъ наполняли другія мѣста; музы постыдно выгнали меня изъ своего храма; ремесломъ я заниматься не могъ, — не хватало знаній, для торговли — не хватало денегъ, въ солдаты я не годился. — Всѣ дороги были закрыты для меня; куда я ни бросался, все было чуждо мнѣ; только въ скромномъ переулкѣ бились сердца, сочувствовавшія моему горю. Между тѣмъ день уходилъ за днемъ, талеръ за талеромъ, и я почти могъ разсчитать, что по пришествіи извѣстнаго числа дней у меня не останется ни геллера. До тѣхъ поръ я мужественно скрывалъ свою страсть, но горе сломило печать молчанія, и въ задушевномъ разговорѣ услужливый сосѣдъ открылся милой сосѣдкѣ своей въ любви и въ своемъ недостаткѣ.

Душа Розины, при неожиданномъ объясненіи, вспыхнула пламенемъ благородной страсти, но мысль о моей нищетѣ невольно умѣрила ея восторгъ. Если бы я смѣлъ открыть непосвященнымъ читателямъ тайны дѣвственно-непорочной души, я бы могъ разсказать тысячу предположеній, придуманныхъ Розиною для облегченія моей участи. — Она хотѣла заняться самыми трудными работами,

чтобы дѣлить со мною выручку, работать по ночамъ и т. п. и когда я, краснѣя, отвергалъ ея предложенія, говоря, что такія заботы приличны скорѣе мужчинѣ, она упрекала меня въ несправедливости. — «Вы не привыкли къ трудной работѣ,» — говорила она: «вы привыкли къ довольству; позвольте мнѣ трудиться за васъ, пока не настанутъ счастливѣйшія времена.» — Печально качалъ я головою, какъ вдругъ тетка, вошедшая въ это время, ударила меня по плечу. «Ободритесь, не робѣйте, г-нъ Глиммеръ, сказала она, счастіе вертится на колесѣ и катится то къ одному, то къ другому. Вамъ нравится моя Розина, я это давно замѣтила и не противлюсь, хотя весь городъ говоритъ, что вы ни къ чему не годны; вы такъ смирно живете, что право можно подивиться. — Но чтобы жениться на Розинѣ, вы должны что нибудь имѣть, потому что она бѣдна, а я не могу дать ей большаго приданаго. Попытайтесь еще разъ умилостивить дядюшку.» — Я коротко и ясно отказался. — «Боже мой, какъ въ васъ мало терпѣнія!» продолжала тетка, «выслушайте только меня: я принесла вамъ хорошую вѣсточку.» — Я весь обратился въ слухъ.

— «Только не смѣйтесь надо мною; я и племянникъ мой люди простые, но у насъ, какъ и у другихъ, есть уши.» — Такъ что-же сдѣлалъ вашъ племянникъ съ своими ушами? спросилъ я улыбаясь. — » Слушайте: Францъ получилъ мѣсто разсыльнаго у коммерціи-совѣтника Трюблинга; мѣсто хорошее: оно его кормитъ. Что-же случилось сегодня? Вообразите, — Францъ чистилъ въ передней шляпу и фракъ, какъ вдругъ какой-то толстый господинъ ввалился въ кабинетъ совѣтника. «Знаете-ли вы,» закричалъ онъ, войдя къ Трюблингу, — знаете ли вы, что дядя негодяя Глиммера находится уже въ Фельтенброннѣ, въ 15 миляхъ отсюда.

— Будто! сказалъ Совѣтникъ, — сюда ѣдетъ, что-ли?

— Не знаю, отвѣчалъ толстякъ, говорятъ только,

что онъ ѣдетъ въ Швейцарію, однако вотъ уже 14 дней, какъ онъ живетъ въ городѣ и легко можетъ случиться, что ему вздумается пріѣхать сюда, чтобы поближе разсмотрѣть своего племянника.

— Только бы не вздумалось слишкомъ близко разсматривать, а то еще не бѣда. — Это скверная исторія. Всего лучше самимъ отправиться на мѣсто и стараться удалить всякую возможность сближенія дяди съ племянникомъ. — Да, проворчалъ на это Совѣтникъ: если бы не дѣла... — Я обо всемъ позаботился, возразилъ другой, я самъ поѣду, чтобы уничтожить дерзкаго; если не будетъ дѣла, я завтра же отправлюсь въ Фельтенброннъ, а послѣ завтра ужъ непремѣнно. —

— Хорошо, а если въ это время дядя Глиммера явится сюда? — И это не бѣда — я сказалъ во всѣхъ гостинницахъ, чтобы васъ тотчасъ увѣдомили о его пріѣздѣ.» — Послѣ этого они стали такъ тихо говорить, что Францъ ничего не могъ разслышать и поскорѣе убрался изъ передней; — онъ не могъ быть спокоенъ, пока не разсказалъ мнѣ всего, потому что онъ знаетъ, что я и Розина принимаемъ въ васъ участіе.

—

VII.

должно и можно.

Я поблагодарилъ Розину нѣжнымъ пожатіемъ руки и сказалъ, обратясь къ теткѣ: « Что же мнѣ теперь дѣлать? « — Стараться предупредить хитрые замыслы, отвѣтила тетка: если вы не явитесь къ дядѣ ранѣе клеветниковъ, то вамъ придется навсегда отказаться отъ его помощи. — Я долженъ былъ согласиться, что противъ меня строятъ ужасныя козни, но сомнѣвался въ

возможности разрушить ихъ. «Вы должны ѣхать ранѣе агента, замѣтила Розина.—Кто-же этотъ агентъ? спросилъ я наконецъ. Тетка никакъ не могла мнѣ этого объяснить; Францъ видѣлъ его въ первый разъ, а по описанію я не узнавалъ въ немъ никого изъ своихъ знакомыхъ. — Мы долго ломали себѣ головы и рѣшили тѣмъ, что я долженъ непремѣнно и какъ можно скорѣе ѣхать къ дядѣ, чтобы открыть ему обманъ и заставить его возвратить мнѣ свою любовь. Но какъ отправиться? Дѣло было спѣшное; пріятельницы мои были неопытны въ этомъ дѣлѣ, а я не могъ подать своего мнѣнія, потому что у меня небыло самыхъ необходимыхъ средствъ для путешествія—денегъ; ложный стыдъ не дозволялъ мнѣ признаться въ этомъ. — Когда мы призвали на совѣтъ мою добрую хозяйку, то она, какъ вдова кучера, знающая всѣ способы ѣзды, вспрыгнула отъ радости и воскликнула: « О чемъ-же тутъ хлопотать? Всего удобнѣе вамъ, Глиммеръ, ѣхать въ дилижансѣ; онъ въ одинъ день отвозитъ пассажировъ въ Фельтенброннъ и отправляется отсюда завтра утромъ въ пять часовъ, какъ сказано въ моемъ календарѣ. Въ 10 часовъ вечера вы будете въ Фельтенброннѣ, днемъ ранѣе этого проклятаго Іуды, который вѣрно отправится въ коляскѣ Трюблинга.»—Прекрасно! закричали въ одинъ голосъ совѣтники женскаго пола. — «Прекрасно!» повторилъ я, какъ эхо, принужденно улыбаясь, въ то время, какъ лѣвая рука моя судорожно сжимала въ карманѣ пустой кошелекъ. Сабина между тѣмъ восхваляла благодѣтельное учрежденіе дилижансовъ. Тетка побѣжала снова разспрашивать Франца о толстомъ господинѣ, а Розина неотступно просила, чтобы я тотчасъ же взялъ мѣсто въ дилижансѣ.—Дѣйствительно, я отправился за этимъ, но рѣшительно не зналъ съ чего начать;—мнѣ необходимо должно было ѣхать въ дилижансѣ, но какимъ образомъ?—Денегъ не было!!

—

VIII.

ДОЛЖНИКИ.

При свѣтѣ вечерней зари прохаживался я по бульвару, призывая на помощь всѣ силы разсудка и воображенія. Проходя мимо почты, я взглянулъ на росписаніе и съ ужасомъ увидѣлъ, что за мѣсто въ дилижансѣ отъ Флаксенфингена до Фельтенбронна платятъ пять талеровъ и нѣсколько грошей. Эта сумма далеко превышала мое наличное состояніе, - и я долго не могъ придумать, какимъ образомъ покрыть дефицитъ моей кассы. — Наконецъ я вспомнилъ, что въ счастливыя времена пріятели занимали у меня деньги, которыхъ я еще не получилъ. Радостно забилось сердце мое, и въ тоже время жаднымъ взорамъ моимъ предсталъ приближавшійся ко мнѣ ассессоръ, стоявшій въ главѣ моихъ должниковъ. - Вспомня старинную университетскую дружбу, я бросился ему на встрѣчу и остановилъ его пріятельскимъ: « здравствуй, братъ!» Онъ дико посмотрѣлъ на меня сквозь очки, какъ - бы стараясь припомнить мою незначительную фигуру, отвѣтилъ мнѣ холоднымъ «вы,» и наконецъ жестоко обидѣлся, когда я сталъ просить его о возвращеніи должныхъ мнѣ 100 талеровъ. — » Какъ, вы говорите, что я у васъ занималъ; — Никогда! Вы или сошли съ ума, или не имѣете никакой совѣсти; но эта штука вамъ не удастся. Дома я бы приказалъ только сбросить васъ съ лѣстницы, а здѣсь полиція приведетъ васъ въ разсудокъ и научитъ впередъ не останавливать на улицѣ честныхъ людей!» — Я стоялъ, какъ пораженный громомъ. Толпа гуляющихъ остановилась, чтобы полюбоваться моимъ смущеніемъ. Стыдъ сковалъ мнѣ языкъ и руки, и, когда я наконецъ въ справедливомъ гнѣвѣ замахнулся бамбуковою тростью,—ассессора уже не было; онъ быстро скрылся изъ вида. Еще быстрѣе пустился я; чего бы я не

далъ, чтобы облегчить себя громогласною, всевозможною бранью, но я долженъ былъ скрывать свое негодованіе, опасаясь насмѣшекъ Фланкенфингенскаго beau monde, бѣжавшаго, проходившаго и проѣзжавшаго мимо меня. Я поспѣшилъ къ ближайшимъ воротамъ, чтобы вернуться въ городъ; вдругъ гнѣвное выраженіе лица моего измѣнилось въ пріятную улыбку. – Между колоннами городской караульни, съ пенковою трубкою въ зубахъ, прохаживался одинъ изъ главнѣйшихъ должниковъ моихъ, поручикъ Петерлейнъ. Довольный и веселый видъ его обѣщалъ мнѣ успѣхъ. Я тотчасъ подошелъ къ нему, былъ принятъ имъ не дурно, однако хуже, чѣмъ бывало. Послѣ обычныхъ привѣтствій, я перешелъ къ предмету своего посѣщенія. Улыбаясь слушалъ меня Петерлейнъ и покачивалъ головою, какъ-бы дивясь чему-то. « Любезный другъ!» сказалъ онъ наконецъ: «съ чего вамъ вздумалось теперь припоминать старыя дрязги! Во первыхъ, я не помню, долженъ-ли я вамъ или нѣтъ, а во вторыхъ странно, что вы надѣетесь найдти 30 каролиновъ въ карманѣ офицера, который любитъ собакъ, лошадей, вино, обѣды и прекрасный полъ.» Съ этими словами онъ отвернулся отъ меня. Я сбирался уже уйти, какъ вдругъ онъ снова подошелъ и ласково сказалъ мнѣ на ухо: «Если я не могу вамъ дать денегъ, то примите, покрайней мѣрѣ, отъ меня два совѣта. Во первыхъ, не давайте никому въ займы, хотя-бы у васъ были груды золота; во вторыхъ, выбирайтесь какъ можно скорѣе изъ города. Прощайте! »

Я отправился къ Либерейху, которому когда-то далъ 80 талеровъ, и изложилъ ему свою просьбу. Онъ выслушалъ меня спокойно; потомъ, не отвергая долга, спросилъ письменный документъ. Я ему отвѣтилъ, что когда я былъ богатъ, то вовсе не думалъ о такихъ документахъ. Либерейхъ улыбнулся, пожалъ плечами, пробормоталъ: « очень жаль! я плачу только по пись-

меннымъ обязательствамъ!» — вѣжливо выпроводилъ меня изъ квартиры, заперъ за мною двери, — и я въ третій разъ очутился на улицѣ, вперивъ безсмысленные взоры на ярко сверкавшія звѣзды и призывая ихъ въ свидѣтели своего несчастія. «Другъ, пріятель!» раздалось подъ самымъ ухомъ моимъ и тяжелый поцѣлуй остановилъ на устахъ моихъ готовившуюся брань; «что ты въ астрономы записался, что звѣзды считаешь? Какъ давно я тебя не видалъ! Раззорился, товарищъ, а помнишь, какъ бывало кутили!» — Это былъ мой старый товарищъ Бернгардъ; обрадовавшись встрѣчѣ, онъ потащилъ меня въ ближайшую кофейню, гдѣ я долженъ былъ разсказать ему все, что случилось со мною; ничего я не скрылъ отъ него и признался, что я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи, что мнѣ нужно ѣхать, и что у меня нѣтъ денегъ. — Бернгардъ почесалъ за ухомъ, стряхнулъ волосы съ лица, наморщилъ лобъ и началъ такъ: «Любезный Глиммеръ, ты поражаешь меня ужасомъ; я не забылъ, что, когда я, вслѣдствіе послѣдней исторіи, долженъ былъ убираться изъ Академіи, ты сунулъ мнѣ въ руку 10 талеровъ, которыхъ я, скотина, до сихъ поръ тебѣ не возвратилъ. Сегодня-то у меня ихъ и нѣтъ; надѣясь, что судьба когда нибудь да посадитъ меня на доходное мѣсто, я пока живу на счетъ матери, которая сама не имѣетъ лишняго и притомъ немного скупенька. Пуньшъ, кофе, ликеръ и пиво даютъ мнѣ здѣсь въ долгъ, а денегъ не даютъ. Но мнѣ пришла другая мысль. Завтра въ 5 часовъ отправляется отсюда дилижансъ? Ну такъ ты еще можешь записаться въ три четверти пятаго!» — Конечно — возразилъ я, улыбаясь, если только — дилижансъ повѣритъ въ долгъ. — «Къ несчастію знаю. Такъ слушай-же. Въ 9 часовъ я пойду къ своей сестрѣ, докторшѣ, на чай. Я терпѣть не могу этихъ чайныхъ сборищъ, но сегодня меня влечетъ туда хорошенькое личико; впрочемъ, я безъ того пошелъ

бы для тебя. Сестра иногда даетъ мнѣ денегъ; я сегодня къ ней подъѣду. Конечно, 10 талеровъ она недастъ, но пять талеровъ я выпрошу непремѣнно, и если могу этимъ помочь, то завтра ровно въ три четверти пятаго я буду въ почтамтѣ и отдамъ тебѣ деньги.» — Я не задумавшись принялъ предложеніе, потому что я вѣрилъ Бернгарду болѣе, чѣмъ самому себѣ. — Возвратясь домой, я поручилъ Сабинѣ поклониться избранной сердца моего, связалъ свои вещи въ небольшой узелокъ, легъ вздремнуть и во снѣ скакалъ уже въ дилижансѣ въ Фельтенброннъ.

—

IX.

ѣду или не ѣду?

Едва разсвѣло, и я уже явился на почтовый дворъ; въ комнатахъ экспедиціи было темно; пустой дилижансъ спокойно стоялъ подъ навѣсомъ и только одно живое существо, вѣроятно конюхъ, расхаживало по двору съ метлою въ рукахъ. Напротивъ почты, въ гостинницѣ, въ которой обыкновенно пассажиры дожидаются отправленія дилижанса, свѣтилъ слабый огонекъ и въ окнахъ мелькали тѣни. Я сталъ прохаживаться передъ гостинницею, не сводя глазъ съ почтоваго крыльца и улицы, по которой долженъ былъ придти Бернгардъ. Не смотря на темноту, я ясно разглядѣлъ коляску моего почтеннаго опекуна, стоявшую у крыльца, невдалекѣ отъ мѣста, по которому я расхаживалъ, какъ часовой. Вся кровь моя закипѣла при этомъ видѣ. — Я роптал на медленность дилижанса; я жаждалъ крыльевъ, чтобы въ одно мгновеніе перелетѣть 15 миль, очутиться за кофейнымъ столомъ

дяди и снова раздуть въ немъ искру человѣколюбія, которую Трюблингъ и комп. такъ ревностно старались заглушить въ его сердцѣ. Я думалъ, что мое неожиданное посѣщеніе рѣшительно обезоружить дядю; мнѣ казалось, что я уже покоюсь въ объятіяхъ почтеннаго набаба, котораго лица я не помнилъ, потому что разстался съ нимъ девяти лѣтъ; мнѣ казалось, что я, благодаря его помощи, снова богатъ, женатъ на Розинѣ... какъ вдругъ мои крылья опали, какъ нѣкогда восковыя крылья дерзкаго Икара; часовая стрѣлка показывала безъ десяти минутъ пять, а Бернгардъ не являлся. Въ экспедиціи засвѣтили огонь, кондукторъ суетился около дилижанса, пассажиры одинъ за другимъ выходили изъ гостинницы, а я еще не могъ сказать: поѣду я, или нѣтъ.

—

X.

МРАЧНЫЯ МЫСЛИ.

Мой ужасъ увеличивался съ каждою минутою. Въ безпокойствѣ, съ узелкомъ въ рукахъ, бѣгалъ я по двору и по улицѣ, съ одной стороны на другую, не спуская глазъ съ улицы, по которой долженъ былъ явиться Бернгардъ; никто не являлся. Какъ вернуться къ Сабинѣ, которою я наканунѣ увѣрилъ, что уже взялъ мѣсто въ дилижансѣ? Какой неисчислимый убытокъ нанесетъ мнѣ такая потеря времени, и какое торжество для моихъ враговъ! Я зналъ, что мое счастіе и судьба Розины зависятъ отъ поѣзда дилижанса, и не было возможности ѣхать! На часахъ городской башни, поставленныхъ семью минутами впередъ, ударило пять часовъ; лошади были заложены; мое положеніе съ каждою минутою ста-

новилось затруднительнѣе; даже и получивъ деньги, я не могъ терять ни одной минуты, потому что дилижансъ отправляется ровно въ назначенный часъ. Но увы!-пріятель не являлся. Коляска Трюблинга съ громомъ пролетѣла мимо меня; я не успѣлъ замѣтить сидѣвшаго въ ней, но кому же быть, какъ не проклятому агенту, который долженъ былъ окончательно уничтожить меня во мнѣніи дяди? Голова и сердце мое разрывались отъ ужаснѣйшихъ мученій; вдругъ, увидѣвъ проходившаго мимо полицейскаго служителя, я вспомнилъ объ обѣщаніи ассессора жаловаться полиціи на мой поступокъ и о грозѣ, сбиравшейся надо мною за сатиру, и невольно погрузился въ самыя мрачныя мысли.

—

XI.

ЗЛОЕ ГОРЕ.

За мѣсто въ дилижансѣ я готовъ былъ дать милліонъ, если бы я его имѣлъ. Бернгардъ не являлся съ своими дрянными пятью талерами и горе мое съ каждою минутою безконечно возрастало. Вдругъ меня поразила мысль: А что если онъ давно сидитъ въ гостинницѣ и ждетъ меня?-Съ быстротою молніи влетѣлъ я въ гостинницу. Комната была пуста; только одинъ человѣкъ въ углубленіи спалъ на софѣ столь крѣпкимъ сномъ, что мой шумный приходъ не разбудилъ его. Увы! это былъ не Бернгардъ, а какая-то толстая человѣческая фигура, одѣтая по дорожному, въ шинели и мохнатой шапкѣ, съ краснымъ, круглымъ лицомъ; закоренѣлая безчувственность и суровость выражались на его лицѣ; тѣлосложеніе обличало прожорство и праздность. Толстякъ уснулъ за геттингенской колбасой и опорожненной фляжкой малаги, которая, по видимому, обратилась въ опіумъ для

лѣнивца, непривыкшаго рано вставать; я медленно отошелъ отъ него, и въ отчаяніи готовился уйти, когда на встрѣчу мнѣ вбѣжалъ почтовый служитель. Это вы вѣроятно взяли № 6? спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: вотъ вашъ билетъ, экспедиторъ только что проснулся.

— Любезный другъ, возразилъ я, нерѣшительно принимая билетъ: это хорошо; но деньги.....

— Сполна получены; однако спѣшите; дилижансъ тотчасъ отъѣзжаетъ; позвольте я снесу вашъ узелокъ! Выхвативъ узелокъ изъ моихъ рукъ, онъ въ одно мгновеніе исчезъ. — Добрый Бернгардъ, подумалъ я, какъ я тебѣ благодаренъ! Ты заранѣе взялъ для меня билетъ, а я еще тебя бранилъ. — Машинально развернулъ я билетъ и, при свѣтѣ фонаря, прочелъ имя, — не свое, а какого-то вовсе неизвѣстнаго мнѣ г-на Нистена. Пока я удивлялся и старался убѣдить себя, что это ошибка, что билетъ вѣроятно принадлежитъ спящему Вителлію, — хозяинъ гостинницы вышелъ изъ боковой комнаты и, пожелавъ мнѣ счастливаго пути, проводилъ меня въ сѣни, зѣвая, заперъ комнату, въ которой спалъ настоящій Нистенъ, сказалъ что онъ сбирается, еще часочка два поспать и, выпроводивъ меня на улицу, заперъ за мною ворота. По справедливости я долженъ бы былъ напомнить ему о толстякѣ, покинутомъ, какъ Аріадна, но рокъ судилъ иначе. Я не рѣшался воспользоваться ошибкою, но звукъ трубы невольно тянулъ меня къ дилижансу.—N 6, закричалъ кондукторъ съ высоты козелъ. — « Чортъ возьми, N 6! » — « N 6, » повторилъ услужливый лакей, взявши мой узелокъ, и улыбаясь потащилъ меня къ каретѣ, скорѣе сударь, N 6.» — Я не успѣлъ опомниться, какъ уже сидѣлъ въ каретѣ, дверцы хлопнули, почтальонъ щелкнулъ бичемъ, лошади рванулись и дилижансъ съ громомъ покатился по улицамъ,

унося въ громоздкомъ кузовѣ мою незначительную фигуру, какъ незаконную контрабанду.

—

XII.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ ПРОТИВЪ ВОЛИ.

Такое названіе можетъ показатся страннымъ безъ объясненія; конечно, я путешествовалъ не противъ воли, потому что я твердо рѣшился ѣхать, но я сидѣлъ въ дилижансѣ противъ воли другаго, въ чемъ не было никакого сомнѣнія. Совѣсть жестоко мучила меня; и зачѣмъ я имѣлъ слабость воспользоваться ошибкою служителя и занять чужое мѣсто? Громкіе звуки трубы вѣроятно разбудятъ спавшаго незнакомца, который бросится къ окну и своими криками подниметъ всѣхъ сосѣдей и весъ городъ. Въ дребежжащемъ звукѣ колесъ мнѣ слышались голоса преслѣдовавшихъ; мнѣ казалось, что насъ задерживаютъ у городскихъ воротъ, спрашиваютъ паспорты и обличаютъ ложнаго Нистена. Мнѣ казалось, что я, окруженный стражею и толпою мальчишекъ, иду въ полицію, гдѣ меня сбираются судить за похищеніе чужаго мѣста въ экипажѣ.— Но къ счастью, ничего этого не случилось; улицы были пусты и спокойны, стража безпрепятственно пропустила насъ и, выѣхавъ изъ города, мы покатили по ровной дорогѣ, освѣщенной лучами восходящаго солнца.

—

XIII.

СОФИЗМЫ.

Когда я такимъ образомъ поѣхалъ по ровному шоссе, какъ бы имѣя на то полное право, то ужасъ, дотолѣ

сковывавшій мои мыслящія способности, началъ мало по малу исчезать. Быстрота ѣзды спасала меня отъ всякаго преслѣдованія; я сталъ здраво обсуживать свой поступокъ и нашелъ, что онъ далеко не такъ предосудителенъ, какъ я прежде думалъ. Нужда не знаетъ запрета, думалъ я. — Развѣ я не долженъ былъ ѣхать въ Фельтенбронвъ? Развѣ судьба моя не зависитъ отъ этого? Неужели забывчивость вѣтреннаго студента могла заставить меня отказаться отъ всякой надежды на счастливую будущность, тогда какъ случай доставилъ мнѣ всѣ удобства къ тому? Былъ ли это случай? Не было ли это дѣйствіемъ благаго Промысла, защищающаго добродѣтель, или, говоря скромнѣе, правое дѣло, не смотря ни на какія препятствія. Припоминая черты оставленнаго незнакомца, я еще болѣе убѣждался въ послѣднемъ. Злобное лицо его доказывало, что онъ ѣхалъ для того, чтобы покончить какую нибудь жидовскую сдѣлку, или прижать несчастнаго должника и довести его до отчаянія всевозможными судебными преслѣдованіями. Хорошей цѣли у него быть не могло, а два дня проволочки могли уничтожить его намѣренія, и судьба устроила все къ лучшему. Я возгордился такими выводами своей философіи и воображалъ себя орудіемъ высшей воли. Вскорѣ я еще болѣе убѣдился въ особенномъ покровительствѣ Провидѣнія. Проѣхавъ двѣ или три мили, мы увидѣли коляску Трюблинга, лежащую во рву. Мы остановились; люди, окружавшіе разбитую коляску, сказали намъ, что ѣхавшій въ ней господинъ сломалъ себѣ ногу и перенесенъ въ ближайшую деревню. Дилижансъ тронулся, а я, отъ души благодаря Провидѣніе, оживившее меня новыми надеждами, сталъ осматривать товарищей своего путешествія.

—

XIV.

ПАССАЖИРЫ.

Внутри кареты сидѣло, кромѣ меня, пять человѣкъ. Первое мѣсто занимала дама неопредѣленнаго возраста, съ лицомъ оливковаго цвѣта и съ притязаніями на молодость и красоту; она бросала на всѣхъ такіе дикіе взгляды, что я не рѣшился завести съ ней разговора. Она говорила мало, и то по-французски, обращаясь къ своему супругу, занимавшему среднее мѣсто; мужъ принадлежалъ къ числу тѣхъ странствующихъ тунеядцевъ, которыхъ вы всегда можете встрѣтить за карточнымъ столомъ на водахъ или за общимъ обѣдомъ въ лучшихъ гостинницахъ Франкфурта, Лейпцига и пр. Подлѣ него сидѣлъ офицеръ, уже не молодыхъ лѣтъ, съ лицомъ, изрытымъ слѣдами многочисленныхъ ранъ; моимъ сосѣдомъ съ правой стороны былъ молодой студентъ, въ синемъ дорожномъ камзолѣ, надѣтомъ сверхъ платья, въ разноцвѣтной ермолкѣ, въ шпорахъ и съ огромною трубкою. Въ старинные годы я бы съ радостью вступилъ съ нимъ въ пріятельскія сношенія, но горе и заботы измѣнили меня. Я обратился съ разговоромъ къ сосѣду моему съ лѣвой стороны, какъ казалось, богатому арендатору или управителю, состарѣвшемуся прежде времени отъ многочисленныхъ заботъ. Погода, цѣна хлѣба и торговые перевороты сдѣлались предметомъ нашего разговора, и мы совершенно въ него углубились. Сосѣдъ мой, какъ всякій честный и добропорядочный помѣщикъ, вскорѣ свелъ разговоръ на свои семейныя обстоятельства; онъ упомянулъ о сынѣ и слезы выступили на глазахъ его. Онъ разсказалъ мнѣ, что сынъ его, достигнувъ 24 — лѣтняго возраста, не могъ устоять противъ желанія видѣть свѣтъ, и, взявъ имущество, доставшееся ему отъ матери, отправился въ Америку искать счастія, по совѣту одного обманщика, ко-

торый далъ ему фальшивый контрактъ на мѣсто управителя въ имѣніи одного бразильскаго плантатора. — Поздно узналъ онъ обманъ; потерявъ все имущество, онъ долженъ былъ сдѣлаться лакеемъ, и умеръ въ нищетѣ. Несчастный отецъ только что получилъ въ столицѣ судебное извѣщеніе о смерти сына и возвращался въ свой осиротѣлый домъ.

— Къ чему всѣ богатства, которыми надѣлилъ меня Господь, сказалъ старикъ въ заключеніе: мнѣ не съ кѣмъ ими подѣлиться. — Но я накажу низкаго человѣка, который обманулъ моего бѣднаго Германа. Я вчера хотѣлъ его видѣть и упрекнуть въ моемъ горѣ; но онъ скрывался отъ меня. Я не знаю, молодъ онъ, или старъ; имѣетъ ли дѣтей или нѣтъ, но не дай Богъ, чтобы семейство его испытало тѣ огорченія, которыя я, сынъ мой и, какъ говорятъ, многіе перенесли отъ этаго злаго человѣка!

— «Oui, c'est affreux!» пробормотала дама. — En verité affreux, ma bonne; равнодушно повторилъ ея супругъ. Офицеръ нахмурился, шепотомъ проклиная обманщика; разноцвѣтный студентъ пожелалъ провести съ нимъ четверть часа наединѣ, и я не могъ не раздѣлить общаго негодованія, облегчавшаго горе озабоченнаго старца.

—

XV.

ПРІЕМЫШЪ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, офицеръ спросилъ старика: «У васъ нѣтъ дѣтей, кромѣ умершаго?»

— Никого, отвѣчалъ помѣщикъ. — Неизвѣстные мнѣ наслѣдники раздѣлятъ плоды моихъ трудовъ. — У меня родныхъ немного. Года два тому умеръ въ Дип-

пельбергѣ двоюродный братъ мой, мелочной торговецъ, который не могъ перенести своего банкротства. Правда, послѣ него осталась дочь, Розина, но я не могъ узнать, куда она дѣвалась вмѣстѣ съ теткою своею, къ которой переѣхала. Всѣ говорятъ, что она отправилась въ Гольштинію; если бы я зналъ, гдѣ она находится, я бы сдѣлалъ ее своею единственною наслѣдницею.

— Вашего двоюроднаго брата звали Германъ? спросилъ я поспѣшно.

— Да, отвѣчалъ онъ, это наша фамилія.

— Такъ успокойтесь, продолжалъ я въ восторгѣ: Розина жива и здорова, и тётка ея также!

— Что вы говорите? Гдѣ, гдѣ? скажите ради Бога! я во всѣхъ газетахъ напечатаю объявленіе.

— Вовсе не нужно, продолжалъ я. Вы были подлѣ и не нашли ихъ; а какъ газеты до нихъ не доходятъ, то я вамъ лучше дамъ ихъ адресъ.

Я написалъ его на клочкѣ бумаги и отдалъ старику, который бросился обнимать меня.

— О я дуракъ! возопилъ онъ, ѣду изъ столицы и не знаю, что тамъ-то и живутъ тѣ, кого я искалъ. По пріѣздѣ домой, я тотчасъ пошлю за Розиною и торжественно объявлю ее своей дочерью въ судѣ. Такъ я умру среди родныхъ, на рукахъ дочери!

— И доброй дочери, продолжалъ я, въ восторгѣ, что нашелъ Розинѣ отца, и мысленно желая такъ же удачно найдти себѣ дядю.

— Благодарю тебя, Боже, за такое счастіе, радостно бормоталъ старикъ. — Но чѣмъ мнѣ васъ отблагодарить... Однако скажите, какъ васъ зовутъ, чтобы я могъ...

Въ эту минуту мы подъѣзжали ко второй станціи; кондукторъ подбѣжалъ къ дверцамъ и закричалъ: Г-нъ Нистенъ! № 6-й! ѣздовой привезъ вамъ эту записку!

—

XVI.

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ФИРМА.

Я не рѣшался взять записку, но сосѣди мои съ такою жадностью бросились смотрѣть на нумеръ, выставленный надъ моимъ мѣстомъ, что я принужденъ былъ сохранить свой псевдонимъ.— Я вышелъ изъ кареты, взялъ записку и отошелъ на нѣсколько шаговъ, какъ бы для того, чтобы прочесть её. Въ отвѣтѣ, видно, не было надобности, потому что ѣздовой тотчасъ-же ускакалъ. Совѣсть шептала мнѣ, что я не смѣю раскрыть письма и что слишкомъ дерзко будетъ похитить тайну чужаго человѣка, укравъ его мѣсто въ дилижансѣ. По этому я только посмотрѣлъ на адресъ, который былъ написанъ наскоро, дрожащею рукою, положилъ записку въ карманъ съ намѣреніемъ бросить ее въ огонь на слѣдующей станціи, и возвратился къ дилижансу. Сѣвъ въ карету, я тотчасъ же замѣтилъ, что въ ней произошло небольшое перемѣщеніе. Возлѣ меня, вмѣсто добраго помѣщика Германа, сидѣлъ неуклюжій лѣсничій, прежде сидѣвшій въ кабріолетѣ. Я тотчасъ спросилъ у моего сосѣда студента причину такой перемѣны; я зналъ, что Германъ долженъ былъ ѣхать съ нами до слѣдующей станціи. При моемъ вопросѣ студентъ презрительно вздернулъ нижнюю губу, искоса посмотрѣлъ на меня и лаконически отвѣтилъ: «Вамъ лучше знать!»

Поведеніе питомца музъ было для меня загадочно; когда же я увидѣлъ, что всѣ пассажиры смотрятъ на меня съ негодованіемъ, то я рѣшительно потерялся. Что могло случиться? Неужели узнали, что я незаконно завладѣлъ мѣстомъ въ дилижансѣ? Неужели готовится гроза, которою постыдно окончится мое предпріятіе? Ахъ! и Германъ, котораго я уже считалъ пріятелемъ, ушелъ, оставилъ меня одного среди разгнѣванныхъ незнакомцевъ,

какъ Даніила среди разъяренныхъ львовъ. Послѣ тягостнаго молчанія, нарушаемаго только стукомъ колесъ, лѣсничій объявилъ, что въ каретѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ кабріолетѣ, на холодномъ вѣтрѣ.

— Тѣмъ удивительнѣе, сказалъ я, снова обращаясь къ студенту, который бросалъ на меня насмѣшливые взгляды: — что г-нъ Германъ сѣлъ на открытомъ воздухѣ, тогда какъ здѣсь ему было такъ спокойно.

— Чтожъ такое, проворчалъ студентъ: онъ правъ; лучше сидѣть подъ дождемъ, чѣмъ возлѣ какого нибудь...

— Тсъ! прервалъ его офицеръ, значительно наступивъ ему на ногу и странно поглядывая на меня. Студентъ замолчалъ, выразительно плюнувъ за окно. Оскорбленіе явно падало на меня; я не могъ смолчать.

— Къ кому относятся эти дерзости? гнѣвно спросилъ я неуча.—Къ вамъ, къ вамъ, пріятель, болѣе ни къ кому.—Я вспрыгнулъ, и мое движеніе вѣроятно было очень выразительно, потому-что офицеръ быстро протянулъ между нами свою испанскую трость.—Прошу сидѣть смирно, гнѣвно закричалъ онъ: здѣсь нельзя браниться; общество не должно терпѣть отъ частныхъ споровъ. Притомъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: ваши поступки таковы, что вамъ слѣдуетъ молчать, а вы г-нъ академикъ не вмѣшивайтесь въ чужія дѣла. Какое вамъ дѣло до сосѣда? Въ дилижансѣ часто случается сидѣть возлѣ подозрительной фирмы.

—

XVII.

ИСТРЕБИТЕЛЬ СЕМЕЙСТВЪ.

Слова офицера задѣли меня за живое.

— Вы удерживаете моего невѣжливаго сосѣда, сказалъ я, обидясь: а сами еще болѣе меня оскорбляете!

Хоть я не понимаю, какъ вы могли узнать, что моя фирма не имѣетъ пробы, однако, чтобы имѣть право такъ поступать, вы бы должны прежде выслушать мое оправданіе, впрочемъ, я не обязанъ оправдываться предъ вами!

— Оборони Боже! прервалъ офицеръ, въ то время, какъ студентъ насмѣшливо улыбался и, ворочаясь на своемъ мѣстѣ, безпрестанно толкалъ меня подъ бокъ: кто повѣритъ исповѣди интригана!

— Прошу вѣжливѣе выражаться, закричалъ я въ гнѣвѣ: я не заслуживаю такого названія за незначительный проступокъ, до котораго вамъ даже нѣтъ дѣла.

— Что? возгласилъ студентъ: ваши проступки ужасны и оскорбляютъ все человѣчество.

— Oui, toute l'humanité, проговорила дама. «En verité, toute l'humanité, ma bonne, повторило ея услужливое эхо. Я ничего не могъ разобрать и готовъ былъ принять всѣхъ пассажировъ за бѣглецовъ изъ дома сумасшедшихъ.

— Конечно, сказалъ я, горько усмѣхаясь: если все человѣчество будетъ безпокоиться о такой неумышленной хитрости.....

— Эта хитрость дѣлаетъ васъ презрѣннымъ, загремѣлъ студентъ. — Вкрадываться въ довѣріе людей и потомъ обманывать ихъ — это безчеловѣчно! — Прежде узнавали волка по шкурѣ, а теперь онъ носитъ панталоны, фракъ и модный галстухъ. — Стыдно! я скорѣе готовъ сдѣлаться дровосѣкомъ, чѣмъ....чѣмъ....такимъ пассажиромъ, котораго избѣгаютъ честные люди. —

— Нѣтъ, это уже слишкомъ, прервалъ я его.

— Мнѣ жаль, возразилъ офицеръ, что разговоръ принялъ такой дурной оборотъ, но какъ дѣло начато, то я не могу не замѣтить вамъ, милостивый государь, что вы выбрали себѣ дурную дорогу. — Я не сказалъ бы ни слова, если бы вы не были молоды и не могли исправиться. — Опомнитесь, въ такихъ раннихъ лѣ-

тахъ непростительно быть душегубцемъ и истребителемъ семействъ.

—

XVIII.

ВЫЗОВЪ.

— Вы бредите, почтеннейшій, — сурово возразилъ я: все это пустяки! Смѣю ли спросить, за кого вы меня принимаете?

— За того, отвѣчалъ офицеръ, начиная горячиться, отъ котораго несчастный отецъ бѣжалъ, какъ отъ грѣха, услышавъ его имя; ему пріятнѣе мерзнуть въ кабріолетѣ, чѣмъ быть въ сообществѣ человѣка, который похитилъ у него сына.

— Какъ такъ? спросилъ я, все болѣе и болѣе изумляясь.

— Да, похитилъ! подтвердилъ студентъ густымъ басомъ. — Только адресу, который вы ему дали, обязаны вы тѣмъ, что онъ не вцѣпился вамъ въ волосы. — Впрочемъ, можетъ быть адресъ фальшивый и вы думаете извлечь изъ этого какія нибудь выгоды.

— Однако, чортъ возьми! закричалъ я: это ужъ ни на что не похоже! Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите, или вы всѣ рехнулись!

— Ничуть! хладнокровно возразилъ офицеръ. Вы ябедникъ, пройдоха и обманщикъ Нистенъ, — и потому мы имѣемъ право думать объ васъ, что хотимъ.

— Нистенъ! — Тогда только вспомнилъ я, что имя это пользовалось въ столицѣ дурною славою; качества, приписанныя ему офицеромъ, освѣжили мою память. — Я тотчасъ-же объявилъ, что они ошибаются и что я вовсе не Нистенъ.

— Вы сами только что признали это имя, грозно возразилъ студентъ: въ росписаніи оно такъ записано. Во всемъ герцогствѣ только одинъ обманщикъ, душегубецъ Нистенъ. Скажите еще, что не вы отняли сына у Германа и погубили множество семействъ. Я давно желалъ васъ встрѣтить, и если бы мы не были въ дилижансѣ, то я разсчитался бы съ вами, какъ слѣдуетъ, за все и за всѣхъ.

— Мы разсчитаемся на слѣдующей станціи, закричалъ я въ бѣшенствѣ.

— А! вы не трусъ? сказалъ студентъ улыбаясь: тѣмъ лучше, хоть однимъ хорошимъ качествомъ можете похвалиться. И такъ, до слѣдующей станціи; пистолеты у меня съ собою.

— Mon Dieu, un duel! вскрикнула дама, которую мужъ старался успокоить обычными словами: «En verité, ma bonne!»

Офицеръ тотчасъ предложилъ студенту быть его секундантомъ; лѣсничій, не одаренный природою большими умственными способностями и не разобравшій дѣла, предложилъ мнѣ ту же услугу. Однако, какъ мы всѣ ѣхали въ Фельтенбронпъ, то, по предложенію капитана, дуэль была отложена до слѣдующаго утра, и рѣшено, что мы, не поминая болѣе о нашей ссорѣ, спокойно отобѣдаетъ на слѣдующей станціи, на что намъ по почтовому уставу назначено было полчаса времени.

Чтобы выдти изъ этаго затруднительнаго положенія, я охотно отказался бы отъ своего инкогнито, но я боялся, что меня изобличатъ въ нарушеніи почтовыхъ правилъ и справедливости. Поэтому я какъ можно хладнокровнѣе скрестилъ руки, надвинулъ шапку на глаза и рѣшился не говорить болѣе ни слова, проклиная въ душѣ настоящаго Нистена, котораго мѣсто, казалось, я занялъ только для того, чтобы принять всѣ назначенныя ему грубости и ругательства. — Въ грозномъ молчаніи

доѣхали мы черезъ часъ до деревни, въ которой насъ ожидалъ обѣдъ.

—

XIX.

НЕОЖИДАННАЯ НЕПРІЯТНОСТЬ.

Гостинница была наполнена путешественниками всѣхъ возможныхъ сортовъ, потому что къ этому же времени подъѣхалъ дилижансъ изъ Фельтенбронна. Мы сѣли обѣдать и должны были довольствоваться жесткою говядиною и кое-какими овощами, потому что хорошія кушанья появлялись и исчезали съ одинакою быстротою и отправлялись нетронутыя, вѣроятно, на столъ содержателя гостинницы. — Пассажиры изъ Фельтенбронна только что сбирались потребовать обратно внезапно похищеннаго каплуна, когда кондукторъ, посмотрѣвъ на часы, съ крикомъ и бранью сталъ увѣрять, что онъ уже пять минутъ опоздалъ и, выбѣжавъ изъ двери, велѣлъ трубить, сзывая пассажировъ. Всѣ вскочили, расхватали на удачу шапки, шинели, узлы и т. под. и поспѣшно кинулись къ дилижансу на неистовый звукъ кондукторской трубы. — Мы же остались доѣдать нашъ черезъ-чуръ скромный обѣдъ. Въ это время къ подъѣзду гостинницы прискакала покрытая пылью экстра-почта. Не прошло минуты, какъ дверь съ трескомъ растворилась и я чуть не лишился чувствъ; извергъ въ шинели и мохнатой шапкѣ, злодѣй мой Нистенъ, ворвался въ комнату и прямо побѣжалъ къ кондуктору. Его грозное лицо, сознаніе моей вины, стыдъ быть при всѣхъ изобличеннымъ, заставили меня вскочить со стула и, забывъ все, обѣдъ, дуэль и дядю, броситься въ бѣгство. Въ два прыжка я былъ за дверями и прямо набѣжалъ на стараго Германа, кото-

рый входилъ съ нѣсколькими знакомыми или сосѣдями. — На одно слово, г-нъ Нистенъ, сказалъ онъ мнѣ съ чисто инквизиторскимъ выраженіемъ лица. — Приглашеніе было подозрительное. — «Вы ошибаетесь!» закричалъ я, — настоящій Нистенъ сидитъ въ гостинницѣ, въ мохнатой шапкѣ, прощайте! Я вырвался отъ нихъ и бросился къ дилижансу, который стоялъ, запряженный, въ ожиданіи пассажировъ. Я, не подумавъ, вскочилъ въ карету, конюхъ захлопнулъ дверцы и я еще не успѣлъ опомниться, какъ уже дилижансъ скакалъ по ровному шоссе.

—

XX.

ОБРАТНОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Читатель легко догадается, что я сижу не въ Флаксенфингенскомъ, а въ Фельтенбронскомъ дилижансѣ, и частью добровольно, частью противъ воли, совершаю обратный путь, — который однако спасаетъ меня отъ преслѣдованій Нистена. Я прижался въ уголъ кареты; взятый мною приступомъ, закрылъ глаза и сталъ обдумывать свое положеніе. Когда же я снова открылъ глаза, то съ ужасомъ увидѣлъ, что всѣ пассажиры смотрятъ на меня съ удивленіемъ; я покраснѣлъ отъ стыда, на мнѣ не было шляпы, и меня вѣроятно приняли за бродягу. Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ; къ счастью моему, въ это время мы въѣхали на ужасную плотину, которая меня уже однажды растрясла, а теперь спасала отъ испытующихъ взоровъ пассажировъ, заставивъ послѣднихъ заботиться о цѣлости своихъ костей и поклажи.

—

XXI.

МЫСЛИ И СПУТНИКИ МОИ.

«Плохо дѣло!» пробормоталъ я себѣ подъ носъ. «Плутни и обманы—все было тщетно.—Фельтенброннъ остался за горами, вмѣстѣ съ дядею и надеждами; я отправляюсь снова въ Флаксенфингенъ, а тамъ меня осмѣютъ и я умру съ досады. По дѣламъ вору и мука! Стоитъ только разъ поступить противъ совѣсти — пропадешь на вѣки, и сдѣлаешься добычею всѣхъ демоновъ, отъ древнихъ фурій до новѣйшаго Саміеля. — «*Увы!*» — Съ этимъ вздохомъ я обернулся и сталъ искоса осматривать своихъ спутниковъ, которые все еще старались спасать свои ребра отъ гибельныхъ толчковъ. У! какое подозрительное общество! Подлѣ меня двѣ увѣсистыя фигуры, казалось, только что вырвавшіяся изъ за прилавка; напротивъ меня зловѣщая, сухая особа, въ черномъ сюртукѣ, со всѣми признаками приказнаго званія, и молоденькая, полная, толстогубая и черноглазая мулатка; возлѣ нея старичекъ въ коричневомъ сюртукѣ, котораго глаза не переставали бѣгать по моей жалкой особѣ. Такое упорное разглядываніе было для меня весьма непріятно; мое неудобство возрасло, когда я замѣтилъ, что старичекъ сталъ шепотомъ разговаривать съ зловѣщимъ приказнымъ, и что, по видимому, я сдѣлался предметомъ ихъ разговора, какъ можно было замѣтить изъ ихъ подозрительныхъ жестовъ и взглядовъ на меня!

—

XXII.

ДЕЗЕРТЕРЪ И СТАНЦІЯ.

Пушечные выстрѣлы прервали тишину, царствовавшую въ дилижансѣ. Мулатка, которая съ нѣкотораго времени стала заглядываться на меня, вздрогнула. — Про-

чіе пассажиры, мо мѣрѣ возможности, высунули головы изъ оконъ. — «Ничего не видно!» закричалъ кондукторъ съ своихъ воздушныхъ козелъ. — Стрѣляютъ съ крѣпости Гаммерфельсъ; вѣрно дезертеръ!» — Пассажиры успокоились и сѣли на свои мѣста; мои сосѣди-торговцы, кажется, боялись нападенія разбойничьей шайки, вооруженной пушками. — Въ окрестностяхъ вскорѣ ударили въ набатъ и предположеніе кондуктора подтвердилось.—«Бѣдный дезертеръ!» сказала смуглая красавица, поднявъ къ небу свои пламенные взоры: что, если они его поймаютъ!»

— Тогда онъ получитъ заслуженную награду, прервалъ ее приказный; дезертеровъ, бродягъ и подозрительныхъ людей я никогда не жалѣю! При этихъ словахъ онъ бросилъ на меня дѣйствительно подозрительный взглядъ, отъ котораго я пришелъ въ замѣтное стущеніе. — Кожаныя подушки дилижанса обратились для меня въ раскаленное желѣзо; я съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующей станціи, чтобы незамѣтно скрыться и продолжать свое путешествіе какимъ нибудь другимъ способомъ. Наконецъ мы доѣхали до станціи; карета остановилась предъ почтовымъ домомъ, я хотѣлъ выдти.

—

XXIII.

ЛОВУШКА.

— Садитесь въ карету! сказалъ въ это время кондукторъ какому-то старичку путешественнику, окутанному огромнымъ количествомъ шарфовъ:-еще есть одно мѣсто въ дилижансѣ. Дверцы растворились; новый пассажиръ сталъ влѣзать въ карету, но вдругъ остановился на срединѣ дороги и въ изумленіи, обратясь къ кондуктору, сказалъ: Карета полна, ни однаго мѣста! — «Какъ можно,» возразилъ послѣдній, въ расписаніи только семъ чело-

вѣкъ; двое сидятъ въ кабріолетѣ; откуда же явился шестой въ каретѣ? — это невозможно!» — Онъ просунулъ голову въ окно, и мое лицо имѣло несчастіе тотчасъ же броситься ему въ глаза, вѣроятно, вслѣдствіе быстраго измѣненія на немъ красокъ, или въ слѣдствіе любопытства, съ которымъ всѣ на меня глядѣли.

— Кто вы такой? спросилъ онъ меня довольно грубо; я не помню, когда я васъ впустилъ въ карету! — Я не зналъ, которымъ изъ своихъ именъ назваться: честнымъ или безчестнымъ, и сбирался просить у кондуктора секретной аудіенціи, когда явилось новое лицо, немедленно принявшее участіе въ дѣлѣ. Это былъ жандармъ, который, подойдя къ другому окну, прокричалъ въ карету: — Нѣтъ ли у васъ чего запрещеннаго, господа? — «Ничего, любезный, злобно отвѣтилъ мрачный приказный, кромѣ этого молодаго господина, который на послѣдней станціи влетѣлъ въ карету безъ шляпы, трости и узла, ѣхалъ съ нами, не говоря ни слова и, кажется, неизвѣстенъ кондуктору. — «Ваше имя?» спросилъ меня жандармъ. — Вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ онъ старается придумать себѣ имя, злобно замѣтилъ приказный.

— Скоро-ли? закричалъ кондукторъ.

— Меня зовутъ Глиммеръ!» воскликнулъ я, рѣшившись признаться во всемъ. «Глиммеръ!» закричали въ одинъ голосъ приказаный, мулатка и старичекъ. — Глиммеръ, проворчалъ жандармъ и самодовольно погладилъ усы. — Прекрасно! поймали голубчика; не долго рыскалъ! — «Кто же этотъ человѣкъ?» спросилъ кондукторъ.

— Дезертеръ, котораго мы ищемъ, отвѣтилъ жандармъ. — Фабіанъ Глиммеръ изъ 3 артиллерійской бригады; выходи-ка, пріятель, и маршъ снова въ Гаммерфельсъ.

—

XXIV.

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ.

Я попалъ въ просакъ и рѣшился отдѣлаться во что бы то ни стало. Если честное имя ввело меня въ бѣду, такъ ложное должно было спасти. — «Я ошибся, проговорился, закричалъ я, защищаясь руками и ногами, проклятое имя, съ которымъ я, съ нѣкотораго времени вожусь, нечаянно сорвалось у меня съ языка. Меня зовутъ Нистенъ, я адвокатъ, честный человѣкъ, и вотъ мой почтовый билетъ. Я вижу, что я въ поспѣшности ошибся дилижансомъ на послѣдней станціи, но въ этомъ никто не виноватъ, кромѣ несчастной звѣзды, подъ которою я родился!

— Нистенъ? вскрикнулъ снова приказный и старичекъ. — Да, смѣло отвѣтилъ я; если вы не вѣрите почтовому билету, который разсматриваетъ кондукторъ, то посмотрите на эту записку, которую я сегодня получилъ въ дорогѣ и не имѣлъ еще времени прочесть. Приказный бросилъ взглядъ на записку, вырвалъ ее изъ моихъ рукъ, и, показывая ее старику въ коричневымъ сюртукѣ, радостно вскрикнулъ: «Это рука Трюблинга! мы откроемъ все плутовство; теперь достаньте свои бумаги; фамилія, сказанная прежде господиномъ Нистеномъ, даетъ мнѣ надежду на успѣхъ!» — Старикъ вытащилъ изъ кармана бумагу съ огромною печатью и передалъ ее жандарму съ слѣдующими словами: именемъ Фельтенбронскаго Верховнаго Суда приказываю тотчасъ же задержать г-на Нистена, обвиненнаго въ подложныхъ спекуляціяхъ и утайкѣ сиротскихъ денегъ. — Я сидѣлъ съ разинутымъ ртомъ. Жандармъ вѣжливо задержалъ меня, объявивъ, что онъ долженъ донести о томъ мѣстному начальству. Враги мои тотчасъ согласились на это и вышли изъ кареты; мулатка послѣдовала за ними, бросивъ взоръ состраданія на мою не-

счастную, пристыженную фигуру, вылѣзавшую изъ кареты, подъ проклятіями разгнѣваннаго кондуктора.

—

XXV.

ЗЛОПОЛУЧНОЕ ИНКОГНИТО.

Меня оставили подъ карауломъ въ комнаткѣ почтоваго дома, а враги мои, которыхъ фамиліи я еще не зналъ, отправились между тѣмъ въ Приказъ и вѣроятно старались тамъ жесточайшимъ образомъ оклеветать меня. Смуглая красавица имѣла великодушіе прислать мнѣ холоднаго цыпленка и вина: я былъ довольно вѣжливъ и слишкомъ голоденъ, чтобы не отказаться; во время скромнаго обѣда, я сталъ обдумывать средства выдти изъ затруднительнаго положенія.—Отъ почтоваго начальства я избавился, и потому уже не боялся объяснить свои похожденія; я рѣшился блеснуть въ Приказѣ своими юридическими познаніями и пристыдить своихъ обвинителей. — Вино оживило мои мыслящія способности; вскорѣ возвратились и мои гонители. — Не угодно ли вамъ будетъ отправляться съ нами подъ конвоемъ въ столицу, сказалъ старичекъ: начальство признало наши дѣйствія законными. — «Не выслушавъ меня? не сказавъ мнѣ, съ кѣмъ я имѣю дѣло?» — Въ этомъ нѣтъ никакой надобности, возразилъ приказный: вы сказали свое имя, а наше вы узнаете въ свое время. Записка, которую вы мнѣ дали и которую я рѣшился прочесть, окончательно изобличила васъ. — Я быстро пробѣжалъ записку и узналъ руку Трюблинга; вотъ что было въ ней сказано:

Любезный Нистенъ!

«Вы вѣроятно во-время получите эту записку. На дорогѣ въ Вейденау, куда я ѣхалъ, по извѣстному вамъ

дѣлу, коляска моя опрокинулась и я сломилъ себѣ ногу. Переломъ такъ опасенъ, что я долженъ остаться въ дрянной деревушкѣ, куда меня тотчасъ перенесли. Поэтому я прошу васъ на обратномъ пути изъ Фельтенбронна заѣхать въ мое имѣніе Вейденау. Въ верхнемъ ящикѣ моего бюро найдете вы, между прочими бумагами, документы Глиммера. Бросьте ихъ въ огонь; я тогда только буду спокоенъ, когда они будутъ уничтожены; я предчувствую, что все это дурно кончится.— Постарайтесь только рѣшительно уничтожить Глиммера во мнѣніи его дяди; хотя управитель мой въ Вейденау васъ не знаетъ, однако по этой запискѣ онъ безпрепятственно откроетъ вамъ бюро. *Трюблингъ.*

— О злополучное инкогнито! воскликнулъ я: здѣсь что-то кроется? Зачѣмъ я ранѣе не прочелъ записки!

—

XXVI.

Открытія.

— « Конечно! » сказалъ старичёкъ: вамъ тогда легко бы было избѣгнуть западни!

— » Господа! » возразилъ я, принявъ сколько было возможно спокойный видъ: пора окончить эту комедію. Вы избавили меня отъ грубаго кондуктора, и я вамъ за это отъ души благодаренъ. Но вы сами задержали меня, какъ безсовѣстнаго обманщика, и я долженъ протестовать противъ этаго. — Я хотя готовился быть адвокатомъ, но къ счастью моему не сдѣлался имъ; я назвалъ себя Нистеномъ, но долженъ признаться, что совралъ, потому что я тотъ несчастный Іоганнъ Людвигъ Глиммеръ, котораго старались уничтожить всевозможными плут-

нями, какъ это явствуетъ изъ письма моего почтеннаго опекуна.

—Глиммеръ! закричали оба незнакомца: возможно-ли?

— Этотъ бумажникъ докажетъ вамъ или скорѣе полиціи, предъ которою я намѣренъ оправдаться, что я говорю сущую правду. Съ этими словами я положилъ свой бумажникъ на столъ.

Приказный началъ хохотать, какъ сумасшедшій, а старикъ поспѣшно схватилъ письмо, выпавшее изъ моего бумажника, писанное моею матерью незадолго до смерти ея, когда я еще находился въ училищѣ.

— Боже! воскликнулъ онъ, прижавъ письмо къ губамъ: это рука моей незабвенной сестры! И ты не говорилъ намъ своего имени!

— Какъ? бормоталъ я, не вѣря своимъ ушамъ: сестры? что это значитъ?

— Я говорилъ вамъ въ каретѣ, что это онъ! сказалъ старикъ, обращаясь къ своему спутнику; я по лицу узналъ и тогда уже хотѣлъ броситься къ нему на шею.

Я упалъ въ объятія моего индѣйскаго дяди, потомъ въ объятія индѣйки, его дочери, и наконецъ въ дотолѣ страшныя объятія гофрата Фрондгейма, представленнаго мнѣ въ качествѣ жениха моей смуглой кузины.

—

XXVII.

дядя изъ индіи.

— Я во многомъ виноватъ предъ тобою; сказалъ мнѣ дядя: но я все исправлю. Письмо твоего опекуна, описавшаго тебя въ самыхъ черныхъ краскахъ, заставило меня бросись тебя. Можетъ быть, я никогда бы не встрѣтился съ тобою, если бы не пріѣхалъ въ Гамбургъ твой пріятель Н..., для котораго ты пожертвовалъ послѣднимъ

состояніемъ.—Я случайно встрѣтился съ нимъ, онъ откровенно признался мнѣ, что его банкротство было причиною твоего раззоренія, и что Трюблингъ, съ помощью плута Нистена, не только очернилъ тебя, но даже похитилъ значительную часть твоего имущества. Твоя неопытность облегчила ему трудъ; потому-что между нами сказать, ты плохой юристъ; иначе ты бы лучше позаботился о своемъ состояніи; пріятель твой узналъ все это послѣ отъѣзда своего изъ Флаксенфингена, и, не смѣя писать себѣ, разсказалъ мнѣ все; я рѣшился подробнѣе развѣдать дѣло. Такъ пріѣхалъ я въ Фельтенброннъ и собралъ столько невыгодныхъ свѣденій о Трюблингѣ и Нистенѣ, что пріятелю моему, совѣтнику, не трудно было выхлопотать бумагу, которой я обязанъ знакомствомъ съ тобою. Мы тайно отправились изъ Фельтенбронна, чтобы уличить твоихъ гонителей, оставивъ въ городѣ экипажи и вещи; къ счастью, ты случайно попалъ въ мои руки вмѣстѣ съ запискою, которая показываетъ, что документы, обличающія утайку твоего имущества, еще не уничтожены.

— И такъ, я буду вамъ обязанъ возвращеніемъ моего прежняго состоянія, радостно воскликнулъ я.

— Это моя обязанность, возразилъ дядя, который съ этой минуты совершенно принялъ пріятный характеръ Вестъ-Индскихъ дядюшекъ, описываемыхъ въ раманахъ и водевиляхъ.—Прежде всего я возвращаю тебѣ сумму, которую долженъ тебѣ обанкрутившійся твой пріятель.

— Какъ это возможно?

— Я сдѣлалъ его управителемъ моихъ плантацій въ Америкѣ, и принялъ на себя его долги.

Я съ благодарностью облобызалъ щедрую руку дядюшки.

— Мнѣ жаль, продолжалъ дядя, что я обѣщалъ другому руку моей дочери, я не могу отдать ее тебѣ и

слѣдовательно, не могу располагать въ твою пользу всѣмъ моимъ имуществомъ.

— Ахъ, дядюшка! со вздохомъ сказалъ я ему, а я не могу располагать собою; мое сердце уже принадлежитъ дѣвушкѣ, которой я сегодня также отыскалъ дядю, вѣроятно не уступающаго вамъ въ щедрости и готовности изъявить свое согласіе на нашъ бракъ.

Мулатка сдѣлала гримасу, совѣтникъ улыбнулся, а дядя громко захохоталъ.

— Хорошо! сказалъ онъ, какъ истинно честный дядя, я буду твоимъ сватомъ. Теперь же намъ нечего мѣшкать, начинаетъ смеркаться, документы, находящіеся въ Вейденау, еще сегодня должны быть въ нашихъ рукахъ. —

Чрезъ нѣсколько минутъ карета была заложена, жандармъ отосланъ и мы поскакали въ имѣніе Трюблинга.

—

XXVIII.

КОНЕЦЪ ВСЕМУ ДѢЛУ ВѢНЕЦЪ.

Мы дѣйствительно нашли документы и узнали изъ нихъ, что Трюблингъ похитилъ у меня болѣе 12000 талеровъ, существованія которыхъ я и не подозрѣвалъ. Съ этими бумагами мы явились къ постели больнаго и до того встревожили его совѣсть, что онъ выдалъ намъ всю сумму, упросивъ насъ не объявлять о томъ суду. Это спасло и Нистена, который, выслушавъ на станціи справедливые упреки Германа, съ пустыми руками вернулся къ Трюблину, и, узнавъ о неожиданной перемѣнѣ, счелъ за лучшее бѣжать изъ Флаксенфингена и искать другаго мѣста для своихъ подвиговъ. Возвративъ свое состояніе, я женился на Розинѣ, и болѣе не похищалъ чужихъ мѣстъ въ дилижансѣ; тѣлесныя и душевныя каче-

ства моей супруги приковали меня къ домашнимъ пенатамъ. Дядя мой остался также жить на родинѣ, и, благодаря его деньгамъ, я легко избавился отъ всѣхъ грозившихъ мнѣ процессовъ.

Я великодушно подарилъ своимъ должникамъ деньги, которыхъ бы никогда не получилъ, и они снова сдѣлались моими пріятелями. Только хвастуна Бернгарда заставилъ я заплатить десять талеровъ, которые я подарилъ почтовому служителю, ошибкою посадившему меня въ дилижансъ, и вѣроятно не ожидавшему за свою неосторожность такой награды, какой онъ никогда не получалъ за дѣйствительныя заслуги. Говорятъ, что на нашей планетѣ это нерѣдко случается. Избавляя читателей отъ нравственныхъ изрѣченій и заключеній, поспѣшаю окончить свои похожденія и желаю имъ никогда не ошибаться мѣстомъ въ дилижансѣ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА

—

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗУЧЕНІЯ.

—

Рафаэль Санціо.

—

Статья Густава Планша.

—

Первымъ учителемъ Рафаэля былъ его отецъ, Джіованни Санти или Санціо, живописецъ посредственный, но одаренный рѣдкимъ здравымъ смысломъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ понялъ недостаточность своихъ уроковъ и, подмѣтивъ въ сынѣ счастливыя способности, обратилъ особенное вниманіе на ихъ развитіе. Какъ-бы предчувствуя будущее величіе ребенка, которому суждено было обезсмертить его имя, Джіованни Санти не стѣснялъ первыхъ порывовъ таланта; съ восторгомъ и съ гордостію смотрѣлъ онъ на всякій рисунокъ, набросанный этою рукою, еще неопытною, но уже постигшею тайну сообщать всѣмъ фигурамъ особенную прелесть. Дѣтство Рафаэля было осыпано ласками и счастіе первыхъ лѣтъ имѣло сильное вліяніе на развитіе его генія. Его мать сама слѣдила за первыми шагами его въ жизни; она сама вскормила его и зорко наблюдала за первыми ощущеніями, первыми чувствами его любящей души. Среди ласкъ матери и уроковъ отца, Рафаэль выросъ и окрѣпъ духомъ. Едва принявшись за кисть, онъ понялъ или, лучше сказать, угадалъ всю важность ученья и,

предчувствуя плодотворность вниманія и повиновенія, цѣлые дни проводилъ за работою, по указанію отца. Какъ работникъ, выполнялъ онъ идеи, не имъ зачатыя, и оканчивалъ заданный урокъ. Много лѣтъ протянулась бы эта безвѣстная и полная труда жизнь, если бы Джюванни не замѣтилъ, наконецъ, что его сынъ знаетъ не менѣе его и не можетъ пріобрѣсти новыхъ познаній безъ помощи учителя, болѣе свѣдущаго. Санти понималъ всю важность, всю святость своихъ обязанностей; преступленіемъ считалъ онъ помѣшать развитію чудныхъ способностей, которыми природа одарила его сына. Одинъ только сынъ былъ у него и онъ жилъ для этого ребенка; онъ предугадывалъ будущую славу Рафаэля и гордился его первыми успѣхами. Въ это время блестящею извѣстностію пользовался Петръ Вануччи, извѣстный въ исторіи живописи подъ именемъ Перуджино. Джіованни Санти рѣшился поручить ему воспитаніе Рафаэля. Онъ поѣхалъ въ Перузу, чтобы заключить съ нимъ условіе, такъ-какъ въ XV вѣкѣ нельзя было заняться изученіемъ живописи, не поступивъ къ избранному живописцу въ ученье по контракту. Это подтверждаютъ біографіи знаменитѣйшихъ живописцевъ. Перуджино былъ тогда въ Римѣ, онъ долженъ былъ воротиться черезъ нѣсколько недѣль. Въ ожиданіи его возвращенія, Джіованни Санти условился расписать какую-то капеллу и принялся за работу. Когда Перуджино пріѣхалъ, то Джіованни, не говоря ни слова о своемъ намѣреніи, постарался снискать его дружбу. Сблизившись же съ нимъ, онъ заговорилъ о блестящихъ способностяхъ своего сына и о своихъ надеждахъ; съ благосклонною улыбкою выслушалъ Перуджино это признаніе, полное любви и гордости, но не хотѣлъ ни на что рѣшиться, не видавъ рисунковъ ребенка, котораго отецъ хвалилъ съ такою увѣренностію. Джіованни возвратился въ Урбино съ твердымъ намѣреніемъ увезти своего сына и поручить его Перуджино. Мать Рафаэля не безъ трепета выслушала планы своего мужа; она плакала, отпуская ребенка, съ которымъ до-сихъ-поръ никогда не разставалась; она покрывала поцѣлуями свѣтлыя кудри, которыя такъ часто ласкала тронутымъ взоромъ. Однако-же надежда на близкое свиданіе усладила горечь прощанія, и Рафаэль послѣдовалъ за отцомъ въ Перузу. Перуджино былъ невольно удивленъ рисунками будущаго своего ученика и готовъ былъ раздѣлить горделивыя надежды, которыя выслушивалъ сперва съ улыбкою. Онъ замѣтилъ въ фигурахъ, начертанныхъ рукою ребенка, грацію и въ тоже время величіе, которыхъ никогда не могъ уловить и которыя должны были поразить его. Вскорѣ почувствовалъ онъ къ Рафаэлю истинно отеческую привязанность и слѣдилъ

за его успѣхами съ постояннымъ вниманіемъ, съ возрастающимъ удивленіемъ. Ни одинъ урокъ его не оставался безплоднымъ; едва объяснялъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ одно изъ началъ своего искусства, какъ Рафаэль уже уловлялъ его, оплодотворялъ размышленіемъ, и вслѣдъ за тѣмъ порождалъ произведеніе, справедливо восхищавшее учителя. Хотя Перуджино былъ объ себѣ очень высокаго мнѣнія, хотя онъ законно гордился множествомъ и извѣстностію своихъ произведеній, но все-таки скоро понялъ, какъ Джіованни Санти, что его ученикъ знаетъ не менѣе его. Полный довѣренности къ таланту, взросшему на его глазахъ, онъ, не колеблясь, поручилъ Рафаэлю часть своихъ трудовъ. Рафаэль вполнѣ оправдалъ эту довѣренность и довелъ вѣрность подражанія до того, что скоро невозможно было отличить въ картинѣ фигуры, написанныя имъ, отъ фигуръ самого Перуджино. Молодой Санціо такъ полно проникъ и усвоилъ всѣ тайны стиля, который суждено ему было возвысить и преобразовать; въ ожиданіи минуты, когда наступитъ пора сдѣлаться самостоятельнымъ, онъ съ такимъ самоотверженіемъ отдалъ всѣ свои способности на жертву чуждой мысли, что его манера смѣшивалась съ манерою Перуджино и обманывала самый проницательный глазъ. Это добровольное уничтоженіе своей личности, которое могло бы быть вредно для второстепенной натуры, было для него испытаніемъ, изъ котораго онъ вышелъ побѣдителемъ. Позже, когда онъ увидѣлъ всю сухость и бѣдность своей первой манеры, ему пришлось долго, мужественно бороться, чтобы вполнѣ забыть, чтобы безвозвратно оставить привычки, осуждаемыя его вкусомъ; но доколѣ глаза его не прозрѣли, доколѣ онъ не видалъ ничего выше произведеній Перуджино, онъ тщательно подражалъ ему съ покорностію, которая, оставляя мысль въ дремотѣ, давала рукѣ случай упражняться безъ отдыха. Такъ пріобрѣлъ онъ быстроту исполненія, которой позавидовали бы искуснѣйшіе мастера. Подъ присмотромъ Перуджино, Рафаэль не могъ сдѣлаться ученымъ, въ истинномъ значеніи этого слова. Могъ-ли Перуджино передать ему то, чѣмъ самъ не владѣлъ? Но Рафаэль знакомился со всѣми преданіями религіозной живописи; онъ учился свободно выражаться языкомъ, который самъ вскорѣ обогатилъ и обновилъ Однако-же, не смотря на все почтеніе къ наставленіямъ своего учителя, молодой Санціо расширялъ стиль рисунка, совѣтуясь съ природой, которой Перуджино никогда тщательно не изучалъ. Не оставляя школы, куда помѣстилъ его отецъ, онъ начиналъ пробивать себѣ дорогу, по которой Перуджино не думалъ за нимъ слѣдовать.

Одинъ изъ товарищей Рафаэля, болѣе взрослый, Пинтурикло, исполнившій уже нѣсколько работъ въ Римѣ и оставшійся на всю жизнь вѣрнымъ манерѣ Перуджино, получилъ порученіе изобразить въ Сіенскомъ соборѣ главныя событія изъ жизни Пія II. Не довѣряя своей изобрѣтательности, онъ невольно подумалъ объ Рафаэлѣ и предложилъ ему раздѣлить эту работу.

Рафаэль съ радостію согласился на это и сочинилъ, если вѣрить Вазари, всѣ картоны, по которымъ были исполнены Сіенскія фрески. Нѣкоторые біографы утверждаютъ даже, что Рафаэль участвовалъ и въ исполненіи этихъ картоновъ. Какъ-бы то ни было, но достовѣрно, что молодой Санціо работалъ въ Сіенскомъ соборѣ, когда неожиданное обстоятельство дало новое направленіе его дѣятельности и положило начало новой художественной эры.

Во всей Италіи говорили объ картонахъ, нарисованныхъ во Флоренціи Леонардомъ да-Винчи и Микель-Анджело. Молва объ этихъ образцовыхъ произведеніяхъ, не пощаженныхъ временемъ, но дошедшихъ до насъ въ гравюрахъ, возбудила въ душѣ Рафаэля желаніе посѣтить Флоренцію. Сіенскія работы, не смотря на свою привлекательность, не могли его удержать; молодой Санціо уѣхалъ во Флоренцію. Едва вступилъ онъ въ этотъ городъ, богатый образцами не менѣе Рима, и уже понялъ, какъ далекъ онъ былъ отъ истины, отъ красоты; въ первой разъ провидѣлъ онъ высокую цѣль искусства.

Все его вниманіе поглотили картоны Винчи и Буонаротти; онъ изучалъ ихъ, копировалъ съ неутомимымъ тщаніемъ, съ непреодолимымъ упорствомъ. Чтобы овладѣть этою новою манерою, чтобы ознакомиться съ ученымъ и строгимъ стилемъ этихъ двухъ несравненныхъ мастеровъ, онъ долженъ былъ позабыть почти все, чему выучился у Перуджино; но онъ такъ хорошо понималъ величіе и прелесть этихъ двухъ картоновъ, блистательно разрѣшавшихъ труднѣйшія проблемы живописи, онъ былъ такъ глубоко проникнутъ доставшимся ему счастіемъ, такъ благодаренъ Микель-Анджело и Леонарду за ихъ уроки, что рѣшился освободиться, какъ отъ ненужнаго груза, отъ всего, что пріобрѣлъ въ школѣ Перуджино.

Извѣстно, что картонъ Леонарда изображалъ группу всадниковъ, а картонъ Микель-Анджело, заимствованный изъ Пизанской войны, состоялъ изъ солдатъ, застигнутыхъ во время купанья непріятельскимъ отрядомъ. Въ этихъ картонахъ Леонардо и Микель-Анджело соединили, какъ, бы нарочно, всѣ трудности, о

какихъ только можетъ мечтать самое смѣлое воображеніе. Одушевляемые благороднымъ соревнованіемъ, они хотѣли показать всѣ свои знанія и представить, такъ сказать, краткій перечень своихъ занятій. Можно было-бы упрекнуть ихъ въ хвастовствѣ, если бы силы измѣнили имъ; но какъ исполненіе не унизило смѣлости замысла, то этотъ упрекъ уступалъ мѣсто удивленію. Рафаэль съ упоеніемъ созерцалъ эти произведенія, которыхъ ничто и никогда не превосходило, и благодарилъ Бога за то, что Онъ призвалъ его къ жизни въ вѣкъ, справедливо гордящійся такими мастерами. Однако-же, какъ не велико было его удивленіе картону Микель-Анджело, особенное предпочтеніе влекло его къ картону Леонарда. Ученость, съ которою Буонаротти нарисовалъ свои фигуры, разнообразныя положенія ихъ, точность, съ какою онъ изобразилъ движеніе всѣхъ мускуловъ, возбуждали въ немъ справедливое удивленіе; но непобѣдимая прелесть приковала его къ группѣ всадниковъ, въ которой Леонардо соединилъ энергію и красоту. Въ произведеніи Микель-Анджело наука преобладаетъ и представляетъ зрителю столько предметовъ для изученія, что удовлетворенный умъ не думаетъ, всѣ-ли подробности этой композиціи могутъ быть одобрены строгимъ и разборчивымъ вкусомъ. Между двумя такими образцами, Рафаэль не могъ долго колебаться. Много часовъ проводилъ онъ предъ картономъ Микель-Анджело, стараясь усвоить знаніе, расточенное въ этомъ произведеніи; но страсть къ красотѣ еще чаще приводила его къ картону Винчи.

Но не однихъ Микеля-Анджело и Леонарда изучалъ Рафаэль во Флоренціи; уроки этихъ великихъ мастеровъ, столь плодотворные и разнообразные, не истощили его любознательности. Капелла *del Carmine*, которую Микель-Анджело и Леонардо тщательно изучали по выходѣ изъ школы Гирландайо и Верроккіо, капелла, въ которой Мазачьо вполнѣ выразилъ свой талантъ, оставила замѣтный слѣдъ въ произведеніяхъ его второй манеры. Дѣйствительно, картины Мазачіо имѣли особенное достоинство въ глазахъ ученика Перуджино: всѣ головы капеллы *del Carmine* имѣютъ свою индивидуальную физіономію; онѣ не отличаются ни прелестью, ни изяществомъ, но представляютъ чудное разнообразіе типовъ, изученныхъ въ природѣ. Эта похвала относится только къ той части капеллы, которая расписана Мазачіо, а не къ фигурамъ Мазолино Паникале. — А всякому извѣстно, что головы Перуджино, къ несчастію, всѣ почти одинаковы, и это постоянное сходство придаетъ его композиціямъ монотонный характеръ. Мазачіо, какъ замѣтно, рѣдко писалъ голову безъ модели передъ глазами; даже можно думать, что онъ неохотно измѣнялъ натуру. Не надѣясь пре-

взойти выбранные типы, онъ старался воспроизвести ихъ, какъ можно вѣрнѣе; и если это отвращеніе измѣнять и поправлять натуру вредитъ иногда изяществу композиціи, то значительно увеличиваетъ энергію, жизненность персонажей. Это достоинство не могло ускользнуть отъ тонкаго и проницательнаго ума Рафаэля. По свидѣтельству его біографовъ, онъ изучалъ капеллу *del Carmine* съ такимъ же вниманіемъ, какъ и картоны Микель – Анджело и Леонарда.

Рафаэль подружился во Флоренціи съ Фра – Бартоломео, и между ними установился обмѣнъ уроковъ. Молодой Санціо узналъ отъ Фра - Бартоломео искусство придавать фигурамъ болѣе яркій и сильный колоритъ, и научилъ его сочетанію линій и перспективѣ. Рафаэль, безъ сомнѣнія, не забылъ ни Джіотто, ни Фра – Анджелико, но ни въ одномъ изъ его произведеній не видно слѣда этихъ мастеровъ. Онъ, не безъ волненія, смотрѣлъ на сцены изъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта, изображенныя этими двумя живописцами, такъ глубоко религіозными, потому - что Джіотто и Фра – Анджелико будутъ вѣчно возбуждать удивленіе выраженіемъ, которое умѣли дать своимъ фигурамъ; но во время Джіотто искусство рисунка еще не родилось, а Фра – Анджелико, родившійся вѣкомъ послѣ него, почиталъ красоту формъ достоинствомъ второстепеннымъ и обращалъ все свое вниманіе на религіозное чувство. Первый изъ этихъ мастеровъ, не смотря на свой геній, не могъ угадать науки, еще не созданной; второй–же, для котораго живопись была только средствомъ прославлять Бога, почиталъ обожаніе красоты профанаціей искусства. Подражаніе ихъ стилю подвинуло–бы Рафаэля назадъ, а онъ былъ слишкомъ уменъ и проницателенъ, чтобы сдѣлать подобную ошибку. Онъ слишкомъ хорошо понималъ важность и необходимость прогресса, чтобы рѣшиться низвести живопись отъ юношескаго возраста къ лепету первыхъ лѣтъ. Думать, что прошедшее тѣмъ достойнѣе изученія и подражанія, чѣмъ оно далѣе отъ насъ, просто ребячество. Надобно избирать въ прошедшемъ эпохи истинно плодотворныя, эпохи, когда искусство, владѣя языкомъ яснымъ и полнымъ, вѣрно выражало свою мысль; должно, овладѣвъ всѣми тайнами этого языка, выражать имъ новыя, современныя идеи.

Для полнаго знакомства съ первою манерою Рафаэля, достаточно изучить его *Бракъ Божіей Матери*, находящійся теперь въ галлереѣ Бреры въ Миланѣ. Это произведеніе дѣйствительно представляетъ все, что зналъ онъ до пріѣзда во Флоренцію. Хотя оно и напоминаетъ картину Перуджино, изображающую тотъ–же предметъ, но все – таки въ немъ видна нѣкоторая оригинальность. Ликъ

Богородицы представляетъ типъ красоты, до которой Перуджино никогда не достигалъ. Гармонія линій, нѣжность контуровъ, непорочность, скромность, ангельская мечтательность, свѣжесть колорита—все соединено въ этой божественной Дѣвѣ. Конечно, при внимательномъ изученіи не трудно отыскать въ этой прелестной фигурѣ нѣкоторыя подробности, лишенныя натуры и жизни. Руки, отдѣланныя съ замѣчательною старательностію, не довольно гибки. Лицо дышетъ неземною чистотою; спокойствіе и чистота взгляда переданы несравненно; уста улыбаются съ удивительною кротостію, но форма губъ не совсѣмъ удовлетворительна; эти губы такъ тонки и свѣжи, какъ будто осуждены на неподвижность. Но не смотря на эти недостатки, принадлежащіе школѣ Перуджино, *Бракъ Богородицы* запечатленъ особенною прелестію; нельзя смотрѣть на него равнодушно. Группа молодыхъ дѣвушекъ, составляющихъ поѣздъ Пречистой Дѣвы, такъ граціозна, такъ мила, что взоръ не можетъ отъ нея оторваться. Іосифъ и окружающіе его молодые люди задуманы не менѣе удачно. Храмъ, занимающій фонъ картины, написанъ съ замѣчательною вѣрностію. Всѣ его подробности тщательно отдѣланы и показываютъ въ композиторѣ архитектурныя познанія, а между тѣмъ не развлекаютъ вниманія, не вредятъ персонажамъ: доказательство знанія, данное безъ тщеславія.

Во Флоренціи талантъ Рафаэля преобразовался. Эта метаморфоза произошла не вдругъ; ученику Перуджино нужно было много терпѣнія, чтобы совершить ее, но созданія Микель-Анджело, Леонарда, Мазачіо, открыли ему глаза и не позволяли ему колебаться. Путь, которымъ онъ шелъ до той поры, не велъ къ истинѣ; въ этомъ онъ не могъ болѣе сомнѣваться. Заключиться въ преданіяхъ школы, которой недостатки онъ понималъ, значило-бы отказаться отъ славы и занять навсегда второстепенное мѣсто. Рафаэль, сознавая свой талантъ, принялъ смѣлое рѣшеніе. Онъ рѣшился изгладить изъ своей памяти всѣ правила, которыя принималъ за истинныя, которыя исполнялъ съ покорностію; онъ принялся за ученіе вторично. Строгій къ самому себѣ, онъ не отвлекался отъ этого труднаго пути похвалами, которыми осыпали уже его произведенія. Онъ понималъ необходимость отказаться безвозвратно отъ стиля первыхъ своихъ композицій. Много нужно было силы и энергіи для подобнаго предпріятія; Рафаэль безъ страха измѣрилъ тяжелую дорогу, которая ему предстояла, и въ четыре года совершилъ то, что предпринялъ. Двадцати-одного года, увидѣлъ онъ свою ошибку; двадцати-пяти лѣтъ, онъ уже исправилъ ее.

Чтобы достойно оцѣнить значеніе этого преобразованія, должно сравнить *Бракъ Божіей Матери* съ *Христомъ, несомымъ въ гробницу*, который находится теперь въ Римѣ, въ галлереѣ князя Боргезе. Разница между этими картинами такъ велика, что не вѣрится, чтобы онѣ были писаны одною рукою. Стиль *Христа въ Гробницѣ* не имѣетъ ничего общаго со школою Перуджино; онъ прямо исходитъ отъ Леонарда и Мазачіо Исполненіе главной фигуры напоминаетъ Микель-Анджело; однако-же видно, что Рафаэль, рисуя ее, совѣтовался чаще съ натурою, чѣмъ съ картономъ Пизанской войны. Не выставляя хвастливо своихъ анатомическихъ свѣденій, онъ старался упростить подробности которыя узналъ изученіемъ. Выраженіе, экспрессія головъ удивительны и полны истины. Никогда скорбь не была передана съ большимъ величіемъ, съ большею ясностію. Всѣ черты лицъ дышатъ чувствомъ, которое одушевляетъ персонажей. Печаль Св. Іоанна, Богородицы и святыхъ женъ выражена съ живостью, рѣдкою въ исторіи живописи. Безъ помощи Леонарда, едва-ли-бы написалъ Рафаэль, въ двадцать пять лѣтъ, столь глубоко скорбныя лица *Христа въ Гробницѣ*; эта картина, въ которой религіозное чувство передано съ замѣчательнымъ искусствомъ, невольно трогаетъ душу зрителя.

Рафаэль просилъ герцога Урбинскаго рекомендовать его гонфалоньеру Флоренціи и доставить ему работу въ одной изъ залъ дворца Республики, но въ тоже время онъ получилъ письмо Браманте, который звалъ его въ Римъ. Юлій II пожелалъ украсить стѣнною живописью нѣкоторыя комнаты Ватикана, и Браманте, занимавшійся въ папскомъ дворцѣ архитектурными работами, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ выставить въ полномъ блескѣ талантъ своего племянника. Мы видѣли, какимъ прилежнымъ изученіемъ приготовлялся Рафаэль къ исполненію труднѣйшихъ произведеній; не обладая познаніями Винчи и Буонаротти, онъ былъ однакоже въ силахъ приняться за всякую работу. Онъ не дождался отвѣта герцога Урбинскаго, даже не кончилъ картины, начатой для одной флорентинской церкви, и поѣхалъ въ Римъ, съ сердцемъ, полнымъ радости и надежды. Не смотря на рекомендацію Браманте, ручавшагося за своего племянника, Юлій II, котораго воля не знала отсрочки, роздалъ большую часть задуманныхъ имъ работъ. Но ни множество соперниковъ, ни ихъ извѣстность не испугали Рафаэля: онъ принялся за работу и тотчасъ началъ расписывать залу Ватикана, называемую *залою Рукоприкладства* (salle de la Signature). Первымъ трудомъ его было *Богословіе*, болѣе извѣстное подъ именемъ *Диспута о Св. Причащеніи*. Хотя

многія части этой обширной композиціи напоминаютъ первую манеру Рафаэля, хотя онъ, слѣдуя преданіямъ школы Перуджино, употребилъ въ ней золото, отъ котораго въ послѣдствіи отказался, все-таки нельзя не сознаться, что *Богословіе* достойно знаменуетъ начало третьей манеры, болѣе смѣлой и широкой, болѣе свободной, болѣе плодотворной и разнообразной, чѣмъ двѣ первыя.

Эта превосходная фреска, изображающая таинство Евхаристіи, исполнена съ величіемъ и простотою, которыя выше всякихъ похвалъ. Композиція ея полна смѣлости, удивительной въ двадцати-пяти-лѣтнемъ юношѣ, удивившей бы и въ мастерѣ, опытномъ въ живописи монументальной. Глядя на это произведеніе, столь ясное, гармонирующее во всѣхъ частяхъ своихъ, думаешь, что оно не стоило никакихъ усилій воображенію автора. Троица, господствующая въ картинѣ, патріархи, святые апостолы, евангелисты, отцы церкви, однимъ словомъ, всѣ лица запечатлѣны особеннымъ, личнымъ своимъ характеромъ. Религіозное чувство оживляетъ всѣ головы и выражается въ жестахъ и положеніяхъ фигуръ; но здѣсь выраженіе этого чувства удивительно согласовано съ красотою формы. Во всей этой фрескѣ, первомъ дебютѣ Рафаэля въ Ватиканѣ, такъ много мощнаго очарованія, такъ много свѣжести, блеска и спокойствія, что многіе свѣдущіе судьи предпочитаютъ ее всѣмъ остальнымъ произведеніямъ этого мастера.

Юлій II былъ до того пораженъ красотами этого перваго созданія, что хотѣлъ уничтожить всѣ фрески, конченныя или начатыя, и поручить всю работу Рафаэлю; изъ уваженія къ своему учителю, Санціо потребовалъ сохраненія плафона, написаннаго Перуджиномъ.

Философія, извѣстная подъ именемъ *Аѳинской школы*, и написанная на стѣнѣ противуположной *Богословію*, по нашему мнѣнію, высшее, полнѣйшее выраженіе таланта Рафаэля. Стиль ея отличается смѣлостію, силою и увѣренностію, совершенно не юношескими. Персонажи, хотя многочисленные, выбраны съ такою разборчивостію и расположены съ такимъ искусствомъ, что нѣтъ и слѣда безпорядка въ этой огромной страницѣ. Въ созданіи и расположеніи этого произведенія, Рафаэль былъ счастливо вдохновленъ Петраркою, и конечно, для такого сюжета, трудно было найти лучшаго руководителя. Зданія, обрамливающія картину, легки и граціозны. Свѣтъ, искусно распредѣленный, увеличиваетъ пространство и даетъ сценѣ глубину, которая удивляетъ и прельщаетъ глазъ. Аристотель и Платонъ, преобладаю-

щіе надъ прочими лицами, вполнѣ объясняютъ сюжетъ; *Этика* и *Тимей* не оставляютъ никакого сомнѣнія въ умѣ зрителя. Архимедъ, Пиѳагоръ, Діогенъ, Зороастръ, изображенные характеристически, какъ будто называютъ себя по имени. Невозможно яснѣе и полнѣе выразить и величественный характеръ, сообщаемый лицу привычкою къ высокимъ мыслямъ. Аристотель и Платонъ носятъ на челѣ свѣтлую печать науки, наполнявшей всю ихъ жизнь. Во всемъ соборѣ ученыхъ и мудрецовъ нѣтъ ни одного лица, которое не заслуживало бы особеннаго вниманія: такъ разнообразны и истинны всѣ физіономіи.

Законовѣденіе, раздѣленное на двѣ части, гражданское и каноническое, представляетъ счастливый выборъ фигуръ, но не можетъ сравниться по важности замысла съ *Богословіемъ* и *Философіей*. Все-таки нельзя безъ удивленія смотрѣть на Юстиніана, помѣщеннаго на-лѣво отъ зрителя, и на Григорія IX, которому Рафаэль далъ черты Юлія II. Эти два олицетворенія права гражданскаго и каноническаго исполнены съ высокою, истинно мастерскою простотою.

Поэзія или *Парнасъ*, противуположный *Законовѣденію*, достойно выдерживаетъ сравненіе съ *Богословіемъ и Философіей*. Стѣна, на которой Рафаэль развилъ это обширное созданіе, раздѣлена внизу окномъ; свѣтъ изъ него поражаетъ зрѣніе и мѣшаетъ сначала изученію картины. Но черезъ нѣсколько минутъ глазъ безъ усилія охватываетъ гармоническій ансамбль этой языческой поэмы и съ наслажденіемъ созерцаетъ фигуры, въ изобиліи разбросанныя Рафаэлемъ по этой живой стѣнѣ. И здѣсь Петрарка былъ руководителемъ Санціо. По прихоти, которую мы съ трудомъ можемъ понять теперь, но которая въ началѣ XVI вѣка не удивляла никого, Аполлонъ держитъ вмѣсто лиры скрипку; голова его дышетъ вдохновеніемъ и нѣгою. Музы, всѣ безъ исключенія, божественно прекрасны. Выраженіе лицъ, прелесть движеній, изящество драпировокъ, доведены до высокой степени совершенства. Можно бы, ради литературной точности, осудить костюмъ, принятый Рафаэлемъ, потому что музы Ватикана одѣты не по гречески; но подобное замѣчаніе было-бы, по нашему мнѣнію, чистымъ ребячествомъ. Дѣйствительно, въ одеждѣ этихъ музъ столько полноты и гибкости, что очарованный зритель и не думаетъ о вѣрности миѳологическихъ преданій. Музы Рафаэля, это типы верховной красоты, и удивленіе закрываетъ уста памяти. Поэты, окружающіе музъ, изображены чрезвычайно удачно. Гомеръ, Виргилій, Горацій, Овидій, Данте, Петрарка, характеризованы съ точ-

ностію, показывающею въ живописцѣ основательное знакомство съ изображаемыми имъ лицами. Нѣжное и мистическое лицо любовника Лауры, строгій и суровый образъ пѣвца Беатрисы, такъ согласны съ безсмертными страницами, проникнутыми ихъ мыслію, что трудно представить ихъ подъ другими чертами. Овидій и Горацій изображены съ неменьшею точностію и вѣрностію. Въ головѣ Виргилія меланхолія улыбки удивительно гармонируетъ съ чистотою взгляда. Невозможно вообразить что-нибудь возвышеннѣе, величественнѣе головы Гомера; никогда геній эпической поэзіи не выражался въ чертахъ болѣе важныхъ и торжественныхъ. Незрящія очи придаютъ этой головѣ сверхъестественный характеръ; чело, гдѣ блеститъ вдохновеніе, дрожащія уста, руки, вопрошающія пространство, все вмѣстѣ поражаетъ воображеніе. Всѣ части этой композиціи связаны между собою съ такимъ чуднымъ искусствомъ, что нельзя выкинуть одну фигуру, не нарушивъ гармоніи цѣлаго.

Фрески, украшающія плафонъ этой залы, имѣютъ связь съ *Богословіемъ, Философіей, Законовѣденіемъ* и *Поэзіей. Первородный грѣхъ*, помѣщенный надъ *Богословіемъ*, дышитъ чудною прелестію и граціею. Самое поэтическое воображеніе не въ силахъ представить что-нибудь прекраснѣе первой женщины, совершающей проступокъ, который погубилъ родъ человѣческій. Въ этой фигурѣ, запечатлѣнной изяществомъ, есть особенная роскошь, полнота и въ тоже время гибкость, какія рѣдко найдемъ вмѣстѣ и въ живой натурѣ и въ созданіяхъ древняго ваянія. Евва Рафаэля полна юности, внушающей любовь, полна силы, выражающейся въ материнскомъ чувствѣ; это Венера и Латона. *Судъ Соломона* и *Наказаніе Марція* исполнены съ неменьшимъ искусствомъ.

Эта зала, начатая въ 1508 и конченная въ 1511 году, могла бы одна дать полное понятіе о третьей манерѣ Рафаэля. Хотя въ послѣдствіи Санціо сталъ опытнѣе и болѣе свѣдущъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своего искусства, но никогда не выражалъ онъ своихъ идей съ большею ясностію; геній его никогда не открывался поразительнѣе и очевиднѣе.

Четыре фрески, украшающія стѣны слѣдующей залы, называемой *залою Геліодора*, не имѣя значенія и достоинствъ, разсмотрѣнныхъ нами произведеній, все-таки отличаются многими рѣдкими качествами. *Изгнаніе Геліодора изъ храма, Аттила, остановленный мольбами Св. Льва, Освобожденіе Св. Петра изъ тюрь-*

мы ангеломъ и Чудо Больсены возбуждаютъ справедливое удивленіе даже послѣ залы Рукоприкладства. Въ *Геліодорѣ*, движеніе фигуръ, живость и истина мимики прекрасно объясняютъ сюжетъ. Ужасъ нечестивцевъ, бѣгущихъ передъ всадникомъ, видимымъ только для нихъ, радость несчастныхъ, спасенныхъ этимъ чуднымъ заступничествомъ, выраженіе теплой вѣры, одушевляющее лицо колѣнопреклоненнаго первосвященника, составляютъ стройное и полное жизни цѣлое.

Въ *Аттилѣ*, Рафаэль удачно воспользовался барельефами Траяновой колонны. Голова главнаго лица дышетъ удивленіемъ и ужасомъ. Апостолы Петръ и Павелъ, являющіеся въ воздухѣ (мысль остроумная и смѣлая), исполнены чрезвычайно искусно. Во всѣхъ частяхъ поэмы господствуютъ изящество, чистота, напоминающія лучшія произведенія древности.

Чудо Больсены представляло огромныя трудности, которыя живописецъ преодолѣлъ какъ будто шутя. На лицѣ невѣрующаго жреца отпечатаны удивленіе и ужасъ при видѣ оживленнаго тѣла и текущей крови; православные, свидѣтели этого чуда, ясно выражаютъ радость, возбуждаемую смущеннымъ невѣріемъ. Въ *Освобожденіи Св. Петра* замѣчательно искусное распредѣленіе свѣта, или, лучше сказать, искусство, съ какимъ Рафаэль умѣлъ измѣнять, преобразовывать его сообразно требованіямъ сюжета. Блескъ факеловъ, таинственный свѣтъ луны, сіяніе, окружающее ангела-освободителя, исполнены съ поразительною вѣрностію, съ рѣдкимъ искусствомъ. А все-таки, не смотря на всѣ эти достоинства, зала Геліодора не можетъ стать на ряду съ залою Рукоприкладства.

Въ послѣдней залѣ, расписанной Рафаэлемъ, особенно замѣчателенъ *Пожаръ въ Борго*. Я говорю послѣдняя зала, ибо извѣстно, что залу Константина расписывалъ Джуліо Романо, по картонамъ Рафаэля, за исключеніемъ нѣсколькихъ аллегорическихъ фигуръ, исполненныхъ самимъ учителемъ. *Коронованіе Карла Великаго и Оправданіе Папы* кажутся ничтожными послѣ великихъ произведеній, разсмотрѣнныхъ нами. Да и въ *Битвѣ при Остіи* я не нахожу того эпическаго генія, о которомъ въ запуски толкуютъ итальянскіе критики. По моему мнѣнію, это одно изъ наименѣе удачныхъ произведеній Рафаэля.

Особенно замѣчателенъ въ этой залѣ только *Пожаръ въ Борго*. Главные эпизоды этого пожара напоминаютъ вторую книгу Энеиды и своды Сикстинской капеллы, Виргилія — по изобрѣтенію, Микель-Анджело — по исполненію. Конечно, нельзя безъ удивленія смотрѣть на эту ученую фреску; однако-же, изображая всѣ

эти фигуры, которыхъ разнообразныя положенія тщеславно выставляютъ анатомическія свѣденія автора, Рафаэль, кажется, измѣнилъ натурѣ своего генія. Нагія части переданы съ рѣдкимъ талантомъ и вѣрностію; а все-таки это произведеніе не возбуждаетъ въ душѣ зрителя живаго впечатлѣнія: это смѣлая, счастливая борьба съ Микель-Анджело, борьба, которая увлекла Рафаэля съ свойственнаго ему пути.

Это замѣчаніе также вѣрно и въ отношеніи къ *Исаіи* церкви Св. Августина и къ *Сивилламъ* церкви Св. Маріи Мѵроносицы. Здѣсь таже борьба съ Микель-Анджело; Но *Исаія* Св. Августина и *Сивиллы* Мѵроносицы, не смотря на свое величіе и красоту, представляютъ скорѣе торжество упорной воли, чѣмъ самородное созданіе генія. Можно, должно даже удивляться имъ, какъ свидѣтельству глубокихъ познаній; но надо сознаться, что Рафаэль, ступивъ на землю Микель-Анджело, потерялъ свободу и прелесть своихъ движеній.

Пятьдесятъ двѣ фрески, составляющія ложи Ватикана, представляютъ, собственно говоря, рядъ импровизацій. Судить объ нихъ, какъ объ произведеніяхъ обдуманныхъ, значило бы поступать съ ними слишкомъ строго. Есть, конечно, между этими импровизованными страницами нѣсколько произведеній, въ которыхъ блеститъ весь геній Рафаэля; но часто также съ удивленіемъ встрѣчаешь въ этой слишкомъ хваленой серіи сцены, которыхъ значенія авторъ не понялъ или которыя онъ обдѣлалъ съ страннымъ небреженіемъ. Въ подтвержденіе этого замѣчанія, приведемъ *Тайную Вечерю*, созданіе чрезвычайно неполное и слабое по концепціи. Объ исполненіи же мы должны говорить съ большимъ снисхожденіемъ: Извѣстно, что Рафаэль написалъ самъ только первую фреску серіи; всѣ другія были исполнены его учениками.

Картоны, сохранившіеся въ Гэмптонъ-Куртѣ, стоятъ по величію и изяществу концепціи на-ряду съ лучшими созданіями Рафаэля; обои, исполненные по этимъ картонамъ, и теперь составляютъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ украшеній Ватикана. Главное достоинство ихъ, которое даетъ имъ особенную цѣну, это ясность, съ какою авторъ съумѣлъ расположить всѣ эпизоды; всѣ лица имѣютъ опредѣленный характеръ, всѣ фигуры — опредѣленное движеніе, всѣ головы — опредѣленное выраженіе. Сколь слабы по концепціи ложи Ватикана, столько же удовлетворительны эти картоны.

Чтобы сравнивать ложи съ сводами Сикстинской капел-

лы, подобно нѣкоторымъ итальянскимъ критикамъ, нужно особенное ослѣпленіе; картоны же Гэмптонъ-Курта, подвергнутые самому строгому анализу, не оставляютъ въ душѣ зрителя ничего, кромѣ удивленія. Никогда Рафаэль не доходилъ до такого полнаго согласія формы и экспрессіи, никогда не былъ онъ столько изященъ и вмѣстѣ обдуманъ. По возвышенности стиля, по смѣлости, по граціи движеній, эти картоны не ниже комнатъ Ватикана; по глубинѣ и разнообразію изобрѣтенія, они не боятся никакого сравненія. Чѣмъ внимательнѣе разсматриваешь ихъ, тѣмъ болѣе открываешь въ нихъ новыхъ достоинствъ; это плодотворный, неистощимый источникъ изученія; въ нихъ все достойно Рафаэля, все дышетъ его мыслію; никакое докучливое воспоминаніе не смущаетъ вдохновеній его генія. Онъ не борется ни съ кѣмъ, но старается только осуществить идеальный типъ, созданный имъ, и его послушная рука не измѣняетъ творческой волѣ. Онъ не импровизируетъ, онъ размышляетъ, и плодъ размышленія исполняетъ съ верховнымъ могуществомъ.

Двояки фрески виллы Фарнезе. *Тріумфъ Галатеи* есть произведеніе изящное, полное прелести, ума и граціи; никогда, можетъ быть, Рафаэль не выходилъ побѣдоноснѣе изъ борьбы съ древнимъ искусствомъ, и это самостоятельное соперничество далеко отъ подражанія. Исполняя сюжетъ, взятый изъ миѳологіи, онъ становится грекомъ по стилю, хотя время истребило произведенія Апеллеса и Зевкса, но кажется, Рафаэль успѣлъ воскресить ихъ.

Но *Исторія Психеи*, хотя и отличается остроумнымъ разнообразіемъ компоновки, по моему мнѣнію, далеко не можетъ сравниться съ *Торжествомъ Галатеи*. Чтобы объяснить несовершенство исполненія, нѣсколько грубый, жесткій колоритъ этихъ композицій, стоитъ заглянуть въ біографію Рафаэля: онъ самъ писалъ *Торжество Галатеи*, а *Исторія Психеи* писана его учениками. Однако-же, не смотря на жесткость колорита, во всей *Исторіи Психеи* царствуетъ особенная прелесть.

Пиръ боговъ представляетъ собраніе фигуръ, расположенныхъ съ удивительнымъ искусствомъ; фигура Венеры замѣчательна по правильности, прелести и мягкости рисунка. Я видѣлъ въ Римѣ, въ комнатахъ князя Боргезе, фреску, снятую со стѣны казино Рафаэля: *Бракъ Александра и Роксаны*, запечатлѣнный, подобно Галатеѣ, истинно аѳинскою граціею.

Послѣднимъ созданіемъ Рафаэля было *Преображеніе*. Общее мнѣніе ставитъ эту картину выше всѣхъ его произведеній. Но, сказать правду, это мнѣніе далеко отъ истины. Хотя *Преобра-*

женіе имѣетъ неотъемлемыя достоинства, хотя Спаситель, Илія и Моисей исполнены величія, соотвѣтствующаго сюжету; хотя апостолы, созерцающіе ихъ восхищеннымъ окомъ, краснорѣчиво выражаютъ своими позами удивленіе и замѣшательство, но апостолы, помѣщенные внизу горы, далеко не заслуживаютъ тѣхъ же похвалъ.

Можно удивляться колѣнопреклоненной женщинѣ, которой формы обрисовываются складками драпировки, можно съ пользою изучать конвульсивныя движенія ребенка, одержимаго бѣсомъ; но этотъ эпизодъ не связанъ непосредственно съ главнымъ сюжетомъ: собственно говоря, это совершенно отдѣльная сцена. Исполненіе же, не смотря на строгость рисунка, не имѣетъ ни полноты, ни самостоятельности, обнаруживающихся въ залахъ Ватикана.

Я не говорю о тѣняхъ, измѣнившихся черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Рафаэля, что Вазари приписываетъ краскѣ изъ сажи, употребленной Джуліемъ Романо въ подмалевкѣ; я говорю объ манерѣ, которою живописецъ передалъ нижнюю часть этой картины. Стиль апостоловъ, помѣщенныхъ у подножія Ѳавора, отзывается усиліемъ, и драпировки нѣсколько жестки. Большое *Святое Семейство*, въ Луврѣ, написанное для Франциска I за два года до *Преображенія*, исполнено съ большею смѣлостію и свободою; *Сидящая Богородица* (Madonna della Sedia), *Видѣніе Іезекіиля*, во дворцѣ Питти, *Св. Цецилія*, въ Болоньи, подаютъ поводъ къ тому же замѣчанію. Значитъ не въ *Преображеніи* надобно искать самое полное выраженіе генія и знанія Рафаэля.

Всѣмъ извѣстны портреты Льва X и Юлія II, Биндо Альтовоти, Форнарины; въ этомъ родѣ, кажущемся невѣжеству тѣснымъ, Рафаэль умѣлъ найти неистощимый рудникъ богатствъ: каждый его портретъ есть созданіе поэтическое въ высшемъ значеніи этого слова.

Ничего не говорю о безчисленныхъ рисункахъ, гравированныхъ подъ собственнымъ его надзоромъ Маркъ Антоніемъ Раймонди, потому-что я не предположилъ разсмотрѣть весь рядъ его произведеній; главныя созданія Рафаэля, о которыхъ я говорилъ, ясно показываютъ преобразованія его мысли, его воли, его таланта.

Счастливецъ, осыпанный всѣми дарами генія, онъ жилъ только для искусства и любви, и умеръ тридцати семи лѣтъ: наканунѣ смерти, онъ забывалъ славу въ объятіяхъ Форнарины. Если онъ не обладалъ ученостію Винчи и Микель-Анджело, блестящимъ ко-

лоритомъ Тиціана, глубокою экспрессіею Корреджіо, то все-таки онъ заслужилъ имя царя живописи, и заслужилъ его всеобемлемостію своего генія.

Конечно, часто случалось ему, въ его жизни, столь короткой и столь плодотворной, жертвовать чисто внѣшнему, живописному эфекту важною стороною сюжетовъ; но не забудемъ, что онъ исполнялъ сюжеты всѣхъ родовъ. Онъ до такой степени владѣлъ искусствомъ очаровывать глаза, искусствомъ прельщать и увлекать, что его рука не всегда дожидалась мысли, и онъ пренебрегалъ иногда размышленіемъ, какъ трудомъ ненужнымъ для успѣха, въ надеждѣ, что красота линій наложитъ молчаніе на самыхъ строгихъ судей; но и эта увѣренность, такъ часто оправданная, не опиралась-ли на трудѣ неусыпномъ? Если Рафаэль не былъ первымъ во всѣхъ частяхъ живописи, за то никакой живописецъ не можетъ оспаривать у него перваго мѣста, потому-что никто не соединялъ въ такой степени, какъ онъ, всѣ качества, даваемыя изученіемъ и геніемъ.

—

ЮМОРИСТИКА.

—

Счастливый мужъ.

Характеристическій очеркъ.

—

Одинъ философъ древнихъ временъ, какъ увѣряютъ—изъ китайцевъ, назвалъ счастіе старикомъ, у котораго на головѣ одинъ только клокъ волосъ. Такъ-какъ этотъ клокъ развѣвается на передней части головы старика-счастія, то господинъ древній философъ даетъ слѣдующій разумный совѣтъ: «Когда счастіе обернется къ намъ лицомъ, то мы должны хватать его, какъ можно проворнѣе, за хохолъ; тогда уже оно отъ насъ неускользнетъ и мы можемъ потѣшаться имъ, сколько душѣ угодно.»

Вѣрно ли характеризуетъ это сравненіе счастіе, или невѣрно — предоставляю судить мудрецамъ новѣйшимъ; что же касается до разумнаго совѣта китайскаго философа, то я думаю, что онъ былъ хорошъ въ древнія времена, когда люди были еще неопытны въ ловлѣ счастія и ожидали, чтобы оно само къ нимъ оборотилось лицомъ; но въ наше время, когда промышленность усовершенствовалась на всѣ возможныя манеры, а спекулятивный умъ извивается гибче змѣи, люди ловятъ счастіе не за одинъ хохолъ, а хватаютъ его за что попало, за уши, за ноги, за карманы, не смотря на кислую

(*) Гмъ! Гмъ Гмъ! (Восклицанія одного мужа, съ неудовольствіемъ поглядывающаго на свою жену.)

его гримасу, и бѣдному счастію рѣдко удается вырваться изъ ловкихъ рукъ благоразумно-опытныхъ или, такъ называемыхъ, *положительныхъ* людей нашего времени.

Что всѣ люди падки на счастіе, объ этомъ ужъ нечего и говорить; кто изъ насъ не протягиваетъ рукъ, чтобы схватить счастіе, хоть за какой нибудь его кончикъ? Кто изъ насъ въ горькія минуты жизни не питалъ младенческой надежды на близость счастія? Одна мысль о благосклонности его кружитъ намъ головы, заставляетъ радостно трепетать сердце, заливаетъ нашу грудь восторгомъ и угрожаетъ нашимъ легкимъ спазматическимъ удушьемъ.

Ѳедоръ Максимычъ, когда сидѣлъ на студентской лавкѣ, частенько, бывало, мечталъ о счастіи, какъ и всѣ прочіе грѣшные люди; и счастіе, послушное до безконечности его прихотливой мечтѣ, являлось предъ нимъ въ самыхъ разнообразныхъ и привлекательныхъ видахъ: то принимало оно на себя образъ Ѳедора Максимыча и облекалось въ мундиръ съ генеральскими эполетами, то являлось съ министерскимъ портфелемъ подъ мышкою; а изрѣдка, когда мечта Ѳедора Максимыча скромничала, оно мелькало въ образѣ директора, со звѣздою на груди. Нерѣдко мечта уносила Ѳедора Максимыча со студентской скамьи въ богато-убранные чертоги, блиставшіе золотомъ и фарфоромъ, и въ этихъ чертогахъ легкою тѣнью носилась фея, обладательница этихъ волшебныхъ палатъ, до безумія влюбленная въ особу Ѳедора Максимыча, покорная раба его воли и прихоти; въ мечтѣ — едва едва не принцесса изъ Тысячи одной Ночи, а въ существенности его жена, принесшая за собою приданаго около двухъ милліоновъ легко-движимымъ т. е. наличнаго, кромѣ трудно-движимаго — домовъ, дачь, *имъ же нѣсть числа*, записанныхъ очень предусмотрительно на женнино имя.

Каждый молодой человѣкъ съ фантазіей, (а безъ фантазіи молодые люди рѣдки,) сознаетъ въ себѣ бездну силы ума и неизчерпаемый источникъ воли; поэтому препятствія, которыя часто загромождаютъ дорогу жизни, онъ почитаетъ немного выше вздора. Ѳедоръ Максимычъ, какъ видите, принадлежалъ къ числу людей съ фантазіей.

Ѳедоръ Максимычъ не успѣлъ еще выдти изъ этаго полусоннаго, полубодрственнаго состоянія, не успѣлъ еще отдѣлить мечты отъ существенности, какъ уже долженъ былъ начать жизнь дѣйствительную, служебную, тѣсно связанную съ нуждами, фракомъ и сапогами, и основанную на рубляхъ и копѣйкахъ.

Не имѣя, кромѣ здороваго тѣла и полуздоровой души, ничего, Ѳедоръ Максимовичъ очутился за составленіемъ и перепиской бумагъ, ощущая въ карманѣ легкую тяжесть мѣсячнаго жалованья.

Проходивъ въ должность около двухъ лѣтъ, Ѳедоръ Максимычъ рѣже сталъ надѣяться, чаще же сомнѣваться въ своемъ счастіи; мечты его значительно съежились, начали ограничиваться штатнымъ мѣстомъ съ жалованьемъ въ полторы тысячи рублей; волшебные чертоги замѣнились скромною квартирой въ два окошка, съ кушеткой, обтянутою клеенкой, съ письменнымъ столомъ и тремя стульями, попеременно покоившими на своихъ, не совсѣмъ мягкихъ подушкахъ, или модный фракъ съ бархатнымъ жилетомъ, или шляпу съ парой желтыхъ перчатокъ.—»А славная вещь, бархатный жилетъ и желтыя перчатки!—Удивительно облагороживаютъ человѣка!»—восклицалъ при этомъ Ѳедоръ Максимычъ почти невольно. Фея продолжала тогда выдѣлывать передъ нимъ свои воздушныя *па;* но такъ сказать, на самомъ отдаленномъ горизонтѣ воображенія Ѳедора Максимовича, гдѣ она мелькала предъ нимъ блѣдною зарницею.

Живя такимъ образомъ, Ѳедоръ Максимычъ разучился *роскошно* мечтать; не въ замѣнъ привыкъ къ бумагамъ, или, какъ самъ онъ говорилъ, къ *дѣламъ*, научился скромно обѣдать и, прослывъ человѣкомъ, который не обидитъ даже мухи, на тридцатомъ году отъ рожденія вступилъ въ должность столоначальника.

Въ одинъ прекрасный праздничный день, послѣ довольно сытнаго обѣда въ ресторацiи, Ѳедоръ Максимычъ въ халатѣ, отслужившемъ половинный срокъ своей службы три года и два мѣсяца, прохлаждался, какъ говорятъ нѣкоторые купцы—въ *объятіяхъ мыслей*, за трубкой скромнаго двухъ-рублеваго жукова, развалившись на жесткой кушеткѣ съ лѣнивою нѣгой мусульманина. Голубой дымокъ, проходя сквозь двухъ-аршинный, орѣховый чубукъ, и раздражая своимъ рѣзкимъ запахомъ органы Ѳедора Максимыча извивался самыми причудливыми кудрями и принималъ фантастическія формы. Ѳедоръ Максимычъ потянулся за Жуковымъ на седьмое небо: онъ замечтался такъ, какъ будто бы сидѣлъ еще на студенческой скамьѣ, когда слышалъ не глухой стукъ экипажей, не рѣзкій крикъ разнощика, а голосъ профессора, ласкающій ухо, услаждающій сердце, голосъ волшебный.

Пріятно, очень пріятно мечталъ Ѳедоръ Максимычъ. Въ его воображеніи носились образы, то привлекающіе красотой, то удивляющіе уродствомъ. Счастіе, которое никогда не посидитъ на мѣстѣ, запрыгало, заплясало въ его воображеніи; то приближалось оно къ Ѳедору Максимычу, такъ, что ему стоило только про-

тянуть руку, чтобъ схватить его; то отдалялось отъ него такъ, что его нельзя было достать и барочнымъ багромъ. Вотъ счастіе снова приближается; ближе, ближе! Өедоръ Максимычъ протягиваетъ руку.... ура! счастіе поймано, и прямо за уши.

Вотъ оно у ногъ его, а за нимъ валитъ и каменный домъ въ Гороховой, и тучные билеты Опекунскаго Совѣта, и карета на лежачихъ рессорахъ, и поваръ отъ посланника, и всеобщее уваженіе, и любовь прелестной женщины, и громкая слава, и важный рангъ, и широкое раздолье... И все это ему, Өедору Максимовичу! Онъ силится поскорѣе все схватить въ охабку... Но вотъ падаетъ чубукъ, разбиватъ бутылку съ водой на столѣ, черепки летятъ во всѣ стороны, вода льется двумя потоками на тщательно вычищенный сапогъ Өедора Максимыча и на бумаги, еще тщательнѣй сложенныя на стулѣ. Өедоръ Максимычъ вскочилъ и опомнился, т. е. изъ идеальнаго міра перешелъ въ міръ существенный. Въ существенномъ мірѣ онъ существенно протеръ глаза рукою и еще существеннѣе плюнулъ: «фу ты, какая глупость!» думалъ Өедоръ Максимычъ. Пора перестать мечтать; я уже не ребенокъ. Довольно вижу зловѣщихъ улыбокъ и отъ людей; а то еще принимай ихъ отъ какого-нибудь глупаго счастія! Өедоръ Максимычъ полупечально, осторожно исправилъ безпорядки, произведенныя его счастіемъ, вздохнулъ и снова погрузился, по уши, говоря иперболически, въ океанъ задумчивости.

Думалъ Өедоръ Максимычъ думу крѣпкую. Хотя онъ былъ, какъ самъ сказалъ, не ребенокъ, но въ строгіе ряды его думъ снова прокралась легкая, обворожительная мечта о счастіи. Думалъ Өедоръ Максимычъ, что онъ крѣпко задумался; на самомъ же дѣлѣ онъ снова замечтался. Мечталъ, или, чтобы не оскорбить зрѣлаго возраста Өедора Максимыча, думалъ Өедоръ Максимычъ и не замѣтилъ, какъ счастіе существенно проскользнуло въ его комнату и съ почтительнымъ поклономъ остановилось у дверей!

На этотъ разъ счастіе явилось въ образѣ старой, морщинистой, горбатой старухи, съ рѣзко-проницательнымъ взглядомъ, съ хитрою улыбкой на тонкихъ, поджатыхъ губахъ, въ кацавейкѣ, ярко краснаго цвѣта, въ ситцевомъ платьѣ, испещренномъ какими-то цвѣтами изъ растительнаго царства еще неоткрытой части свѣта, съ гроденаплевымъ платкомъ на головѣ.

—Голубчикъ ты мой бѣленькій! что такъ крѣпко закручинился?» сказало счастіе съ глубоко жалостнымъ вздохомъ и улыбкой, выражавшею теплое участіе.

Но замѣтивъ, что Өедоръ Максимычъ среди своихъ глубокихъ думъ не слышалъ трогательнаго привѣта, счастіе насмѣшливо улыб-

нулось и судорожно кашлянуло во всю старушечью мочь.

Ѳедоръ Максимычъ оглянулся; счастіе согнулось въ дугу и продолжало кашлять.

— Сударикъ ты мой, Ѳедоръ Максимычъ! продолжало счастіе. «Прости ты меня, старую грѣшницу, пришла къ тебѣ соколику, съ радостной вѣсточкой, не покинь меня своею милостію!» Странно-непонятный монологъ счастія былъ прерываемъ чуть не на каждомъ словѣ кашлемъ.

— Ухъ! родимый! какъ я закашлялась. Да и то сказать; вѣдь не молодые мои годы—бѣжала къ тебѣ изъ далека, прости, родимый, что смѣла безпокоить вашу милость.—И счастіе отвѣсило Ѳедору Максимычу почтительный поклонъ.

Ѳедоръ Максимычъ глядѣлъ на старуху взоромъ, переполненнымъ недоумѣнія.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ.

— Гмъ! что нужно-то-съ? Да дѣльце важное-авантажное! посадико-сь ты меня сначала, да скажи ласковое слово, милости-демолъ просимъ, Акулина Пафнутьевна! наша гостья! — а тамъ ужъ, пожалуй, и спрошай, о чемъ Богъ на сердце положитъ.

— Ну садись, гдѣ хочешь, да говори скорѣе, что нужно.

Чтобы не утомить читателя утомительно длиннымъ разговоромъ счастія съ Ѳедоромъ Максимычемъ, я постараюсь объяснить все дѣло, какъ можно короче.

Неподалеку отъ незаносчивой квартиры Ѳедора Максимыча гордо высился трехэтажный, каменный домъ. Въ этомъ домѣ жилъ худенькій человѣчекъ съ бородкой, купно съ своею толстою половиною и единственною дочерью. Худенькій человѣкъ былъ скупъ; толстая половина его была тоже не щедра; плодъ этихъ двухъ однородныхъ, хотя и разновидныхъ склонностей—дочь, была мила; она получила довольно модное воспитаніе, въ одномъ изъ модныхъ пансіоновъ. Худенькій человѣкъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ ежегодно 8-го генваря, съ глубокими вздохами, аккуратно вносилъ тысячу двѣсти рублей ассигнаціями содержательницѣ просвѣтительнаго заведенія.

Кто былъ отцемъ, тотъ чувствуетъ, что самолюбіе родителей—страсть довольно сильная, могущая поколебать многія твердыя страсти, даже въ родѣ скупости, и не удивится нисколько невѣроятному желанію скупыхъ родителей дать дочери четырехъ. тысячное съ хвостикомъ воспитаніе.

Окончивъ пансіонское образованіе, Дуничка, или иначе, Авдотья Мироновна, съ огромнымъ грузомъ статистики, математики, физи-

ки, теоріи словесности въ головѣ, съ довольно основательными понятіями объ эполетахъ и шпорахъ, съ совершенно положительными свѣденіями о геройскихъ усикахъ и съ самымъ солиднымъ вкусомъ, касательно замысловатыхъ *па* всѣхъ существующихъ полекъ, и пѣнія романсовъ Варламова,—была брошена жестокимъ жребіемъ въ жесткія объятія *тятиньки*, не любившаго названія *папаши*, и на мягкую грудь *мамаши*, дорожившей новомоднымъ названіемъ болѣе своего праздничнаго чепчика съ алыми лентами и цѣлой клумбою цвѣтовъ. Скучала бѣдная Дунюшка; она не имѣла близь себя существа, съ которымъ бы могла побесѣдовать о модныхъ платьяхъ, не имѣла подъ рукой человѣка, которому бы могла выказать плоды своей образованности на французскомъ языкѣ. Когда печаль Дунюшки поднималась на достаточную высоту и выступала на влажные, темнокаріе глаза, въ видѣ двухъ жемчужныхъ слезинокъ, толстая маменька, чтобъ уничтожить горечь въ сердцѣ своей дочери, дарила ей полтора фунта конфектъ, произведенія Излера. Недостаточная сладость для сердца семнадцатилѣтней дѣвушки!

Но какъ всему въ мірѣ есть предѣлъ, то наступилъ конецъ и Дунюшкиной печали.

Отважный, не блѣднѣвшій ни передъ преферансомъ, ни передъ банкомъ, ни передъ каренькими глазками, Иванъ Егорычъ Фуфырчиковъ ярко, пріятно блеснулъ предъ глазами Дунюшки своими золотыми цѣпочками, лощеными фразами, ловкой полькой-мазуркой и задѣлъ ея робкое сердце колечками своихъ черныхъ усовъ; но въ тоже время и самъ былъ проколотъ чуть не на-сквозь острыми взорами Дуняши и едва не ослѣпъ отъ блеску имперіаловъ ея *поштеннаго* тятеньки.

Между ними, т. е. между Дунюшкой и Иваномъ Егоровичемъ завязался крѣпкій узелъ симпатіи; въ слѣдствіе этаго симпатическаго узла были частыя свиданія; а въ слѣдствіе частыхъ свиданій родители Дунюшки черезъ четыре мѣсяца рѣшили, что наступилъ самый крайній срокъ пристроить ее къ мѣсту, безъ малѣйшихъ отлагательствъ.

Взявъ во вниманіе такое рѣшеніе чадолюбивыхъ родителей Дуняши, можетъ быть, иной заранѣе порадуется за господина Фуфырчикова и вообразитъ себѣ живописную его фигуру, самодовольно покручивающую усы. Но мы должны разочаровать читателя. Не смотря на странную натуру Фуфырчикова, которой небоялся азардныхъ игръ, потому-что не могъ ничего потерять, онъ однако-жъ, пріобрѣтая, хотя-бы даже то, чего жаждало сердце, непремѣнно хотѣлъ выигрывать. Онъ имѣлъ натуру положительную, вполнѣ подчиненную глубоко разчетливому разсудку.

Иванъ Егорычъ желалъ отъ души воспользоваться крайнимъ срокомъ, назначеннымъ Дунюшкѣ для замужества, но только при сотняхъ тысячъ ея тятеньки, что-бы, при посредствѣ этихъ сотень тысячъ выкупить свое заложенное имѣніе и прилично своему званію *льва* блеснуть между прочими львами.

Такимъ образомъ, Иванъ Егорычъ думалъ вывести свое имѣніе изъ сомнительнаго положенія на счетъ положительнаго срока, назначеннаго родителями Дунички. Геніальный расчетъ!

Но геніальность Фуфырчикова на этотъ разъ разбилась въ мелкія дребезги о гранитную натуру худенькаго человѣчка. Худенькій человѣчекъ, смекнувъ, что Иванъ Егорычъ думалъ было добраться до его тысячъ чрезъ Дуняшу, со злости закашлялся и прокашлялъ ровно два часа, до тѣхъ поръ, пока желчь не выступила на его глаза и дородная супруга не рѣшилась сама уладить все дѣло безъ всякаго ущерба карману.

Такъ какъ обѣ разновидныя половины порядочно сходились въ одномъ пунктѣ, именно—въ деньгахъ; то дородная половина худенькаго человѣчка пустилась на хитрости, и по причинѣ этихъ-то хитростей счастіе, подъ видомъ свахи Акулины Пафнутьевны, и посѣтило Ѳедора Максимыча.

Углаженный, умасленный ласковыми рѣчами и доводами свахи, Ѳедоръ Максимычъ рѣшился увидѣть Дуняшу, а увидѣвъ ее, не могъ не рѣшиться сочетаться съ нею законнымъ супружествомъ. Недѣлю видѣлъ онъ ее невѣстой, всегда закутанную въ богатую турецкую шаль, а по прошествіи недѣли увидѣлъ ее женою; а себя счастливымъ мужемъ, чуть не обожаемымъ дорогою женушкой, какъ величалъ онъ свою Авдотью Мироновну въ порывѣ бѣшеныхъ супружескихъ восторговъ.

Квартира Ѳедора Максимыча приняла довольно приманчивый, даже немного нарядный видъ. О преобразованіи своего жилища Ѳедоръ Максимычъ позаботился до женитьбы. Вступая въ богатое родство, онъ въ надеждѣ будущихъ благъ, вышелъ въ отставку, анаулучшенія по своему не затѣйливому хозяйству, онъ занялъ тутъ и тамъ порядочныхъ денжонокъ и назначилъ сроки расплаты тотчасъ послѣ медоваго мѣсяца, надѣясь въ это время вскрыть золотую шкатулку, которою, какъ полагалъ, нѣжный родитель въ день свадьбы благословитъ свою милую дщерь. Но мы уже видѣли, что маменька Дуничьки взялась устроить все безъ особеннаго ущерба своей казнѣ, и она сдержала слово. Отецъ гуртомъ отпустилъ всѣ тряпки и перины своей дочери, безъ излишнихъ прилагательныхъ.

Ѳедоръ Максимычъ увидѣлъ, но довольно поздно, что ему

мягко стлали, да жестко было спать. Должки поочередно стали его жалить своими раскаленными иглами; а работа для двоихъ сама собою удвоилась. Утомляясь ежедневно внѣ дома занятіями, а дома требованіями пьявицъ, именуемыхъ кредиторами, онъ часто терялъ бодрость духа и только пламенный взглядъ, щедрая, роскошная улыбка жены могли окураживать его. И снова потъ лился обильно и былъ, можно сказать, промѣниваемъ на деньги; а деньги мѣнялись, или на шляпку, или на мантилью, или на бурнусъ, или на бахромку или на что—нибудь другое въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, утопая въ собственномъ потѣ, проливаемомъ для удовольствія жены и въ нѣгѣ супружескихъ наслажденій, Ѳедоръ Максимычъ почиталъ себя наисчастливѣйшимъ смертнымъ вообще и самымъ счастливымъ мужемъ въ особенности. Не будь только долговъ! Черезъ шесть съ половиною мѣсяцевъ супружества, счастіе Ѳедора Максимыча увеличилось по крайней мѣрѣ на поларшина: у его супруги родился сынъ. Какъ влюбленный, счастливый мужъ, онъ торжествовалъ этотъ день и не хотѣлъ замѣчать двусмысленныхъ улыбокъ господъ поздравляющихъ его съ новорожденнымъ.

Чтобы намъ смертнымъ, мало знакомымъ съ счастіемъ, можно было вполнѣ понять блаженство счастливаго мужа, необходимо попристальнѣе приглядѣться къ его жизни.

Ѳедоръ Максимовичъ, какъ человѣкъ дѣловой, поднимался съ ложа въ шесть часовъ; натягивалъ на плеча халатъ и заставлялъ кухарку чухончу протрезвиться, какъ говорятъ г.г. поэты, отъ хмѣля, произведеннаго макомъ щредро насыпаннымъ господиномъ Морфеемъ. Кухарка, при помощи воды, продравъ красные и гнойные глаза, тотчасъ же принималась за самоваръ; обильно наливала его водою, не скупо наполняла трубы его сырыми угольями и пылающей берестой; далѣе прибѣгала къ силѣ своихъ легкихъ, натуживала свою тощую грудь и воздухъ, шипя, хрипя въ ея горлѣ, стремительною струею несся въ самоварную трубу, шевелилъ сырые уголья, заставлялъ ихъ трещать и огненнымъ фонтаномъ лить искры прямо въ лицо виновницы своего безпокойства.

Самоваръ затягивалъ свою обычную пѣсню, кухня и комнаты наполнялись обычнымъ дымомъ.

Отъ 6½ часовъ до 8 въ квартирѣ Ѳедора Максимовича царствовала тишина. Скрыпъ пера Ѳедора Максимовича, пискъ бѣднаго самовара, храпящіе вздохи кухарки, легкій бредъ Авдотьи Мироновны, по моему мнѣнію не такъ сильны, чтобы могли нарушить тишину въ квартирѣ счастливаго мужа.

Наконецъ самоваръ успокоивается на столѣ, какъ дѣдъ-вор-

кунъ между малютками чашками и молочниками. Ѳедоръ Максимычъ кладетъ перо за ухо, встаетъ со стула и съ осторожностію кошки крадется въ комнату, гдѣ покоится его жена. Бросивъ нѣжный взглядъ на колыбель, онъ останавливается у кровати, любуется своей супругой и раздумываетъ, — какимъ бы поцѣлуемъ пріятнѣе разбудить ее: страстно-пламеннымъ или тихо-нѣжнымъ; и наконецъ, увлеченный силою страстной своей натуры, дарить ей пламенно-неистовый поцѣлуй и въ тоже время перомъ, которое торчитъ изъ за уха, кладетъ на розовую ея щечку очень изящный чернильный клаксъ, въ родѣ мушки.

Обожженная, по выраженію романистовъ, пламеннымъ поцѣлуемъ, и въ полномъ смыслѣ уколотая кончикомъ пера, какъ другой литтераторъ перомъ критика, Авдотья Мироновна вздрагиваетъ, просыпается и даритъ оторопѣвшаго мужа строгимъ взоромъ; но взглянувъ на колыбель, умилостивляется и томная улыбка оживляетъ ея лицо. Ѳедоръ Максимычъ нѣжно приподнимаетъ съ постели дорогую ношу. Во время этой буколической операціи перо выползаетъ изъ-за уха, граціозно падаетъ на полъ, трещитъ подъ ногами и дѣлается тѣмъ, чѣмъ только оно могло быть въ Аркадіи: ни къ чему негоднымъ соромъ.

Такъ проходило утро вседневной жизни Ѳедора Максимовича. О днѣ, вечерѣ, и дальнѣйшемъ времени нечего и говорить; блаженство, еще блаженство и сверхъ того блаженство — въ самыхъ упоительныхъ пріемахъ! Летѣли дни, проходили мѣсяцы, тянулись годы. Каждый годъ супруга Ѳедора Максимовича приносила ему новый залогъ счастія, сперва крикливый, потомъ плаксивый, и наконецъ шаловливый. Онъ таялъ отъ родительской нѣжности и заботъ, чтобы въ полномъ довольствѣ содержать свое семейство: доставлять женѣ необходимыя принадлежности моды и необходимое количество солдатиковъ и барабановъ своему потомству.

Но и въ это счастливое время встрѣчались съ Ѳедоромъ Максимычемъ тяжелыя минуты. Такова участь человѣка! Однажды счастливый мужъ, отправляясь по дѣламъ въ обычные девять часовъ, забылъ дома какую-то бумагу и воротился назадъ. Войдя въ свою комнату, онъ поблѣднѣлъ, покраснѣлъ, задрожалъ и едва устоялъ на ногахъ; въ комнатѣ сидѣлъ его другъ-покровитель, глазъ на глазъ съ его женою, бывшей еще въ довольно нецеремонномъ костюмѣ. Ревность закипятила бурливую кровь Ѳедора Максимыча. Но жена была спокойна и встрѣтила его взоромъ, полнымъ неожиданнаго удовольствія.

— Другъ мой! говорила она. Какъ я рада, что тебя уважаютъ такія почтенныя особы, какъ Иванъ Антонычъ. Представь себѣ,

вѣдь они пришли посовѣтоваться съ тобою объ какомъ-то важномъ *дѣлѣ*; поблагодари же нашего истиннаго друга за такую аттенцію и оказанную тебѣ честь.»

Слезы радости приступили къ глазамъ счастливаго мужа; но онъ скрылъ ихъ, разсыпался въ благодарностяхъ передъ покровителемъ, оказывающимъ ему такую аттенцію и потомъ съ восторгомъ поцѣловалъ жену, при чемъ покровитель сдѣлалъ гримасу, выражавшую такъ сказать, слѣдующую мысль: «Ну, ужъ это лишнее, можно бы и не цѣловаться при людяхъ!»

Чрезъ восемъ лѣтъ супружеской жизни Ѳедоръ Максимычъ порядочно согнулся подъ бременемъ пріятныхъ семейныхъ заботъ; грудь его поразстроилась, онъ началъ подозрительно кашлять.

— Недолго, говорили его знакомые, промаячится нашъ Ѳедоръ Максимычъ; а жаль, право жаль; пожалуй оставитъ вдову красавицу съ семью малолѣтными птенцами. Впрочемъ чтожъ? прибавляли они успокоительно: у ней есть отецъ богатый; найдутся пожалуй и женихи!»

Когда настало такое время, что Ѳедоръ Максимычъ для поддержанія семейства долженъ былъ чуть не разучиться ѣсть и спать отъ усиленныхъ трудовъ, сметрь сразила сначала худенькаго человѣчка съ бородкой, а потомъ и толстую его половину.

Ѳедоръ Максимычъ, или правильнѣе, Авдотья Мироновна наслѣдовала пять-сотъ тысячь наличнаго капитала, кромѣ вышеупомянутаго дома и богатой дачи. Авдотья Мироновна разпорядилась сперва такъ, чтобъ весь родительскій капиталъ оставался, въ полномъ смыслѣ слова, въ ея рукахъ. Далѣе она обратилась къ мужу съ слѣдующею рѣчью:

— Душечка! ты такъ много трудился для счастія своего семейства, что я, право, не смѣю и не хочу тревожить тебя новыми заботами по хозяйству. Пора и отдохнуть. Все, что до дома касается, предоставь уже въ мое распоряженіе!

Ѳедоръ Максимычъ хотѣлъ что-то возразить; онъ можетъ быть, понималъ, что при обиліи банковыхъ билетовъ, распоряжаться хозяйствомъ не совсѣмъ тяжко и скучно. Но пламенный поцѣлуй жены наложилъ на уста его печать молчанія, а страстное объятіе прервало его голосъ на самыхъ первыхъ звукахъ откашливанія.

Насталъ, можно сказать, второй періодъ счастія Ѳедора Максимыча; мечты его молодости осуществились отчасти; его жена была хороша, какъ фея, и обладала дворцомъ въ три этажа и сверьхъ многихъ прелестей владѣла достоинствомъ-порядочнаго капитала. Ѳедоръ Максимычъ пересталъ трудиться, и занимался

дѣлами не для того, чтобъ имѣть средства къ существованію; а болѣе по привычкѣ, или какъ онъ выражался — собственно для *блезиру*.

Авдотья Мироновна выказала свои хозяйственныя способности въ самомъ яркомъ свѣтѣ. Она заняла отличную квартиру, запаслась мебелью Гамса, парой лихихъ лошадей, моднымъ экипажемъ, богатѣйшимъ туалетомъ и блистала во всѣхъ возможныхъ кругахъ общества кометою съ пестрымъ хвостомъ, состоящимъ изъ блондиновъ и брюнетовъ. Мужъ любовался женой и толстѣлъ отъ удовольствія; онъ пересталъ сухо кашлять и только изрѣдка страдалъ удушьемъ.

Хотя Ѳедоръ Максимовичъ имѣлъ свой экипажъ, но блеснуть имъ счастливому мужу удавалось очень рѣдко. Эти случаи встрѣчались тогда только, когда Авдотья Мироновна ожидала въ своемъ будуарѣ или которую нибудь изъ своихъ пріятельницъ, или визита какого нибудь свѣтскаго галантома, самаго отборнаго тона и самой отмѣнной любезности. Но до этихъ частностей намъ, людямъ не совсѣмъ любопытнымъ, нѣтъ никакого дѣла.

Въ этотъ блаженнный періодъ своей фортуны, Ѳедоръ Максимовичъ не разъ вставалъ, такъ сказать, на цыпочки гордости. Приведу примѣръ. Однажды, отягчивъ карманъ свой серебрянымъ рублемъ, назначеннымъ на то, чтобы выпить и закусить парочкой Излеровыхъ разстрегаевъ, счастливый мужъ, по причинѣ хорошей погоды, рѣшился прогуляться пѣшкомъ. Скромно зѣвая по сторонамъ, онъ не могъ не замѣтить блестящей коляски, несомой мимо его парой гнѣдыхъ жеребцовъ и не могъ не узнать въ коляскѣ своей жены. Лошади горячились; коляска, прыгая по мостовой, граціозно покачивалась и баюкала томную Авдотью Мироновну, какъ Венеру въ раковинѣ, влекомую по волнамъ парой лебедей. Ѳедоръ Максимовичъ глядѣлъ во всѣ глаза; ему показалось, что жена привѣтствуетъ его страстнымъ взоромъ и упоительной улыбкой; онъ съ восторгомъ снялъ передъ ней шляпу. Но въ тоже время и *левъ*, который шелъ впереди счастливаго мужа, не оставался безъ дѣла, онъ бойко крутилъ усъ, и, рисовался, можно сказать, такъ, что хоть сейчасъ его на картину Гораса Верне.

— Напрасно, братъ, переминаешься съ ноги на ногу; думалъ счастливый мужъ. Не вашего поля ягода, не по ловцу звѣрь.. здѣсь опалишь усы: это вѣдь примѣрнѣйшая жена и женщина. Между тѣмъ, завистливая молодежъ изъ пріятелей льва думала и говорила объ этомъ иначе и по своему; но намъ, чтобы не

противорѣчить очастливому мужу, всего приличнѣе умолчать объ этихъ толкахъ.

Но вотъ дѣтки, которыхъ такъ дорого цѣнилъ Ѳедоръ Максимычъ, подросли и, подъ руководствомъ гувернантки-француженки, ушли довольно далеко въ умственномъ образованіи; они лепетали по французски, какъ барченки умненько разшаркивались, съ чувствомъ танцовали и очень равнодушно ѣли сласти во всѣхъ возможныхъ видахъ.

Воспитаніе находилось рѣшительно въ рукахъ Авдотьи Мироновны, вліяніе же Ѳедора Максимыча на дѣтей ограничивалось только тѣмъ, что онъ могъ кормить ихъ мороженымъ, конфектами и даже вяземскими пряниками и орѣхами, о которыхъ впрочемъ Авдотья Мироновна отзывалась съ высоты своего теперешняго величія съ нѣкоторымъ явнымъ пренебреженіемъ, почти всегда замѣчая мужу въ подобныхъ случаяхъ: «фи! Ѳедоръ Максимычъ! опять ты натащилъ этихъ купеческихъ гостинцевъ! Какой мове-жанръ!« На это счастливый мужъ-плебей дерзалъ только отвѣтить: «Чтожъ, Фифочка! и коврижки имѣютъ свою пріятность, по крайности зубовъ не портятъ!» Супруга-аристократка стягивала губки въ кислую улыбку, мужъ-плебей приводилъ свои скулы въ пріятно-ласковое ухмыленіе и тѣмъ семейное несогласіе касательно пряниковъ и орѣховъ ограничивалось.

Ѳедоръ Максимычъ и не замѣтилъ, какъ дряхлость, именуемая почтенною старостью, усѣлась у него на плечахъ и растянулась по всѣмъ составамъ его пятидесяти-лѣтняю органиама.

Старость-вещь очень почтенная, она сѣда, какъ лунь, она опытна потому только, что достигла до безсилія безпрерывными и долгими обманами и разочарованіями; она никого не осуждаетъ, потому что ни за чѣмъ не слѣдитъ, ни въ чемъ не принимаетъ теплаго участія, потому-что глаза ея слабы и она мало видитъ. Старость постоянна и положительна, потому что до гроба сожалѣетъ объ утратѣ молодости и о своемъ старомъ времени, которое, по ея мнѣнію, всегда лучше новаго. Старость воркунья на тощахъ, но всегда молчалива послѣ обѣда; она любитъ подремать, въ ожиданіи, пока ея желудокъ справится съ питательными веществами. Препочтенная вещь-старость!

Къ этой препочтенной вещи потихоньку подвигалась и Авдотья Мироновна; роковой для женщинъ пятый десятокъ лѣтъ повисъ надъ нею Дамокловымъ мечемъ: врожденныя женщинамъ претензіи на вѣчную молодость и красоту, становились немощными, даже при всѣхъ пособіяхъ косметическаго искусства; наслѣдственная комплекція мамаши образовала изъ фигуры ея до-

вольно правильный овалъ, въ родѣ продолговатой дыни – канталупки. Живость глазъ Авдотьи Мироновны изчезла, и уступила мѣсто стекловидному глянцу, сквозь который нельзя было распознать прежняго взгляда, остраго, жгучаго, доходящаго до сердца, зажигающаго кровь. Движенія Авдотьи Мироновны изъ легкихъ, граціозно – округленныхъ, сдѣлались тяжелыми и угловатыми; въ этой овальной массѣ жира, въ этой желто – морщинистой оболочкѣ не было и тѣни – ни прежней, наивной Дунюшки, ни прежней блистательной Авдотьи Мироновны. Увы! Въ удѣлъ ея оставался одинъ только шансъ *интересности*, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ женщины, борющіяся съ усиліями времени, — *болѣзненность*, подъ видомъ которой можно легко скрыть пораженія, наносимыя лѣтами. И Авдотья Мироновна постоянно прихварывала, постоянно лечилась и жаловалась на разныя недуги, очень ловко приписывая имъ разныя перемѣны въ своей внѣшности. Такъ напримѣръ–неумѣстныя сѣдины происходили отъ мигреней; тяжесть движеній отъ разслабленія нервъ, шароховатости лица — отъ остроты крови, мертвизна глазъ — отъ неотвязчиваго насморка и такъ далѣе. На все были свои причины. Отнимите у Авдотьи Мироновны всѣ эти недуги — и она опять *царь–дѣвица*, неуязвлямая Минерва во всеоружіи молодости и красоты. По несчастію, небыло между знаменитостями нашего медицинскаго факультета человѣка, довольно знающаго и ловкаго на такую операцію. И это составляло постоянную и единственную причину жалобъ Авдотьи Мироновны.

Но, между тѣмъ, пока эта комедія разыгрывалась ею передъ глазами свѣта, внутренній червякъ истины — физическое сознаніе, точилъ ея сердце, и вслѣдствіе того, по перемѣнѣ наружности, измѣнялась и внутренняя сторона Авдотьи Мироновны; шумъ удовольствій уже не увлекалъ ее, она перестала принимать гостей и сосредоточилась на домашней хозяйственной жизни и на обязанностяхъ матери–баловницы дѣтей.

Съ ранняго утра до поздняго вечера отъ дверей кухни до спальни звонкою трелью разливался голосъ Авдотьи Мироновны; она, кажется, не имѣла времени даже осипнуть; то кричала она на неповоротливую кухарку, то бранила плута – лакея, то расправлялась съ лѣнивой горничной, то угрожала пьяницѣ – кучеру, то отъ бездѣлья, гремѣла и надъ Ѳедоромъ Максимычемъ. А онъ, предоставленный самому себѣ, безъ заботъ и безъ хлопотъ, сроднившись съ крикомъ супруги, наслаждался полнымъ спокойствіемъ, котораго жаждала его старость. Дѣти — плодъ пламенной любви, вышли, какъ говорятъ, изъ пеленокъ и изъ не-

винныхъ птенцовъ обратились въ модныхъ львовъ и онагровъ, самаго новѣйшаго фасона: въ шестнадцать лѣтъ преисправно обѣдали у знаменитѣйшихъ ресторановъ, тянули шампанское, затягивались папиросами Морне и громко вызывали въ театрѣ второстепенныхъ танцовщицъ и рѣшительно произносили приговоры о высокихъ дарованіяхъ г-жи Самойловой 1. и г г. Каратыгиныхъ.

Впрочемъ, Ѳедоръ Максимычъ не жаловаться на безпокойство, причиняемое дѣтьми; онъ видѣлъ ихъ только два, много три раза въ недѣлю. Въ самомъ дѣлѣ прекраснымъ молодымъ людямъ не сидѣть же съ дряхлымъ старикомъ — отцемъ; не толковать съ нимъ о старинѣ, не слушать сентенцій: имъ нужны развлеченія, удовольствія, наслажденія, свойственныя ихъ возрасту.

Авдотья Мироновна со своей стороны не щадила ничего, чтобы дѣти ея, и въ особенности старшій сынъ, первенствовали въ шумныхъ кружкахъ избранныхъ ими друзей отмѣннаго тона. Такъ спокойно и мирно текла старость счастливаго мужа; съ улыбкою, подъ часъ и очень невыразительною, поглядывалъ онъ на Божій міръ. Но ни лазурное небо, подернутое золотымъ блескомъ солнечнаго луча; ни кровавый свѣтъ молніи, ни свистъ бури, ни шумъ деревъ, ни весенній расцвѣтъ природы, однимъ словомъ, ничто въ Божьемъ мірѣ, что воспламеняетъ молодое воображеніе, что заставляетъ дрожать юное сердце, что пріятно раздражаетъ свѣжіе нервы, не плѣняло и не трогало Ѳедора Максимыча такъ, какъ трогалъ его запахъ бараньяго бока съ фаршемъ или вкусно изготовленнаго сальника; для счастливаго мужа весь міръ заключился въ устрицахъ—весною, въ икрѣ различнаго рода—осенью, въ вестфальскихъ окорокахъ и привозныхъ колбасахъ–зимою, однимъ словомъ въ разнообразіи всѣхъ возможныхъ холодныхъ и жаркихъ.

При такомъ взглядѣ на жизнь, счастливый мужъ дотянулся до шестидесяти лѣтъ. Въ это время организмъ его, въ слѣдствіе постояннаго неумѣреннаго питанія, въ одно прекрасное утро заскрипѣлъ, крякнулъ и согнулся: его ударилъ параличь.

Ѳедоръ Максимычъ пересталъ дѣйствовать правою рукою и ногою, пересталъ владѣть съ избыткомъ языкомъ и слышать. Все вокругъ для него умерло, даже до жалости къ его немощамъ. Горько было смотрѣть на полуживаго Ѳедора Максимыча, когда онъ, при видѣ старыхъ знакомыхъ, невнятно залепечетъ, какъ ребенокъ; тяжко было, очень тяжко–глядѣть на слезы безсилія, текущія изъ тусклыхъ глазъ по морщинистому его лицу.

Авдотья Мироновна не могла выносить такого печальнаго зрѣлища; ея нервы слишкомъ поражались при этомъ видѣ и она, съ величайшимъ усиліемъ, рѣшалась посѣщать своего мужа толь-

ко однажды въ нелѣлю, если только домашнія заботы или болѣзнь не удерживали ее отъ этаго набожнаго исполненія супружеской нѣжности.

«Какая тоска!» говорила Авдотья Мироновна. «Страдать такъ, какъ страдаетъ бѣдный Өедоръ Максимычъ—невыносимо! О, Боже мой! ужъ лучше бы онъ умеръ! душѣ было-бы легче!»

И облегченіе это скоро воспослѣдовало: Өедоръ Максимычъ умеръ и, умирая, имѣлъ случай въ страшныхъ вопляхъ и обморкахъ своей супруги почерпнуть полную увѣренность въ своемъ супружескомъ счастіи до гроба. Счастливый мужъ!

—

ВОСПОМИНАНІЕ АКТРИСЫ

Луизы Фюзи.

—

Глава XXIV.

Къ числу нелѣпостей времени, мною описаннаго, принадлежатъ домовые осмотры; они сопровождались иногда презабавными сценами. Однажды, наряженные городскимъ правленіемъ члены, явились къ дѣвицѣ Арну, и нашли у нея бюстъ Марата, который артистка употребляла вмѣсто болвана для своихъ головныхъ уборовъ.

— А, у тебя водится Маратъ, видно, ты добрая патріотка! сказалъ одинъ изъ досмотрщиковъ.

Эти осмотры производились по ночамъ, и можно себѣ вообразить, какъ всѣ спѣшили истреблять до послѣдняго клочка бумаги, который могъ бы возбудить подозрѣніе. У меня было множество пѣсенъ, писанныхъ въ болѣе счастливыя времена, когда никому въ голову не приходило, что они могутъ повлечь на гильотину. Я ихъ достала во время пребыванія своего въ Турнѣе, но какъ я во всю жизнь была вѣтренницею и неряхою, то нѣкоторыя изъ нихъ сохранились.

Однажды я только-что легла спать, вдругъ эти господа явились ко мнѣ для осмотра, я встала и отворила свой письменный столъ. Они прочитали письма моего мужа, бывшаго въ то время при республиканской арміи; потомъ тщательно осмотрѣли каждый клочекъ бумаги, проткнули всѣ стулья и даже тюфяки желѣзными иглами. Не нашедъ, однакоже, ничего подозрительнаго,

они пожелали мнѣ доброй ночи, и вышли. На слѣдующее утро я хотѣла прибрать разбросанныя бумаги, и первое, что попало мнѣ на глаза, была пародія на извѣстную пѣсню о *бѣдномъ Яшѣ*, за которую меня непремѣнно потянули бы къ революціонному суду. Не знаю, какимъ чудомъ она была оставлена безъ вниманія.

Не смотря на это тревожное состояніе, друзья и знакомые любили сходиться, чтобы потолковать объ опасаніяхъ, которыя слишкомъ часто сбывались. Расходясь вечеромъ, пріятели не могли ручаться, что увидятся на слѣдующій день; и тѣснясь другъ къ другу, они съ большимъ мужествомъ ожидали грозы. Видя всѣхъ окружающихъ въ той же тревогѣ, каждый свыкался съ нею, и подчасъ, увлекаясь какою то лихорадочною веселостью, смѣялся надъ смертью, на краю погибели. Такъ, на-примѣръ, почти во всѣхъ обществахъ пародировался революціонный судъ, чтобы приготовиться смѣло предстать передъ него. Мы распредѣляли роли и дѣлали репетиціи у Тальмы. Роль предсѣдателя занималъ огромный водолазъ *Добрякъ;* бѣдняжку очень обижала эта роль, ибо это было самое кроткое и доброе существо въ мірѣ; онъ впрочемъ исполнялъ ее очень удовлетворительно. Когда слѣдовало кого либо приговорить къ смертной казни, Добряку щипали ухо или хвостъ и заставляли его лаять, что значило: «на гильотину». Эта забота была возложена на Маркенну, благороднаго испанца пріѣхавшаго во Францію, какъ въ страну свободы и счастія; но страна свободы и счастія стала преслѣдовать его, какъ друга Жирондистовъ. Онъ былъ очень дружень съ Сукомъ и съ Ріуфомъ котораго веселость не измѣнялась даже въ то время, какъ онъ былъ увѣренъ, что съ часу на часъ придется ему сложить голову. Маркенна и Ріуфъ выпросили позволеніе остаться на свободѣ, подъ присмотромъ жандарма, не отходившаго отъ нихъ ни на шагъ; это позволеніе давалось довольно легко, потому что бѣжать или укрыться было невозможно.

Ріуфъ волочился за всѣми женщинами, онъ увѣрялъ, что къ человѣку, почти приговоренному къ смерти, ни одна женщина не можетъ быть жестока, потому что это дѣлаетъ его очень интереснымъ, и что любовное объясненіе подъ надзоромъ жандарма, — вещь очень оригинальная. Если онъ и встрѣчалъ иногда жестокихъ, за то всѣ принимали въ немъ участіе. Я не могла не хохотать надъ всѣми его дурачествами, но мнѣ больно было смотрѣть на его веселость. Разъ онъ упросилъ меня идти съ нимъ въ театръ, гдѣ давались однѣ пантомимы; мы вошли, въ сопровожденіи неотлучнаго жандарма.

— Голубушка, сказалъ онъ придверницѣ, отворявшей ему ложу, мы молодые люди, давшіе тягу изъ родительскаго дому, чтобы идти въ театръ, посадите же насъ какъ нибудь этакъ, не слишкомъ на виду.

Вскорѣ за тѣмъ его посадили въ тюрьму Консьержери, къ счастью это было не задолго до девятаго термидора. Тамъ то онъ написалъ *«Записки узника»*.

Въ маѣ мѣсяцѣ вышелъ знаменитый декретъ о признаніи верховнаго существа и безсмертія души. Каждый артистъ, сколько нибудь пользовавшійся уваженіемъ, долженъ былъ принадлежать къ музыкальному Институту, состоявшему на иждивеніи правительства, и по этому участвовавшему во всѣхъ національныхъ торжествахъ. Одна болѣзнь спасла меня отъ участія въ празднествѣ въ честь Марата. Въ главѣ Института были Шенье, Давидъ, Мегюль, Лесюэръ, Госсекъ, и множество другихъ артистовъ и литераторовъ. Давидъ сочинялъ планы, костюмы, программы, завѣдывалъ всѣмъ ходомъ торжества. Лесюэръ, и въ особенности Мегюль, сочиняли гимны, которые мы должны были пѣть. Торжество въ честь верховнаго существа было безспорно самымъ великолѣпнымъ изъ всѣхъ праздниковъ того времени. На террасѣ Тюильрійскаго дворца была выстроена ротонда, выступавшая въ видѣ амфитеатра. Съ обѣихъ сторонъ были лѣстницы, на ступеняхъ которыхъ разставлены были по двѣ женщины, пѣвшія гимны въ честь верховнаго существа. Онѣ были всѣ въ бѣлыхъ, греческихъ тюникахъ, съ перевязью на груди, съ розовыми вѣнками на головѣ и корзиною розъ въ рукахъ. Этотъ однообразный костюмъ производилъ чудный эффектъ. Впереди ротонды находился многочисленный оркестръ, состоявшій изъ всѣхъ лучшихъ артистовъ столицы, подъ управленіемъ Лесюэра. Члены Конвента, въ торжественныхъ мундирахъ, сидѣли на балконѣ. Напротивъ стояла статуя атеизма; Робеспьеръ поднесъ къ ней фитиль, и она разлетѣлась фейерверкомъ. На мѣстѣ ея явилось изображеніе разума, закопченное огнемъ атеизма и фанатизма. Этотъ декораціонный фокусъ не имѣлъ большаго успѣха. Затѣмъ, вся процессія отправилась на Марсово поле, едва не падая отъ зноя и усталости. Взобравшись на вершину горы, мы остановились подъ деревомъ, и пропѣли еще нѣсколько гимновъ. Торжество кончилось очень поздно. Мы смертельно проголодались, Тальма и Давидъ съ трудомъ отыскали намъ кой-чего поѣсть, но мы для этого должны были прятаться, потому что это показалось бы Робеспьеру слишкомъ прозаическимъ. Онъ, стоя на вершинѣ горы, воображалъ, что мы должны быть сыты отъ од-

нихъ ѳиміамо-куреній. На слѣдующій день разнесся всюду слухъ, будто тутъ Бурдонъ шепталъ Робестьеру: «помни, Робестьеръ, что Тарпейская скала близка къ Капитолію.»

На этомъ торжествѣ я въ первый разъ видѣла вблизи этого депутата, предъ которымъ дрожалъ цѣлый народъ. Въ другой разъ видѣла я его въ тотъ день, какъ жители Парижа обѣдали на улицѣ. Онъ остановился съ кѣмъ-то говорить, и казалось, былъ не въ духѣ; ему по видимому не нравилась эта смѣшная трапеза, придуманная парижскою Общиною. За то, къ нашей всеобщей радости, насъ недолго держали за столомъ. За кулисами театра Республики мнѣ не случилось видѣть Робеспьера, хотя я читала гдѣ-го, что онъ бывалъ тамъ каждый день.

Наконецъ, грозный Комитетъ Общественной Безопасности сталъ возбуждать опасенія даже въ самыхъ отчаянныхъ демократахъ. Любопытно было наблюдать, какъ броженіе умовъ отражалось на публикѣ театровъ. Восьмаго термидора, въ тотъ день, какъ прочіе члены комитета возстали на Робестьера, давали трагедію Легуве: *Эпихариду и Нерона*, въ которой игралъ Тальма. Въ этой пьесѣ многіе стихи невольно прилагались къ современнымъ событіямъ. По волненію зрителей можно было угадать, что они не упускали ни одного намека, хотя страхъ былъ еще слишкомъ силенъ, и не дозволялъ имъ явно высказать свои мысли; въ одномъ только мѣстѣ, когда глава мятежниковъ зоветъ колеблющихся соумышленниковъ на Форумъ, чтобы въ глазахъ всего народа обвинить Нерона, буря рукопласканій потрясла всю залу; но это была одна мгновенная вспышка, она тотчасъ же затихла и страхъ опять оковалъ всѣхъ безмолвіемъ могилы, до самаго окончанія спектакля. На слѣдующій день опять давали ту-же пьесу; но въ этотъ день совершилось великое событіе, которое свалило камень съ сердца каждаго и бурныя рукоплесканія прерывали актеровъ почти на каждомъ стихѣ, такъ, что представленіе затянулось до втораго часу ночи.

Съ паденіемъ Робеспьера, мгновенно разсѣялось всеобщее оцѣпенѣніе, все ожило; всѣ тюрьмы отворились, всѣ лица прояснились. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ почувствовали потребность погулять, стряхнуть съ себя послѣдніе слѣды мрачной парижской атмосферы; повидаться съ отсутствующими родственниками и друзьями, пересчитать оставшихся въ живыхъ. Въ особенности привлекала многихъ Италія; потому что большая часть городовъ Италіи была занята французскими войсками, изгнанники толпами удалялись туда и вступали въ военную и гражданскую слу-

жбу. Мало по малу Парижъ опустѣлъ; остались только тѣ, кому званіе или занятія не позволяли выѣхать.

Къ этому времени принадлежитъ начало охлажденія Тальмы къ женѣ. Съ каждымъ днемъ возвращался онъ позднѣе домой, даже въ тѣ вечера, когда онъ не игралъ въ театрѣ; часто, когда у нихъ бывали гости, его тщетно ждали къ обѣду. Юлія всегда находила ему извиненіе.—« Онъ чувствуетъ потребность развлеченія послѣ всѣхъ тревогъ и опасностей, которыя мы пережили.»— Бѣдняжка была спокойна и довѣрчива, и не предвидѣла ожидавшей ее участи; но я, видѣвшая, какъ онъ ухаживалъ за одною хорошенькою особою, которую онъ отбилъ у пріятеля своего Миньо, и въ которую былъ влюбленъ по уши, я не раздѣляла ея довѣрчивости. Я часто разсуждала объ этомъ съ Сукомъ; но мы оба старались скрыть свои опасенія отъ Юліи, ибо знали, что одна эта мысль отравила бы всю ея жизнь, и что надо было обманывать ее, чтобы не лишить спокойствія и счастія. Къ тому же мы думали, что эта любовь одна преходящая прихоть: Тальма былъ слишкомъ преданъ своему искуству, чтобы на долго отдаться любви; онъ это намъ уже доказалъ съ дѣвицею Дегарсенъ. Едва прошла новизна пьесы, простыла и любовь его къ очаровательной Дездемонѣ.

—

Глава XXV.

За Терроризмомъ послѣдовала не менѣе ужасная реакція; но она распространилась болѣе по департаментамъ, по дорогамъ и селамъ; а въ Парижѣ выразилась только въ дурачествахъ такъ называемаго *Фреронoвскаго золотаго юношества;* поэтому она мало безпокоила насъ въ столицѣ.

Фреронъ былъ депутатъ изъ партіи монтаньяровъ, онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Тальеномъ въ Бордо, и нисколько не отличался человѣколюбіемъ. Однакоже онъ изъ первыхъ поднялъ руку на Робеспьера, когда ему самому стала угрожать опасность. Послѣ паденія Робеспьера, Фреронъ сдѣлался центромъ, около котораго тѣснилась вся молодежь, задумывавшая свои битвы въ кофейняхъ, и приводившая ихъ въ исполненіе въ театрахъ, на улицахъ и въ частныхъ домахъ. Луве, депутатъ изъ партіи Жирондистовъ, какимъ то чудомъ избѣжавшій участи своихъ единомышленниковъ, не могъ избѣжать мести этихъ господчиковъ, за сочиненную имъ пѣсню Marseillaise.

Я еще не знала Луве; хотя онъ былъ очень друженъ съ Тальмою, мнѣ ни разу не случалось видѣть его у Юліи. Всѣмъ извѣстно, сколько шуму надѣлалъ его романъ *Фобласъ*; ни одна молодая женщина не посмѣла бы сознаться, что она его читала, но за то всѣ ходили смотрѣть на заимствованную изъ него оперу *Лодоиску*. Я представляла себѣ автора премилымъ кавалеромъ, паркетнымъ щеголемъ и любезникомъ. Однажды, это было въ 1744 году, была я съ Юліею Тальмою у госпожи Кондорсе; зашла рѣчь о Луве и его новой брошюркѣ, въ которой онъ разсказывалъ, какъ былъ спасенъ отъ гильотины стараніями и преданностью женщины, которую онъ называлъ Лодоискою, и на которой онъ изъ благодарности женился. Я достала эту брошюрку, и прочитала ее съ восторгомъ. Читая чью либо исторію, мы обыкновенно представляемъ себѣ героя ея въ самыхъ очаровательныхъ чертахъ. Такъ и я воображала себѣ Фобласа остепенившимся, посвятившимъ себя на службу отечеству, а Лодоиску великодушною красавицею. Эти образы придавали еще болѣе прелести книгѣ. Я разсказала Юліи, какъ завлекъ меня разсказъ и какъ бы я желала встрѣтить гдѣ нибудь Луве и его жену; но не сказала ни слова о томъ, какъ я ихъ себѣ представляла.

— Ничего нѣтъ легче, отвѣчала Юлія, они завтра обѣдаютъ у меня, и я сбиралась звать тебя.

Я съ радостью приняла приглашеніе и явилась очень рано, потому что нетерпѣніе видѣть моихъ героевъ не давало мнѣ покою. Когда о нихъ доложили, хозяйка пошла къ нимъ на встрѣчу, и я невольно послѣдовала за нею. Но каково было мое изумленіе, когда, вмѣсто созданнаго моимъ воображеніемъ Фобласа, предсталъ мнѣ маленькій, сухой человѣкъ, неловкій, неопрятно одѣтый. А прекрасная Лодоиска! . . . дурная, черная, рябая, съ ухватками кухарки. Я была такъ разочарована, что не вѣрила глазамъ, и жалѣла, что желаніе мое исполнилось.

Послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій и общихъ словъ объ устраненныхъ опасностяхъ, и о примѣрномъ мужествѣ и самоотверженіи г-жи Луве, Юлія представила меня прелестной четѣ.

— Вотъ, сказала она, одна изъ моихъ пріятельницъ, очень желавшая васъ видѣть; она читала трогательную повѣсть вашихъ бѣдствій, и перевела духъ только тогда, какъ увѣрилась, что вы спасены.

Луве слегка поклонился мнѣ, и взглянулъ на меня съ такою улыбкою, какъ будто хотѣлъ сказать: — Вѣрно думала увидѣть какого нибудь Фобласа! — Я увѣрена, что онъ замѣтилъ на лицѣ моемъ удивленіе и разочарованіе. Разговоръ опять обратился на го-

дину бѣдствій и скорби, и на изобрѣтательную хитрость, съ какою Лодоиска спасла несчастнаго отъ неминуемой смерти. Эта бесѣда примирила меня съ героями, ибо Луве былъ человѣкъ очень умный и почтенный, и жена его, не смотря на невзрачность своей наружности, была женщина не совсѣмъ обыкновенная. Вся бѣда состояла въ томъ, что мужъ сдѣлалъ изъ нея героиню романа и описалъ слишкомъ заманчивыми красками; еслибы онъ назвалъ ее просто мадамъ Луве́, она была бы трогательнѣе, и не подверглась бы незаслуженнымъ насмѣшкамъ.

Имѣя очень ограниченное состояніе, Луве вздумалъ завести книжную лавку, въ галлереѣ, бывшей тогда противъ Французскаго театра. Френоновская молодежь не забыла своей ненависти къ Жирондистамъ, и тотчасъ осадила лавку, отпуская остроты и двусмысленности на счетъ прекрасной Лодоиски. Госпожа Луве удалилась въ задніе покои; тогда толпа обратила свое неистовство на мужа, который ходилъ по лавкѣ, какъ разъяренный левъ въ клѣткѣ.

— Ну, спой же намъ Марсельезу, кричали они.

Съ бѣшенствомъ, тѣмъ сильнѣйшимъ, что онъ старался удержать его, бросился Луве къ дверямъ, и закричалъ презрительнымъ голосомъ.

— Que veut cette horde d'esclaves...

Это неожиданное мужество смутило толпу, но не на долго; оправившись, она опять принялась шумѣть и оскорблять несчастную жертву. Къ счастью, сосѣди призвали патруль, и она разсѣяла возмутителей спокойствія. Но Луве принужденъ былъ закрыть лавку, потому что подобныя сцены возобновлялись каждый день. По возвращеніи моемъ изъ Бордо, я узнала, что онъ умеръ, и что вдова его осталась въ крайней бѣдности; что съ нею было послѣ, я не знаю. За вооруженными разбойниками, грабившими проѣзжихъ по большимъ дорогамъ, послѣдовали такъ называемые *истопники*, о которыхъ новѣйшія сочиненія почти не упоминаютъ. Они заступили мѣсто отчаянныхъ республиканцевъ. Вооруженныя шайки утверждали, будто онѣ хотѣли вознаградить себя за утрату имѣній, отобранныхъ Конвентомъ; но большая часть ничего не могла потерять, потому что никогда ничего не имѣла, они просто хотѣли грабить и жечь. Разоряя жилища помѣщиковъ и мызниковъ, они не заботились о партіи, къ которой принадлежали хозяева. Тѣ, которые дѣйствительно лишились своихъ имуществъ во время революціи, были честные люди, и не искали подобныхъ вознагражденій; но во всѣхъ партіяхъ бываютъ всегда люди, пользующіеся софистическими предлогами для прикрытія сво-

ихъ корыстныхъ дѣйствій. Такъ, когда явились ассигнаціи, тотчасъ составилась компанія для выдѣлки фальшивыхъ ассигнацій, чтобы подорвать довѣріе къ настоящимъ. Множество людей распускали ихъ повсюду, подъ предлогомъ разорить республику, разорившую ихъ самихъ; но неужели они не понимали, что вмѣстѣ съ тѣмъ они разоряли частныхъ людей, которые нисколько не были виновны въ ихъ потеряхъ.

Вотъ приключеніе, случившееся около этого времени со мною, когда я была въ Лиллѣ. Отъ этого города очень не далеко до Турне́, принадлежавшаго тогда Австріи; до эмиграціи поѣздка туда считалась просто прогулкою; многіе Лильскіе жители имѣли даже свои дачи близь Турне́. Одинъ столбъ означалъ границу, и таможенная стража обращала вниманіе только на тѣхъ проѣзжихъ, у которыхъ она подозрѣвала товары. Лильская труппа часто давала въ Турне́ концерты и представленія. Многіе эмигранты еще были увѣрены, что имъ стоитъ только показаться у Парижскихъ заставъ, и ихъ примутъ съ распростертыми объятіями, какъ избавителей; имѣнья ихъ еще не были отобраны, и они сорили деньгами, какъ будто имъ конца не будетъ; притомъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ были такія средства добывать ихъ, которыхъ никто не подозрѣвалъ.

Коронація Германскаго императора привлекла въ Турне множество народу; заранѣе готовились концерты, балы, праздники. Я поѣхала туда съ одною товаркою; мы надѣялись найти квартиру, или, по крайней мѣрѣ, комнату въ томъ же домѣ, гдѣ обыкновенно останавливались; но пріѣхавъ, узнали, что во всемъ городѣ не было ни одного свободнаго угла; народу было столько, что многіе ночевали въ сараяхъ и конюшняхъ, и по всѣмъ корридорамъ, по всѣмъ дворамъ были разставлены накрытые столы. Мы уже думали не воротиться ли въ Лиль, какъ вдругъ встрѣтились съ двумя парижскими знакомками! Онѣ объявили, что живутъ съ мужьями, на небольшой дачѣ, у самого города, и предложили намъ провести у нихъ день, въ надеждѣ пріискать къ ночи квартиру; въ такихъ случаяхъ не церемонятся, и предложеніе ихъ была для насъ сущая находка. Мужъ одной изъ этихъ дамъ, г. Эгре, незадолго передъ тѣмъ пріѣзжалъ въ Лиль, былъ у меня, и открылъ мнѣ свое намѣреніе эмигрировать. Но какъ на границѣ всѣхъ обыскивали, и вывозъ денегъ былъ строго запрещенъ, то онъ просилъ меня зашить ему въ кушакъ колоду картъ, какъ онъ говорилъ; это было ничто иное, какъ тридцать двѣ тысячи франковъ ассигнаціями. Такая огромная сумма денегъ на такую ничтожную поѣздку могла внушить подозрѣ-

ніе, что онъ думалъ вступить въ армію Конде; поэтому я нисколько не удивилась, встрѣтивъ его жену въ Турнé. Они сказали мнѣ, что съ ними были другіе мои знакомые, шевалье Блондель и г.***, съ женою.

И такъ мы готовились провести день чрезвычайно пріятно. Этотъ шевалье Блондель былъ самый веселый, самый забавный человѣкъ, какого мнѣ удавалось видѣть. Послѣ обѣда дамы пошли гулять, а мужчины остались курить и играть на бильярдѣ. Не помню уже, какъ это было, но я съ своею товаркою зачѣмъ то воротилась домой; мы ошиблись лѣстницею и пришли во флигелекъ, котораго намъ не показывали. Дверь была только притворена; я вошла, и увидѣла на столѣ нѣсколько баночекъ и стклянночекъ съ черною и красною красками, и правильно нарѣзанныя бумажки. Сначала я подумала, что это приготовлено для рисованія, но подойдя ближе, я увидѣла ассигнаціи, частью только начатыя, частью уже готовыя. Я призвала свою товарку. Мы обѣ поблѣднѣли, какъ смерть, и не имѣли даже силы сообщить другъ другу свои подозрѣнія; мы бросились съ лѣстницы съ такою же поспѣшностью, какъ прекрасная Изора изъ тайной кладовой Рауля-Синей-бороды.

— Боже мой, пробормотала я наконецъ, гдѣ мы? это кажется одно изъ тѣхъ собраній, о которыхъ мы слышали, и которымъ не хотѣли вѣрить; что мы будемъ дѣлать? Если они узнаютъ, что мы проникали ихъ тайну, пожалуй, убьютъ, чтобы мы не выболтали. Намъ надо сейчасъ же ѣхать назадъ, потому что мы едва ли будемъ въ состояніи сохранить необходимое присутствіе духа, чтобы не выдать себя. Одно неосторожное слово, и они обо всемъ догадаются. Но какъ быть?.. уѣхать, не сказавъ ни слова, будетъ также подозрительно... я напишу записку.

— А что они подумаютъ?

— Пускай думаютъ, что хотятъ. Я скорѣе соглашусь ночевать на большой дорогѣ, чѣмъ оставаться здѣсь; притомъ въ обратный путь легче будетъ найдти лошадей, чѣмъ сюда.

Мы такъ и сдѣлали. Я написала, что боясь быть въ тягость хозяевамъ, мы рѣшились ѣхать назадъ, даже не простившись съ ними, чтобы не искуситься ихъ увѣщаніями. Я оставила эту глупую записку на столѣ, и мы отправились обратно въ Лиль, во весь опоръ, воображая безпрестанно, что за нами гонятся.

Когда мы были внѣ опасности, я вспомнила тридцать двѣ ассигнаціи, зашитыя мною въ кушакъ г. Эгре. Много времени спустя, узнала я, что онъ схваченъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Блонделемъ, и что оба отданы подъ судъ за дѣланіе фальшивыхъ ас-

сигнацій. Блондель, бывшій въ тюрьмѣ во время сентябрской рѣзни, очень хитро отдѣлался отъ бѣды. Онъ сказалъ рѣчь окружавшей его толпѣ, увѣрилъ ее, что онъ страдаетъ за правду и за ихъ права, и такъ хорошо провелъ ихъ, что они взяли его на-плеча и вынесли торжественно изъ тюрьмы. Онъ не ослѣпился этимъ торжествомъ и при первой возможности далъ тягу. Когда изъ арестантскихъ списковъ узнали, что онъ содержался за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, его хватились, стали повсюду искать, но уже было поздно. Женамъ была дана очная ставка съ господиномъ Эгре, но какъ онъ старался не впутывать ихъ въ дѣло, онѣ очень ловко вывернулись. Жена Блонделя, прехорошенькая и весьма умная молодая женщина, съ успѣхомъ оправдала себя и сестру. Всѣ трое успѣли скрыться въ Англію, одинъ Эгре заплатилъ за всѣхъ головою.

—

Глава XXVI.

Мужъ мой долженъ былъ ѣхать въ итальянскую армію, а я приняла предложеніе гостить на Бордоскомъ театрѣ. Но женщинѣ, въ то время, невозможно было разъѣзжать одной по большимъ дорогамъ, даже въ дилижансѣ; я не знала, что мнѣ дѣлать, какъ къ счастью своему, встрѣтила у одной знакомой негоціанта, сбиравшагося въ Ларошель; у него былъ свой экипажъ и онъ самъ искалъ попутчика на половинныхъ расходахъ. Мы тотчасъ сговорились, а какъ намъ предстояла опасность иногда не находить почтовыхъ лошадей, потому что онѣ безпрестанно отбирались для казны, то мы условились съ извощикомъ, который взялся поставлять намъ по дорогѣ перемѣнныхъ лошадей. Мы запаслись, сколько могли, съѣстными припасами, это было дѣло не легкое, потому что ихъ не только трудно было достать, но ихъ часто безъ церемоній отбирали у проѣзжихъ. Когда мы укладывались, спутникъ мой настаивалъ, чтобы я взяла съ собою свою гитару; мнѣ казалось, что это только лишняя забота.

— Почему знать, сказалъ онъ, намъ можетъ быть придется гдѣ нибудь долго ждать; она доставитъ вамъ развлеченіе.

Такъ-какъ футляръ занялъ бы слишкомъ много мѣста, ее просто повѣсили надъ головами; и въ самомъ дѣлѣ, она мнѣ послужила ко многому.

Пока мы были около Парижа, намъ трудно было добывать самое необходимое; но чѣмъ далѣе, тѣмъ оно становилось легче.

однакоже запасы наши начали приходить къ концу, и извощикъ посовѣтовалъ намъ ихъ возобновить, указывая на жилье, гдѣ мы могли найдти все нужное. Это была богатая, очаровательная мыза. Спутникъ мой вышелъ, чтобы поговорить съ хозяиномъ.

— У меня въ каретѣ, сказалъ онъ мызнику, дама, очень уставшая отъ дороги и отъ лишеній, съ которыми путь нашъ былъ до сихъ поръ сопряженъ.

— Посмотримъ, сказалъ мызникъ, вставая съ креселъ и подходя къ каретѣ.—Вамъ бы выдти, сударыня, и отдохнуть у насъ; покушайте свѣжихъ яицъ и хорошаго молока; это оправитъ ваши силы.

И онъ ввелъ меня въ обширную комнату, гдѣ было собрано все семейство. Ферма эта напомнила мнѣ фермы на театрѣ Комической Оперы, напримѣръ въ *Трехъ фермерахъ* Монвеля. Молодая женщина, свѣжая и румяная, кормила грудью ребенка; это была невѣстка. Старуха мать, двѣ молодыя дѣвушки, одинъ взрослый парень и нѣсколько маленькихъ дѣтей составляли семью. Старикъ отецъ былъ родомъ изъ Лангедока, и тотчасъ заговорилъ на Тулузскомъ нарѣчьи, которому я выучилась во время своего многолѣтняго пребыванія въ Тулузѣ. Мы опять заговорили; о трудностяхъ пути, о невозможности доставать самое необходимое и спросили, нельзя ли будетъ купить у нихъ припасы.

— Мы ничего не продаемъ, отвѣчалъ мызникъ; но если бы вамъ было угодно сыграть намъ пѣсенку на той штукѣ, что я видѣлъ въ каретѣ, не знаю, какъ она называется.....

— На гитарѣ?

— На гитарѣ, что-ли. Поиграйте намъ маленько, а я вамъ дамъ все, что понадобится на дорогу.

Спутникъ мой былъ очень радъ этому неожиданному концерту и тотчасъ принесъ гитару. Я спѣла нѣсколько народныхъ пѣсенъ, первое, что пришло мнѣ на память. Слушатели мои были въ восторгѣ; но ничто такъ не обрадовало старика, какъ лангедокская пѣсня знаменитаго поэта и музыканта Гудули. Я думаю, онъ охотно отдалъ бы мнѣ свою мызу и оставилъ бы меня у себя, если бы я только согласилась.

— Ей, ей! вскричалъ онъ, вы такъ хорошо поете, что вотъ такъ и разбираетъ человѣка по косточкамъ.

Успѣхъ въ какомъ бы то ни было кругу, всегда пріятно щекочетъ артиста; а этотъ успѣхъ былъ мнѣ въ особенности пріятенъ, потому что похвалы изливались отъ искренняго сердца, за то я никогда не упущу случая имъ похвастать. Впрочемъ, гитара была мнѣ настоящимъ талисманомъ въ этомъ путешествіи; она

еще оказала мнѣ услугу въ Ларошели. Самъ Богъ послалъ моему спутнику мысль взять ее съ собою.

Такъ-какъ спутникъ мой жилъ въ Ларошели, а я должна была ждать Бордоскаго дилижанса, онъ высадилъ меня въ гостинницѣ, куда приставалъ дилижансъ. Я выбрала изъ кареты все свое мелкое имущество, а чемоданы г. Д. обѣщалъ прислать мнѣ вечеромъ. Слуги внесли мой дорожный мѣшокъ, гитару и другія вещи въ прихожую, доложили хозяйкѣ, которая явилась сама, разодѣтая въ пухъ, и взглянувъ на мою тощую поклажу, разсудила, что ей такая постоялица не находка. Какъ уже было довольно поздно, я потребовала себѣ нумеръ до пріѣзда дилижанса.

— Еще Богъ знаетъ, когда онъ будетъ, сказала хозяйка.

— Все равно, я буду ждать.

— Теперь немогу вамъ дать нумера, одинъ только и есть свободный; да и изъ того постоялецъ выѣдетъ только послѣ ужина; онъ теперь въ театрѣ.

— Но я могу однакоже остаться въ столовой?

Она отворила дверь въ комнату, примыкавшую къ столовой.

— Потрудитесь, сказала я, приказать подать мнѣ огня, чернилъ и бумаги.

Хозяйка, казалось, была очень не въ духѣ, и обращалась со мною довольно неучтиво; но въ доротѣ надо всему покоряться. Въ ожиданіи огня, я взяла отъ нечего дѣлать гитару и стала что-то напѣвать вполголоса. Вдругъ показалось мнѣ, будто сквозь щели дверей мелькнулъ свѣтъ, я встала, отворила дверь, и очутилась носомъ къ носу съ хозяйкою, которая подслушивала меня.

— Ахъ, извините, сказала она; я боялась васъ обезпокоить, а мнѣ такъ пріятно было васъ слушать, что я простояла бы цѣлый часъ.

Съ этого мгновенія, она стала оказывать мнѣ всевозможную учтивость, которая еще удвоилась, когда она увидѣла на моей поклажѣ надпись: «Артистка, ѣдущая изъ Парижа въ Бордо.» Надо замѣтить, что Бордоскій театръ считался тогда однимъ изъ первыхъ театровъ въ провинціи.

Вѣсть, что въ Ларошель прибыла Парижская артистка, мигомъ пронеслась по всему городу: въ провинціальномъ городѣ всякій вздоръ составляетъ событіе.

— Смѣю ли надѣяться, сказала мнѣ хозяйка, что вы будете ужинать за общимъ столомъ?

— Вы видите, отвѣчала я, что я одѣта по дорожному, а мнѣ извѣстно, что въ провинціи за общимъ столомъ бываютъ посѣтители, кромѣ проѣзжихъ.

— Да вѣдь ужинать будутъ въ десять часовъ, а вы до тѣхъ поръ успѣете немножко принарядиться; впрочемъ за столомъ будутъ и дамы.

Мнѣ очень не хотѣлось явиться къ ужину, однакоже я согласилась. Хозяйка сама помогла мнѣ одѣться, и была такъ же привѣтлива; какъ прежде груба. Каждая принадлежащая мнѣ вещица была предметомъ ея удивленія.

— Тотчасъ видно, что вы прямо изъ Парижа. Вотъ, я думаю, завтра наши дамы будутъ пожирать васъ глазами въ театрѣ.

Собирались гости къ ужину, и въ томъ числѣ я и мой спутникъ. Не смотря на усталость послѣ дороги, онъ уже успѣлъ протрезвонить по городу мой успѣхъ на фермѣ. Но если онъ на немъ только основалъ свое мнѣніе о моемъ талантѣ, оно долженствовало быть не блистательное, и я никакъ не подозрѣвала ожидавшаго меня почета. Г. Д. усадилъ меня между собою и другимъ господиномъ, директоромъ театра, какъ я узнала потомъ, котораго притащили за тѣмъ именно, чтобы предложить мнѣ дать два или три представленія. Я отговаривалась тѣмъ, что была ангажирована въ Бордо и что меня ждали къ началу мая.

— Развѣ вы можете ручаться за независящія отъ васъ обстоятельства? сказалъ директоръ; ну, а если нѣтъ лошадей?

— Лошади прійдутъ, отвѣчала я.

— Нѣтъ, не прійдутъ ранѣе трехъ или четырехъ дней.

Мнѣ предлагали такія обстоятельныя условія, что я наконецъ согласилась. Представленіе было назначено на третій день; и выбраны для него три итальянскія оперы, съ французскимъ текстомъ: *Маркизъ Тулипано*, *Фраскатана* и *Барышня служанка*.

На слѣдующій день г. Д. пришелъ навѣстить меня.

— Знаете, сказалъ онъ, что вы вскружили головы всѣмъ нашимъ дамамъ? только и толковъ, что о щегольскомъ туалетѣ парижанки.

Женщины, которыя будутъ читать мои записки, поймутъ это мелкое тщеславіе, потому что женщины всегда и вездѣ женщины.

Я имѣла такой успѣхъ въ оперѣ *Тулипано*, что меня хотѣли во что бы ни стало удержать въ Ларошели, и убѣждали отказаться отъ контракта съ Бордоскимъ театромъ. Негоціянты вызывались даже обезпечить мнѣ цѣнность моего жалованія, безъ всякаго учету; это было очень важное условіе въ такое время, когда курсъ ассигнацій падалъ не по днямъ, а по часамъ.

— Вы получаете двѣнадцать тысячъ франковъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ; но вы увидите, что не далѣе, какъ черезъ

три мѣсяца, ваши двѣнадцать тысячъ не будутъ стоить двухъ луидоровъ. Такъ дѣйствительно и случилось.

—

Глава XXVII.

И такъ, я пріѣхала въ Бордо въ маѣ 1795 года, въ то самое время, какъ наиболѣе свирѣпствовалъ голодъ, наиболѣе были взволнованы южные умы, и почти каждый день повторялись попытки возмущенія. Свѣжая еще память терроризма всѣмъ своимъ вѣсомъ тяготѣла на истомленныхъ сердцахъ; а искуственный голодъ, котораго дѣйствія были также ощутительны, какъ и настоящаго держалъ умы въ безпрестанной тревогѣ.

Хлѣбъ продавался по пятидесяти франковъ за фунтъ; въ провинціи онъ былъ еще рѣже, чѣмъ въ Парижѣ. Я помню, что въ Парижѣ, когда я приходила обѣдать къ Юліи Тальмѣ, она всегда встрѣчала меня вопросомъ:—Принесла съ собою хлѣба?— И если мнѣ случилось забыть эту предосторожность, поэтъ Лебрёнъ, Битобé или Фенульо-де-Фальберъ удѣляли мнѣ кусочекъ отъ своего запаса, который мнѣ даже совѣстно было принимать. Но въ Бордо такое великодушіе было неизвѣстно. Только закулисные любезники, les aimables muscadins, какъ ихъ тогда называли, приносили намъ иногда кусочекъ бѣлаго хлѣба, тщательно завернутый въ бумагу; и это считалось такимъ же подаркомъ, какъ въ другое время апельсины, конфекты или цвѣты. Недоставало только, чтобы насъ подчивали печенымъ картофелемъ или зеленымъ лукомъ. Поэтамъ надо было имѣть чрезвычайно живое воображеніе, чтобы придумать къ этому подарку мадригалъ или сонетъ.

До тѣхъ поръ, кромѣ немногихъ опытовъ на театрѣ Республики, я почти не играла въ комедіи, и была извѣстна только какъ пѣвица въ итальянскихъ операхъ. Я ѣхала въ Бордо на амцула, получившее свое названіе отъ талантливой Дюгазонъ. Въ это время давали множество пьесъ во славу вчерашнихъ событій, и актеры должны были славить то Карпа, то Андрея; къ числу этихъ пьесъ принадлежала опера Марсолье: *Бѣдняжка*, производившая фуроръ въ Парижѣ передъ моимъ отъѣздомъ. Дюгазонъ была превосходна въ этой роли; но какъ Дюгазонъ была уже стара и ужасно растолстѣла, то авторы принуждены были приноровлять къ ней свои пьесы; такимъ образомъ, роль *Бѣдняжки* принадлежала собственно къ амплуа старухъ. Дирекція однакоже

не обратила на это вниманія; публика желала видѣть эту пьесу; роль писана для госпожи Дюгазонъ; я ангажировалась на ея молодыя роли; слѣдовательно я должна была играть и ея старушечьи роли.

Противуположныя мнѣнія еще сильно бродили въ умахъ, и пьеса должна была возбудить много противниковъ; на автора нападать было опасно, и потому недовольные рѣшились выместить свою досаду на исполнительницѣ. Когда я произнесла слова: » Терроризмъ уже не воскреснетъ!»—театръ задрожалъ отъ рукоплесканій и криковъ:» бисъ!» я подошла къ рампѣ и повторила съ большею силою: «Нѣтъ, терроризмъ уже не воскреснетъ!» Но едва я это выговорила, какъ кто-то ихъ партера бросилъ въ меня тяжелую мѣдную монету, называвшуюся monneron, величиною съ пятифранковикъ; она такъ сильно ударила меня въ грудь, что я пошатнулась. Къ счастью, на мнѣ былъ толстый платокъ; попади же она мнѣ въ голову, она убила бы меня на мѣстѣ. Можно себѣ представить, какой поднялся шумъ и крикъ; я думаю, что еслибы замѣтили виновника, его изорвали бы на клочки.

Это обстоятельство принесло мнѣ болѣе пользы, чѣмъ причинило боли; потому что на слѣдующій день опять давали туже пьесу, и мнѣ, разумѣется, апплодировали за каждое слово. Впрочемъ, когда я дошла до роковой фразы, я невольно оглянулась въ ту сторону, откуда меня такъ угостили наканунѣ; зрители замѣтили это, и закричали въ одинъ голосъ:—» Не бойтесь, они уже не посмѣютъ!»—Дѣйствительно, пьеса прошла благополучно. Ее давали еще нѣсколько разъ, и каждый разъ меня провожала домой цѣлая толпа молодыхъ людей, чтобы защитить въ случаѣ нападенія. Всѣхъ долѣе провожалъ меня Брошонъ, другъ Барбару и Равеса; онъ былъ адвокатъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Бордо, за то, что нѣсколько разъ добровольно принималъ на себѣ защиту подсудимыхъ въ такое время, когда этотъ благородный поступокъ могъ повлечь его самого на эшафотъ. Многихъ успѣлъ онъ спасти и весь городъ обожалъ его.

Я была еще въ Бордо, когда пришли вѣсти о побѣдахъ генерала Бонапарте въ Италіи, и зажали рты злымъ острякамъ, говорившимъ:» Il viendra *sans gêne* (Gênes), et fera la paix dans *mille ans* (Milan).

Мужъ мой занималъ какую то гражданскую должность въ Италіи; это было незадолго передъ Витербскимъ дѣломъ. Такъ-какъ госпожа Бонапарте собиралась ѣхать въ Миланъ къ своему мужу, Тальма и жена его дали Фюзи рекомендательныя письма къ ней. Дороги въ Италіи были очень опасны; шайки разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ барбетовъ, останавливали экипажи,

грабили обозы, рѣзали людей. Мешенъ, жена его, и всѣ сопровождавшіе ихъ были заперты въ Витербѣ, и обязаны были своимъ спасеніемъ одному епископу: безъ его предстательства, они были бы всѣ перерѣзаны. Всѣ эти подробности я узнала изъ письма Юліи Тальмы.

— » Мужъ твой, писала она, какъ и всѣ его товарищи, былъ ободранъ и избитъ барбетами; они просили, чтобы ихъ помѣстили въ лазаретъ; но начальство приняло только тѣхъ, которые не могли стоять на ногахъ, остальныхъ же, въ томъ числѣ Фюзи, отослали. Бѣдный Фюзи дотащился, какъ умѣлъ, вдоль опушки лѣса до большой дороги, чтобъ не напасть на шайку партизановъ, и въ надеждѣ встрѣтить кого нибудь, ѣдущаго въ Миланъ. Измученный усталостью и страданіями, онъ уже началъ отчаяваться въ своей жизни, когда небо послало ему неожиданную помощь. Онъ увидѣлъ на большой дорогѣ столбъ пыли и вскорѣ показалось нѣсколько экипажей подъ военнымъ прикрытіемъ. Не сомнѣваясь, что это были французы, онъ ободрился, и спросилъ одного солдата, кто ѣхалъ въ этихъ экипажахъ.

—« Товарищъ, отвѣчалъ солдатъ, это экипажи супруги главнокомандующаго. »

— Генеральши Бонапарте! вскричалъ Фюзи. Тотчасъ вспомнилъ онъ, что наши письма были при немъ, въ бумажникѣ, вынулъ ихъ, поднялъ руку, и сдѣлалъ знакъ, что желалъ вручить ихъ генеральшѣ. Г-жа Бонапарте велѣла остановиться и отворить дверцу. Увидѣвъ подпись Тальмы, она взглянула на подателя писемъ, и по жалкому его положенію, угадала все случившееся съ нимъ.—» Какъ я рада, сказала она, что встрѣтила васъ такъ кстати, чтобы помочь вамъ!« Она велѣла посадить его въ карету дѣвицы Луизы Давриньонъ, которая ухаживала за больнымъ со всевозможнымъ усердіемъ. На первой же станціи врачъ, сопровождавшій госпожу Бонапарте, перевязалъ его раны.

И такъ судьба, всегда прихотливая и причудливая, наканунѣ отказала бѣдному солдату въ кровати въ лазаретѣ, а на слѣдующій день привезла его въ Миланъ въ каретѣ главнокомандующаго.

Госпожа Бонапарте удержала Фюзи при себѣ во все время своего пребыванія въ Миланѣ. Когда ей и приближеннымъ вздумалось завести для развлеченія домашній театръ, мужъ мой долженъ былъ его устроить и учить прелестныхъ исполнительницъ. Дѣвица Полетъ (впослѣдствіи госпожа Леклеркъ), очень любила его, потому что онъ ее смѣшилъ и забавлялъ: она подарила ему для меня чудесный уборъ изъ камеевъ, который былъ

нереслан мнѣ черезъ Юлію. Всѣ уговаривали Фюзи выписать меня въ Италію; я сама очень охотно поѣхала бы, но это путешествіе было сопряжено съ большими опасностями.

Благорасположеніе генералыши Бонапарте больше повредило моему мужу, чѣмъ принесло ему пользы, потому что, надѣясь на него, онъ отказался отъ мѣста, за которымъ пріѣхалъ въ Италію. — » Я выхлопочу вамъ, говорила она ему, другое мѣсто, съ лучшимъ содержаніемъ; ибо вы слишкомъ честны, чтобы извлечь пользу изъ той должности, которую занимаете теперь.» Она говорила объ этомъ Алеру; но Фюзи, вмѣсто того, чтобы хлопотать о мѣстѣ, до отъѣзда г-жи Бонапарте, положился на слово Алера, который по отбытіи ея, забылъ всѣ свои обѣщанія. Фюзи долго хранилъ прошеніе о повышеніи въ чинѣ по артиллеріи, за собственноручною припискою генерала Бонапарте, но онъ не воспользовался этимъ ходатайствомъ. Я желала бы, чтобы эта записка сохранилась, какъ драгоцѣнный автографъ; но я не знаю, куда онъ ее дѣвалъ. Фюзи былъ потомъ радъ, когда ему удалось поступить въ отрядъ генерала Мюллера.

Госпожа Тальма снабдила меня очень убѣдительнымъ письмомъ къ Добервалю и его женѣ, съ которыми я, по разсказамъ ея, очень желала познакомиться. Госпожа Доберваль была уже не такъ молода, какъ описывала ее Юлія; но она такъ хорошо играла, что видя ее на сценѣ, всѣ забывали ея лѣта. Доберваль былъ самый даровитый изъ всѣхъ французскихъ хореграфовъ, всѣ балеты его настоящія поэмы, и большую часть ихъ онъ сочинилъ въ Бордо. Его прелестная идиллія *Тщетная предосторожность*, сохранилась донынѣ на театрѣ и въ видѣ водевиля, и оперы, и въ первоначальномъ видѣ балета, и какъ она ни стара, а все дышетъ свѣжестью Пуссеновыхъ картинъ. Госпожа Доберваль особенно отличалась въ этой пьесѣ, въ роли Лизы, которую недавно еще воскресила Фанни Эльслеръ, разливъ на нее всю прелесть своего несравненнаго таланта, и въ роли Луизы, въ *Дезертеръ*; въ этихъ же роляхъ всего ближе подходила къ ней ученица ея, госпожа Кирію, нѣсколько лѣтъ кружившая головы всему Парижу.

Павелъ и Виргинія и нѣкоторыя другія произведенія Доберваля были возобновлены въ 1804 году на театрѣ Сенъ-Мартенскихъ воротъ, ученникомъ его, Гомеромъ, и имѣли огромный успѣхъ. Не мое дѣло пускаться въ подробности на счетъ этихъ балетовъ; разскажу только случай, побудившій Доберваля сочинить прелестный балетъ *Непостоянный пажъ*, на который сбѣгался весь Парижъ.

Бордоскій театръ въ это время могъ состязаться съ Парижскими по талантамъ актеровъ и великолѣпію обстановки; но хотя въ оперѣ были очень хорошіе пѣвцы, балету вообще отдавали преимущество. Большая часть артистовъ, блиставшихъ на столичныхъ театрахъ, образовались въ Бордо, подъ руководствомъ Доберваля, пользовавшагося европейскою славою. Лучшіе его балеты были имъ написаны для жены; въ ролѣ Сусаны въ *Непостоянномъ пажѣ*, она была такъ очаровательна, что едва ли найдется ей соперница; въ умномъ лицѣ ея было столько выраженія, что глядя на нее, можно бы написать весь разговоръ ея съ пажемъ и съ графинею.

Въ это самое время въ Парижѣ давали *Свадьбу Фигаро* Бомарше. Жителямъ Бордо не было никакой надежды видѣть эту пьесу у себя, потому что она была запрещена, и Парижскому театру большаго труда стоило выхлопотать себѣ разрѣшеніе играть ее, которое и было даровано ему, какъ особенное снисхожденіе, и не въ примѣръ другимъ театрамъ. Однажды Доберваль обѣдалъ съ женою у богатаго негоціанта, и разговоръ, разумѣется, обратился на предметъ, наиболѣе занимавшій всѣ умы, на запрещенную комедію.

— Что бы, вамъ, г. Доберваль, сдѣлать изъ нея балетъ, сказалъ шутя одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Отчего же нѣтъ? отвѣчалъ артистъ, также въ шутку.

Но съ этой минуты, онъ, всегда такой любезный и веселый, задумался и уже не выговорилъ ни слова во весь обѣдъ. Возвратясь домой, онъ взялъ пьесу, прочелъ ее, всю ночь соображалъ, какую пользу можно извлечь изъ нея для балета; потомъ набросилъ планъ, написалъ программу, и на слѣдующее утро показалъ ее женѣ; она одобрила мысль, указала на нѣкоторыя измѣненія, и Доберваль засѣлъ за работу, сказываясь больнымъ, чтобы ему никто не мѣшалъ.

Черезъ недѣлю, когда *Непостоянный пажъ* былъ уже почти готовъ, онъ призвалъ первыхъ артистовъ, и роздалъ имъ роли, стараясь объяснить имъ характеръ и духъ каждаго лица. Лабори, отличный танцоръ и красавецъ, взялъ на себя роль Фигаро, и исполнилъ ее превосходно. О госпожѣ Доберваль въ роли Суссанны я уже говорила. Балетъ этотъ произвелъ фуроръ въ Бордо и обогатилъ театръ; изо всѣхъ окрестныхъ городовъ съѣзжались въ Бордо познакомиться съ произвеніемъ Карона де-Бомарше, которое въ этомъ видѣ уже не могло подвергнуться запрещенію. Двадцать лѣтъ спустя, балетъ этотъ производилъ такой же фуроръ въ Парижѣ, госпожа Доберваль была въ немъ все

такъ же очаровательна, какъ и въ роли Изоры въ *Раулѣ Синей-бородѣ*. Она безъ словъ умѣла изъясняться и трогать.

Я часто получала письма отъ Юліи Тальмы; потребность изливать душу завела между нами постоянную переписку. Еще до моего отъѣзда, Тальма уже тяготился узами супружества, но тщательно скрывалъ свои измѣны отъ жены и былъ къ ней чрезвычайно внимателенъ. Пріятели также скрывали отъ нея его грѣшки, зная, что открытіе ихъ разрушило-бы ея счастіе. Но кто то, можетъ быть и съ хорошею цѣлью, взялъ на себя трудъ открыть глаза бѣдняжкѣ, которая не могла скрыть ревности, пожиравшей ея сердце. Она стала упрекать невѣрнаго; но упреки не воскресятъ любовь; напротивъ, какъ скоро Тальма увидѣлъ, что поступки его извѣстны женѣ, онъ вовсе пересталъ скрываться: его поведеніе скоро довело до явнаго разрыва; наконецъ, онъ съѣхалъ съ квартиры и прислалъ требовать своихъ вещей. Этотъ поступокъ сильно оскорбилъ нѣжное и безкорыстное сердце Юліи; она отвѣчала, что какъ скоро онъ пришлетъ реестръ принадлежащихъ ему вещей, она тотчасъ отдастъ ихъ. Этотъ реестръ составить было не трудно, потому что Тальма не имѣлъ никакой собственности, кромѣ оружія, доспѣховъ, костюмовъ, и прочаго театральнаго хламу, наполнявшаго огрумную комнату, и стоившаго ему много денегъ. Домъ же со всею мебелью принадлежалъ Юліи еще до замужества. Она продала его генералу Бонапарте по возвращеніи его изъ Египта, а сама переселилась къ госпожѣ Кондорсе, которая очень ее уважала и любила, какъ и госпожа Сталь, часто навѣщавшая ее. Когда разводъ былъ объявленъ законнымъ порядкомъ, она написала мнѣ о томъ.

«—Мы поѣхали въ городскую думу въ наемной каретѣ, писала она, и во всю дорогу разговаривали о постороннихъ предметахъ, будто люди, ѣдущіе просто прогуляться; мужъ мой очень вѣжливо подалъ мнѣ руку, чтобы выдти изъ кареты; въ Ратушѣ мы сидѣли рядомъ, и подписали разводную, какъ обыкновенный контрактъ. Потомъ, онъ проводилъ меня до кареты.—Надѣюсь, сказала я ему, что вы не совсѣмъ лишите меня своего общества; это было бы слишкомъ жестоко; вы будете навѣщать меня, не правда ли?—Непремѣнно, отвѣчалъ онъ, нѣсколько смутившись, съ большимъ удовольствіемъ.»—Я была блѣдна и голосъ мой дрожалъ, не смотря на мои усилія скрыть волненіе. Наконецъ, я возвратилась домой и могла свободно предаться своей горести. Пожалѣй обо мнѣ, я очень несчастлива.»

Когда я возвритилась въ Парижъ, я нашла Юлію, окруженную

дѣтьми и друзьями. Она казалась спокойною; но нельзя было не замѣтить, что она скрывала въ сердцѣ глубокую, неизлечимую рану. Тальма довольно часто навѣщалъ ее, и общество его было для нея лучшимъ утѣшеніемъ.

—

Глава XXVIII.

Въ концѣ прошлаго вѣка событія такъ быстро смѣнялись одни другими, что мнѣ иной разъ кажется, будто передъ моими глазами прошло нѣсколько вѣковъ. Большая часть именъ, раздававшихся въ моихъ ушахъ, принадлежатъ уже потомству; революціи быстро поглащаютъ людей, а революція 1789 года не щадила и женщинъ. Но общество долго сохраняетъ отпечатокъ предшествовавшей эпохи. Въ 1788 году, въ модахъ, литературѣ, во всемъ отзывался еще вѣкъ Людовика XV и Дюбари, не смотря на преобразованіе, начатое юною королевою. Въ 1791 году мы всѣ обратились въ спартанцевъ и римлянъ; все напоминало намъ классическую древность и картины Давида: и мебель, и костюмы Тальмы, и театръ, на которомъ давались *Брутъ*, *Смерть Цезаря*, *Манлій*; *Кай-Гракхъ*, и *Неронъ*; даже опера угощала насъ *Мильтіадомъ въ Мараѳонѣ*, *Гораціемъ Коклесомъ*, и т. п. Женщины принялись за римскую исторію, о которой большая часть помнили только, что когда то учились ей въ школѣ. Годы 93, 94 и 95 были такъ преисполнены бѣдствій и страху, что тутъ некогда было думать о чемъ другомъ, кромѣ сохраненія жизни своей, родныхъ и друзей. Но когда прошло царство эшафота, вмѣстѣ съ спокойствіемъ возвратилась потребность развлеченія и удовольствія, каждый желалъ въ чаду веселья забыть этотъ страшный сонъ. Долгое лишеніе придаетъ вещамъ новую цѣну, впродолженіе трехъ лѣтъ чернь готова была закидать камнями каждаго, кто сколько нибудь опрятно одѣвался; за то теперь всѣ хотѣли вознаградить себя за прошедшее время. Въ 1797 году мы сдѣлались настоящими аѳинянами; литература, поэзія, Периклы, Сократы, Аспазіи; Алкивіады, тюники, пеплуны, діадимы, сандаліи, камеи,—все преобразилось въ Грецію.

Одинъ писатель, не помню гдѣ, сказалъ: Извѣстно, что въ это смутное время, генералы наши завоевали свои права мечемъ, слава ихъ не позволяла строго судить недостаточность ихъ воспитанія.» Но жены ихъ не пользовались этою льготою, и манеры ихъ вовсе не вязались съ ихъ положеніемъ въ свѣтѣ, са-

мые богатые наряды на нихъ дѣлались только смѣшными, и насмѣшливый умъ народа не давалъ имъ спуску. Госпожа Тальенъ, Реньо-Сен-Жанъ-д'Анжели ввели въ моду греческіе и римскіе наряды, и новая знать тотчасъ бросилась на нихъ. Между этими новыми щеголихами было много такихъ, которыхъ мужья обогатились въ биржевыхъ оборотахъ, поставкахъ и подрядахъ; и жены ихъ давали обильную пищу насмѣшникамъ своими пріемами и ухватками, языкомъ и щегольствомъ, доведенными до безстыдства. Онѣ носили тюники изъ самой тонкой кисеи, совершенно сквозныя и открытыя до нельзя; и многія не надѣвали подъ нихъ ни юбокъ, ни даже рубашекъ, чтобы не испортить тальи; діадимы и браслеты á la Cléopatre; кушаки, застегнутые пряжками изъ камневъ, шали, драпированныя въ видѣ мантіи, или суконные плащи съ золотымъ шитьемъ, накинутые на плечо, сандаліи, украшенныя бриллiантами-вотъ тогдашній нарядъ. Впрочемъ, такъ одѣвались только отчаянныя щеголихи; прочія слѣдовали модѣ только издали; простая тюника, вышитая арабесками изъ разноцвѣтныхъ шерстей, и подвязанная такимъ же снуркомъ съ золотою застежкою; волосы, причесанные какъ на греческихъ статуяхъ и придерживаемые золотою сѣткою, шарфъ на плечахъ,-вотъ обыкновенный нарядъ, встрѣчавшійся въ Тиволи, прежнемъ Бутенскомъ саду, гдѣ за входъ брали шесть франковъ. Въ саду не водилось танцевъ, и даже не было кондитерской, но во все время играла хорошая музыка, а въ полночь пускали фейерверкъ.

По средней аллеѣ, освѣщенной великолѣпнѣе прочихъ, поставлены были два ряда стульевъ, на которыхъ красовались щеголихи; прочія дамы гуляли по аллеямъ и слушали музыку. Послѣ фейерверка всѣ садились въ кареты и отправлялись въ Фраскати, къ Карки, кушать отличное мороженое, въ хорошенькомъ саду; съ мороженнымъ тутъ часто схватывали горячки и смерть. Какъ ни кричали врачи, мода предписывала легкое платье и короткіе рукава, и всѣ съ радостью жертвовали ей здоровьемъ. Въ то же время завелись праздники особаго рода въ Elysée-Bourbon; но они такъ дорого стоили, что антрпренеръ разорился. Вотъ въ чемъ они состояли. Это былъ венеціянскій карнавалъ; на лугу противъ дворца былъ построенъ огромный театръ. Праздникъ открывался приходомъ китайскаго богдыхана и его супруги, съ многочисленною свитою, исполнявшею разныя китайскія пляски. Потомъ являлся богъ разгула съ олицетвореніемъ карнавала, и тотчасъ образовывались кадрили изъ полишинелей, арлекиновъ, коломбинъ, кассандровъ, меццетиновъ, пальяцовъ, криспеновъ, матаморовъ, и всего племени итальянскихъ маскъ, которыя исполняли презабавныя пан-

томимы. По окончанія ихъ, Разгулъ проходилъ среди ихъ, бренча своими бубенчиками; со всѣхъ сторонъ зажигались бенгальскіе огни, раздавалась веселая музыка; и все пускалось въ танцы. Это былъ настоящій храмъ веселья. Но тутъ было одно неудобство; театръ былъ безъ крыши, и нерѣдко проливной дождь или гроза разгоняли исполнителей и зрителей.—За этими праздниками, на которые сходилась отборная публика, послѣдовали праздники въ Шантильи; но и они скоро упали, такъ же, какъ Тиволи.

Такъ какъ эти сады, по дороговизнѣ входа, были доступны только богатымъ, то для другихъ классовъ учредились другіе сады, по два франка за входъ, которые дали учредителямъ очень хорошіе барыши, пока не развелось ихъ такое множество, что они стали отбивать другъ у друга хлѣбъ, и наконецъ всѣ лопнули; остался одинъ Фраскати.

Кромѣ садовъ, Тиволи, Фраскати, Бурбонскаго, Шантильи, Марбёфъ, Пафосъ, Идалійскаго, Муссо, и множества другихъ, для развлеченія публики были устроены концерты, изъ которыхъ особенный успѣхъ имѣли концерты въ театрѣ Федо (что нынче Комическая опера). За входъ брали шесть франковъ съ человѣка за всѣ мѣста; и то еще надо было брать ихъ съ утра; ложи были всѣ абонированы. Ихъ посѣщали, какъ для музыки, такъ и для того, чтобы показать или посмотрѣть богатые наряды. Дамы лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы блеснуть передъ соперницами; потому что партеръ, въ ожиданіи начала концерта, не сводилъ глазъ съ ложъ, и довольно невѣжливо изъявлялъ свое мнѣніе о нарядѣ входящихъ.

Это было время наибольшей славы Гара; успѣхамъ его содѣйствовало отчасти и то, что онъ едва не сдѣлался жертвою терроризма; онъ былъ схваченъ, вслѣдствіе доноса, и одинъ дивный талантъ спасъ его отъ смерти; въ тюрьмѣ сочинилъ онъ свой знаменитый романсъ *Плѣнный трубадуръ*. Потомъ не проходило почти концерта, чтобы публика не требовала этого романса, который онъ пѣлъ превосходно.

Гара ужасно гонялся за модою, носилъ сизо-голубой кафтанъ, и выговаривалъ только половину буквъ въ словахъ; съ этимъ онъ былъ непростительно дуренъ лицомъ, неловокъ и будто нарочно выставлялъ себя на смѣхъ; но когда онъ пѣлъ, его невольно заслушивались и забывали всѣ его слабости.

Въ то время, какъ нельзя было выходить поздно вечеромъ на улицу безъ билета, Гара забылъ однажды свой билетъ, былъ взятъ патрулью и отведенъ на ближайшую гаубтваху. Онъ думалъ, что ему стоитъ только сказать свое имя, чтобы быть освобожденнымъ; но національные гвардейцы, занимавшіе постъ,

узнавъ его, хотѣли позабавиться надъ нимъ, прикинулись, будто не знаютъ его; и какъ онъ ни божился, не хотѣли признать его.

— Вы имѣете одно только средство доказать намъ, что вы дѣйствительно Гара, сказалъ наконецъ дежурный офицеръ.

— Какое?

— Спойте что нибудь, и мы тотчасъ увидимъ, точно ли вы Гара.

— Очень охотно, отвѣчалъ Гара, и спѣлъ гасконскую пѣсню, которая была принята со всеобщимъ восторгомъ.

— Прекрасно, сказалъ офицеръ; но какъ вы полагаете товарищи, не мало-ли этого для того, чтобы вполнѣ убѣдить насъ?

— Что правда, то правда, отвѣчали другіе; надо бы еще послушать.

Гара безъ отговорокъ согласился на общее желаніе. Между тѣмъ послали за шампанскимъ и пѣвецъ пропировалъ всю ночь на гаубтвахѣ. На слѣдующій день онъ самъ разсказалъ намъ свое ночное похожденіе.

О людяхъ того времени было такъ мого говорено и такъ различно, что я рѣшилась сказать о нихъ только то, что знаю по личнымъ своимъ сношеніямъ съ ними, и судить по впечатлѣнію, которое они произвели на меня. Званіе артистки открывало мнѣ многіе домы, и ставило меня въ непосредственныя сношенія съ большею частью дилетантовъ. Такъ я пользовалась искреннею дружбою госпожи П**, и даже жила у нея послѣ отъѣзда моего мужа въ армію. Я давала уроки пѣнія ея дочери, и мы часто пѣли вмѣстѣ дуэты, ноктюрны и романсы, на вечерахъ, потому что госпожа П** жила открыто и много принимала гостей.

Я знала почти всѣхъ дамъ тогдашняго общества, часто слышала о госпожѣ Рекамье, но не имѣла до тѣхъ поръ случая видѣть ее вблизи. Это было во время Директоріи. Госпожа П** вздумала дать музыкальный вечеръ и балъ, на который были приглашены два директора, изъ этого можно судить, что балъ былъ изъ самыхъ великолѣпныхъ, потому что господа директоры были слишкомъ важныя особы, чтобы пригласить ихъ на обыкновенный вечеръ. Мы были на эстрадѣ оркестра, я притаилась въ уголку за контрбасомъ, чтобы наблюдать входящихъ. Страсть къ танцованію доходила въ то время до бѣшенства, это искусство было первымъ условіемъ хорошаго воспитанія, и всѣ занимались имъ съ такимъ рвеніемъ, какъ бы прочили себя въ балетные танцоры. Были даже бальныя знаменитости, и каждая мать жаждала этой чести для своей дочери. Танцы на вечерахъ распредѣлялись заранѣе, какъ балетъ: утромъ гости сходились дѣлать

пробу, и у каждой дѣвушки билось сердце сладкою надеждою, что она будетъ ангажирована господиномъ Тренисомъ. Этотъ господинъ Тренисъ, первая бальная знаменитость, былъ очень скупъ на эту честь, онъ весьма *строго*, и только по *тщательномъ удостовѣреніи въ ихъ заслугахъ*, избиралъ дамъ, долженствовавшихъ составить кадриль, въ которой ему *благоугодно* было участвовать.

Я знала Трениса еще въ Бордо; тогда онъ былъ гораздо доступнѣе, потому что не предвидѣлъ еще своей будущей славы. Однакоже я должна сказать, что не смотря на ѳиміамъ, кружившій ему голову, онъ всегда оказывалъ мнѣ чрезвычайное благорасположеніе. Онъ часто навѣщалъ меня, и я знала, кого изъ дамъ онъ считалъ достойными своего уваженія; потому что его не трудно было заставить проболтаться, а меня очень забавляло это колебаніе цѣлаго отряда дѣвицъ и молодыхъ дамъ между надеждою и страхомъ.

Эти жрицы танцованія пріѣзжали въ бальныхъ платьяхъ, немногимъ подлиннѣе платьевъ балетныхъ танцовщицъ, убранныхъ тонкимъ листовымъ золотомъ, бриллiантовыми колосьями или цвѣтами, изумрудными и рубиновыми ягодами: это былъ цѣлый Олимпъ, гдѣ сходились и Флоры, и Венеры, и Гебы и Цереры, были тутъ подчасъ и Цибелы, но онѣ укрывались подъ виноградными листьями и гранатными гроздями. Между тѣмъ, какъ я смотрѣла на это обиліе золота и каменьевъ, отъ котораго при яркомъ освѣщеніи рябило въ глазахъ, вошла молодая женщина, казавшаяся среди этого Олимпа какимъ-то воздушнымъ существомъ, настоящею сильфидою. На ней была простенькая греческая тюника, изъ тонкой кисеи, обшитая внизу легкою бумажною бахромкою, въ видѣ гирлянды; платье почти волочилось по полу; короткіе рукава открывали руки, изваянныя съ рѣдкимъ совершенствомъ. Тюника была застегнута на плечахъ камеями, а на лебединой шеѣ одна нитка жемчугу; черные, какъ смоль, волосы, были причесаны очень просто, безъ всякихъ наколокъ и побрякушекъ. Ея благородная поступь, скромная и привѣтливая улыбка изящная простота наряда, такъ отличали ее отъ всѣхъ остальныхъ женщинъ, зарытыхъ въ мишуру, цвѣты и каменья, что, увидѣвъ ее, нельзя уже было спустить съ нея глазъ. Дѣвица П** поспѣшила показать мнѣ ее, но это было безполезно, потому что, не видавъ ее даже ни разу, можно было узнать ее съ перваго взгляду: это была госпожа Рекамье. Она осталась недолго; но появленіе ея такъ врѣзалось въ моей памяти, что я могла бы нарисовать ея портретъ на память.

Вечеръ этотъ былъ чрезвычайно блистателенъ. Буфе́, Гара

и нѣсколько любитетей прекрасно исполнили разныя оперныя аріи и романсы; дѣвица П** также спѣла нѣсколько пьесъ, частью со мною, частью одна; у нея былъ превосходный голосъ.

Эта милая и добрая дѣвушка, вышедъ за мужъ за Порталиса, съ отцомъ котораго я также была знакома, умерла вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ за границы, равно какъ и княгиня Брогліо, которую я часто видала у ея матери, и госпожа Сталь. Это были тяжелыя утраты для всѣхъ, имѣвшихъ счастье знать ихъ, и я не разъ радовалась, что по возвращеніи своемъ не имѣла случая возобновить съ ними знакомства, ибо смерть людей, которыхъ мы знали и любили въ молодости, становится еще горестнѣе, если сношенія наши продолжатся за предѣлы молодости.

—

Глава XXIX.

Я уже говорила, что это время было для меня, какъ и для большей части моихъ современницъ, временемъ наслажденія жизнью. Первые годы нашей молодости протекли среди тревогъ и горести, и мы теперь нуждались въ спокойствіи, какъ человѣкъ, оправляющійся отъ тяжкаго недуга. Но какъ выздоравливающій больной готовъ употреблять во зло возвращающееся здоровье, такъ и мы всѣми силами души уносились въ вихрь свѣта и веселья; мы старались пользоваться временемъ, какъ будто намъ былъ опредѣленъ короткій срокъ. Едва вырвались мы изъ опасностей, безпрестанно угрожавшихъ нашей жизни, и ужъ добровольно подвергли ее другой опасности, модами, балами и сельскими праздниками. Излишество удовольствія также гибельно, какъ и горесть. Не одна безразсудная сдѣлалась жертвою этихъ модъ и увеселеній.

Событія этого времени не выходили изъ обыкновеннаго порядка вещей. Слышались еще отъ времени до времени раскаты грома, слѣдующіе за бурею революціи, когда власть еще не утвердилась и страсти партій не совсѣмъ улеглись. Но они проходили надъ нашими головами, и разражались только надъ людьми, стоявшими на вершинѣ общественной лѣстницы; мы же, мелкіе люди, въ особенности женщины, не заботились о нихъ, пока они не задѣвали кого нибудь изъ близкихъ намъ.

Не мѣшаясь въ политику, я не стану толковать о дѣлахъ 18 фруктидора. Это было время гоненій новаго рода; общество,

едва освободившееся изъ подъ ярма революціи, страшилось всего, что напоминало ему эту роковую эпоху, и требовало удаленія ея дѣятелей; впрочемъ, преслѣдованія были не строги, и многіе спаслись отъ ссылки тѣмъ, что скрылись на короткое время. Мильенъ, съ которымъ я часто видалась, скрылъ у себя одного пріятеля, депутата Палье, принадлежавшаго къ гонимой партіи; по вечерамъ мы бесѣдовали вмѣстѣ или играли въ карты, а какъ скоро раздавался звонокъ, Палье прятался въ свой шкафъ, въ углу библіотеки. Въ шкафѣ этомъ, хранилась прежде египетская мумія, и страшно было смотрѣть на него, когда онъ стоялъ въ немъ, потому что онъ былъ ни дать, ни взять, какъ выжитая имъ мумія.

Палье былъ впрочемъ самое безобидное существо, и я не понимала, за что онъ удостоился чести гоненія. Въ то же время были арестованы нѣсколько журналистовъ; другіе бѣжали и были осуждены заочно. Я знала одного, который не выходилъ изъ Парижа, и только скрылъ свои черные волосы подъ бѣлокурымъ парикомъ, что совершенно измѣнило его физіономію. Онъ былъ ужасный чудакъ; проходя ночью мимо часоваго, онъ отвѣчалъ на окликъ его: «Заочный!» въ театрѣ онъ всегда садился подлѣ ложи Фуше, тогдашняго министра полиціи, и не смотря на это молодечество, его никто не безпокоилъ; правду говорятъ: смѣлымъ Богъ владѣетъ. Ему однакоже надоѣло наконецъ скрываться; онъ отправился къ Фуше и потребовалъ особенной аудіенціи.

— Я такой-то, сказалъ онъ; мнѣ надоѣло жить совою и бѣгать отъ людей; прикажите меня арестовать или возвратите мнѣ свободу.

— Милостивый государь, вскричалъ министръ въ гнѣвѣ, посмотрите, въ какое положеніе вы ставите меня! кто просилъ васъ приходить ко мнѣ съ доносомъ на самаго себя? Извольте выдти, сударь!

— Куда же прикажете идти?

— Хоть къ чорту, только убирайтесь отсюда!

Чудакъ возвратился домой, и жилъ себѣ преспокойно, никѣмъ не тревожимый.

Мужъ мой очень любилъ его, потому что онъ былъ человѣкъ умный, забавный и неустрашимый. Во время своего укрывательства онъ часто обѣдалъ у насъ, но вдругъ пересталъ ходить; мы знали, что онъ не могъ быть арестованъ, потому что это дошло бы до насъ; я посовѣтовала мужу сходить провѣдать, не боленъ ли онъ. Въ тотъ же день Фюзи встрѣтился съ нимъ на улицѣ.

— Что это значитъ, спросилъ Фюзи, что васъ не видать болѣе у насъ?

— Чтожъ прикажете, любезнѣйшій? я влюбленъ въ вашу жену, а она объ этомъ и слышать не хочетъ. Чтожъ мнѣ дѣлать у васъ послѣ этого?

Послѣ Сен-Клускаго дѣла онъ затѣялъ газету въ стихахъ, которой первые нумера были исполнены остроумія; но она не долго держалась.

Начало настоящаго вѣка было временемъ тяжкихъ испытаній для доброй Юліи Тальмы; она лишилась одного изъ своихъ сыновей. Не стану описывать ея горести; есть бѣдствія, отъ одного воспоминанія которыхъ сердце обливается кровью. Дѣвица Конта, оставшаяся ей неизмѣнною подругою, увезла ее къ себѣ на дачу, близь Иври. Она прожила тамъ довольно долго и начинала уже успокоиваться, когда второй сынъ ея захворалъ. Бѣдная мать была въ отчаяніи: она тѣмъ болѣе боялась лишиться его, что врачи полагали, что онъ въ чахоткѣ. Юлія повезла его въ Швейцарію, въ надеждѣ на благотворное вліяніе климата; тамъ онъ и умеръ, а она, всегда хлопотавшая около него, сама заразилась его болѣзнью. По возвращеніи въ Парижъ, горесть ея обратилась въ какое то безчувственное уныніе; когда ее старались развлечь, она говорила:

— Я вспоминаю о своихъ сыновьяхъ.

— Да вы убиваете себя!

— Нѣтъ, мнѣ оттого становится легче.

Она была такъ убѣждена въ томъ, что должна скоро послѣдовать за ними, что уже не грустила о нихъ. Тальма навѣщалъ ее, сколько ему позволяли занятія. Послѣ одного такого посѣщенія, въ которое она казалась спокойнѣе обыкновеннаго, она сказала ему.—Приходите ко мнѣ обѣдать въ будущій четвергъ; вы доставите мнѣ этимъ большое удовольствіе.

— Въ четвергъ не могу, а пожалуй въ понедѣльникъ.

— Ну такъ въ понедѣльникъ.

Они простились въ нѣкоторомъ волненіи; не смотря на свою слабость, она провожала его глазами, пока онъ не скрылся; нѣсколько разъ обращался онъ назадъ и посылалъ ей привѣтъ рукою. Въ понедѣльникъ онъ пришелъ къ обѣду; но можно себѣ представить его ужасъ, когда онъ увидѣлъ въ воротахъ гробъ несчастной. Онъ такъ былъ пораженъ этой неожиданною смертью, что впалъ къ хандру; совѣсть говорила ему, что онъ былъ первымъ виновникомъ ея кончины.

Она умерла въ 1805 году. Меня тогда небыло въ Парижѣ; я была очень огорчена этимъ извѣстіемъ, потому что она была мнѣ такою подругою, какой не встрѣчаютъ дважды въ жизни.

—

Глава XXX.

Я часто встрѣчала въ домѣ госпожи П** маркизу де-Ламезонфоръ. Она была премилая дама; мужъ ея эмигрировалъ въ 1791 году; но какъ большая часть ихъ имѣнія принадлежала женѣ, то она осталась во Франціи для сохраненія его. Маркизъ вступилъ въ Брауншвейгскую службу, и былъ отправленъ въ Петербургъ посланникомъ.

Когда я стала сбираться въ Россію, маркиза обѣщала дать мнѣ письмо къ своему мужу.

— Онъ очень любезный человѣкъ, сказала она; всѣ дамы отъ него безъ ума. . . Онъ можетъ быть вамъ очень полезенъ.

Она посовѣтовала мнѣ также взять какъ можно болѣе рекомендательныхъ писемъ, что необходимо для ѣдущаго за границу.

Часто также встрѣчалась я въ обществѣ съ однимъ чудакомъ, пользовавшимся все общимъ уваженіемъ, господиномъ Одра́. Онъ былъ человѣкъ толстый, невзрачной наружности, и на него вѣроятно не обратили бы никакого вниманія, еслибъ не знали, что онъ другъ Талейрана, пользовался его довѣріемъ, и завѣдавалъ всѣми его дѣлами. Одра́ былъ чрезвычайно страннаго характера, онъ ни предъ кѣмъ и ничѣмъ не стѣснялся, зѣвалъ прямо въ глаза тому, кто ему не нравился и надоѣдалъ, и среди разговора уходилъ въ уголъ, и призывалъ тѣхъ, съ кѣмъ любилъ бесѣдовать; сверхъ того, безъ всякихъ церемоній говорилъ онъ всѣмъ такія истины, которыя никому другому не сошли бы съ рукъ. Онъ очень жаловалъ меня, и любилъ бесѣдовать со мною; что немѣшало ему говорить мнѣ, что онъ терпѣть не можетъ сухихъ женщинъ; но какъ онъ самъ былъ толстъ до уродливости, то я не оставалась у него въ долгу.

— Не потому-ли, отвѣчала я, что я терпѣть не могу толстыхъ мужчинъ, въ особенности же когда они сверхъ того неуклюжи и невѣжливы?

Онъ смѣялся; вообще онъ любилъ смѣлые и рѣзкіе отвѣты, и никогда за нихъ не сердился. Надо было только свыкнуться съ его причудами и грубостью, и тогда онъ былъ добрый и милый

человѣкъ. Разумные люди очень дорожили его уваженіемъ и дружбою, которыя не легко было снискать. Я съ нимъ была всегда въ открытой войнѣ; но я уважала его, а онъ любилъ меня за то, что я его не боялась и не ходила въ карманъ за рѣзкимъ отвѣтомъ.

— Я держусь въ оборонительной позиціи, говорила я ему; сама никого не задѣну, но если кто меня затронетъ, не прогнѣвайся: не спущу.

И онъ нарочно дразнилъ меня, чтобы посмѣяться надъ моимъ отвѣтомъ. Иногда меня не на шутку брала досада, и мы расходились врагами: но на слѣдующій день я получала отъ него записку, такую умную и милую, что невольно должна была все забыть. Довольно странно было видѣть такой тонкій, изящный умъ подъ такою грубою оболочкою. За то я говорила ему, что какая нибудь волшебница, вѣроятно за грѣхи, обратила его въ звѣря, и что онъ когда нибудь явится въ своемъ первоначальномъ образѣ.

Такъ какъ я должна была прожить довольно долго въ Гамбургѣ, для устроенія нѣкоторыхъ семейныхъ дѣлъ, Одра обѣщалъ рекомендовать меня одному человѣку, который могъ мнѣ быть очень полезенъ; я была рада его предложенію, потому что никого не знала въ Гамбургѣ, а рекомендаціи необходимы путешественнику. Наканунѣ моего отъѣзда, онъ пришелъ проститься со мною.

— Принесли письмо въ Гамбургъ? спросила я.

— Письмо?

— Ну да, письмо.

— А, помню. . . . письма не нужно; вы спросите только старика Дюрана.

— Да гдѣ-же, въ какой части города буду я искать его? Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ его адресъ; напишите два слова, чтобы онъ зналъ, что я обращаюсь къ нему отъ вашего имени.

— Пустяки; ничего не нужно; спросите просто старика Дюрана.

Я подумала, что на него не въ добрый часъ нашла причуда, махнула рукой и не думала болѣе о письмѣ.

До этого времени я ѣздила не далѣе Бельгіи, и ѣздила не какъ тутистка, чтобы описывать мѣстности, голубое небо и зеленыя деревья. Поэтому прошу читателей не ждать отъ меня путешествія, какими достаточно угощаютъ ихъ досужіе и записные путешественники. Я буду говорить только о томъ, что сама испытала на пути. Я и не затѣмъ вѣдь ѣхала, чтобы совершать путешествіе по всѣмъ правиламъ; а просто, какъ артистка, поискать себѣ счастія, и если не богатства, то по крайней мѣрѣ независимаго состоянія, которое я утратила на родинѣ и надѣялась возстановить на чужбинѣ. Зато, если въ описаніяхъ моихъ не будетъ поэ-

зіи нашихъ милыхъ туристовъ, я постараюсь замѣнить ее истиною, сколько могла я ее видѣть своими непосвященными глазами.

И такъ начну съ Майнца и Франкфурта. Въ Майнцѣ переѣхала я черезъ Рейнъ, эту дивную рѣку, которая такъ роскошно течетъ лѣтомъ между цвѣтущихъ береговъ, и становится такъ ужасна, когда зимній морозъ покроетъ ее льдинами, и путешественникъ долженъ пробираться между нихъ на легкомъ челнокѣ, отталкивая баграми ледяныя горы, готовыя поглотить его вмѣстѣ съ челнокомъ. Впрочемъ я не имѣла этого сомнительнаго удовольствія; я переѣхала преспокойно по чудесному и гладкому, какъ столъ, мосту. Дороги въ Германіи были въ то время еще нестерпимы; у кого не было своего экипажа, тотъ долженъ былъ ѣхать на перекладныхъ, или, какъ величали эту ѣзду, по экстра-почтѣ; то есть, на простыхъ телѣгахъ, на которыя ставили скамью со спинкою. Телѣги были открытыя, и не защищали путешественника ни отъ дождя, ни отъ лучей солнца. Меня предупреждали въ Майнцѣ о всѣхъ неудобствахъ этой ѣзды, но дѣйствительность вдесятеро превзошла мои ожиданія.

Подъѣзжая къ Франкфурту на этой адской телѣжкѣ, созданной развѣ для перевозки навозу, а отнюдь не людей, я готова была предаться отчаянію. Мнѣ казалось, что всѣ выпучатъ глаза на мой въѣздъ, какъ на нѣчто небывалое; что мнѣ нельзя будетъ выдти на улицу, нельзя будетъ пройти мимо этихъ прекрасныхъ домовъ и великолѣпныхъ лавокъ, чтобы не указывали со всѣхъ сторонъ пальцами на барыню, пріѣхавшую на телѣгѣ; что меня не пустятъ ни въ одну гостинницу . . . Ужъ таковы всѣ молодыя женщины: воображаютъ, что имъ нелзья никуда показаться, чтобы не обратить на себя общаго вниманія и не произвести волненія, благопріятнаго или неблагопріятнаго. Ничего не бывало; я подъѣхала къ гостинницѣ Англіи, нисколько не смутивъ германской флегмы; никто не посмотрѣлъ на меня, а содержатель гостинницы принялъ меня также почтительно, какъ еслибы я пріѣхала въ дормёзѣ, и даже содралъ съ меня также дорого.

Устроившись и отдохнувъ отъ дороги, я поѣхала къ дядѣ, который выселился изъ Цвейбрюкенскаго герцогства по вступленіи французской арміи. Дядя, не видавшій меня съ самаго моего дѣтства, принялъ меня чрезвычайно радушно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ переѣхалъ изъ Цвейбрюкеня и лишился имущества, онъ жилъ во Франкфуртѣ и давалъ уроки математики; а тетушка, отличная музыкантша, ученица лучшихъ виртуозовъ нѣмецкой школы, давала уроки пѣнія. Они ползовались общимъ уваженіемъ и хорошо вели свои дѣла; тѣмъ не менѣе однакоже жалѣли о

Цвейбрюкенѣ, потому что не могли свыкнуться съ новымъ образомъ жизни.

Они повели меня въ Казино, мѣсто, гдѣ собирается лучшее Франфуртское общество; тутъ же даются обыкновенно концерты. Такъ какъ у меня были съ собою одни дорожныя платья, а въ 1806 году, даже при самомъ простомъ туалетѣ, надѣвалось платье съ полушлейфомъ, то я забилась въ уголокъ, чтобы не быть замѣченною; не то-я какъ иностранка, и сверхъ того парижанка, непремѣнно была бы ощипана всѣми франкфуртскими щегогихами. Вдругъ раздался глухой шумъ, возвѣстившій прибытіе генерала Ожеро, бывшаго чѣмъ то въ родѣ вицекороля во Франкфуртѣ. Онъ былъ окруженъ своимъ штабомъ, состоявшимъ изъ молодыхъ людей изъ первыхъ домовъ. Ихъ обхожденіе и пріемы представляли разительную противоположность съ ухватками ихъ начальника; но это именно льстило самолюбію генераловъ Имперіи; они этимъ напоминали, что воинская слава ихъ достаточно выкупала недостатокъ воспитанія.

Въ первомъ антрактѣ всѣ встали, и генералъ, увидѣвъ меня, поспѣшилъ ко мнѣ, шагая черезъ всѣ лавки.

— Какъ, сударыня, сказалъ онъ, вы во Франкфуртѣ и не сдѣлали мнѣ чести посѣтить меня?

Я извинилась тѣмъ, что была въ городѣ только проѣздомъ, и остановилась на нѣсколько дней, чтобы повидаться съ родственниками.

— Я такихъ отговорокъ не принимаю, отвѣчалъ онъ, и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ завтра у себя за столомъ съ господиномъ Флёри и его супругою.

Я хотѣла было отговориться неимѣніемъ пристойнаго туалета; но онъ не хотѣлъ ничего знать, и, какъ онъ жилъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, то просилъ позволенія прислать за мною экипажъ. Дядя сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я приняла. Тетушка ни за что въ мірѣ не хотѣла ѣхать со мною; она ненавидѣла военныхъ, позорившихъ ея родной Цвейбрюкенъ, и всѣхъ соединяла подъ одинъ приговоръ. Г. Флёри также не очень жаловалъ ихъ, но не хотѣлъ отпустить меня одну, покрайней мѣрѣ, въ первый разъ. Онъ пріѣхалъ на слѣдущій день ко мнѣ въ гостинницу, къ которой вскорѣ подъѣхало чудесное ландо въ четыре лошади, сопровождаемое двумя молодыми адъютантами, верхами. Мы неслись во весь опоръ; а съ обѣихъ сторонъ улицы, всѣ прохожіе ломали передъ нами шапки. Меня чрезвычайно забавляла эта почесть, оказываемая генеральскому ландо; не ломали же передо-

мною шапокъ, когда я торжественно въѣзжала во Франкфуртъ на телѣжкѣ. Что значитъ экипажъ!

Мы застали у генерала всѣхъ посланниковъ и всѣ мѣстныя власти. Но всего болѣе обрадовала насъ встрѣча съ Гаю, учителемъ слѣпыхъ, ѣхавшимъ въ Россію по приглашенію императора Александра Павловича. Этотъ Гаю былъ очень замѣчательный человѣкъ; онъ и дядя мой чрезвычайно уважали другъ друга. Такъ какъ съ нимъ была и его жена, то я потомъ ѣздила къ генералу съ нею. При Ожеро было нѣсколько талантливыхъ любителей музыки, и я должна была пѣть каждый вечеръ.

Наконецъ, я простилась съ дядею и теткою, которыхъ радушный, истинно родительскій пріемъ, навѣки запечатлѣлся въ моей памяти.

—

Глава XXXI.

Какъ скоро я пріѣхала въ Гамбургъ, ко мнѣ явилось нѣсколько французовъ, старинныхъ знакомыхъ. Это были все эмигранты, посвятившіе себя торговлѣ.

— Какъ это, говорили они мнѣ, вы не позаботились о томъ, чтобы вамъ дали рекомендательныя письма? нигдѣ вамъ не будетъ въ нихъ такой нужды, какъ здѣсь.

— Я никого не знала, кто бы могъ мнѣ дать ихъ, отвѣчала я, кромѣ господина Одра.

— Господинъ Одра, что ведетъ всѣ дѣла Талейрена?

— Именно.

— Чего же лучше; письмо отъ него было бы здѣсь полезнѣе всякаго другаго.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ за чудакъ? когда вобьетъ себѣ что нибудь въ голову, такъ ужъ ничѣмъ не выбьешь. Что вы думаете, отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я просила его дать мнѣ рекомендательное письмо? — Спросите старика Дюрана. Пожалуй, примутъ за такую же сумасшедшую, какъ Одра, когда я стану встрѣчнаго и поперечнаго спрашивать о какомъ то старикѣ Дюранѣ.

— Старикъ Дюранъ! онъ-то вамъ и нуженъ, . . онъ здѣсь всемогущъ. Это лучшая рекомендація, какую можно вамъ желать. Мильонеръ, добрякъ, какихъ мало, и человѣкъ съ большимъ вѣсомъ въ городѣ. Онъ задушевный другъ господина Одра.

— И вы думаете, что мнѣ стоитъ только спросить старика Дюрана и онъ не разсердится?

— Нисколько.

— Это видно такое-же всемогущее имя въ Гамбургѣ, какъ имя Бондокани въ *Багдадскомъ калифѣ*.

На слѣдующій день я отправилась къ старику Дюрану, который принялъ меня, какъ нельзя лучше. Онъ сдѣлалъ для меня все, что мнѣ было нужно, и избавилъ меня отъ многихъ лишнихъ хлопотъ. Наружность его была довольно невзрачна; ни дать, ни взять, отказавшійся отъ торговли суконщикъ второй руки. Ходилъ онъ всегда пѣшкомъ, съ зонтикомъ подъ мышкою, а держалъ экипажи для пріятелей и для дамъ, которыя дѣлали ему честь у него обѣдать, это собственное его выраженіе. Онъ принималъ у себя всѣ знаменитости Гамбурга. Я обѣдала у него съ Бурьеномъ, который казалось былъ очень недоволенъ французскимъ правительствомъ, хотя самъ служилъ ему.

— Артисты покидаютъ Францію и ѣдутъ за границу, говорилъ онъ; видно не хорошо имъ во Франціи.

— Изъ этого видно только, что ихъ слишкомъ много, и что всѣ не могутъ стать въ первомъ ряду, отвѣчала я.

Къ старику Дюрану сходились также всѣ рекомендованные ему эмигранты. Тѣ, которыхъ я встрѣчала за границею, всѣ избрали себѣ какое нибудь занятіе, и часто очень не вязавшееся съ ихъ прежнимъ званіемъ. Такъ, напримѣръ, квартирмейстеръ открывалъ винный погребъ, полковникъ заводилъ кофейню, другіе занимались разными мелкими ремеслами. Маркизъ д' Осмонъ, бывшій посломъ въ Лондонѣ, разсказывалъ намъ, что онъ кормился починкою старыхъ зонтиковъ.

Я встрѣтила также у Дюрана одного кавалера ордена святаго Людовика, очень любезнаго человѣка, котораго Дюранъ чрезвычайно уважалъ. Онъ разъѣзжалъ по торговымъ дѣламъ разныхъ домовъ, и хорошо зналъ Россію; мнѣ взяли мѣсто на томъ же кораблѣ, на которомъ онъ долженъ былъ отплыть, и поручили меня его попеченію.

Я ужасно страдала отъ морскаго путешествія. Наконецъ, измученная и больная, пріѣхала я въ Петербургъ. Я везла съ собою изъ Парижа самые щегольскіе, самые новые наряды. Кто бы подумалъ, смотря на щеголиху, выходившую изъ кареты въ турецкой шали, въ итальянской соломенной шляпкѣ, съ вуалемъ изъ англійскаго кружева, что въ кошелькѣ, который она держала въ рукѣ, заключалось все ея богатство: двадцать голландскихъ червонцевъ. И съ этимъ я пріѣхала въ городъ, за нѣсколько сотъ миль отъ

своей родины, и гдѣ у меня не было ни души родной или знакомой; ибо всѣ лица, къ которымъ я имѣла рекомендательныя письма, были въ своихъ помѣстьяхъ или въ отлучкѣ.

Однакоже я не унывала. Я вспомнила, что передъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа, одна дама дала мнѣ письмо къ своей сестрѣ, державшей модную лавку на Невскомъ Проспектѣ. Я разсудила, что могла получить отъ нея нѣкоторыя необходимыя для меня свѣдѣнія. Я была въ это время на Мойкѣ, и какъ черезъ нее надо было переѣхать на лодкѣ, то я отослала свою карету. Между тѣмъ, какъ я размышляла о томъ, какъ стану объясняться съ лодочниками, ко мнѣ подошелъ господинъ, уже нѣкоторое время слѣдившій за мною, и предложилъ мнѣ свои услуги. Это былъ докторъ Легро, хорошій врачь, и въ добавокъ очень веселый и любезный малый. Мы потомъ часто смѣялись первой своей встрѣчѣ на крутыхъ берегахъ грязной Мойки. Онъ повелъ меня къ модисткѣ, которая приняла меня, какъ землячку, и обѣщала служить всѣмъ, чѣмъ могла.

Она осыпала меня любезностями и увѣдомила, что маркизъ де-Ламезонфоръ былъ въ городѣ. Я тотчасъ написала что имѣю вручить ему письмо. Такъ-какъ я дала ему свой адресъ у модистки, онъ вообразилъ, что я пріѣхала въ Петербургъ въ званіи мастерицы, и потому не счелъ нужнымъ соблюсти особенную вѣжливость. Маркизъ былъ уже не молодъ, принадлежалъ къ разряду старинныхъ французкихъ вѣтренниковъ, въ родѣ знаменитаго маркиза Біевра, слылъ человѣкомъ не глупымъ, и даже написалъ во времена оны нѣсколько плохихъ комедій и множество хорошенькихъ пѣсенъ. На слѣдующій день онъ съ шумомъ явился въ магазинъ, я занималась рукодѣльемъ въ сосѣдней комнатѣ, и имѣла удовольствіе слышать слѣдующіе слова.

— Гдѣ тутъ дама, которая имѣетъ ко мнѣ письмо? могла бы потрудиться прислать его ко мнѣ! . . . гдѣ же она, эта дама? —

Я вышла къ нему, и сказала съ достоинствомъ: Это письмо отъ маркизы де-Ламезонфоръ, маркизъ; а какъ въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь обо мнѣ, то я сочла долгомъ вручить его вамъ лично.

Маркиза отзывалась обо мнѣ такъ лестно, что мужъ ея сдѣлался въ одно мгновеніе совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Мнѣ весьма пріятно, сударыня, что маркиза де-Ламезонфоръ доставила мнѣ удовольствіе служить особѣ, въ которой она принимаетъ такое сильное участіе. Я довольно знакомъ съ здѣшнимъ обществомъ, чтобы имѣть возможность быть вамъ полезнымъ.

Потомъ онъ уѣхалъ, сказавъ мнѣ, что подумаетъ о томъ, какъ

удобнѣе будетъ дѣйствовать, и обѣщалъ навѣстить меня черезъ три или четыре дня.

Въ самомъ дѣлѣ, на четвертый день онъ пріѣхалъ. Онъ уже говорилъ обо мнѣ многимъ значительнымъ особамъ и въ особенности княгинѣ Н. На послѣднюю расчитывалъ онъ болѣе всего. Она изъявила чрезвычайное желаніе познакомиться со мною, и онъ на слѣдующій же день пріѣхалъ за мною и повезъ меня на Карповку, гдѣ была ея дача.

— Она премилая женщина, сказалъ онъ мнѣ дорогой; очень образована, много путешествовала, принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ домовъ.

Насъ приняла графиня Вр. . . . , полька, жившая въ домѣ княгини, женщина очень умная, любезная и хорошая музыкантша. Послѣ завтрака, она повела насъ въ садъ и показала хорошенькія бесѣдки, построенныя на островахъ. Дача эта очаровательна, какъ большая часть дачъ вокругъ Петербурга. Маркизъ де-Ламезонфоръ оставилъ меня, а самъ уѣхалъ въ городъ. Княгиня для меня вышла нѣсколько ранѣе обыкновеннаго; я нашла, что сдѣланное мнѣ описаніе, нисколько небыло преувеличено; прекрасные, черные, какъ смоль волосы, тонкіе и шелковистые, падали кудрями на прекрасную шею; лицо было кротко и выразительно; въ станѣ и поступи была какая то очаровательная нѣга; и когда она подымала свои большіе, черные глаза, васъ поражалъ тотъ вдохновенный взглядъ, который далъ ей Жераръ въ одной изъ своихъ картинъ. На ней былъ кисейный пеньуаръ, драпированный, какъ на античной статуѣ. Никогда не одѣвалась она какъ другія женщины; но въ эта время, когда она была въ полномъ блескѣ молодости и красоты, это античная простота шла къ ней какъ нельзя болѣе. Она приняла меня чрезвычайно любезно и просила бывать у нея каждый день.

— Я еще не знаю, сказала она, проведу ли я зиму въ Петербургѣ; я собираюсь проѣздиться въ Константинополь и въ Грецію; не согласитесь ли вы совершить такую поѣздку?

Я отвѣчала, что она была бы мнѣ чрезвычайно пріятна. Княгиня скоро оставила насъ, ибо она рѣдко выходила къ обѣду, и я осталась съ графинею Вр. . . . . Мы гуляли, читали, разговаривали до самаго того времени, какъ начали собираться гости; мы сидѣли въ небольшомъ кабинетѣ, окнами въ садъ, все убранство его заключалось въ небольшой библіотекѣ, портфеляхъ съ эстампами, множествѣ музыкальныхъ инструментовъ, къ которымъ княгиня никогда не прикасалась, и нѣсколькихъ корзинкахъ цвѣтовъ. Княгиня играла на арфѣ или на гитарѣ, только когда бывала одна.

Князь Я*** разказывалъ намъ, что однажды на Тёплицкихъ водахъ ее даже на колѣнахъ умоляли спѣть одинъ романсъ; всѣми средствами старались склонить ее, но безъ успѣха. Когда же всѣ разошлись, она, полагая, что всѣ уже спали, отворила окна, и стала пѣть не только этотъ романсъ, но и множество другихъ, пока не разбудила всѣхъ сосѣдей.

Княгиня вышла только, когда всѣ гости собрались. Подали шоколадъ и мороженое. Мы разсѣялись по обширному саду и его островамъ. Это было въ іюнѣ, самомъ очаровательномъ мѣсяцѣ въ Россіи, когда вовсе нѣтъ ночей; потому что солнце заходитъ въ половинѣ одинадцатаго, а въ полночь уже начинается заря.

Когда маркизъ до-Ламезонфоръ привезъ меня домой, уже было совершенно свѣтло. Положено было, что впредъ за мною будутъ присылать лошадей.

Въ этомъ домѣ познакомилась я съ очаровательною княгинею Натальею Куракиною и съ графомъ Ѳеодоромъ Головкинымъ, которые составляли радость парижскихъ обществъ во время пребыванія ихъ во Франціи. Они особенно любили общество артистовъ и литераторовъ, и часто бывали на вечерахъ госпожи Лебренъ-Виже и живописца Жерара. Они сами были одарены талантами, довольно рѣдкими въ большомъ свѣтѣ. Княгиня Куракина была превосходная музыкантша, играла на нѣсколькихъ инструментахъ, и сама сочиняла премилые романсы. Графъ занимался литературою и очень хорошо рисовалъ. Онъ былъ нѣкогда посланникомъ въ Неаполѣ и превосходно говорилъ по итальянски.

Когда я увидѣла графа Головкина въ первый разъ, я приняла его за француза, что, какъ онъ мнѣ говорилъ, очень польстило его самолюбію. Я еще не знала тогда русскихъ, и потому не могла замѣтить, что они по большей части очень свободно, часто даже изящно говорятъ по французски. Во все пребываніе мое въ Петербургѣ, я очень часто видала графа Головкина, а когда онъ пріѣхалъ въ Москву, я уже давно была знакома съ его супругою, и тѣмъ лучше могла оцѣнить прекрасныя свойства его души.

—

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

30*го* *Августа*. *Параша Сибирячка*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ. *Роль Неизвѣстнаго игралъ въ первый разъ г. Леонидовъ. Роль Прохожаго для перваго дебюта игралъ Г. Волинъ, и роль Параши въ первый разъ по возвращеніи изъ отпуска г-жа Касицкая.*

Драма эта издавна служила и служитъ оселкомъ сценическихъ талантовъ, и такъ уже извѣстна всѣмъ, что рѣшительно ничего не остается прибавить на этотъ разъ къ ея общему выполненію, кромѣ разбора игры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Г. Леонидовъ игралъ въ первый разъ роль *Неизвѣстнаго* и несмотря на нѣкоторые, довольно сильные, промахи, намъ гораздо пріятнѣе было его видѣть въ этой роли, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ играетъ любовниковъ, героевъ добродѣтели или идеалы красоты. — Видно, что онъ изучалъ эту роль и передалъ ее во многихъ мѣстахъ очень удачно. Особенно въ послѣдней сценѣ, свиданья его съ дочерью, если бъ только онъ не насмѣшивъ публику, схвативъ Г-жу Косницкую и протащилъ ее полъ-сцены на рукахъ, то произвелъ бы большой эфектъ.

Г-нъ Волинъ, игралъ въ первый разъ роль *Прохожаго*. Я никакъ не могу понять, какъ можно выбрать такую роль для перваго дебюта? Какую сторону своего таланта хотѣлъ показать г-нъ Волинъ? Роль *Прохожаго* не трудная и вовсе не эфектная, выдумать тутъ ровно нечего, поэтому о дебютантѣ можно сказать, что у него очень хорошая сценическая наружность, пріятный голосъ, что онъ читаетъ толковито, довольно развязенъ, для перваго дебюта. Что же касается до его таланта, то мы рѣшительно ничего не можемъ объ немъ заключить, и подождемъ роли, въ которой онъ могъ бы показать его.

Но главное лицо въ пьесѣ *г-жа Касицкая*. Она была очень хороша и произвела большой эфектъ. Послѣ внимательнаго изученія ея игры въ этой роли, и соображая предъидущія ея выполненія въ другихъ пьесахъ, я скажу теперь объ ней свое положительное мнѣніе. Увѣренъ, что оно найдетъ множество противниковъ между москвичами, которые вообще въ похвалахъ *своего* большіе эксцентрики, но все-таки его выскажу, какъ мое *личное* мнѣніе, основанное на полномъ убѣжденіи, вслѣдствіе долгаго изученія игры, и на полномъ безпристрастіи. — Вотъ оно:

Г-жа Касицкая обладаетъ превосходнымъ органомъ, чистымъ, пріятнымъ, проникающимъ насквозь всякаго, способнымъ растрогивать и восторгать легкимъ только измѣненіемъ, и въ этомъ то голосѣ, по моему мнѣнію, заключаются всѣ таинственныя силы ея успѣха.—Въ самомъ дѣлѣ, анализируя ея игру, видишь, что мѣсто, которое произвело у ней огромный эфектъ, исполненное другою актрисою, даже съ большимъ знаніемъ дѣла и искусства, не производитъ шестой доли того, что дѣлаетъ въ немъ *Касицкая*, хотя очень ясно замѣчаешь въ ней промахи, неправильности, погрѣшности даже противъ интонаціи и сценическихъ условій, а невольно аплодируешь. Послѣ же, отдавая себѣ отчетъ, что именно такъ

поразило, видишь, что это ея голосъ, или лучше сказать: природная, натуральная сторона его. Не думайте, чтобы она его обработывала, придавала разныя интонаціи и оттѣнки, напротивъ, у ней дѣйствуетъ сама природа, инстиктъ: она говоритъ, какъ чувствуетъ. Эта *душа* и *страсть*, разумѣется, и составляютъ главное достоинство артистки, но *главное* не значитъ еще *полное* и *единственное*. За то мѣста слабыя въ пьесѣ идутъ и у ней очень слабо. Гдѣ нужно сердце, страсть, порывъ души, тамъ Касицкая почти безъ исключенія прекрасна, особенно, если входитъ въ роль еще наивность и простота, отличительный ея характеръ. Гдѣ же ей нужно поддержать пьесу, то есть, прибѣгнуть къ изученію и обработкѣ роли, тамъ ничего не выходитъ. Она дурная актриса. Очень часто замѣчаешь въ ней слишкомъ неловкіе пріемы, непріятные жесты, даже плохое знаніе сцены, въ сильныхъ мѣстахъ она не знаетъ, куда дѣвать руки, прибѣгаетъ къ странной жестикуляціи, но заговоритъ и все кончено. Не смотришь уже ни на руки, ни на что, обратишься весь въ слухъ. Страдаешь самъ ея страданіями или чуть не вскрикиваешь вмѣстѣ съ ея раздирающимъ воплемъ, какъ въ « Парашѣ Сибирячкѣ, » напримѣръ, въ сценѣ свиданія съ отцемъ и братомъ.

Ни одна изъ извѣстныхъ и видѣнныхъ мною актрисъ, безъ исключенія даже г-жи Плесси, придавъ точно такое же выраженіе слову «братъ!» въ этомъ мѣстѣ, не въ состояніи произвѣсть такого впечатлѣнія. Конечно, Плесси поразила бы больше фигурою, манерою, искусствомъ расположить принадлежности этой сцены. У ней было бы больше эфекта въ позѣ, въ движеніяхъ, даже въ интонаціи но въ выраженіи голоса врядъ ли кто можетъ сравниться съ г-жею Касицкою. Двухъ такихъ словъ сряду, я думаю, и она не въ состояніи сказать; это одинъ взрывъ прямо изъ сердца, потому и доходящій прямо до сердца зрителей, вотъ весь успѣхъ и достоинство ея игры. И даже въ простыхъ

мѣстахъ пьесы васъ поражаетъ мягкій, нѣжный, сладкій голосокъ женщины, онъ очаровываетъ васъ, вы заслушаетесь его и пропускаете безъ вниманія самую игру и ея недостатки, онъ обольщаетъ васъ, соблазняетъ, дѣлаетъ пристрастнымъ къ его виновницѣ. И вотъ почему до сихъ поръ всегда смѣшивали настоящее впечатленіе Г-жи Касицкой—какъ женщины, съ печатлѣніемъ Касицкой — какъ актрисы. То есть, производимое ея природой, и производимое--искусствомъ.

Въ этой пьесѣ мнѣ особенно понравилось щегольство и хорошій тонъ брата Параши (*Г. Рябова*), который къ ссыльному отцу въ Сибирь изъ Москвы пріѣхалъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Вотъ что называется истинно галантерейное, чортъ возьми, обращеніе!

—

Бенефисъ танцовщика Пѣшкова. Возстаніе въ Сералѣ; балетъ въ 3 д. (въ 1-й разъ по возобновленіи). Ай да французскій языкъ! вод. 1 д. (*въ 1-й разъ*).

Возстаніе въ Сералѣ. Балетъ этотъ уже извѣстенъ вѣроятно всѣмъ читателямъ «Пантеона», потому что давно держится на нашей сценѣ.

Обстановка его въ Москвѣ довольно удачна. Нельзя умолчать объ декораціяхъ г. *Брауна*, они очень эфектны; особенно кіоскъ во 2-мъ актѣ, и послѣднія декораціи очень хороши. Костюмы свѣжи и вообще весь ансамбль балета показываетъ тщательную обстановку и стараніе артистовъ.

Роль Зюльмы играла въ первый разъ г-*жи Ирка—Матіасъ*, и разумѣется, произвела фуроръ во всей массѣ публики. — Я говорю, *разумѣется*, потому что въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ что нибудь граціознѣе, эфектнѣе, типичнѣе г-жи Ирки въ томъ балетѣ. — Это олицетворенные огонь и страсть. Solo ея въ 1 актѣ и pas de déux съ г. *Монтасю* въ 3мъ были торжествомъ

ея искусства. — Вообще Москва можетъ гордится танцоркой, которая въ состояніи подарить многими минутами истиннаго восторга. Въ 3мъ актѣ въ pas de cinq, особенно были хороши: *Санковская* 2, *Лавагина* и *Григорьева* 1.

Передъ балетомъ давали «*Ай да французскій языкъ*!» который еще держится въ Петербургѣ сколько нибудь игрою г. Мартынова: здѣсь онъ не имѣлъ рѣшительно никакаго успѣха.

3-го *Сентября*.

(*Въ* 1-й *разъ по возобновленіи*) *Новый Парисъ*, оперетка въ 1 дѣйствіи. — Большое удовольствіе доставило всѣмъ любителямъ театра возобновленіе этой оперетки. Сюжетъ ея очень забавенъ. Дядюшка трехъ милашекъ, изъ которыхъ каждая лучше двухъ остальныхъ, оставилъ имъ въ наслѣдство всякой по изрядной суммѣ, и сверхъ того 50000 франковъ той, которая хуже другихъ для пополненія обиды природы. Само собой разумѣется, что ни одна изъ дѣвушекъ не желаетъ воспользоваться добавочной суммой и онѣ требуютъ суда. Призываютъ молодаго человѣка. Новый Парисъ долженъ вручить яблоко той, которую онъ признаетъ за самую худшую. Но онъ самъ влюбленъ въ одну изъ дѣвушекъ, именно въ Фаншету, и у него вкусъ не дуренъ, потому что на нее имѣютъ виды мѣстный судья г. Бальи и Арендаторъ (*Г. Никифоровъ*). Не желая обидѣть никого, Парисъ самъ съѣдаетъ яблоко, но говоритъ, что какъ онѣ всѣ равно прелестны, то наслѣдство должно принадлежать той, которая глупѣе другихъ, и Фаншета, прикинувшись простенькой, получаетъ вмѣстѣ съ 50000 франковъ и руку своего судьи. Разыграна была эта пьеска очень недурно. *Бороздина* 1 (Фашета), *Бороздина* 2 (Клара) и *Наумова* 1 (Викторина) выполнили свои роли, какъ нельзя лучше. Также хороши были *Садовскій* 1 и *Сабурова* 1 въ роли г-жи Рондо.

Мѣльничиха въ Марли (роль Маргариты играла въ 1-й разъ *г-жа Лаврова.*) Пьеса эта идетъ здѣсь вообще не совсѣмъ кругло, а главное *г. Никифоровъ* вовсе не на своемъ мѣстѣ. Актеръ полезный и даже необходимый во многихъ пьесахъ, онъ рѣшительно не въ своей тарелкѣ — въ ролѣ Маркиза. — *г-жа Нѣмчинова* (Маркиза) была тоже не маркиза. — Наконецъ, самъ *г. Васильевъ*, которому именно по характеру роль *Гильома*, былъ какъ то ни то, ни се, и вышло, что лучше всѣхъ была *г-жа Лаврова.* Куплеты были спѣты очень мило и почти всѣ до одного повторены.

Передъ этой пьесой давали уже извѣстную петербургской публикѣ по превосходной въ ней игрѣ Мартынова, пьесу: «*Хлопчатая бумага*». Роль *Страннаго* игралъ здѣсь *г. Дмитревскій*, и намъ показалось странно, какъ онъ можетъ брать на себя такія роли! *Г. Дмитревскій*, занимающій амплуа благородныхъ отцевъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно удачно, у котораго патетическій элементъ развитъ гораздо больше комическаго, взялся за роль, требующую даже нѣкотораго фарса и утрировки. За то, я и не видалъ пьесы, которая бы хуже шла, чѣмъ здѣсь «Хлопчатая бумага.» Прочіе персонажи вполнѣ соотвѣтствовали г. Дмитревскому. *г-жа Златопольская* 1 играла какую то пародію на свою роль; *Башкировъ* 2, въ свою очередь пародировалъ Мартынова, и одна только *г-жа Соболева* 2 сдѣлала изъ своей маленькой рольки, что могла. Эта дѣвушка съ истиннымъ дарованіемъ.

Въ этотъ же спектакль шелъ водевиль: «*Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли.*» *Садовскій* 1 уморителенъ въ роли *Обломкова.*

8-го *Сентября.*

Пиковая Дама, игранная прежде подъ именемъ *Хризоманіи или тайны Сенъ-Жермена.* По выкинутому прологу, растянутымъ и неестественнымъ сценамъ, а главное, по дурному выполненію, въ ней просто нельзя узнать

прелестной повѣсти Пушкина. Одно лицо, которое вполнѣ поддерживаетъ всю пьесу, это *г-жа Львова — Синецкая* въ роли графини *Тонской*. Такъ сыграть роль старухи — брюзги, жеманной, капризной, которой все уже надоѣло, и которая въ свою очередь надоѣдаетъ всѣмъ ее окружающимъ — дѣло великой артистки. Изъ за нея одной стоило смотрѣть нѣсколько разъ эту пьесу, которая безъ нея была бы одною изъ самыхъ скучнѣйшихъ. *г-жа Капшина*, играя баронессу *Вальмаръ*, которая даетъ у себя въ домѣ балъ, была одѣта ужъ черезъ чуръ по домашнему: глазамъ больно смотрѣть, когда въ залѣ, произведенія одного изъ лучшихъ московскихъ декореторовъ (г. Сѣркова), вдругъ появляется такая замарашка.

Передъ этой пьесой давали «*Ножку*», водевиль П. Каратыгина 2, которая здѣсь не имѣетъ успѣха. Здѣсь кстати замѣтить, что большая часть пьесъ, имѣющихъ успѣхъ на Петербургскомъ театрѣ, не имѣютъ успѣха на Московскомъ. *г-жа Сабурова* 2 г. *Ольгинъ* и *Колосовъ* довольно неудачно участвовали въ этой пьесѣ.

15-го *Сентября*.

Бенефисъ Щепина. «*Таинственные Духи или Проклятое мѣсто*,» волшебная опера въ 4 дѣйствіяхъ и 20 картинахъ съ хорами, танцами, сраженіями, полетами, превращеніями, машинами, съ тѣмъ, какъ группа деревьевъ превращается въ колыбель, какъ деревья начинаютъ Каспара сѣчь; какъ столъ превращается въ осла, духъ въ фонарь, колеса мѣльницы вѣртятся (?) и проч. Сюжетъ взятъ изъ повѣсти Л. Губера, музыка соч. Мюллера, костюмы Вуато, танцы Пѣшкова, сраженіе Иванова. *Картина* 1. Явленіе духа. *Карт.* 2. Рыцарское слово. *Карт.* 3. Голосъ, изъ могилы. *Кар.* 4. Живой мертвецъ. *Кар.* 5. Таинственная старушка. *Кар.* 6. Страшный проводникъ. *Кар.* 7. Чертова мѣльница. *Кар.* 8. Черный рыцарь. *Кар.* 9. Кровопійца. *Кар.* 10. Обвиненіе передъ гробомъ. *Кар.* 11. Кошелекъ съ золотомъ. *Кар.* 12. Рыцарскій вызовъ. *Кар.* 13.

Духъ-избавитель. *Кар.* 14. Бой не на животъ, а на смерть. *Кар.* 15. Отправленіе въ страшный лѣсъ. *Кар.* 16. Она возвратилась. *Кар.* 17. Приготовленіе къ свадьбѣ. *Кар.* 18. Таинственный пустынникъ. *Кар.* 19. Подземная пещера. *Кар.* 20. Примиреніе духовъ.

Объ этомъ *великолѣпномъ* спектаклѣ можно сказать только то, что въ бенефисъ театръ къ удивленію былъ почти полонъ, а въ повтореніе не было никого! Скоро ли перестанутъ бенефиціанты такъ безжалостно подчивать почтенную и довѣрчивую публику подобными пуффами, прошпигованными раздѣленіями и поздравленіями, и скоро ли публика пойметъ, что еслибъ въ каждой изъ 20 картинъ пьесы заключалась хотя сотая доля человѣческаго смысла, то пьеса должна бы длиться не менѣе полутора сутокъ.-Странное дѣло!

Жаль только было бѣдныхъ *Сабурову* 2 и *Бороздину* 2, они перемѣняли въ этой пьесѣ, кажется, разъ по тридцати костюмы, являясь то убитымъ духомъ, то живымъ, то пустынникомъ, рыцаремъ, старухой, старикомъ, угольникомъ, мальчикомъ, геніемъ, чортомъ, и проч. И къ чему это? какъ будто ужъ нельзя произвѣсть истязанія публики, безъ истязанія артистовъ! Жаль было и г. г. *Живокини* и *Бантышева*, участвовавшихъ въ этой нелѣпой пьесѣ, достойной дружкѣ къ «Пилюлямъ» г. Ленскаго.

Много случалось видить на сценѣ ничтожныхъ явленій, но такаго великолѣпнаго вздора вѣрно никто и никогда со временъ *Пилюль* еще не встрѣчалъ.

19-го *Сентября.*

«*Ермакъ Тимофѣевичъ или Волга и Сибирь.*» Драма въ, 5 д. Н. Полеваго. (Роль Ермака игралъ въ 1 разъ г. *Леонидовъ*, роль Кольцо — г. *Волинъ* и роль Маріи *г-жа Касицкая*). Пьеса эта идетъ здѣсь вообще довольно хорошо и кругло. *Леонидовъ* очень хорошъ въ ролѣ Ермака; во многихъ мѣстахъ у него есть неподдѣльнный жаръ, чувство, на примѣръ, когда объявляетъ ему Строгоновъ, что

царь прощаетъ его; когда онъ отвергаетъ предложеніе Кучума и проч. Вообще, онъ чрезвычайно полезный актеръ на здѣшней сценѣ, и не имѣя для себя замѣны, дѣлается уже любимцемъ публики. Всѣ роли свои онъ выполняетъ отчетливо и вѣрно съ природою, хотя мы не совѣтывали бы ему играть ролей въ родѣ *Родольфа* («Влюбленный братъ») и князя *Тонскаго* («Въ Наслѣдницѣ»). Его мѣсто въ драмѣ утрированной, въ полу-трагедіи, и онъ можетъ съ честію занимать его.

Г. Волинъ, выступившій въ первый разъ въ роли *Неизвѣстнаго* (въ «Парашѣ Сибирячкѣ»), взялъ для втораго дебта, роль *Кольцо*. Сначала мы не хотѣли говорить объ немъ своего мнѣнія, боясь ошибиться, но теперь принуждены сказать непріятную истину. Пренебреженіе-ли это условій сценическихъ, или совершенная неспособность, но у Волина нѣтъ еще самыхъ первыхъ началъ сценическаго искусства: онъ не умѣетъ держаться, двигаться, ходить по сценѣ, будто это такъ трудно. Бѣгъ его къ Ермаку съ вѣстію о прощеніи заставилъ расхохотаться весь театръ (въ трагедіи!) Роль Кольца у него совершенно пропала. Странно, право, какъ у людей достаетъ духу явиться передъ публикою на сценѣ, не имѣя ни понятія объ искусствѣ, ни малѣйшей тѣни призванія къ артистическому поприщу.

Роль Маріи у *Касицкой* показала именно то, что я имѣлъ уже случай сказать о ней. Роль Маріи не сильна, не эфектна, не требуетъ *особенныхъ* порывовъ души, и потому *Касицкая* изъ нея ровно ничего и не сдѣлала. — Къ сожалѣнію, г-жа Касицкая слишкомъ надѣется на свои природныя средства, и потому мало обдумываетъ и не изучаетъ свои роли. Правда, она одна изъ лучшихъ надеждъ нашего театра, но это только *надежда*- не больше! Этаго ей не слѣдовало-бы забывать.

22-го *Сентября. Бенефисъ Нѣмчинова. «Благословеніе Материнское»* (въ 1 разъ) переводъ *Г. Маркова*. До чего

можетъ дойти бенефисная спекуляція! Даютъ «La nouvelle Fanchon» въ 1 разъ въ Москвѣ. (?) Такъ ли мы прочитали? Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто прежняго «*Материнскаго благословенія или бѣдность и честь*, на афишкѣ стоитъ: *Благословеніе материнское*, новый переводъ г. Маркова. Пойдемъ въ театръ, посмотримъ, что это такое? Смотримъ. Пьеса таже самая, только введено новое лицо, прежде пропущенное въ старомъ переводѣ —это Фаншетта (Шоншонъ) и что же вышло изъ этаго введенія? Пьеса сдѣлалась гораздо хуже, чѣмъ была, до невѣроятности растянулась, и самая роль Фанщетты, которая вовсе не нужда въ пьесѣ, только замѣдляетъ ходъ, нитригу и завязку, и мѣшаетъ зрителямъ понимать пьесу.—Г. Марковъ вздумалъ поправлять прежняго переводчика пьесы — Некрасова, однакожъ не постыдился заимствовать у него почти всѣ куплеты пьесы, какъ-то: cinq sous, куплетъ командора, пѣніе Маріи во время ея сумасшествія: «*въ бѣдную хижину, Богомъ хранимую*:» и проч. Все это мы слушали въ новомъ переводѣ г. Маркова, *въ первый разъ*! (?) Удивительно право, неужели спекуляція можетъ ослѣплять до такой степени? неужели достаточно подписать свою фамилію подъ произведеніемъ чужаго пера и быть спокойну и счасливу! Но вѣдь это значитъ въ лицахъ басня пава и ворона. Всѣ благомыслящіе люди негодуютъ на такое явное нарушеніе литературной собственности! И кому-же до этого больше дѣла, какъ не критику! Во всякомъ случаѣ, мы бы посовѣтовали г. Маркову, въ слѣдующія представленія его новой пьесы, выставя на афишѣ свое имя, сказать, новый переводъ, заимствованный изъ стараго, съ маленькою порчею языка, съ прибавкою лишней вставки и присвоеніемъ чужихъ куплетовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ дѣло выдетъ чище.

Объ томъ, какъ разыгрывается эта пьеса на Московской сценѣ, мы уже имѣли случай говорить, и довольно подробно. На этотъ же разъ, по причинѣ введенія новой роли, пьеса много проиграла.

Г-жа Касицкая, къ сожалѣнію, не была такъ эфектна, какъ прежде, даже вниманіе къ ней публики видимо уменьшается. Ее даже не *принимали* (театральный терминъ, означающій рукоплесканія публики при первомъ выходѣ). Это ей не мѣшало бы принять въ соображеніе и не-шутить съ публикой на счетъ отдѣлки и выполненія ролей.

Остальные персонажи всѣ были тѣже, только новую роль Фаншетты занимала г-жа Нѣмчинова и безъ особеннаго успѣха.

Гулянье въ Косинѣ. (въ 1 разъ) Интермедія въ 1 дѣйствіи. Вещь, о которой не стоитъ говорить, написанная, вѣроятно, съ мыслію только поставить свое имя на афишку и придраться къ случаю, чтобъ дать какой нибудь дивертисементъ. Музыка этой интермедіи состоитъ въ цыганской пѣснѣ г. *Горшкова*, которая столько же цыганская, сколько китайская, или жителей острова Мадагаскара. Дебютъ г. Горшкова по этой части неудаченъ. Впрочемъ, это гармонировало съ самой интермедіею.

Г. Васильевъ въ дивертиссементѣ пропѣлъ пѣсню про *мужика, которой поѣхалъ на дровъ*, въ которой такъ хорошъ г. Моръ въ Петербургѣ. Васильевъ никогда не видалъ Мора, и пропѣлъ, хотя хуже его, но довольно удачно. Мы бы не совѣтовали такому артисту тратить дарованіе, которое онъ можетъ употребить съ гораздо большею пользою, на какіе нибудь карикатурныя пѣсеньки. — *Г. Наумова* 1 была очень мила цыганкой.

3го *Октября. Бенефисъ Ленскаго.* «*Опекунъ*», ком. 1 д (въ 1 разъ,) *Влюбленный братъ*; др. 1 д. (въ 1 разъ по возобнавленіи), *Статья* 213 ком. 1. д. (въ 1 разъ) *Барская спѣсь* и *Гулянье на Островѣ.*

Опекунъ вздорная пьеса, неимѣвшая здѣсь никакого успѣха, но въ которой *Щепкинъ* чрезвычайно рельефно оттѣнилъ лицо стараго сутяги-мошенника Окуня-Жидовина. Онъ былъ очень хорошъ, и особенно ярко выдался изъ остальныхъ персонажей, которыми была обстановлена пьеса.

Влюбленный братъ прошелъ какъ-то сухо. Ни *г. Леонидовъ*, ни *г. Ленскій* и *г. Лавровъ* ничего не сдѣлали изъ своихъ ролей. Потому ли, что драма была дана послѣ скучной пьесы, утомившей безъ того публику: или что она сама была разыграла слабо, только она непроизвела ни малѣйшаго впечатлѣнія. За ней была дана.

Статья 213, извѣстная уже читателямъ «Пантеона.»— Разыграна пьеса очень хорошо. *Ленскій* въ роли Дюриво, *Лаврова* (Клары) и *Медвѣдева* (Люціи) были очень хороши.

Барская спѣсь, старая пьеса, шла, какъ и всегда, превосходно, только роль Анюты занимала въ первый разъ *г-жа Беркольцъ* и была очень хороша. Это олицетворенная русская крестьянская дѣвушка. Не только пѣніе, но даже простые монологи доставляли ей рукоплесканія... Это насъ истинно радуетъ, потому-что только роли Анюты и недоставало въ этой хорошенькой пьесѣ. *Бантышевъ* пропѣлъ двѣ пѣсни: «Травушку» и «Ты душа моя, красна дѣвица» и произвелъ фуроръ. Лучше его врядъ ли можно пѣть русскія пѣсни, по крайнѣй мѣрѣ, мы не слыхали!

4 го *Октября.*

Наслѣдница, ком. въ 1 дѣйств. въ стихахъ А. И. Писарева (1 дебютъ Зорина).

Сюжетъ этой комедіи самый обыкновенный, избитый, одинъ отказывается отъ руки невѣсты, думая, что она бѣдна, а какъ она получаетъ наслѣдство, то женится на ней. Вотъ приблизительно весь сюжетъ, и не будь только эта комедія написана прекрасными, звучными стихами, она не заслуживала бы никакого вниманія. Впрочемъ, мы и не обращали на нее вниманія, а всё оно было устремлено на новаго дебютанта. Но увы! онъ менѣе всего заслуживалъ этого! Мы въ этой же статьѣ говорили о неудачномъ дебютѣ г. *Волина*, теперь ужасаемся за *Зорина*. *Волинъ* передъ нимъ какой то гигантъ, исполинскій талантъ, недо-

сягаемая высота, чудо своего времени, которому Зоринъ можетъ только завидовать и удивляться.

Во первыхъ, выборъ для дебюта безцвѣтной роли показываетъ отсутствіе вкуса и такта; но это бы еще ничего. А то съ самаго перваго выхода публика слышала только молчаніе Г-на Зорина, (онъ игралъ для себя), только и видѣла его дурные, неестественные жесты и манеры.

Заключимъ нашъ обзоръ спектаклей замѣчаніемъ, что публика стала гораздо внимательнѣе къ театру, и почти каждый вечеръ наполняетъ его залу. *Г. Леонидовъ* сыгралъ двѣ очень удачныя роли (въ Ермакѣ и Ляпуновѣ), *Г. Касицкая* раза четыре показывалась въ «Благословеніи материнскомъ»; — но кто всѣхъ больше привлекаетъ публику, такъ это молодая артистка *г-жа Лаврова.* Она заслуживаетъ особенное вниманіе. Роли въ «Мельничихи въ Марли,» въ «Полюбовной сдѣлкѣ», «Въ людяхъ ангелъ-не жена», «Влюбленномъ братѣ», въ «Статьѣ 213» и «Наслѣдницѣ», показали разнородные оттѣнки ея таланта, - и ту тщательную отдѣлку, которою отличается всякая выполненная ея роль.

—

Самою пріятною новостью на Московскомъ Театрѣ за октябрь мѣсяцъ былъ бенефисъ *г Живокини* и дебютъ *г-жи Андрѣяновой*, особливо послѣднее повлекло значительныя выгоды для Дирекціи, потому что въ дни балета театръ былъ постоянно полонъ посѣтителями и любителями танцевъ. Мы не станемъ разбирать игры *г-жи Андрѣяновой*, потому что талантъ ея слишкомъ уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, скажемъ только, что какъ въ первый дебютъ въ («Жизели») такъ и въ послѣдущія представленія, публика принимала ее прекрасно и наполняла почти всегда театральную залу, что здѣсь, въ Москвѣ, бываетъ теперь такъ

рѣдко. Но обратимся ко второй пріятной новости, къ бенефису *г. Живокини.* (28-го Октября.) Театръ былъ почти полонъ, что доказываетъ, что публика не разлюбила драматическихъ представленій и рада всегда смотрѣть хорошее, такъ, что несмотря на довольно большую набавку цѣнъ въ бенефисахъ, они посѣщаются несравненно болѣе обыкновенныхъ спектаклей, въ которые, въ послѣднее время, ровно нечего было смотрѣть; даже удачныя мысли выходили какъ-то неудачно: Напримѣръ, мы отъ души радовались возобновленію прекрасной комедіи: *Ботъ*, въ который такъ хорошъ *Щепкинъ*, но нужно же было ее такъ испортить, отдавъ прекрасную и важную роль *Донельсона*, *Г-ну Волину*, человѣку не только безъ всякаго таланта, но обладающаго замѣчательною способностію играть совершенно противно здравому смыслу. Онъ какъ нѣкоторыя оперныя либретто, въ которыхъ дѣйствующія лица, не двигаясь съ мѣста, поютъ: «бѣжимъ! догонимъ! поймаемъ! и проч. или во все горло кричатъ: «Тише, тише, не шумите» и проч. Такъ и *г. Волинъ*, патетическимъ и сильнымъ мѣстамъ, гдѣ нужна страсть и полное одушевленіе, придалъ онъ характеръ какой-то грустной меланхоліи и совершеннаго спокойствія; и вотъ по милости его, въ оба представленія *Бота*, не смотря на то, что тутъ играли *Щепкинъ* и *Медвѣдева*, дѣвушка съ неподдѣльнымъ талантомъ, въ оба раза театръ былъ болѣе, чѣмъ пустъ. Возобновленъ былъ тоже: «*Въ тихомъ омутѣ черти водятся*» который здѣсь идетъ прекрасно, благодаря игрѣ *Живокини* и *Щепкина*. Также Богъ знаетъ для чего возобновлены: «*Шампанское* и *Опіумъ*» и «*Лучшій день въ жизни*» впрочемъ, въ послѣдней комедіи превосходна *восп. Бороздина*2, молодая артистка съ рѣдкимъ талантомъ. Это такая русская барышня на сценѣ, какую рѣдко можно отыскать. Съ очень миленькимъ голоскомъ она соединяетъ наивность, граціозность и большое умѣнье держаться на сценѣ, это

уже очень важно. — Въ пьескѣ «*Три Искушенія*» роль чертенка играла *г-жа Соболева* 2 и была очень мила, хотя я не понимаю идею такихъ пьесъ, гдѣ фантастическія явленія не оправдываются ничѣмъ, и прикрываются какою-то мистеріею, но *г-жа Соболева* 2 передала свою роль очень вѣрно и отчетливо. Послѣднею возобновленною пьесою была пословица Альфреда Мюссе: «Женскій умъ лучше всякихъ думъ,» и разыграна, можно сказать, прекрасно: *Лаврова* 1 въ роли де-Лери сдѣлала всё, что могла бъ изъ нея сдѣлать самая лучшая артистка. Сколько кокетливости, граціи, искусства и именно «женскаго ума» было видно въ каждомъ словѣ, и въ каждомъ движеніи. Публика поняла и достойно оцѣнила игру *Лаврозой*: она была вызвана четыре раза, это бываетъ здѣсь очень рѣдко, потому что московская публика строга и скупа на вызовы. *Г. Самаринъ*, (Шавеньи) и *г-жа Медвѣдева* (жена его) были очень хороши. Наконецъ, 28 *Октября-Бенифисъ г. Живокини.* Бенефисъ этотъ состоялъ изъ четырехъ пьесъ:

1) *Пробужденіе Льва*, комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго *А. Акимова.* Кто не знаетъ прекрасной пьесы, игранной съ такимъ успѣхомъ на сценѣ Михайловскаго Театра «Le reveil du lion»? Нѣкто Станиславъ де Фонбланшъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, пріѣхавъ къ своему племяннику, дѣлается предмѣтомъ насмѣшекъ молодежи — львовъ. Но онъ самъ старый левъ; въ отмщеніе повѣсамъ онъ пробуждается, тряхнулъ стариной и далеко оставилъ за собою всю молодежъ; отбиваетъ у однаго невѣсту; съ помощью своихъ денегъ, осмѣиваетъ совершенно другаго; самъ играя на скрыпкѣ, танцуетъ менуетъ, словомъ, дѣлается душею общества, все это переполнено вводными мѣстами, очень удачными и занимательными. Пьеса переведена довольно недурно и многіе куплеты были повторены. — Роль Станислава очень трудная и сильная, безъ малѣйшей натяжки и фарса, бы-

ла сыграна *г. Живокини* очень хорошо. Намъ только кажется, что сначала, для большаго-ли контраста или по-ошибкѣ, *г. Живокини* вышелъ слишкомъ дряхлымъ старикомъ, такимъ, который уже не могъ бы пробудиться, но за то гдѣ онъ является львомъ, тамъ игра его удовлетворяетъ самаго взыскательнаго зрителя. Пьеса имѣла большой успѣхъ. — Также хороши были *г-жи Лаврова* 1, *Сабурова* 2. и *г. Васильевъ* въ ролѣ льва Гектора Молеона, это его истинное амплуа: молодыхъ фатовъ и повѣсъ онъ играетъ отлично; тутъ онъ истинно прекрасенъ.

2) *Энгувильскій Нѣмой.* — Пьеса эта, которой происхожденіе весьма случайно, (извѣстно, что она была написана для Буффе, когда докторъ, по причинѣ развивавшейся у него горловой чахотки, запретилъ ему говорить на сценѣ,) сдѣлалась теперь достояніемъ всѣхъ европейскихъ репертуаровъ. Хотя я видѣлъ въ этой пьесѣ *г-жу Вольнисъ*, которая, какъ говорятъ, нѣсколько подражала Буффе, и была истинно превосходна, но и *г. Самаринъ*, въ ролѣ Жоржа, произвелъ на насъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе. — Столько души, чувства, изученія, глубокаго знанія человѣческаго сердца, заслуживаютъ особенное вниманіе. Сцены въ первомъ актѣ, гдѣ онъ слышитъ пѣніе Маріи, и во 2-мъ, гдѣ разсказываетъ про смерть матери и крушеніе корабля, были имъ выполнены превосходно: тутъ онъ истинно высокій актеръ. — Жаль только, что онъ мало играетъ, и главное, не играетъ ни одной изъ своихъ хорошихъ ролей. Въ четыре мѣсяца онъ не сыгралъ ни разу въ «Горе отъ ума» или въ «Запискахъ Демона» или въ «Коварство и Любовь» или въ другихъ своихъ лучшихъ роляхъ, а играетъ все только одного *солдата* въ пьесѣ «Солдатъ и Сержантъ» да въ «Пиковой дамѣ» «*Томскаго*.»

3) Salon pour la coupe de cheveux, пьеса, далеко не имѣющая здѣсь того успѣха, какъ въ Петербургѣ. Да и не мудрено: еще *г. г. Вальне* (Valnay) и *Живокини* были

хороши, но за неимѣніемъ Нѣмца, танцовщикъ *Ратгеберъ* былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Это испортило всю пьесу, которая и безъ того маленько хромаетъ смысломъ и содержаніемъ и представляетъ какой-то разнохарактерный дивертиссементъ изъ трехъ націй, почти безъ всякаго соотношенія между ними. — Лучшее мѣсто въ ролѣ *Ратгебера* было, когда онъ снималъ галоши: какъ танцовщикъ, онъ подносилъ для этой операціи свои ноги къ самому уху. Странное дѣло! Какъ ему не замѣтили, что это не только на сценѣ, но даже и въ самомъ дѣлѣ въ парикмахерской не дѣлается. — Наконецъ, послѣдняя пьеса:

4) *Двое кривыхъ, или докторъ Шарлатанъ*, есть, по выраженію самой афиши: «не драма и не трагедія, не комедія и не водевиль, не опера и не балетъ,» а порядочный вздоръ, безъ всякаго интереса и содержанія, гдѣ ни талантъ бенефиціанта, ни *г-жи Лавровой*, ни *Васильева*, не могли ровно ничего сдѣлать. Это была жертва, принесенная бенефиціантомъ своей афишѣ, нужно было дать хоть что нибудь въ дополненія къ числу четырехъ пьесъ, и *г. Живокини* взялъ первую попавшуюся ему подъ руку пьесу, что совершенно лишнее, потому что въ началѣ ея, большая часть публики, предвидя окончаніе, стала разъѣзжаться.

А. Андреевъ.

—

ПАНОРАМА СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

—

Парижъ. *Макбетъ*, *Катилина*, *Кандидъ*, то есть Шекспиръ, Дюма, Вольтеръ, открытіе Водевиля, подъ новымъ управленіемъ, открытіе Итальянской-оперы съ новою труппою, новая опера, новый балетъ....столько богатствъ, что не знаешь, съ чего начать! Начнемъ же съ стараго своего пріятеля Шекспира, который я думаю, если можетъ видѣть съ неба наши людскія дѣла, нерѣдко покачиваетъ головою, смотря на странный нарядъ, въ который старинные враги его земнаго отечества одѣваютъ его родныхъ дѣтей, на этихъ уродцевъ, которыхъ парижскіе театры выдаютъ за произведенія его генія, исправленныя геніемъ Дюси, Дюма или Мёриса. На этотъ разъ, впрочемъ, не нахмуритъ онъ своихъ грозныхъ бровей, не наморщитъ высокаго чела, потому что театръ «Одеона» почтительнѣе «Историческаго театра» обращается съ отцемъ европейской драмы. Эмиль Дешанъ, не сознавая въ себѣ генія господъ Дюси, Дюма и Мёриса, не исправляетъ шекспировскія произведенія, а ограничивается скромною долею переводчика. Нельзя сказать, чтобы переводъ его былъ совершенно неукоризненъ; въ немъ есть много произвольныхъ пропусковъ и урѣзокъ; но ихъ требовала дирекція, для принаровленія пьесы къ понятіямъ и вкусу парижской публики; послѣ перваго представленія были

сдѣланы еще новыя урѣзки, что не свидѣтельствуетъ въ пользу публики, надменно называющей себя законодательницею всѣхъ публикъ въ мірѣ. Переводъ г. Эмиля Дешана вѣренъ и добросовѣстенъ. Исполненіе было вполнѣ удовлетворительно; дѣвица Франсіа, исполнявшая роль леди Макбетъ была нѣсколько разъ вызвана въ антрактахъ и по окончаніи пьесы.

Между тѣмъ, какъ посѣтители «Одеона» изъ снисходительности досиживаютъ до конца *Макбета*, въ Историческомъ театрѣ ломятъ двери, чтобы посмотрѣть на новое произведеніе Александра Дюма и его законтрактованнаго сотрудника Огюста Маѐ: *Катилина*, драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Прологъ открывается римскими похоронами; тѣло Марція несутъ въ гробу; вокругъ него всѣ его родные, друзья, отпущенники, рабы, собравшіеся проститься съ покойникомъ; его любимая раба, жрица Нифи, стонетъ; дочь его Марція рыдаетъ; Силла произноситъ слово надъ тѣломъ храбраго сподвижника. Тѣло уносятъ и толпа мало по малу расходится, остается одинъ человѣкъ, закрывающій лицо плащемъ: это Катилина. Онъ влюбленъ въ Марцію, и не отступитъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, чтобы удовлетворить свою преступную страсть. Онъ проникаетъ въ храмъ, чтобы воспользоваться неестественнымъ сномъ весталки Марціи, которую подкупленная раба должна напоить какимъ то усыпительнымъ зельемъ. Потомъ, когда злодѣйство совершено, Катилина, чтобы скрыть всѣ слѣды своего преступленія, закалываетъ жрицу Нифи, которая одна узнала его.

Между прологомъ и первымъ дѣйствіемъ прошло шестнадцать лѣтъ, въ которыя Катилина велъ жизнь, достойную начала, изложеннаго во прологѣ. Римскіе граждане избираютъ консуловъ: первымъ будетъ Маркъ-Антоній, а вторымъ — кто? Цицеронъ или Катилина? Весь Римъ раздѣленъ на двѣ враждующія партіи, ведущія войну не на животъ, а на смерть. Съ помощью ихъ Катилина дѣлает-

ся соперникомъ Цицерона. Но развратная жизнь и мотовство совершенно разорили Катилину, а для приведенія въ исполненіе его обширныхъ замысловъ нужно ему много денегъ. Аврелія, нажившая развратомъ несмѣтное богатство, предлагаетъ ему свою руку и сорокъ милліоновъ сестерцій, и Катилина соглашается жениться на сестерціяхъ. Аврелія пылаетъ честолюбіемъ; ей нѣтъ дѣла до того, что Катилина не любитъ ее; но она не хочетъ, чтобы онъ любилъ другую; она знаетъ, что Катилина честолюбивъ и мечтаетъ о такомъ величіи и такой власти, какія не давались еще ни одному изъ его соотечественниковъ, и она хочетъ одна раздѣлить съ нимъ эту власть и это величіе. Поэтому она безпрестанно понуждаетъ его, слѣдитъ за нимъ, и когда Катилина, узнавъ случайно, что отъ преступленія, совершаннаго имъ въ день похоронъ Марція, родился сынъ, и что этотъ сынъ живъ, — забываетъ свое честолюбіе, чтобы исключительно предаться новому для него чувству родительской любви, Аврелія, пылая ревностью и гнѣвомъ, клянется умертвить сына весталки.

Между тѣмъ выборъ втораго консула рѣшился. Судьба Рима въ рукахъ Цезаря, обладающаго семидесятью пятью тысячами голосовъ. Онъ обѣщалъ ихъ Катилинѣ; но *добродѣтельный* Катонъ, зная слабость Цезаря къ прекрасному полу, велѣлъ сестрѣ дать свиданіе Цезарю, любовь побѣдила, и Цезаревы семь тысячь голосовъ рѣшили избраніе Цицерона. Взбѣшенный неудачею, Катилина составляетъ заговоръ, призываетъ своихъ соумышленниковъ къ оружію, и для скрѣпленія клятвы заставляетъ ихъ выпить кубокъ крови. Эта кровавая клятва рѣшаетъ паденіе Катилины, ибо онъ узнаетъ, что эта кровь, надъ которую онъ клялся стереть Римъ съ лица земли, была кровь его сына, умерщвленнаго Аврелією.

Тутъ собственно кончается драма; но авторы не могли отказаться отъ лишней эфектной картины. Въ седьмой картинѣ представляется окрестность Рима; поле усѣяно

развалинами и трупами. Катилина привстаетъ среди труповъ и падаетъ мертвый къ ногамъ весталки Марціи.

Театръ Водевиля, этотъ несчастный театръ, который былъ въ послѣднее время также гибеленъ для директоровъ, какъ въ прежнее время театръ Одеона, опять открылся, подъ управленіемъ Буффе и Поля Эрнеста. Какая участь ждетъ новыхъ антрпренеровъ? будутъ ли они также жертвами своей смѣлости, и прибавятъ свои имена къ длинному списку уколоченныхъ директоровъ, или воскресятъ давно прошедшую славу этого театра? рѣшеніе этого вопроса еще въ будущемъ. Пока, всѣ журналы и публика привѣтствуетъ ихъ вступленіе въ управленіе и дѣла ихъ идутъ благополучно.

Для открытія его данъ былъ прологъ Кордьѐ и Клервиля, подъ названіемъ: *Будущее въ прошедшемъ* (L'avenir dans le passé), полный остроумныхъ выходокъ и забавныхъ куплетовъ, и хорошенькій водевиль Деннри, Дюмануара и Клервиля, заимствованный, если не ошибаемся, изъ стариннаго, давно забытаго романа Жюля Жанена «*Проселочная дорога*» (Le chemin de traverse). Сколько мы видимъ каждый день юношей, которые, въ цвѣтѣ силъ и надежды, думаютъ правотою и дѣятельностью стяжать бѣгущія отъ нихъ счастіе и славу, и потомъ, изнемогая подъ гнетомъ дѣйствительности, разочарованные и ожесточенные, пускаются въ проселки, чтобы хитростью и неправдами добиться того, что не дается правотѣ и заслугамъ. Такова участь и героя водевиля, Проспера, бѣднаго Бретанскаго сироты, воспитаннаго изъ состраданія старымъ приходскимъ священникомъ, который въ недобрый часъ вздумалъ сдѣлать его ученымъ. Къ чему ему ученость въ степной деревушкѣ? честолюбіе запало въ его душу, и онъ отправляется въ Парижъ. У него есть рекомендательное письмо къ одной вельможной барынѣ; бѣдняжка воображалъ, что первая услада богатства подавать руку помощи нуждающемуся; но скоро всѣ мечты его разсыпа-

ются въ прахъ: онъ проситъ покровительства, а ему предлагаютъ надменную милостыню; онъ ее отвергаетъ и его выталкиваютъ за дверь. Тогда онъ клянется отомстить себялюбивому обществу, платить оскорбленіемъ за оскорбленіе, и не отступать ни передъ какимъ средствомъ. Онъ встрѣчаетъ дѣвушку, прекрасную, молодую и несчастною; ее также отвергло общество за то, что она нищая. Просперъ избираетъ ее орудіемъ своей мести, привозитъ ее въ Парижъ, выдаетъ за свою жену, и гордецы, которые прежде не пускали его въ переднюю, теперь осыпаютъ его милостями и ищутъ его дружбы. Глупый банкиръ даетъ ему долю въ своихъ дѣлахъ; герцогъ доставляетъ ему выгодныя и почетныя мѣста. Богатство и почести сыплются на прежняго парію, его жажда мести удовлетворена: но счастливъ ли онъ? Нѣтъ; потому что онъ видитъ, что это лживое зданіе, воздвигнутое подлостями, держится только цѣною его спокойствія и чести. Онъ вспоминаетъ наставленія стараго приходскаго священника; созываетъ своихъ недостойныхъ покровителей, и разгромивъ ихъ своимъ презрѣніемъ, уѣзжаетъ въ свою деревушку, скромно и спокойно доживать свой вѣкъ съ молодою женою. Рядомъ съ Просперомъ и его подругою, авторы выставили два другія лица, которыя такъ же хорошо постигли всю подлость общества, но вовсе не негодуютъ на нее, а смотрятъ только съ презрительною насмѣшкою: это пріятель Проспера и крестная мать его невѣсты; они служатъ имъ ангелами хранителями; открываютъ имъ всѣ тайныя пружины, побуждающія ихъ покровителей, и охраняютъ ихъ на краю пропасти.

Водевиль этотъ, какъ видите, немножко серьёзенъ, подернутъ тоскливой ироніею и производитъ грустное впечатлѣніе, несвойственное этому роду сочиненій; но онъ занимателенъ отъ начала до конца, нигдѣ не впадаетъ въ сантиментальность. Выполненіе его превосходно, какъ и

должно ожидать, когда главныя роли занимаютъ Люге́, и госпожи Альберъ и Поль-Эрнестъ.

За этимъ водевилемъ вскорѣ послѣдовали еще двѣ новыя пьесы: *Шомонтельское дѣло*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, Куальяка, и *Роже-Бонтанъ*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, Клервиля и Лопеса.

Первая изъ этихъ пьесъ довольно неудачна. Молодой мужъ, черезъ годъ послѣ свадьбы уже скучаетъ съ своею хорошенькою женою, и ищетъ развлеченій внѣ дома; а чтобы не возмутить ея спокойствія и не возбудить подозрѣній, онъ притворяется чрезвычайно занятымъ какимъ то *Шомонтельскимъ дѣломъ*, по которому онъ долженъ идти то къ нотаріусу, то къ адвокату, то въ судъ, то переговорить съ однимъ, то посовѣтоваться съ другимъ. А между тѣмъ, какъ онъ рыскаетъ по дѣламъ, вовсе не похожимъ на Шомонтельское, одинъ молодой человѣкъ ищетъ развлеченія для его жены и, чтобы заслужить ея признательность, объясняетъ ей, что значитъ это Шомонтальское дѣло. Все это могло бы дойти до результата, очень непріятнаго для супружескаго достоинства г. Серне́, еслибы онъ не схватился за разумъ, и не явился съ повинною къ женѣ, которая не только прощаетъ ему его шалости, но даже позволяетъ выпроводить любезнаго молодаго человѣка. Въ эту незатѣйливую рамку вставлено много хорошенькихъ куплетовъ.

Роже Бонтанъ ничто иное, какъ обращенная въ водевиль пѣсня Беранже́. Кто не читалъ этой пѣсни? кто не знаетъ этого остраго, безпечнаго весельчака, котораго все имущество заключается въ столѣ, старой постели, флейтѣ и портретѣ его любовницы? Бѣдняжку преслѣдуетъ злая судьба; у него есть долги; старый стряпчій, у котораго онъ отбилъ сердце Маргариты, скупилъ всѣ его векселя, и продалъ все его имущество; не оставилъ ему, злодѣй, даже флейты, подъ которую плясывали деревенскія красотки, не оставилъ да-

же постели! Но Роже не унываетъ; нѣтъ флейты, такъ онъ будетъ пѣть, а спать можно также спокойно на мягкой муравѣ, подъ навѣсомъ неба; и Роже смѣется, и возлюбленная его отираетъ слезы. Но другая бѣда обрушается на бѣднаго Роже́. Природа надѣлила его умомъ и страстью слагать пѣсенки; и сложилъ онъ пѣсенку про вельможную барыню; барыня разгнѣвалась на пѣсенника, и его тащутъ въ Бастилію. Роже заходитъ съ карауломъ въ погребокъ, поитъ караулъ виномъ, поетъ ему роковую пѣсенку, и вотъ караулъ готовъ за него въ огонь и въ воду. Однакоже эта проказа не такъ легко сошла бы съ рукъ, еслибы барыня не была простая швейка, прежняя любовница Бонтана, которая, благодаря своимъ плутовскимъ глазкамъ и хорошенькой ножкѣ, женила на себѣ знатнаго повѣсу. Она добрая душа; платитъ долги Роже, даетъ приданое его невѣстѣ, и прощаетъ его, съ тѣмъ, чтобы онъ впередъ пѣлъ только свою любовь, невѣсту и вино.-Въ драматизированной пѣснѣ не можетъ быть очень живой интриги; но авторы очень ловко сохранили наивный юморъ подлинника.

Не такъ счастливъ былъ г. Клервиль въ переложеніи въ форму водевиля для театра Разнообразія геніальной сказки Вольтера: *Кандидъ*. Сотрудниками его были господа Сент-Ивъ и Шоле, авторы не умѣли воспользоваться всѣмъ богатствамъ этой довольно вольной сказки, которая сама ложится въ комедію. Они пропустили множество геніальныхъ сценъ, много чертъ, которыя теперь проникнуты во Франціи современностью; ибо Вольтеръ смотрѣлъ далеко за предѣлы своего вѣка, и многое, что его современникамъ казалось однимъ разгуломъ его скептическаго ума и желчной души, съ тѣхъ поръ обратилось въ дѣйствительность. Вольтерова сказка представляетъ въ смѣшномъ видѣ борьбу понятій, завѣщанныхъ средними вѣками, съ новыми понятіями, за которыя ратовала философія восемнадцатаго вѣка, и конечную побѣду пос-

лѣднихъ, благодаря матеріяльной силѣ богатства. Эта оригинальная картина усыпана самыми колкими, самыми ѣдкими выходками, въ которыхъ онъ не щадитъ ни ту, ни другую сторону. Представитель старины,—надменный баронъ, котораго все богатство заключается въ семидесяти пяти колѣнахъ дворянства, вся дворня въ одномъ псарѣ, такомъ же тощемъ, какъ онъ самъ, вся свора въ одной трехногой собакѣ. Однакоже, слѣдуя обычаю вѣка, баронъ далъ своей дочери наставника философа, нѣкоего Панглоса, который проглотилъ всю пыль старыхъ и новыхъ философій и дошелъ до той премудрой истины, что все въ мірѣ къ лучшему. Панглосъ внушаетъ Кунигундѣ самыя строгія правила, что не мѣшаетъ ему при случаѣ давать уроки любви хорошенькой горничной; и бѣда бы бѣдной Пакитѣ, если бы на ея счастье, баронъ, гоняясь за зайцами, не принялъ Панглоса за зайца, и не всадилъ ему цѣлаго заряда дроби куда то по сосѣдству спины. Кунигунда подсмотрѣла проказы своего наставника и сама хочетъ испытать ихъ дѣйствіе надъ красавцемъ Кандидомъ; но простолюдинъ такъ простъ, что со страху падаетъ передъ нею на колѣна, за что грозный баронъ даетъ ему прездоровую потасовку. Во второмъ дѣйствіи, Бурграфы, старинные враги барона, выгнали его изъ его помѣстьевъ, и онъ съ семействомъ и дворнею принужденъ искать убѣжища въ монастырѣ; Бурграфы однакоже вламываются въ монастырь и выводятъ его.

Въ третьемъ дѣйствіи положеніе лицъ совершенно измѣнилось; Кандидъ богатый вельможа, а Кунигунда въ кухаркахъ въ трактирѣ. Не смотря на свое богатство, Кандитъ горюетъ; онъ по прежнему влюбленъ въ Кунигунду, а баронъ, которому нечѣмъ заплатить за обѣдъ, и слышать не хочетъ о зятѣ изъ простолюдиновъ. Въ горести Кандидъ ложится спать, и когда просыпается, Панглосъ объявляетъ ему, что онъ купилъ для него вла-

дѣнія Корсиканскаго короля. Баронъ смягчается, и отдаетъ дочь новому королю.

Успѣхъ пьесы самый незавидный.

Кромѣ *Кандида*, на театрѣ Разнообразія идутъ еще съ грѣхомъ пополамъ: *Миньона* и *Хворый левъ*.

Есть имена, при одномъ звукѣ которыхъ воображеніе уносится въ далекій, знакомый, хотя никогда не виданный міръ, при которыхъ мы вспоминаемъ цѣлый рядъ наслажденій и мечтаній. Къ числу такихъ именъ принадлежитъ и *Миньона*. Увидѣвъ это названіе, насъ взялъ невольный страхъ: не ужели Миньона, это дивное, неземное существо, это поэтическое созданіе Гётевой фантазіи, сойдетъ на помостки театра Разнообразія, станетъ на одной доскѣ съ гризетками, обманутыми мужьями и безгривыми львами, слѣпыми отцами и плутоватыми дочками, словомъ, со всѣми созданіями досужихъ водевильныхъ умовъ. Но мы скоро успокоились: г. Деландъ и не думалъ о Гёте и его Миньонѣ; онъ создалъ свою Миньону, милую, умную даже поэтическую; развѣ самоотверженіе не таже поэзія? Миньона его хорошенькая гризетка, въ которую влюбился виконтъ Леопольдъ, и такъ влюбился, что готовъ для нея пожертвовать невѣстою. Но Амика не хочетъ уступить своего жениха гризеткѣ, и уговариваетъ Миньону разочаровать Леопольда, притворившись дурочкою. Это тяжкое испытаніе для самолюбія гризетки, однако же Мильона соглашается и успѣваетъ въ своемъ предпріятіи. Но братъ Амики въ свою очередь влюбляется въ Миньону; Леопольдъ ревнуетъ, подслушиваетъ ихъ разговоръ, и открываетъ хитрость гризетки. Тутъ любовь разгорается еще больше прежняго; но Миньона не хочетъ измѣнить данному слову и прибѣгаетъ къ послѣднему средству. Она заговариваетъ о Мабилевскомъ балѣ, о Ранелагѣ, и Шаторужѣ, и проч. съ такимъ жаромъ, что Леопольдъ исцѣляется отъ своей любви, и женится на Амикѣ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что если авторъ напалъ на мысль этой милой Миньоны, то не мѣшало бы изъ нея сдѣлать водевильчикъ поживѣе и занимательнѣе.

О хворомъ львѣ мы охотно умолчали бы, но имя автора, Леона Гозлана, такъ извѣстно всему читающему міру, такъ полновѣсно звучитъ во многихъ ушахъ (только не въ нашихъ), что мы считаемъ обязанностью сказать о немъ нѣсколько словъ. Это повседневная сказка о старыхъ львахъ, которые, потерявъ здоровье, одряхлѣвъ преждевременно въ своей львиной жизни, берутъ къ себѣ въ домъ пронырливую женщину, которая изъ сидѣлокъ или кухарокъ дѣлается ключницею, домоправительницею, забираетъ мало по малу права, не совсѣмъ согласныя съ ея званіемъ служанки, а тамъ гляди!—женитъ барина на себѣ, чтобы вѣрнѣе держать его подъ башмакомъ. Водевиль г. Гозлана вялъ и скученъ до крайности!

Авторъ былъ нѣсколько счастливѣе въ своей драмѣ: «*Черная книга*», представленной на театрѣ Сен-Мартенскихъ воротъ. Черная книга! такъ и пахнетъ театромъ Веселости или Сен-Мартенскихъ воротъ, Фаустомъ и чертовщиною, или покрайней мѣрѣ невольниками и ихъ чернымъ уставомъ. Но не заноситесь такъ далеко; тутъ нѣтъ и помину ни о черныхъ книгахъ чародѣевъ, ни о черномъ уставѣ: это просто черная книга, которая ведется въ тайной канцеляріи Парижскаго префекта, и въ которой записывается вся подноготная всѣхъ и каждаго. Вотъ какую исторію г. Леонъ Гозланъ вычиталъ изъ этой черной книги:

Въ одну холодную, зимнюю ночь дѣвочка, продрогшая, проголодавшаяся, лежала на парижской мостовой; прохожіе шли мимо, въ теплыхъ шинеляхъ и салопахъ, сытые, и не обращали никакаго вниманія на несчастную страдалицу. Проѣхалъ одинъ молодой человѣкъ; остановился, осмотрѣлъ дѣвушку, посадилъ въ коляску, и повезъ къ себѣ.

Изъ состраданія, вы думаете? нѣтъ; ему понравилось лицо шестнадцатилѣтней креолки. И много лѣтъ прожила Генріетта въ домѣ Водрёля, въ довольствѣ и даже роскоши; пока наконецъ Водрёль не проигрался въ карты, не сошелся съ другими женщинами, не прогналъ свою любовницу съ дочерью на всѣ четыре стороны. Не зная, куда, дѣваться, Генріетта входитъ съ первую отворенную дверь; ее принимаютъ, оказываютъ ей пособіе и она остается въ качествѣ компаньонки у госпожи Вальпенъ, матери Водрёлья. Чрезъ нѣсколько времени у г-жи Вальпенъ пропадаютъ бриллiянты; всѣ подозрѣнія падаютъ на Генріетту; ее судятъ. Она знаетъ вора, но не хочетъ его опозорить, изъ уваженія къ своей благодѣтельницѣ. Она была бы осуждена, еслибы адвокатъ Морисъ, вдохновенный любовью, не принялъ на себя ея защиту и не убѣдилъ присяжныхъ въ ея невинности, ее освобождаютъ.

Когда Генріетта приходитъ благодарить Мориса, онъ говоритъ ей о своей любви. — Я недостойна вашей любви, отвѣчаетъ Генріетта, и разсказываетъ ему всю повѣсть своихъ страданій. Морисъ женится на ней, и приглашаетъ на свадьбу всѣхъ знакомыхъ; но никто не является къ нему, никто не кланяется ему, потому что печать позора лежитъ на его женѣ и общественное мнѣніе осуждаетъ его бракъ. Въ бѣшенствѣ, онъ клянется отомстить лицемѣрамъ, онъ является съ женою на великолѣпный балъ господина Шанвилье, человѣка обогатившагося и вышедшаго въ люди никому не извѣстными путями. Всѣ отступаютъ отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ; одна рука протянулась къ Генріеттѣ; но г-жа Вальпенъ проворно отдергиваетъ ее. Тутъ Морисъ уже не въ силахъ удержать своей ярости; онъ вынимаетъ изъ кармана выписку изъ черной книги, въ которую занесенъ позоръ Водрёлья, укравшаго бриллiянты у матери! Генріетта оправдана, а Водрёль застрѣливается.

Драма очень эфектна.

Г-жа Ансло, извѣстная сочинительница полудюжины прескучныхъ романовъ и множества стольже скучныхъ драмъ и комедій, также написала новую драму, представленную на театрѣ Веселости. Эта драма называется: *Парижскія жены*. Госпожа Ансло видитъ въ ней преглубокій нравственный и общественный смыслъ, мы же, къ стыду своему должны сознаться, такъ слѣпы, что не видимъ въ ней не только нравственнаго и общественнаго, но даже здраваго смыслу. Вотъ въ чемъ дѣло. Графъ Терсанъ, донъ-Жуанъ львиной породы, не даетъ проходу ни одной женщинѣ, замужней или не замужней, и бьетъ ихъ братьевъ и мужей, какъ мухъ. Между прочими, убилъ онъ на дуэли г. Бюсси; и въ то время, какъ онъ ходилъ за врачемъ, какой-то пройдоха, Делафошри, слышавшій, что Бюсси имѣлъ при себѣ деньги и документы, вытащилъ то и другое изъ кармана и скрылся; такъ, что подозрѣніе въ покражѣ падаетъ на бѣднаго работника Тибо, бывшаго по близости. Тибо приговорили къ галерамъ, но онъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы и скрылся за границу.

Прошло шестнадцать лѣтъ. Графъ Терсанъ тотъ же негодяй, какъ и прежде, а Делафошри сталъ богачемъ и даетъ ему сто тысячъ франковъ за позволеніе жениться на его дочери. Эти деньги графъ спускаетъ на новыя побѣды; похищаетъ между прочимъ Лену, свою побочную дочь, и только бдительное око графини предупреждаетъ новое преступленіе. Изъ всѣхъ его побѣдъ и любовныхъ похожденій можно бы составить каталогъ, ни чуть не короче донъ-Жуановскаго. Наконецъ, старость и дряхлость образумливаютъ волокиту; онъ мирится съ женою, выдаетъ Лену за добраго ремесленника, а дочь его Елена не выходитъ за Делафошри, за что Делафошри пытается его отравить. Ищите тутъ смыслу нравственно-соціяльнаго, или хоть просто здраваго смыслу; что до насъ, мы скромно признаемъ эту задачу выше нашихъ слабыхъ силъ.

Лукавица, комическая опера г. Соважа, музыка Тиса, препошлая, прескучная исторія о томъ, какъ лакей корчитъ донъ-Жуана, и ухаживаетъ за крестьянкою, которой мужъ служитъ въ гвардіи и которая, неизвѣстно по какимъ причинамъ и съ какою цѣлью, скрываетъ свое замужство. Сестра этой крестьянки, имѣя сама виды на лакея, хитритъ и лукавитъ, дѣлается повѣренною этой глупой любовной интриги, и достигаетъ своей цѣли, то есть, выходитъ замужъ за лакея; за что она и названа лукавицею. На это пошлое либретто г. Тисъ написалъ такую же пошлую музыку, отзывающуюся его чувствительными, подслащенными романсами. Два нумера нѣсколько возвышаются надъ этою посредственностью: сельскій ноктюрнъ и застольное тріо.

Національный театръ, съ ожиданіи будущихъ благъ, поставилъ, по случаю возвращенія Черито, одноактный балетъ: *Маркитантка*, г. Сен-Леона; музыка Пуньи.

Хорошенькая маркитантка Катя возвратилась изъ похода въ свою деревню, къ опекуну; тутъ за нею ухаживаютъ два старика, баронъ Грюнбергъ, и бургомистръ Робинцель. Катя не любитъ ни того, ни другаго; она вѣрна своему жениху, ямщику, она обѣщала ждать его пріѣзда, и приготовить къ тому времени приданое. А какъ она дѣвушка умная, то она не упуститъ случая, чтобы пополнить свою небольшую казну. Для этого она улыбается и барону, и бургомистру, и выманиваетъ у одного рубиновый перстень, а у другаго золотую цѣпочку, которые старые волокиты потомъ выкупаютъ на вѣсъ золота, чтобы не подпасть гнѣву своихъ сварливыхъ половинъ.

На эту незатѣйливую канву, г. Сенъ-Леонъ сочинилъ очаровательные танцы, въ которыхъ и онъ, и жена его, г-жа Черита, возбуждаютъ самый неистовый восторгъ.

—

СМѢСЬ.

НЕВѢСТА ИНКИ.

(съ англійскаго.)

I.

Астлейскій Театръ.

— Чтобы кончить дѣло разомъ, надо рѣшить его большинствомъ голосовъ, сказалъ докторъ, тщательно выцѣживая изъ бутылки въ стаканъ послѣднія капли чудеснаго Бадмингтоновскаго эля. Что касается до меня, я подаю голосъ за Суррейскій театръ; тамъ воскрешенъ Римъ въ превосходномъ видѣ; кажется, будто читаешь Тацита.

— Прекрасно, не спорю, возразилъ нашъ пріятель испанецъ; но къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что для меня классическія воспоминанія вовсе не интересны. Мнѣ не вѣриться, чтобы во всей Додонской дубравѣ былъ хотя одинъ дубъ; мнѣ какъ-то невольно представляется міръ временъ Агриколы обширною березовою пустынею. Нѣтъ, я предлагаю оперу. Полина Віардо. . . .

— Ба! отвѣчалъ докторъ; теперь не время поощрять иноземцевъ; какъ ты думаешь, Фредъ?

— Я рѣшительно противъ оперы. Во-первыхъ, я стою за поощреніе отечественныхъ талантовъ, въ особенности въ настоящее время; а во-вторыхъ, я терпѣть не могу развязывать кошелекъ. Согласенъ, впрочемъ, и съ испанцемъ, и потому предлагаю идти къ Астлею.

— Такъ и быть, идемъ къ Астлею.

Такимъ образомъ, мы отправились въ этотъ знаменитый пріютъ гипподраматическихъ зрѣлищъ. Въ старые годы, театръ Астлея былъ безспорно самымъ любимымъ и самымъ народнымъ театромъ въ столицѣ. Онъ представлялъ самую лучшую живую гал-

лерею военной исторіи Европы. Одно за другимъ являлись передъ вами всѣ сраженія Пиренейскаго полуострова и Фландріи, часто съ совершенно излишнимъ кровопролитіемъ и жестокостями. Настоящія пушки, или по крайней мѣрѣ цилиндры, совершенно похожіе на заряженныя пушки, разъѣзжали ночью по сценѣ. Эскадроны драгуновъ, на пѣгихъ и соловыхъ лошадяхъ, у которыхъ всѣ кости выступали изъ-подъ кожи, мчались обыкновенно во весь опоръ сквозь холстяной лѣсъ, въ погоню за бѣгущими и театръ дрожалъ до основанія отъ грому рукоплесканій, когда конница аттаковала мость, или перескакивала черезъ шанцы укрѣпленія. Не было подвига, на который не рѣшились бы эти центавры, не было пространства, котораго они бы не перескочили; а какъ трогательно было видѣть, когда какой нибудь наѣздникъ падалъ: лошадь его непремѣнно тотчасъ становилась подлѣ него на колѣна, и съ умиленіемъ трепала мордою его пуговицы, какъ будто умоляя его встать. Представленія обыкновенно заключались сценами единоборства, транспарантомъ, изображавшимъ Британію, возсѣдающую въ храмѣ славы и обильной раздачей лавровыхъ вѣнковъ. Представленія эти были не только безвредны, но даже похвальны, и право жаль, что они быстро склоняются къ совершенному забвенію.

Фактъ неоспоримый, Астлейскій театръ съ тѣхъ поръ во многомъ измѣнился; правда являются ли на немъ теперь такіе же лихіе наѣзники и безстрашные канатные плясуны, какъ бывало встарину; любовникъ по прежнему завоевываетъ возлюбленную, проскочивъ сквозь пылающій кругъ, по сочувствіе Джона-Буля, гордое чувство народности уже оставили циркъ, и знамя соединеннаго королевства уже не развѣвается надъ его ареною. Грустно становится при этомъ видѣ, потому-что это несомнѣнный признакъ паденія народной драмы.

Мы вошли въ театръ еще во время, чтобы видѣть послѣднее дѣйствіе весьма занимательной пьесы, свидѣтельствовавшей въ авторѣ короткое знакомство съ животнымъ царствомъ и съ нравами востока. Дѣйствіе происходило въ Индостанской деревушкѣ; нѣсколько англичанъ, мужчинъ и женщинъ захвачены въ завѣтной рощѣ, посвященной Брамѣ. Шотландскій танъ не взбѣсился бы такъ сильно, встрѣтивъ геолога, изслѣдующаго его родныя горы, какъ прогнѣвался верховный жрецъ; сѣдая борода его и кофейнаго цвѣта руки затряслись отъ негодованія; вопреки праву народовъ и законамъ гостепріимства, онъ даетъ несчастнымъ на выборъ или принять законъ Брамы или быть брошенными на съѣденіе звѣрямъ. Само собою разумѣется, что всѣ выбираютъ послѣднее, даже пьяный сержантъ, очень не твердый на ногахъ и въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; всѣ настоятельно требуютъ, чтобы ихъ вели въ звѣринецъ. Молодой поручикъ иррегулярной пѣхоты вызывается даже умереть за одну прелестную даму, неиз

вѣстно какъ попавшуюся съ этими господами въ лѣсъ, безъ шляпки и въ газовомъ платьѣ необыкновенной прозрачности; но какъ верховный жрецъ не думалъ кого нибудь миловать и жизнь поручика ему уже не принадлежала, то выходка послѣдняго осталась безъ всякаго послѣдствія. Зрители уже съ нетерпѣніемъ ждали любопытнаго пиршества львовъ и пантеръ, какъ вдругъ явленіе новаго лица, въ гладкомъ трико тѣлеснаго цвѣта, дало другой оборотъ дѣлу. Человѣкъ въ трико тѣлеснаго цвѣта потребовалъ, чтобы его перваго отдали на съѣденіе лютымъ звѣрямъ. Какое онъ имѣлъ право на это лестное предпочтеніе, онъ не объяснялъ; но какъ онъ назывался Морокомъ, укротителемъ звѣрей, то очевидно, что онъ въ какую нибудь эпоху своей жизни имѣлъ честь пользоваться знакомствомъ г. Евгенія Сю. Послѣ нѣкотораго размышленія и совѣщанія съ невидимымъ прорицалищемъ, верховный жрецъ Брамы согласился на требованіе, вѣроятно изъ уваженія къ литературной славѣ просителя. Немедленно назначено великолѣпное торжество, долженствовавшее начаться казнью европейцевъ, и кончиться сожженіемъ на кострѣ двадцати браминскихъ вдовъ. Это объявленіе, по видимому, наполнило сердца молодыхъ вдовъ неистовымъ восторгомъ, ибо онѣ тотчасъ вышли на авансцену и протанцовали какую-то импровизированную мазурку.

Затѣмъ дѣйствіе перенеслось въ дикую пещеру, раздѣленную на два отдѣла, оба набиты дряхлыми львами и исхудалыми леопардами. Легкій трепетъ пробѣжалъ снизу до верху театра, по женской половинѣ зрителей; ибо проволочная сѣть, отдѣлявшая отъ дамъ грозныхъ актеровъ, казалась непростительно тонкою, а одинъ изъ львовъ, вѣроятно отъ скуки и сплина, все время зѣвалъ и открывалъ такъ страшно пасть, что навелъ бы страхъ на самаго Андрокла. Впрочемъ клоунъ, хотя собственно не участвовалъ въ пьесѣ, успокоилъ нѣсколько публику, пройдясь раза два на рукахъ передъ рѣшеткою, и по видимому, нисколько не возбуждая въ звѣряхъ аппетита къ человѣческому мясу. Только зѣвающій левъ всталъ на заднія лапы, а переднія положилъ на желѣзную перекладину; потомъ усѣлся, будто огромная лягавая собака, вымаливающая кусочекъ сухаря. . . а въ другомъ отдѣленіи чахлый тигръ принялся каплять и морщиться, какъ будто атмосфера цирка была слишкомъ остра или тяжела для его нѣжныхъ легкихъ.

Наконецъ, вошла церемоннымъ маршемъ толпа жрецовъ, воспѣвая гимнъ, отъ котораго, я думаю, у Брамы сердце прыгало отъ радости. Къ нимъ присоединились и молодыя вдовы, съ твердостью духа, достойною самой Ифигеніи; мы не безъ негодованія замѣтили, что нѣкоторые изъ европейскихъ плѣнниковъ также принимали участіе въ этомъ языческомъ пѣніи. Впрочемъ, къ чести нашего отечества надо исключить изъ этого числа поручика иррегулярной пѣхоты и Амелію Дар-

ленкуръ, молодую даму, за которую онъ вызывался было умереть; они въ это время были заняты совсѣмъ иными мыслями и чувствами, и какъ скоро главный жрецъ велѣлъ всѣмъ молчать, они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы познакомить зрителей съ состояніемъ своихъ сердецъ. Затѣмъ Амелія бросилась въ объятія своего возлюбленнаго, и оба смотрѣли на звѣринецъ съ спокойствіемъ, вполнѣ свидѣтельствовавшимъ торжество любви надъ смертью.

По данному знаку, Морокъ, укротитель звѣрей, неустрашимо вошелъ въ берлогу. Къ стыду нашему надо сказать, что докторъ съ невыразимымъ участіемъ слѣдилъ за этою сценою; къ числу его коньковъ принадлежала мысль, что когда нибудь, въ недобрый часъ, когда звѣри почувствуютъ необычайную дѣятельность въ своихъ пищеварительныхъ органахъ, Морокъ непремѣнно не на шутку попадетъ имъ на зубокъ. Сумалакареги смотрѣлъ безъ вниманія, говоря, что все представленіе ужасная чепуха, совсѣмъ не то, что бои быковъ, въ которыхъ, если вѣрить его разсказамъ, онъ самъ любилъ принимать дѣятельное участіе, когда былъ студентомъ въ Саламанкѣ. Что касается до меня, я вовсе не находилъ, чтобы Морокъ подвергался большой опасности; оттого ли, что дикіе звѣри были сыты по горло, или врожденная кровожадность ихъ была давно усыплена воспитаніемъ, но львы съ подобострастіемъ позволяли Мороку засовывать въ пасть руку и даже голову, и имъ, по-видимому, и не вспадало на мысль, что стоило только щелкнуть зубами, чтобы отучить укротителя на будущее время отъ подобнаго невѣжества. Пантеры были такъ кротки, какъ будто ихъ взяли изъ тѣлохранителей Бахуса; а леопарды сами вползали на шею своему хозяину и позволяли дѣлать изъ себя галстухи.

Развязка драмы была, какъ водится, самая незадорная. Верховный жрецъ и самъ Брама его изумились этому чуду, а прорицалище, изъявивъ свое удовольствіе, велѣло отпустить узниковъ со всевозможными почестями. Морокъ оказался могущественнымъ раджею, чуть не переодѣтымъ Типпо-Саибомъ или Байдеръ-Али; онъ благословилъ своими кофейными руками влюбленную чету, а молодыя вдовы, также освобожденныя по этому радостному случаю отъ священнаго обряда сожженія, изъявили свое удовольствіе вторичною пляскою. Затѣмъ занавѣсъ опустился надъ самою великолѣпною картиною.

— По чести, сказалъ докторъ, въ Суррейскомъ театрѣ намъ было бы ничуть не хуже. Аміачный запахъ конюшенъ можетъ быть и здоровъ, но въ такой знойный день онъ нисколько не освѣжаетъ нервы и едва ли дѣлаетъ атмосферу пріятною.

— Еслибы не это хорошенькое личико въ сосѣдней ложѣ, замѣтилъ испанецъ: я бы давно съ вами раскланялся; эта львиная и звѣриная чепуха истощитъ самое ангельское терпѣніе.

—Погодите, посмотримъ на конскія ристанія, сказалъ я.

— Есть что смотрѣть! какія здѣсь конскія ристанія? возразилъ испанецъ. Вотъ, когда я служилъ въ христиносской конницѣ...

— Ужъ я это зналъ напередъ, прервалъ докторъ. Какъ наведешь его на конька, такъ ужъ и пойдетъ разсказывать всю исторію своихъ походовъ и подвиговъ, даже души не отпуститъ на покаяніе. Будь поосторожнѣе, любезный Фредъ, вѣдь тебѣ извѣстна его слабость; ты не знаешь, что я выстрадалъ вчера за ужиномъ.

— Все на меня, возразилъ Сумалакареги; да не я ли былъ принужденъ свести разговоръ на дѣльный предметъ, чтобы прекратить вашу нескончаемую диссертацію о симптомахъ воспалительныхъ болѣзней легкихъ и печени? Вѣдь тутъ было чѣмъ уморить съ тоски цѣлый гошпиталь. Но будетъ! вотъ ведутъ лошадей. Какимъ, право, молодцомъ еще смотритъ этотъ дряхлый наѣздникъ; любопытно бы знать, не былъ ли онъ первымъ наѣздникомъ въ циркѣ Траяна? — Славный конь, тотъ полосатый, точно зебра. Какимъ чортомъ они ихъ такъ раскрашиваютъ?

— У нихъ есть на то свои химическія средства, подхватилъ докторъ; вы, можетъ быть, не знаете, что іодисто-кислый...

— Знаемъ, знаемъ, растолкуете въ другой разъ. А теперь скажите мнѣ, кого представляетъ этотъ молодецъ?

Не легко было разрѣшить этотъ вопросъ, относившійся къ наѣздникуу, одѣтому въ шелковое исподнее платье, скроенное съ рѣдкою скупостью, и въ такую же узкую и коротенькую юбочку; на головѣ у него былъ фольговый обручъ съ насаженными въ него разноцвѣтными перьями, въ родѣ метелокъ, которыми сметаютъ пыль съ книгъ. Вообще костюмъ его былъ развѣ годенъ для перуанскаго тропическаго климата, но никакъ не для Лондонской температуры. Подлѣ него была молодая дѣвушка, одѣтая въ такомъ же вкусѣ, но съ большею щедростью въ драпировкѣ и съ большимъ числомъ колецъ на рукахъ. Клоунъ натиралъ имъ подошвы мѣломъ, съ выраженіемъ глубокой преданности и подобострастія.

— Это, я полагаю, отвѣчалъ докторъ, взглянувъ на афишку, долженъ быть Инка и его невѣста; только не могу постичь, на какомъ основаніи сажаютъ Инковъ на лошадей; помнится мнѣ, что до завоеванія Америки европейцами, туземцы не знали лошадей.

— Можетъ быть испанцы подарили, почему знать? Говорятъ, Пизарро былъ по своему человѣкъ добрый и щедрый. Я зналъ въ Кордовѣ одного его праправнука....

—Вотъ они отравляются, прервалъ докторъ. Скажите, ради Бога, кому приходила въ голову мысль скакать во весь опоръ по американскимъ лугамъ, держась за руки, и стоя на лошадяхъ на одномъ пальцѣ?

— Точно также, какъ Меркурій едва ли сходилъ когда съ неба, чтобы стать на одной ножкѣ на верхушкѣ фонтана, отвѣчалъ я. Но вы сегодня ужасно прозаичны и придирчивы. Смотрите, невѣста становится на колѣно Инки! Что вы скажете объ этой позѣ? Смотрите, самъ хозяинъ цирка растаялъ отъ удивленія и восторга и забылъ даже хлопать арапникомъ.

Вотъ несутъ шесты и ленты... каково перескочили? Красавица скачетъ черезъ веревку съ легкостью и ловкостью молодой пантеры. . . Смотрите, вотъ понеслись какъ вихрь, а у самихъ будто душа замираетъ. Она оглядывается назадъ, дрожитъ, что-то показываетъ; онъ обернулся — вѣрно какой нибудь невидимый врагъ гонится за ними! Впередъ, влюбленная чета! еще скачекъ и опасность миновалась! Вотъ стѣна или просто досчатый заборъ, сильно свидѣтельствующій въ пользу развитія земледѣлія въ древнемъ Перу. Въ одинъ мигъ оба перескочили за заборъ, а клоунъ въ восторгѣ нырнулъ въ опилки арены, чтобы освѣжиться.

— Эта вещь одна стоитъ нашихъ денегъ, сказалъ я. Ну, кабальеро, теперь, если вы не намѣрены продолжать своихъ стратегическихъ дѣйствій налѣво, мы можемъ идти домой. Я чувствую сильный позывъ на стаканъ Перкинсова нектара.

— А знаете, сказалъ докторъ, когда мы вышли на улицу: что въ этихъ спектакляхъ Астлеева театра есть какая-то дикая фантазія, отъ которой становится какъ-то свѣжѣе въ головѣ; я увѣренъ, что дирекція держитъ на жалованьи какого нибудь поэта съ рѣдкимъ талантомъ. Онъ никогда не задумается надъ предметомъ; я увѣренъ, дайте ему часъ сроку, и онъ вамъ сочинитъ спектакль великолѣпнѣе Аладинова, въ «Тысячѣ и одной ночи.»

— Не мѣшало бы кой-кому изъ моихъ пріятелей у него поучиться, подхватилъ я. Фантазія нынче ужасно вздорожала, особливо въ области вымысла; и если дѣло не пойдетъ лучше въ непродолжительномъ времени, то ужъ не знаю, что станется съ нашими журналами.

— Я совершенно согласенъ съ вами, замѣтилъ испанецъ; нѣкоторые люди гоняются за одной и той же мылью, пока не загоняютъ ее до смерти. Вотъ, напримѣръ, хоть я знаю человѣка, который ни о чемъ не можетъ писать, кромѣ желѣзныхъ дорогъ. Къ каждой его повѣсти какъ нибудь да приплетутся акціи да паи; и весь интересъ непремѣнно вертится на взрывѣ котла, столкновеніи паровозовъ или на чемъ нибудь подобномъ.

— Позвольте мнѣ замѣтить, кабальеро Сумалакареги, возразилъ я, задѣтый за живое въ своемъ авторскомъ самолюбіи этою неумѣстною выходкою: что всякій предметъ домашняго, роднаго быта занимательнѣе вѣчныхъ разсказовъ объ испанскихъ карикатурныхъ войнахъ. Вы можетъ быть воображаете, что публика очень интересуется подвигами драгуна Герреры, рѣзнею беззащитныхъ цыганъ и прочимъ хламомъ, составляющимъ вашъ обычный за-

пасъ; но я не раздѣляю вашего мнѣнія.

— Никто въ этомъ не сомнѣвается, подхватилъ докторъ, у котораго глаза заблистали отъ радости при видѣ этого начала литературной перестрѣлки. Кому не надоѣли до смерти эти вѣчно одинакія сеньоры? Удивительно, кабальеро, что вы не испытаете силъ своихъ на другомъ поприщѣ, и не подарите намъ чего нибудь поновѣе и получше.

— Получше — чего? спросилъ испанецъ. Лучше этихъ площадныхъ сказокъ о смотрителяхъ и ученыхъ, да старыхъ чудакахъ, у которыхъ торчатъ поросячьи хвосты изъ кармановъ? Покрайней мѣрѣ самый злой врагъ не скажетъ обо мнѣ, что я изображаю что нибудь хуже этого.

— Вы, пожалуй, и правы, возразилъ докторъ; я ничуть не защищаю нашего пріятеля; надо согласиться, что и онъ подчасъ надоѣдаетъ, какъ горькая рѣдька.

— Кто самъ въ жизнь свою не написалъ строчки, сказалъ я, тому легко трунить надъ сочиненіями другихъ.

— Надъ сочиненіями о желѣзныхъ дорогахъ, не такъ ли? подхватилъ испанецъ.

— Позвольте мнѣ доложить вамъ, почтенный собратъ, возразилъ я, что я держу пари о чемъ угодно, что напишу лучше васъ повѣсть на какой бы то ни было предметъ; дѣйствіе вы можете перенести въ какую вамъ угодно мѣстность, хоть въ вашу любезную Испанію, хотя я ее такъ же хорошо знаю, какъ какое нибудь царство Тамбукту.

— Я, отвѣчалъ Сумалакареги, ни передъ кѣмъ не склонюсь на счетъ вымысла, ни даже передъ самимъ Александромъ Дюма. И такъ, чѣмъ скорѣе состязаніе, тѣмъ лучше.

— Не угодно ли назначить предметъ. Напримѣръ, не взять ли осаду Саламанки?

— Чтобъ вамъ можно было обобрать полдюжины военныхъ записокъ? Не безпокойтесь, такой глупости я не сдѣлаю.

— Такъ выберите сами. Гдѣ будетъ мѣсто дѣйствія? Въ Азіи, въ Африкѣ, въ Америкѣ, или даже въ Новой-Зеландіи, когда вамъ угодно?

— Нѣтъ, пожалуйста, не вступайте въ область мистера Джемса; онъ взялъ ссыльныхъ подъ свое особое покровительство. Возьмемъ лучше Америку, Сѣверную или Южную; выборъ столѣтія предоставляю вамъ.

— Не хочу я имѣть дѣла съ красными кожами Фенимора Купера, сказалъ я; вашъ навыкъ писать о цыганахъ даетъ вамъ большое преимущество въ изображеніи огненныхъ глазъ индѣйцевъ, сверкающихъ сквозь кустарники. Притомъ, я ненавижу всю эту старую дребедень о мокассинахъ и вампунахъ. Если же вы согласны попытать свои силы на Патагонской почвѣ, или пожалуй на Черепаховомъ берегу, или на Кипарисномъ-болотѣ, хотя они вамъ отчасти уже знакомы, я готовъ согласиться.

— Позвольте мнѣ быть посредникомъ, сказалъ докторъ. Весь споръ, кажется, родился изъ сегодняшняго представленія на Астлеевомъ театрѣ; вмѣсто того, чтобы ломать себѣ голову, не короче ли заимствовать у него готовую уже мысль. Невѣста Инки, что можетъ быть богаче этого предмета? Возьмите его для содержанія своей повѣсти, а для обстановки-походы Пизарро.

— Прекрасно, отвѣчалъ я; но мы оба станемъ на степень совершеннаго невѣжества. Я уже нѣсколько лѣтъ не читалъ ни полстрочки объ Инкахъ, и, признаюсь, не желаю освѣжать своихъ воспоминаній по этой части. Въ какомъ состояніи вашъ арсеналъ, гидальго?

— Точно въ такомъ же, какъ и вашъ; ни болѣе, ни менѣе.

— И чудесно. Но еще вопросъ: кто будетъ судьею между нами?

— Кому же, какъ не публикѣ?

— Это все хорошо; но подумайте — двѣ повѣсти вдругъ на одинъ и тотъ же предметъ! Кому станетъ охоты и терпѣнія прочесть обѣ?

— Нельзя ли уладить такъ, чтобы одинъ написалъ первую главу, другой вторую, и такъ далѣе? — Замѣтилъ докторъ.

— А что? вѣдь мысль хорошая! сказалъ испанецъ. — Я ѣду завтра съ пріятелями въ Гринничъ убить рыбу; вы можете воспользоваться этимъ временемъ, чтобы приступить къ работѣ. Мы будемъ писать по главѣ, поочередно, какъ въ Виргильевыхъ эклогахъ.

— Arcades ambo, подхватилъ докторъ. И такъ, доброй ночи, господа, да смотрите, въ повѣсти добросовѣстно разработывать мысли товарища. А я зайду на полчаса въ клубъ, выпить стаканъ воды съ джиномъ.

— Я подозрѣваю, сказалъ я, идя домой съ соперникомъ, что докторъ надъ нами подтрунываетъ; не хочетъ ли онъ насъ обоихъ одурачить? Не лучше ли бы намъ бросить свое предпріятіе?

— Ни за что, возразилъ испанецъ. Мнѣ серьозно хочется видѣть, что изъ этого выйдетъ. Если вы какъ нибудь вклеите въ число лицъ самого доктора, мнѣ очень пріятно будетъ продолжать его портретъ по вашимъ слѣдамъ. Я полагаю, что и во времена Пизарро много уже шотландцевъ рыскало по свѣту за приключеніями?

— Этого товару всегда въ изобиліи на всѣхъ рынкахъ; отвѣчалъ я, вздохнувъ. И такъ, доброй ночи; рукопись первой главы будетъ доставлена вамъ завтра вечеромъ, и помните, что мы обязаны честнымъ словомъ не справляться съ книгами.

—

II.

Перуанскій Рубиконъ.

Утро было жаркое, восходящее солнце горѣло на востокѣ, какъ бываетъ только подъ тропиками. Морской отливъ оставилъ между окраиною вѣковаго лѣса, покрывавшаго берегъ и чертою мелкихъ, лѣниво разбивавшихся волнъ, широкую полосу бѣлаго песку, испещренную раковинами всѣхъ цвѣтовъ и самыхъ причудливыхъ

формъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега стоялъ на якорѣ корабль, полуразснащенный, и съ явными признаками недавно выдержаннаго имъ шквала. Другой корабль или скорѣе черный, разбитый кузовъ, лежалъ на пескѣ, въ самомъ безнадежномъ состояніи: бока его были проломлены, снасти снесены; не суждено уже было величавой нѣкогда «Эстремадурѣ» плыть по широкому морю, гордясь своей красотою и жизнью.

Человѣкъ триста грубыхъ, загорѣлыхъ ветерановъ стояли, сидѣли и лежали на пескѣ. Одни смотрѣли, угрюмо на безграничный океанъ, и на лицахъ ихъ было написано уныніе и совершенное отчаяніе. Другіе размахивали руками, усиливаясь, по видимому, убѣдить товарищей въ необходимости рѣшиться на опасную попытку. Третьи, болѣе привыкшіе къ несчастію и гибели, или болѣе равнодушные къ ихъ послѣдствіямъ, играли въ азартныя игры такъ же спокойно, какъ еслибы они никогда не бывали выбрасываемы почти безъ всякихъ средствъ на незнакомый берегъ, а просто убивали скуку въ своей родной, по далекой Испаніи.

Два человѣка, въ которыхъ по ихъ одеждѣ и обращенію не трудно было узнать предводителей, прохаживались поодаль отъ другихъ. Старшій изъ нихъ, высокій, сухой мужчина, съ глубокими морщинами на лбу, изрытыми страданіемъ и лѣтами, по видимому, отклонялъ товарища отъ предпріятія, которое тотъ защищалъ съ особеннымъ жаромъ. Онъ останавливался отъ времени до времени и указывалъ пальцемъ на исполинскіе лѣса, распространявшіеся внутрь далѣе, чѣмъ достигалъ глазъ, и качалъ головою въ знакъ несогласія и неодобренія.

— Говорю тебѣ, это сумазбродство, Пизарро, просто сумазбродство! говорилъ онъ. Никогда нога человѣческая не проникала въ эту трущобу, изъ которой всю ночь раздавались такіе страшные завыванія, что у самаго храбраго стыла кровь въ жилахъ отъ ужаса. Положимъ даже, что мы пройдемъ сквозь нее живые, что, ты думаешь, найдемъ мы за этою полосою? Вдали виднѣется мрачная, черная цѣпь горъ, которой вершины объяты такими густыми тучами, что лучь солнца никогда не пробиваетъ ихъ; а если мы и взберемся туда, я увѣренъ, съ другой стороны въ ногахъ нашихъ будетъ необъятная бездна, крайній предѣлъ свѣта.

— Вздоръ, донъ Гонзалесъ. Не думалъ я, чтобъ ты могъ вѣрить этимъ глупымъ сказкамъ. Гдѣ бы ни былъ край свѣта, неужели мы допустимъ, чтобъ люди могли говорить, что пока оставалась одна десятина земли неизвѣданною, смѣлые испанскіе буканеры отступили передъ назначеннымъ имъ дѣломъ. Да нѣтъ, я знаю, что оно не такъ! За этимъ мрачнымъ хребтомъ стѣлятся самыя пышныя долины, какія когда либо красовались подъ лучами солнца, — поля, плодороднѣе всѣхъ полей родной Испаніи, — города, мощеные серебромъ и золотомъ. Я видалъ ихъ, старикъ, видалъ ихъ;

много и много разъ являлись они мнѣ во снѣ; и клянусь святымъ Іаковомъ, я не дамъ отнять у себя чести ихъ завоеванія.

— Ты самъ того не подозрѣвая, сказалъ правду, Пизарро, отвѣчалъ другой. Ты точно видѣлъ ихъ во снѣ; это мечты больнаго воображенія... онѣ завлекутъ тебя къ погибели. Одумайся — положимъ даже, что все, что ты воображаешь, правда, что твое Эльдорадо въ самомъ дѣлѣ отдѣлено отъ насъ только этою исполинскою природною стѣною, — гдѣ тебѣ завоевать его съ горстью измученныхъ людей? Долины, о которыхъ ты говоришь, если онѣ существуютъ, должны быть заселены; въ городахъ должны быть крѣпости и гарнизоны. Люди не строятъ, чего не имѣютъ средствъ защищать; а нашей дружины — прости Господи! — едва хватитъ на то, чтобы овладѣть деревушкою.

— Слушай, сказалъ Пизарро, положивъ руку на плечо другому, я человѣкъ не ученый, ты это самъ знаешь, но я кой-чего насмотрѣлся и наслышался. Я видалъ, какъ тридцать всадниковъ разгоняли нѣсколько тысячь бусурмановъ будто стадо овецъ; а развѣ насъ не болѣе тридцати? — Слушай еще. Слыхалъ я, что когда-то, въ старину, на какую-то страну Греціи напали враги — должно быть нечестивые Сарацыны; — и что тогда триста храбрыхъ воиновъ, подъ предводительствомъ своего вождя, дона Леонида, стали въ ущельи и удержали сто тысячь враговъ. Насъ столько же; почему намъ бы не совладѣть съ язычниками, которые отъ роду невидали блеску меча или сѣкиры, и неслыхали звону кольчуги? Стыдись, старикъ, въ тебѣ кровь уже жидка и застыла; иначе ты не сталъ бы говорить, какъ бритая голова, а былъ бы болѣе похожъ на благороднаго кастильянца.

— Сынъ свинопаса! вскричалъ старикъ, вытянувшись во весь ростъ, и щеки его зардѣлись румянцемъ гнѣва. Сынъ свинопаса, рабъ! тебѣ ли порицать кровь ста поколѣній? клянусь костями тѣхъ, что лежатъ въ склепахъ Альхамбры, не будь у насъ даже другихъ поводовъ къ несогласію, это одно слово сдѣлало бы насъ вѣчными врагами! Оставайся же, когда хочешь, — и останешься волею или неволею; но знай, что никто изъ признающихъ меня своимъ начальникомъ, не послѣдуетъ за тобою. Вотъ стоитъ остовъ твоего разбитаго корабля. Дѣлай изъ него, что умѣешь, но никогда нога твоя не будетъ на испанскомъ кораблѣ, на которомъ я могу приказывать.

При этихъ оскорбительныхъ словахъ, лицо Пизарро поблѣднѣло, и рука его невольно ухватилась за рукоятку кинжала. Но какъ ни вспыльчивъ былъ его нравъ, онъ давно привыкъ владѣть имъ; онъ вложилъ полуобнаженный уже клинокъ снова въ ножны.

— Счастье твое, донъ Гонзалесъ, сказалъ онъ: что ты почти отжилъ свой вѣкъ; не то, я положилъ бы тебя также низко, какъ лежатъ тѣ, что гніютъ подъ

мраморными плитами. Слушай же; ты сказалъ, что никогда нога моя не будетъ на одномъ кораблѣ съ тобою; изволь. Твой корабль цѣлъ, мой погибъ; — бери же свой корабль и убирайся. Но надъ людьми ты здѣсь не имѣешь никакой власти, если хоть одинъ изъ нихъ согласится соединить свою судьбу съ моею. Я по пытаю счастья. Не смѣй мнѣ въ этомъ противорѣчить, если тебѣ дорога жизнь. У меня есть оружіе и я рѣшился, а ты знаешь, что я отъ своего слова не отступаю.

Сказавъ это, онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ отдыхали матрѣсы, и обнаживъ мечь, провелъ имъ глубокую борозду въ пескѣ. Всѣ смотрѣли на него въ безмолвіи, стараясь угадать, что бы это могло значить; ибо брови Пизарро насупились съ тѣмъ выраженіемъ отваги и непоколебимой рѣшимости, которое являлось обыкновенно на лицѣ его передъ битвою; губы его были стиснуты, а глаза горѣли огнемъ вдохновенія.

— Испанцы, сказалъ онъ, наступилъ часъ дѣйствія. Вотъ стоитъ корабль, готовый на крыльяхъ вѣтра нести васъ обратно въ родную Испанію, не какъ завоевателей новаго свѣта, а какъ блудныхъ сыновъ, возвращающихся нищими въ отчій домъ. Отправляйтесь назадъ черезъ широкій океанъ, привѣтствуйте друзей своего дѣтства; а если они спросятъ, гдѣ же богатства, которыя вы обѣщали привезти изъ невѣдомыхъ краевъ, отвѣчайте, что вы отказались отъ нихъ, когда побѣда была въ вашихъ рукахъ; если они будутъ спрашивать о вашемъ вождѣ, скажите, что вы бросили его на чужомъ берегу, потому что онъ одинъ остался вѣренъ предпріятію и клятвѣ, и рѣшился завоевать страну или мужественно умереть съ мечемъ въ рукахъ!

— Нѣтъ, клянусь святою ракою Компостельскою! воскликнулъ одинъ рослый солдатъ, выступая впередъ; будь, что будетъ, Пизарро, а найдется вѣрно не одинъ товарищъ, который не отступитъ отъ тебя! Геррера драгунъ готовъ идти съ тобою хоть на смерть. Не скажутъ обо мнѣ, что я два раза переплывалъ море, ни разу не поднявъ меча за родную Испанію, или бросилъ своего капитана въ крайности!

— Спасибо, старый товарищъ! сказалъ Пизарро, сжавъ ему руку: спасибо, храбрый сподвижникъ; я зналъ, что вѣрный Геррера не измѣнитъ мнѣ!

— Я также, подхватилъ другой солдатъ, не прочь отъ того, чтобы слѣдовать за тобою; потому что, видите ли, мнѣ всегда казалось, что никто такъ не понимаетъ этого дѣла, какъ донъ Пизарро...

— Такъ, мой бравый шотландецъ? сказалъ Пизарро; такъ и ты со мною? Я всегда считалъ тебя храбрымъ рубакой, для котораго добрый бой лучше медовыхъ рѣчей. Смотрите же: вотъ черта на пескѣ: кто хочетъ попытать счастья съ Пизарро, пускай переходитъ на эту сторону.

— Душой и тѣломъ, возразилъ солдатъ, котораго выдавшіяся скулы и песочнаго цвѣта волосы яс-

по доказывали его происхожденіе.- Но сначала надо покончить небольшой расчетецъ. Вѣдь это значитъ переходить въ новую службу, а у насъ на сѣверѣ есть поговорка: дружба дружбой, а служба службой; поэтому, прежде, чѣмъ я пойду за вами, я спрошу васъ, что станется съ недоплаченнымъ мнѣ жалованьемъ, которое я вполнѣ заслужилъ.

— Продажная душонька, воскликнулъ Геррера; не стыдно-ли тебѣ продавать свою честь за золото?

— Потише, сержантъ, отвѣчалъ шотландецъ сухо; многіе продаютъ и жизнь, и честь еще дешевле. Но по моему, тутъ нѣтъ и рѣчи о продажѣ; это особый видъ личнаго обязательства, особый видъ найма, о которомъ сказано въ книгѣ Regiam majestatem, что никакой новый контрактъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ, пока не исполнены и не очищены всѣ условія стараго. А поэтому, касательно недоплаченнаго жалованья, составляющаго за личную службу, съ конемъ, десять дублоновъ, четыре мараведи, за исключеніемъ процентовъ и неустойки по договору.....

— Слушай, перебилъ Пизарро; если человѣкъ долженъ тебѣ горсть реаловъ, и предложитъ вмѣсто уплаты ихъ, открыть тебѣ цѣлую копь алмазовъ, отвергнешь ты его предложеніе?

— Разумѣется нѣтъ, отвѣчалъ шотландецъ, предоставляя себѣ однакоже право искать на немъ свою претензію до тѣхъ поръ, пока означенные алмазы не будутъ на лицо, и цѣнность ихъ не будетъ удостовѣрена.

— Хорошо, продолжалъ Пизарро; у меня нѣтъ денегъ, чтобы заплатить, что тебѣ слѣдуетъ; но если хочешь идти за мною за эти горы, я поведу тебя въ страну, во сто разъ богаче всѣхъ твоихъ родныхъ долинъ.

— Ну, это вздоръ; перебилъ шотландецъ, вы, видно, не видали Дальнакардока!

— Въ страну, которую мы завоюемъ и которая будетъ принадлежать намъ и нашимъ внукамъ навѣки вѣковъ.

— По праву занятія, вѣроятно, или съ платежемъ чисто поминальной дани, замѣтилъ, шотландецъ.- Тутъ есть толкъ; а какъ вы говорите, что плохая надежда взыскать недоимки какимъ либо законнымъ путемъ, то я, пожалуй, откажусь отъ взысканія ихъ судебнымъ порядкомъ, и поступлю подъ начальство друга моего сержанта, который, сказать мимоходомъ, собаку съѣлъ на алебардѣ, но плохо знакомъ съ пандектами.

Съ этими словами, шотландецъ переступилъ черезъ черту, и дружески встрѣченъ Геррерою. Мало, однако-же, нашлось охотниковъ послѣдовать его примѣру. Хотя Гонзалесъ и не пользовался любовью своей дружины, однакоже она привыкла смотрѣть на него съ уваженіемъ, и знала его за разсудительнаго, опытнаго вождя. Его несогласія на отчаянное предложеніе Пизарро, сильно потрясли довѣріе многихъ ратниковъ, которые безъ того готовы бы на всякую опасность, только бы ви-

дѣть впереди богатую добычу. Притомъ они были въ такомъ положеніи, что самому отважному извинительно было поколебаться идти далѣе. Оставался только одинъ корабль, и съ отплытіемъ его, они лишались всякой надежды возвратиться въ Испанію. Страна казалась суровою и безплодною. Ихъ не встрѣчали съ привѣтомъ толпы жителей;-не представлялась имъ ни одна изъ счасливыхъ примѣтъ, встрѣтившихъ Колумба. Казалось, природа, возмущенная жестокостями испанскихъ бродягъ противъ дѣтей новаго свѣта, созидала преграду новымъ ватагамъ, и скрывала всѣ свои сокровища въ своихъ нѣдрахъ. Изъ трехъ сотъ испанцевъ, только двадцать пять человѣкъ перешли черезъ рубежъ и объявили, что готовы идти на жизнь и смерть съ отчаяннымъ Пазарро.

— Прощайте же! сказалъ гордый капитанъ, обращаясь къ остававшимся за чертою. Мнѣ васъ не нужно; къ чему послужитъ сила рукъ безъ крѣпости духа? Прощайте! я указалъ вамъ путь, но вы не пошли по немъ; я поднялъ знамя, но вы не приступили къ нему;-вы остались глухи къ звуку моей трубы!-Отнынѣ между нами нѣтъ ничего общаго. Возвращайтесь въ Испанію, трусы..... работайте, потѣйте изъ насущнаго хлѣба,.. копайте землю,.. тяните бичеву... это вашъ удѣлъ, потому что вы не понимаете мужества и стремленія къ славѣ. А вы, сбросившіе съ себя узы глупой любви къ родной хатѣ, и помѣнявшіе имя испанцевъ на болѣе почетное прозваніе буканьеровъ,—вставайте, намъ пора за дѣло. Походъ нашъ будетъ труденъ, и опасенъ; но передъ нами лежитъ цѣлый новый свѣтъ, и намъ предстоитъ слава его завоеванія. На коней, всадники! Геррера, распусти знамя! Взгляните еще въ послѣдній разъ на океанъ, а потомъ впередъ, на побѣду или на смерть!

— Одно слово, Пизарро, на прощаніе, сказалъ донъ-Гонзалесъ. Не смотря на твое безразсудство, запальчивость, я вижу въ тебѣ порывы благородной, богатырской души, и не желалъ бы разстаться съ тобою врагомъ.. Я можетъ быть обидѣлъ тебя, но...

— Старикъ, какое мнѣ дѣло до тебя или до твоихъ обидъ? возразилъ Пизарро. Въ груди моей бьется душа завоевателя, и ты и тебѣ подобные не могутъ обижать меня. Мнѣ некогда терять времени. — Въ походъ, товарищи, въ походъ! Пробилъ великій часъ въ судьбахъ свѣта!

Черезъ нѣсколько минутъ, часовые на берегу слышали послѣдніе звуки трубы Пизарро, замиравшіе въ глубинѣ Перуанскаго лѣса.

—

« Славная глава,» сказалъ я съ самодовольствіемъ, складывая рукопись. Бойко, сжато, размашисто, одушевлено, совершенно въ Веверлеевскомъ родѣ. Жаль, что нельзя было какъ нибудь вклеить доктора... но за то характеръ шотландца славно придуманъ... Ни слова еще объ Инкѣ и его

невѣстѣ... Ну, надо же что нибудь оставить и почтенному гидальго. Любопытно, чѣмъ-то онъ меня угоститъ въ слѣдующей главѣ?»

—

III. Дѣти солнца.

—

— Онеиза!

— Мой возлюбленный, — владыка моей души!

— Взгляни на меня твоими свѣтлыми очами, въ которыхъ такъ радостно отражается мой образъ. О моя прекрасная, моя возлюбленная! Скажи мнѣ, Онеиза; о чемъ ты думаешь когда пѣснь соловья перелетаетъ изъ-за озера?

— О тебѣ, мой возлюбленный, о тебѣ!

— А когда звѣзды блистаютъ на темномъ небѣ, какъ сафиры въ твоихъ черныхъ волосахъ, — о чемъ ты думаешь, Онеиза?

— О тебѣ, все о тебѣ!

— Когда яркій колибри прячетъ головку въ чашу цвѣтка; когда дивный цвѣтъ азалеи пышно выходитъ изъ своей темницы; когда легкій вѣтерокъ разноситъ повсюду упоительный ароматъ и сквозь вечернюю мглу слышится журчаніе невидимаго ручья; когда огненные жуки мерцаютъ въ чащѣ кустарника, какъ искры чистаго золота; когда теплая роса благотворно освѣжаетъ траву, кустарники и деревья, гдѣ твоя душа, Онеиза?

— Съ тобою, владыка моего сердца, съ тобою!

Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ впервые сошло благословеніе на Эдемъ, не озаряла дѣвственная луна такой прекрасной, такой невинной четы! Манко-Капль былъ изъ царственнаго рода Инковъ, которыхъ преданіе считало прямыми потомками солнца. Но наблюдательный физіологъ безъ труда узналъ бы слѣды болѣе человѣческаго, хотя не менѣе славнаго происхожденія. Пышныя кудри молодаго Инки, его черные глаза, орлиный носъ и толстая нижняя губа представляли разительное сходство съ тѣмъ идеаломъ красоты, который далеко превосходитъ все, что создалъ греческій рѣзецъ. Это были черты царя плѣненнаго народа, вождя древнѣйшаго племени, прошедшаго черезъ Кавказскія ворота.

Манко-Капль давно любилъ Онеизу, дочь Перуанскаго верховнаго жреца, и любилъ ее съ увлеченіемъ, съ силою, какихъ не знаютъ черствые народы сѣвера, которыхъ страсти такъ же холодны, какъ климатъ, въ которомъ они прозябаютъ. Онеиза, съ своей стороны, отдала ему, чего прекраснѣе и дороже нѣтъ на свѣтѣ, — чистое, довѣрчивое сердце. Дитя рая, въ которомъ почти не видно было слѣдовъ соблазнительной змѣи, она не знала заманчивыхъ хитростей, употребляемыхъ дочерями Европы для сокрытія чувствъ, которыя собственно составляютъ превосходство человѣческаго рода передъ всѣмъ твореніемъ. Она люби-

ла пламенно, смѣло, страстно; и понимала, что утаивать выраженіе этой любви, значило похищать у своего супруга то, что ему принадлежало. О если бы женщины знали, что онѣ приносятъ въ жертву своей мнимой скромности, если бы онѣ, хоть разъ испытали блаженство полнаго, безусловнаго сочетанія душъ, — онѣ бросили бы свою искуственную робость.

— Онеиза, мой свѣтъ!

— Говори, душа моя внимаетъ тебѣ.

— Взгляни, моя возлюбленная, на звѣздное небо; взгляни на этотъ яркій поясъ, легкій, какъ поясъ, подъ которымъ бьется сердце моей Онеизы. Какъ хорошъ, не правда ли?

— Правда, прекрасенъ.

— И подумала-ли бы ты, что онъ предвѣщаетъ гибель?

— Гибель?... ты пугаешь меня.

— Не бойся! я не говорилъ, что онъ предвѣщаетъ гибель тебѣ. Развѣ меня нѣтъ здѣсь чтобы отразить даже ударъ грома, который будетъ угрожать Онеизѣ?

— О, молчи; что ты говорилъ о звѣздахъ? Развѣ ты умѣешь читать въ нихъ, Манко?

— Послушай, моя милая. Ты знаешь преданія нашего племени. Давно, очень давно, когда еще не созрѣвали сѣмена, изъ которыхъ выросли эти могучія деревья, — когда еще не былъ выломанъ изъ родной скалы ни одинъ изъ камней, изъ которыхъ сложена эта пирамида,—отцы наши жили въ далекой странѣ. Она была, Онеиза, за широкимъ моремъ, и я не понимаю, какъ они успѣли переплыть черезъ его пучины. И эта страна была, не какъ наша, обильна и пышна, а напротивъ, безплодна и суха; не было въ ней ни дивныхъ озеръ, ни быстрыхъ рѣкъ; а была одна длинная полоса песку, который солнце палило въ своемъ гнѣвѣ.

— О, Манко, это ужасно! Но звѣзды?....

— Звѣзды, Онеиза.... Звѣзды были и тамъ ясны и свѣтлы, какъ твои праотцы и они лежа на краю какаго-нибудь уединеннаго источника, слѣдили за ихъ движеніями, пока не выучились читать въ таинственной книгѣ небеснаго свода, и извлекать чудныя свѣдѣнія изъ положенія и сочетанія созвѣздій.

— И ты владѣешь этимъ искусствомъ, Манко?

— Глупенькая! Какъ же ты хочешь, чтобы я былъ невѣжественнѣе своихъ предковъ? Меня научилъ человѣкъ, наблюдавшій цѣлый годъ за ходомъ небесныхъ тѣлъ, съ огненной вершины Атльпикаки; и давно уже предсказалъ онъ мнѣ угрожающую Перу опасность, которую я теперь самъ читаю въ томъ созвѣздіи.

— Опасность Перу, Манко?

— Да, моя милая, но не тебѣ. Взгляни немного пониже. Видишь эту звѣзду, которая скрывается отъ времени до времени за колеблющеюся вѣтвью кактуса?— Она горитъ ровно и ясно, какъ глазъ счастливаго духа! Смотри, какъ она ярко блистаетъ въ небесной дали; это, Онеиза, твоя родная звѣзда.

— А гдѣ же твоя, Манко?

— Звѣзды, отвѣчалъ Манко-Капль съ гордостью, не имѣютъ вліянія на судьбу дѣтей солнца! Кто хочетъ читать нашъ жребій, долженъ смотрѣть прямо на огненный шаръ великаго небеснаго свѣтила, не сводить съ него глазъ, хотя бы лучи его сожигали самый мозгъ. Но будетъ, моя возлюбленная, пора намъ на отдыхъ. Перо мое гнется подъ тяжестью росы, и твои косы отсырѣли.

— О Манко, я хотѣла тебѣ что-то разсказать.

— Говори, моя краса.

— Мнѣ приснился сонъ въ прошлую ночь, и — повѣришь ли? — не о тебѣ.

— И ты не смотря на то, не забыла его?

— Нѣтъ, потому что онъ былъ слишкомъ страшенъ. Дай мнѣ склонить голову на твою грудь, и я разскажу тебѣ сонъ мой. Мнѣ снилось, будто я лежала тамъ... подъ развѣсистыми пальмами, на берегу озера, и смотрѣла, какъ молодые алигаторы гонялись для забавы въ камышахъ и вспугивали рои золотыхъ бабочекъ. Вдругъ вся природа въ одно мгновеніе погрузилась въ мертвое молчаніе, какъ будто сердце ея перестало биться въ ея нѣдрахъ. Игривые жители озера безъ шума нырнули въ его серебристыя воды и скрылись. Молодая серна, выбѣжавшая изъ чащи лѣса, чтобы напиться, оглянулась вокругъ со страхомъ, и удалилась. Ящеръ поспѣшно уползъ въ дупло, и птицы замолкли. Я оглянулась къ городу... надъ нимъ висѣла черная туча!.. его башни и золотые верхи уже не блистали подъ лучами солнца; небо было затянуто холодною, свинцовою пеленою. Я посмотрѣла на колоссальный образъ нашего божества, солнца... На ликѣ его уже не было той улыбки неземной красоты; оно было искажено выраженіемъ страшнаго, предсмертнаго страданія. Вдругъ мнѣ показалось, будто статуя ожила сверхъестественною жизнью. Она встала на своемъ подножіи, Манко, — протянула руки къ востоку, и могильнымъ голосомъ произнесла слова: Перу отданъ на жертву пришельцу! Но ты молчишь, Манко?

— Продолжай, Онеиза, я слушаю...

— Я оглянулась на горы, и что же? Илакслипакль извергалъ изъ своей остроконечной вершины пламя, которое возносилось къ самому небу... потоки горящей лавы текли изъ боковъ его; крѣпкія скалы, казалось, трескались.... И между тѣмъ, какъ я со страхомъ и трепетомъ смотрѣла на это зрѣлище, пламя приняло опредѣленный образъ, и я могла прочесть, въ огненныхъ буквахъ, ужасное слово: «Перу отданъ на жертву пришельцу!»

— Это все, Онеиза?

— Нѣтъ, еще не все. Въ тоже время земля задрожала, и изъ нѣдръ ея раздались странные звуки, будто звонъ мѣдныхъ трубъ, или ударъ желѣза объ желѣзо. Потомъ послышались мнѣ дикіе, радостные голоса, но они говорили языкомъ, котораго я не понимала, языкомъ суровымъ и непріят-

нымъ. Между тѣмъ проходили къ городу какіе-то страшные образы! Это не могли быть люди. Верхняя часть тѣла походила на человѣческій образъ, но они были прикрыты блестящею сталью, и держали въ рукахъ длинныя копья. Остальная часть тѣла походила на огромное, сильное животное, съ желѣзными копытами, и земля дрожала подъ ихъ шагами. Одинъ изъ нихъ наклонился, чтобы схватить меня... я вскрикнула и проснулась, и увидѣла, что ты сидѣлъ подлѣ меня и лучъ луны игралъ на челѣ твоемъ.

— Говорила-ли ты объ этомъ отцу, Опеиза?

— Нѣтъ еще; не ты ли долженъ первый узнавать мои мысли?

— Это знаменіе боговъ, Опеиза. Поспѣшимъ въ городъ, предостеречь Атахуальпу нашего повелителя пока еще не поздно. Твой сонъ, и положеніе звѣздъ на небѣ заставятъ трепетать самое неустрашимое сердце.

Они встали и пошли вмѣстѣ, рука объ руку, по берегу озера, къ городу. Но не успѣли дойти, какъ увидѣли явные признаки, что въ городѣ случилось что-нибудь необычайное. По улицамъ горѣли факелы; огромный костеръ на алтарѣ солнца возсылалъ огненный столбъ къ небу; вездѣ раздавался звонъ цимбалъ.

— Что это значитъ, Плазоэлли? спросилъ Манко-Капль, встрѣтившагося ему молодаго перуанца; который казалось было въ ужасныхъ попыхахъ; — что значитъ эта внезапная суматоха?

—Боги сошли въ человѣческомъ образѣ, и Атахуальпа даетъ имъ пиръ.

— Молчи, нечестивый, отвѣчалъ Манко-Капль въ негодованіи; ты съ ума сошелъ, что-ли?

— Нѣтъ, это совершенная правда, отвѣчалъ перуанецъ.—Я самъ видѣлъ ихъ своими глазами.—Все такіе богатыри, одѣты въ блестящую сталь; бороды, точно хвостъ ламы! Клянусь великимъ Биршебою! продолжалъ онъ, ибо перуанцы еще не совсѣмъ забыли преданія отцовъ; посмотрѣли бы вы сами на какихъ звѣряхъ они пришли къ намъ: фыркаютъ громче аллигатора; и какъ машутъ головою, пѣна летаетъ, какъ осенью хлопья отъ бумажнаго дерева; а ударятъ въ землю желѣзнымъ копытомъ, такъ будто камень падаетъ съ неба! Это новые боги.

Я не жрецъ, инка, но могу тебѣ сказать, что Акстлокель отъ нихъ въ восторгѣ, и говоритъ, что они нарочно сошли съ солнца.

— Акстлокель, мой отецъ! воскликнула Опеиза.

— Тише! моя милая, сказалъ Манко-Капль.—Будемъ надѣяться, что все къ лучшему. Мои знаменья и твой сонъ обманчивы.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила Опеиза. Солнце и звѣзды не лгутъ. Не тѣ-ли же это самые образы, не тѣ-ли же страшныя привидѣнія, которыя являлись мнѣ во снѣ, въ то самое время, какъ голосъ изъ невѣдомаго міра вѣщалъ паденіе Перуанскаго царства? И ты самъ, не видѣлъ-ли на небѣ знаменья его паденія? какого-же добра, послѣ этого, можемъ мы

ожидать отъ этихъ боговъ, — если они точно боги?

— Но мнѣ пора — во дворцѣ идетъ пиръ горою, Атахуальпа ждетъ всѣхъ инковъ. За тобою, вѣроятно, уже послали, Манко-Капль.

— Ступай-же скорѣе! отвѣчалъ молодой инка; я приду вслѣдъ за тобою. — Безумецъ! продолжалъ онъ, когда перуанецъ удалился; ты тоже, что все твое племя, радуешься наступающему уничиженію, потому что оно является въ блестящемъ видѣ! Но можно-ли винить тебя, когда старѣйшіе и болѣе образованные люди дались на роковую приманку?—Слушай, Оненза; душа моя мутна, но болѣе всего трепещу я за тебя. Не долго была ты моею, Оненза; но если я лишусь тебя, тогда померкнетъ свѣтъ мой жизни. Обѣщай мнѣ, что бы ни сталось съ нашею бѣдною родиною, мы никогда не разлучимся,—ни въ жизни, ни въ смерти;—отрадна, легка мнѣ будетъ смерть, если она застигнетъ меня въ твоихъ объятіяхъ!

— О Манко, Манко, неужели ты можешь сомнѣваться?

— Нѣтъ, я никогда не сомнѣвался; но сердце мое предчувствуетъ горе. Но все равно Оненза,— наша равнина не весь свѣтъ. За этими горами тянутся долины и обширныя саванны, въ которыя никогда не проникнетъ нога завоевателя. Я видалъ ихъ, когда гонялся по горамъ за дикимъ жагуаромъ; и даже среди великолѣпія нашего города, я не разъ жалѣлъ, что не могу поселиться въ какой нибудь скромной хижинѣ, на берегу уединеннаго потока, съ тобою, моею единственною подругою. Если наступитъ день, когда должно рушиться наше царство, достанетъ-ли въ тебѣ мужества, Оненза, забыть нѣжное воспитаніе, бросить все, и слѣдовать за супругомъ въ глубину этой неизвѣстной пустыни? Много тамъ опасностей, Оненза, но любовь будетъ хранить насъ!

— Хотя бы здѣсь былъ Эденъ, мой возлюбленный, а тамъ Гиномская долина,—я твоя, и всегда буду съ тобою!

— Довольно, моя душа! Если бы весь свѣтъ былъ моимъ царствомъ, я положилъ бы его къ твоимъ ногамъ. Какое сокровище можетъ сравниться съ твоимъ сердцемъ? Пойдемъ, моя душа, пойдемъ вмѣстѣ. Огни догараютъ на башняхъ, и вечерняя звѣзда клонится къ западу!

—

При вышеизложенной рукописи получилъ я слѣдующую записку отъ своего пріятеля испанца. «Мнѣ не очень нравится ваша глава. Во многихъ мѣстахъ это просто наборъ словъ; и нелѣпые отечественные предразсудки втянули васъ въ просакъ. Характеръ вашего продажнаго шотландца встрѣчалъ я уже гдѣ-то прежде. Я хотѣлъ было ввести его въ свою главу, но къ сожалѣнію самъ не силенъ въ пандектахъ; къ тому же вы забыли дать кличку своему басурману... О своей главѣ скажу только, что она въ высшей степени нѣжна, тро-

гательна и оригинальна. Попытайтесь сравниться съ нею.

— « Оригинальна, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я про себя. Воображаетъ, что я не читалъ « Дивной повѣсти объ Альроѣ!.. Какая премудрость написать нѣсколько страницъ напыщенной, сладкой чепухи?.. Трогательно! какъ-бы не такъ?.. А слогъ! можно-бы принять за стихи, еслибы размѣръ не дралъ ушей! И угораздила же его нелегкая дать такія дикія имена своимъ перуанцамъ; никогда еще, я думаю, не была такъ исковеркана вся азбука!.. Нечего дѣлать, однакоже, надо идти по его слѣдамъ... за то, разуважу я его слѣдующею главою!.. просто какъ обухомъ по лбу!..

—

IV. Огненная палата.

Въ эту ночь былъ великолѣпный пиръ въ дворцѣ повелителя Перу. Простодушный и довѣрчивый, какъ ребенокъ, старшій инка, Атахуальпа, привѣтствовалъ испанцевъ, какъ посланцевъ боговъ или какъ самихъ боговъ; и съ тщеславіемъ дикаря старался показать имъ всѣ свои богатства, всѣ сокровища. Самъ Атахуальпа былъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, прекрасенъ, какъ леопардъ; во всей наружности его было какое-то врожденное величіе. Въ самомъ нарядѣ его, заимствованномъ, хотя со многими измѣненіями, съ востока, было какое-то благородство и великолѣпіе, невозможныя при нынѣшнемъ европейскомъ костюмѣ. На длинныхъ, черныхъ кудряхъ его былъ надѣтъ золотой обручь, осыпанный алмазами и въ него были вложены пышныя перья райской птицы. Верхнее платье и камзолъ его были богато украшены яркими перьями колибри и рядами драгоцѣнныхъ камней, а на шеѣ его висѣло ожерелье изъ рубиновъ, стоившее цѣлаго Индостана. У ногъ его лежалъ ручной жагуаръ, ласкавшійся къ своему господину, какъ собака; въ правой рукѣ держалъ онъ скиптръ изъ слоновой кости, съ одной жемчужиной на верхушкѣ, которой подобной не нашлось бы во всемъ свѣтѣ. Таковъ былъ Атахуальпа, повелитель всего Перу.

Вокругъ него сидѣли инки, едва уступавшіе ему въ великолѣпіи. Столъ былъ уставленъ стопами и кубками изъ чистаго золота, которое придавало еще роскошнѣйшій цвѣтъ виноградному соку. Чужеземцы, сидѣвшіе за столомъ, смотрѣли кругомъ жадными глазами, и не могли опомниться отъ радости, думая, что все это богатство станетъ скоро ихъ добычею.

— У тебя здѣсь много золота, инка! сказалъ Пизарро, сидѣвшій по правую руку Атахуальпы; такъ что, кажется, не знаешь, куда его дѣвать. Клянусь костями Христофора Колумба! стыдно смотрѣть на такое низкое употребленіе благороднѣйшаго изъ металловъ.

— Что правда, то правда, подхватилъ шотландецъ, вытаскивая

свою голову изъ золотой стопы, въ которой она скрывалась до половины. Это просто мотовство, дѣлать кружки и стаканы изъ самаго чистаго золота, изъ какого когда-либо чеканились добрые червончики. Это и намъ было бы не по силамъ въ Лидскихъ горахъ, не смотря на то, что Лидскій округъ, что твой Офиръ!

— Убей меня громъ, сказалъ Геррера драгунъ, если искушеніе держать въ рукахъ эту золотую посуду не превосходитъ силъ и терпѣнія любаго нашего витязя. Когда-то нашъ теералъ отдастъ приказаніе приниматься за грабежъ?

— Дѣвка-то не дурна! вскричалъ шотландецъ, когда Манко-Капль вошелъ съ Онензою въ залу пиршества; но что если у нея приданаго столько же, какъ платья на тѣлѣ, то мужу поживы не много.

— За то сама что за жемчужина! возразилъ ирландскій рядовой, по имени *О' Раферти.* — Неужели этотъ молодчикъ ея мужъ?

— Гей, инка, закричалъ Пизарро, что жъ ты молчишь? развѣ не слыхалъ, что я спрашивалъ? Много у тебя еще этого добра?

— Ты спрашиваешь о моей домашней утварн? отвѣчалъ Атахуальпа. Мы ее не считаемъ. Можешь брать все, что тебѣ приглянется.

— Съ меня будетъ и этого, сказалъ шотландецъ, хватаясь за огромную стопу; чортъ возьми мою душу, если я когда-нибудь посмотрю дареному коню въ зубы!

— А алмазы, инка, алмазы? спросилъ Пизарро, брося жадный взглядъ на богатое ожерелье Атахуальпы, ихъ ты также даришь гостямъ, которыхъ прислали тебѣ боги?

— Это наслѣдіе солнца, отвѣчалъ инка; его дарить нельзя. Но чего ты хочешь, чужестранецъ? Нашего гостепріимства? Дворцы наши открыты тебѣ. — Голоденъ ты? Мы будемъ кормить тебя. — Хочешь обработывать землю? Мы тебѣ отведемъ, сколько хочешь, долинъ. Оставайтесь у насъ, сдѣлайтесь дѣтьми солнца, нашими братьями.

— Знай, инка, что я присланъ къ тебѣ нарочно отъ боговъ, за тѣмъ, чтобы взять у тебя это ожерелье, которое носили твои предки.

— Пускай боги, давшіе мнѣ его, придутъ сами взять его, отвѣчалъ инка спокойно.

— Такъ ты не даешь его? вскричалъ Пизарро; клянусь, что послѣ, сраженія, ты самъ отдашь его намъ какъ военную добычу. Прежде чѣмъ перуанскіе вожди, съ трудомъ понимавшіе въ чемъ дѣло, успѣли вступиться за своего повелителя, передъ Атахуальпою явился другой защитникъ. Выскочилъ жагуаръ съ грознымъ ревомъ, и бросился на горло Пизарро. Счастье было завоевателю, что на немъ были кованные кастильскіе доспѣхи; иначе когти и зубы дикаго звѣря отплатили бы ему за оскорбленіе, нанесенное его господину. Букаперъ отшатнулся назадъ, и упалъ на полъ, тщетно стараясь вырваться изъ лапъ разъяреннаго звѣря.

Геррера драгунъ бросился съ обнаженнымъ палашемъ: — Дайте мнѣ убить звѣря! ревѣлъ онъ; разрублю его пополамъ, какъ котенка.

Но Манко-Капль сталъ передъ нимъ. — Злодѣй, вскричалъ онъ, такъ ты хочешь убить животное за то, что оно вѣрно заступается за жизнь своего господина? опусти свое копье, или клянусь, я размозжу тебѣ голову своею палицею!

Съ быстротою молніи Манко-Капль схватился съ рослымъ ратникомъ, и перуанская ловкость мигомъ одолѣла европейскую крѣпость. Связанный въ движеньяхъ тяжелыми доспѣхами, Геррера зашатался и упалъ, увлекая за собой противника, который однакоже удержался сверху.

Высвободите меня изъ-подъ этого чудовища! Хуанъ, Діего-*О' Раферти*! кричалъ Пизарро: — или вы хотите, чтобы онъ разорвалъ меня на вашихъ глазахъ?

— Стойте! закричалъ инка ратникамъ; ненужно насилія; я кликну его. Сюда, Бисерта, сюда! — и жагуаръ оставилъ Пизарро, и съ покорностью приползъ къ ногамъ своего господина.

— Трусы вы всѣ! сказалъ Пизарро, вставъ съ полу; еслибы ждать, пока вы пришлибъ ко мнѣ на помощь, звѣрь двадцать разъ успѣлъ бы растерзать меня на клочки.

— И подлинно, счастливо вы отдѣлались, затѣтилъ шотландецъ; невесело попасть въ лапы этому звѣрю, еще хуже нашей дикой кошки!

— Это что? воскликнулъ Пизарро. Геррера въ крови! Боже мой Геррера убитъ, самый храбрый, самый лучшій мой ратникъ!

Геррера былъ точно убитъ. Не имѣя возможности сбросить съ себя упавшаго на него Инку, онъ выдернулъ кинжалъ, и хотѣлъ со всего размаху ударить въ грудь Манко-Капля. Но ловкій юноша схватилъ его за кисть руки, и стиснувъ ее, принудилъ его выпустить оружіе. Драгунъ вцѣпился руками въ волосы противника, которому не оставалось другаго средства высвободиться, какъ только употребивъ оружіе; три раза сверкнула сталь, и каждый разъ вонзалась въ горло Герреры. Мало-помалу онъ разжалъ руки, по членамъ его пробѣжала судорога, глаза отуманились, и — на полу лежалъ одинъ безжизненный трупъ.

А гдѣ была все это время Онеиза? Блѣдная, какъ смерть, она прижалась, во время борьбы, къ отцу; но когда супругъ ея всталъ побѣдителемъ надъ трупомъ противника, съ огнемъ мужества и негодованія въ глазахъ, она бросилась къ нему и сжала его въ объятіяхъ.

— Прочь, прочь, Онеиза, воскликнулъ молодой Инка; здѣсь не мѣсто женщинамъ! Во храмъ всѣ, кромѣ тѣхъ, у кого есть сила сражаться за Атахуальну и за родные кровы! это не боги, а кровожадные злодѣи, которыхъ надо наказать. Вотъ одинъ изъ нихъ уже поверженъ, и кровь его течетъ потокомъ. Боги не умираютъ отъ оружія. Будьте тверды, друзья мои, и мы еще спасемъ родной

край!.. Прочь отсюда Оненза, если ты меня любишь! Акстлокель уведи ее. Идите въ храмъ; а если мы не придемъ къ вамъ туда, жгиже храмъ и дома... не отдавайте врагу ничего, кромѣ одного пепелища.

Женщины и жрецы повиновались, во дворцѣ остались одни воины. Хотя перуанцы превосходили противниковъ числомъ, но они не могли съ ними сравниться въ вооруженіи; какъ народъ, непривычный въ войнѣ, они носили при себѣ оружіе, годное болѣе для блеску, чѣмъ для обороны, между тѣмъ, какъ испанцы были вооружены съ головы до ногъ. Въ одномъ концѣ залы стоялъ Атахуальпа, окруженный своими соотечественниками, изъ которыхъ каждый готовъ былъ умереть за своего повелителя; въ другомъ концѣ собралась небольшая дружина испанцевъ, для которой отступленіе было невозможно, а состраданіе незнакомо.

— Чего намъ еще ждать? сказалъ Пизарро; кровь Герреры требуетъ мести. Стойти крѣпко, товарищи,... взводите курки... стрѣляйте!.. — и первый, смертельный залпъ раздался по перуанскому дворцу.

Многіе изъ перуацевъ пали; однакоже смерть ихъ была не такъ важна, какъ ужасъ остальныхъ, когда они увидѣли дѣйствіе этого невѣдомаго имъ орудія смерти.

— Боги разгнѣвались на насъ! они явились намъ среди огня и дыму! — кричали многіе и падали безъ ранъ навзничь, среди труповъ.

Одинъ Манко-Капль не робѣлъ.

— Боги или нѣтъ, говорилъ онъ, но они враги намъ и нашей родинѣ! Могутъ ли быть посланцами солнца тѣ, которые пришли умерщвлять его дѣтей? Будемъ отвѣчать огнемъ на огонь — зажжемъ дворецъ — посмотримъ, какъ будутъ пришельцы дышать среди всеразрушающей стихіи!

Сказавъ это, неустрашимый юноша схватилъ факелъ и поднесъ его къ пышнымъ занавѣсамъ, висѣвшимъ по стѣнамъ. Пламя вспыхнуло съ быстротою мысли, побѣжало вверхъ, стало лизать потолокъ своими огненными языками, — балки стали трещать и загораться, — дымъ густымъ столбомъ опустился внизъ и обхватилъ всю залу. Еще разъ, одинъ только разъ, раздался залпъ испанцевъ и вслѣдъ за тѣмъ завязался рукопашный бой между ними и молодыми Инками, которыхъ голосъ Манко-Капля возбуждалъ къ отчаянной оборонѣ. Борьба была не продолжительна, но ужасна. Европейцы, приученые съ дѣтства къ употребленію оружія, косили слабыхъ противниковъ, какъ колосья въ полѣ. Они пали одинъ за другимъ, защищая своего повелителя, до котораго Пизарро скоро пробилъ себѣ дорогу.

Между тѣмъ столбы дыма, а потомъ и пламя, вырывавшіеся изъ дворца, извѣстили всѣхъ скрывшихся въ сосѣднемъ храмѣ о развязкѣ борьбы.

— О Акстлокель, о отецъ, пус-

ти меня! говорила Онеиза. — Супругъ мой погибаетъ въ огнѣ, пусти меня умереть съ нимъ, если нельзя его спасти!

Въ это мгновеніе дверь дворца растворилась и изъ нея выбѣжалъ Манко-Капль, въ окровавленной одеждѣ съ измятыми перьями на головѣ; за нимъ бѣжалъ вѣрный жагуаръ.

— Моя невѣста... Онеиза, гдѣ ты? кричалъ онъ. Онеиза съ радостнымъ крикомъ вырвалась изъ объятій отца и бросилась на шею Манко-Каплю.

— Ты спасенъ, ты спасенъ! восклицала она.

— Да, Онеиза! Великій духъ былъ милосердъ, но еще есть опасность. Надо бѣжать, моя возлюбленная.

— Съ тобою хоть на край свѣта.

— Такъ идемъ же; смерть за плечами.

Лошади Пизарро и его сподвижниковъ стояли на привязи у самыхъ воротъ храма. Изъ небрежности ли, или полагаясь на страхъ, который эти животныя внушили перуанцамъ съ самаго начала, или наконецъ, по невозможности отдѣлить хоть одного человѣка изъ такой небольшой дружины, при лошадяхъ не было часоваго. Мысль мелькнула въ головѣ Манко-Каплю; онъ схватилъ одну изъ лошадей, чудеснаго пѣгаго скакуна, принадлежавшаго самому Пизарро, посадилъ Онеизу на другую, вскочилъ въ сѣдло, и оба поскакали.

— Стрѣляйте въ собаку? кричалъ Пизарро, выходившій въ это самое время изъ дворца, съ мечемъ въ рукахъ. Стрѣляйте въ него; я не хочу лишиться своей Онагры, ни за какія сокровища въ мірѣ.

Раздались три выстрѣла, но ни одинъ не достигъ бѣглецовъ. Какъ вихрь неслись они къ озеру, и рядомъ съ ними скакалъ жагуаръ.

— На коней, въ погоню за ними! кричалъ Пизарро.

О'Раферти и шотландецъ поспѣшно вскочили на коней и пустились въ погоню.

Мы опускаемъ завѣсу на всѣ кровавыя дѣла, совершившіяся въ эту ночь въ Каксамалькѣ.

—

— «Коротко и мило, сказалъ я про себя, положивъ перо. Сомнѣваюсь, чтобы самъ Александръ Дюма могъ написать болѣе драматическую главу. Во всякомъ случаѣ, я оказалъ великую услугу публикѣ, убивъ драгуна Герреру; трудно же предположить, чтобы послѣ этого, мой гидольго осмѣлился его снова вывести на сцену. Миръ праху! не шуточное было дѣло убить его, незнакомецъ спровадилъ его и кажется, довольно чистенько.

—

V. Огненный потокъ.

— Ура! вдоль по озеру, по широкой степи, никто не встрѣтитъ Инку съ невѣстою, свободныхъ, непокорныхъ. Ура! быстры наши кони, луна свѣтитъ яс-

но; что скачекъ, то пронесется дерево, будто быстроногая серна! Не робей, моя голубка, степь близка. Я знаю всѣ горныя тропинки, не проѣхать по нимъ врагу! Не ломай нѣжныхъ рукъ, не плачь, моя невѣста. Мы покидаемъ родину разграбленную, а впереди вражьи дружины не будутъ болѣе тревожить тебя..... Но что ты оглядываешься съ такимъ страхомъ! за чѣмъ дрожишь, моя душа?.... или ты боишься, что коварные враги пойдутъ по слѣдамъ нашимъ?

— О, мой супругъ! несутся двое.

— Хоть бы двадцать, не боюсь ихъ, моя душа. Пусти вольнѣе поводья коню. Гей, Бисерта! смотри, какъ она скачетъ съ нами по равнинѣ; какъ дико и сердито горитъ ея рысій глазъ. Пускай враги попытаются намъ что нибудь сдѣлать, она отплатитъ имъ. Впредь, впредь, моя душа; вотъ мы миновали лѣсъ; вотъ слышится наконецъ глухой рокотъ горнаго потока.

Они подъѣзжали къ мрачному оврагу, прорытому въ скалахъ стремленіемъ потока. Страшно было взглянуть въ глубину; на сто футовъ подъ ногами клокоталъ и ревѣлъ бѣшеный потокъ. Спускъ оврага съ обѣихъ сторонъ былъ усѣянъ острыми скалами; смерть, въ случаѣ паденія, была неизбѣжна. Инка зналъ опасность, но отступать было некуда. Онъ схватилъ одною рукою поводъ коня Онейзы, а другою ударилъ въ бокъ своего коня; кинжалъ Герреры, оставшійся въ его рукахъ, служилъ ему вмѣсто шпоръ. Оба коня взвились надъ оврагомъ, и задыхаясь, стали на другомъ берегу.

— Чортъ ли несетъ твою скотину, О'Раферти, кричалъ шотландецъ; держи ее, дуралей; или того и смотри попадешь съ нею вмѣстѣ въ такой котелъ, что не хуже, чѣмъ въ Мукартѣ.

Предостереженіе опоздало. Молодая ирландская лошадка, на которой ѣхалъ О'Раферти, смѣло подскакала къ безднѣ, подобрала ноги, какъ кошка, взвилась, и почти удачно совершила скачекъ; но тяжесть всадника, одѣтаго въ желѣзные доспѣхи, была ей слишкомъ не по силамъ. Она попала ногами на сыпучій грунтъ, сдѣлала одно судорожное усиліе, и тяжело покатилась въ бездну. И слышно было только, какъ вода всплеснулась отъ паденія тяжелаго тѣла.

— Говорилъ вѣдь я! сказалъ шотландецъ, сойдя съ лошади и наклонившись надъ краемъ бездны; ну да видно такъ ужъ на роду было написано. Бѣдный О'Раферти, я говорилъ тебѣ, что ты дуракъ, да это съ перваго взгляда было видно.... Однакоже надо мнѣ попробовать подстрѣлить этого пріятеля съ перьями на головѣ.

Съ этими словами, онъ отстегнулъ карабинъ и сталъ преважно прицѣливаться черезъ сѣдло. Но ему не суждено было исполнить своего намѣренія. Едва бѣглецы остановились, какъ жагуаръ воротился назадъ, подползъ тихонько къ краю оврага, размѣряя пространство, чтобы перескочить. Глаза шотландца были

устремлены на жертву, палецъ его уже лежалъ на замкѣ, какъ вдругъ пантера съ страшнымъ ревомъ перескочила черезъ пропасть и схватила ратника за горло. Онъ успѣлъ только сказать:

— Ну, кто бы сказалъ въ Дизартѣ, что я жилъ для того, чтобы быть съѣдену дикою кошкою?

Въ слѣдующій вечеръ, Манко-Капаль и Онеиза сидѣли въ прохладной пещерѣ, на мягкомъ мохѣ, далеко отъ испанцевъ.

— О моя душа, дороже вечерней звѣзды ты для меня, моя возлюбленная! Она сіяетъ въ далекомъ небѣ, а ты въ моихъ объятіяхъ, у самаго моего сердца. Гдѣ душа твоя Онеиза?

— Съ тобою, мой возлюбенный, съ тобою!

—

«Гмъ! сказалъ докторъ, прослушавъ предъидущія страницы; по моему крайнему разумѣнію на Астлейскомъ театрѣ оно выходитъ лучше.

—

ОБѢДЪ БЕТХОВЕНА

(*Разсказъ Жюля Жанеля*).

Въ 1819 году я былъ въ Вѣнѣ. Вѣна, что ни говорите, городъ французско-нѣмецкій, еще болѣе даже французскій, чѣмъ нѣмецкій; городъ посвящающій искусствамъ и удовольствіямъ время, которое Парижъ убиваетъ на премудрыя разсужденія; городъ, какъ вамъ извѣстно, по преимуществу музыкальный. Отъ него вѣетъ музыкою, воздухъ проникнутъ аккордами. Всѣ великіе музыканты и пѣвцы перебывали въ Вѣнѣ; отсюда какое-то обаяніе, которое невольно овладѣваетъ вами. Но въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, въ Вѣнѣ было глубокое молчаніе; я шатался по улицамъ наудачу, въ ожиданіи часа отъѣздъ; я думалъ ѣхать въ тотъ же вечеръ.

Вдругъ, среди своей безпечной прогулки, прошелъ мимо меня человѣкъ; одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ узнаешь съ перваго взгляду, даже въ толпѣ. Сама толпа замѣчаетъ ихъ и по какому то чудному инстинкту, сторонится, привѣтствуетъ ихъ взглядомъ и сердцемъ, уважаетъ ихъ, не зная ихъ имени, узнаетъ ихъ, никогда не видавъ.

И дѣйствительно, трудно было не угодать, что этотъ человѣкъ былъ выше обыкновенныхъ смертныхъ. И теперь онъ будто предо мною: огромная голова, длинные черные волосы съ сильною просѣдью, падали кругомъ густыми косматыми прядями; въ безпорядкѣ своемъ они походили на львиную гриву; а подъ этою гривою горѣли небольшіе сѣрые глаза, которыхъ взглядъ прекрасно гармонировалъ съ умною, сардоническою улыбкою. Онъ шелъ неровнымъ шагомъ, то скоро, то медленно; смотрѣлъ съ улыбкою по сторонамъ; но взглядъ его былъ разсѣянъ, улыбка горькая; очевидно было, что этотъ человѣкъ не

принадлежалъ уже къ дѣйствительному міру, если когда либо и принадлежалъ къ нему. Съ перваго взгляду почувствовалъ я влеченіе къ этому человѣку; невольно манило меня любопытство узнать, кто онъ, и я пошелъ за нимъ. Долго онъ ходилъ взадъ и впередъ, поворачивалъ то вправо, то влѣво, и наконецъ вошелъ въ музыкальный магазинъ на Кольмарктской улицѣ. Купецъ принялъ его чрезвычайно вѣжливо, поспѣшно подалъ ему стулъ; но незнакомецъ не сѣлъ. Я не могъ слышать его рѣчей, но видѣлъ его въ стеклянную дверь. Меня поразилъ его образъ бесѣды; оно самъ говорилъ, а купецъ писалъ, изъ чего я заключилъ, что незнакомецъ былъ глухъ. Вдругъ онъ призадумался, оборотился къ двери, и принялся барабанить пальцами по стеклу, на которое были устремлены мои взоры. Видѣлъ ли онъ меня, не знаю; но онъ протянулъ на меня свою широкую руку, и я почувствовалъ, будто меня давили его могучіе пальцы. Такъ какъ онъ не обращалъ на меня вниманія, то и я не показывалъ виду, будто видѣлъ его. Долго билъ онъ по стеклу какую то симфонію, то медленно, то скоро; иногда онъ останавливался, искалъ мысли, и пальцы его также останавливались; то мысли толпились въ изобиліи, и тогда пальцы его пробѣгали по стеклу, будто по клавишамъ фортепьяно. Можно было догадаться, что этотъ человѣкъ сочинялъ что-то великое, что-то прекрасное. Глаза его при этомъ разгорались, волосы становились дыбомъ, на устахъ являлась грустная улыбка, лицо сіяло удовольствіемъ: счастливъ былъ въ это мгновеніе бѣдный великій человѣкъ.

Такъ прошло съ четверть часа; потомъ онъ оборотился и сдѣлалъ знакъ содержателю магазина; тотчасъ явилась хорошенькая дѣвочка, скромная, веселая, пухленькая, какъ пѣмочка; она подошла къ нему и положила передъ нимъ перо и листъ нотной бумаги. Онъ взялъ перо и сталъ писать съ удивительною быстротою; онъ вѣроятно писалъ то, что передъ тѣмъ сочинялъ на стеклянной двери. Онъ писалъ, не останавливаясь, и когда кончилъ, подалъ бумагу содержателю магазина, не прочитавъ ея; купецъ же далъ ему золотой.

Незнакомецъ вышелъ изъ магазина; взоръ его сдѣлался по прежнему насмѣшливъ и проницателенъ, но походка стала легче и веселѣе. Я угадалъ, что онъ шелъ въ трактиръ, какъ передъ тѣмъ угадалъ, что онъ былъ музыкантъ; въ этотъ день мнѣ была удача на догадки.

Онъ весело вошелъ въ закопченный трактиръ подъ вывѣскою *бѣгущаго кота*; разсказываютъ, будто этотъ котъ рисованъ самимъ Гофманомъ, съ кота Мурра, котораго авторъ такъ прославилъ, равно какъ и самый трактиръ.

Въ этотъ день, въ пятницу, трактиръ былъ пустъ; даже въ общей залѣ было тихо; въ печахъ не было огня, а хозяйка, какъ аку-

ратная нѣмка, чистила свою мѣдную посуду и жестяныя блюда съ такимъ же тщаніемъ, какъ бы они были золотыя или серебренныя. Можете себѣ представить, какое это было неудачное время, чтобы просить у нея одного изъ тѣхъ дивныхъ произведеній ея поваренного таланта, благодаря которымъ она сдѣлалась извѣстною всѣмъ современнымъ охотникамъ поѣсть и попить. Онъ вошелъ смѣло, какъ человѣкъ при деньгахъ, и довольно нецеремонно потребовалъ жареной телятины.

— Умеря нѣтъ жаркой телятины! отвѣчала трактирщица, продолжая чистить оловянныя блюда.

— Ну, такъ холодной телятины, сказалъ незнакомецъ.

— И холодной телятины нѣтъ, отвѣтала трактирщица.

— Чортъ возьми! воскликнулъ незнакомецъ и вышелъ съ такимъ печальнымъ видомъ, что мнѣ стало жаль его. Какъ скоро онъ скрылся изъ виду, я вошелъ въ трактиръ, отвѣсилъ хозяйкѣ самый униженный поклонъ, и сказалъ съ глубокимъ почтеніемъ:

— Сударыня, не можете ли вы сказать мнѣ, какъ называется этотъ человѣкъ? кто онъ такой, и гдѣ живетъ?

Хозяйка, обрадованная моею привѣтливостью, поставила свое оловянное блюдо, и отвѣчала мнѣ съ самою любезною улыбкою:

— Вы слишкомъ милостивы, сударь; этотъ человѣкъ какой-то музыкантъ, страшный объѣдало, другъ покойнаго Гофмана, такой же пьяница, какъ и онъ. Я хорошо знаю его ключницу Марту; онъ живетъ вонъ въ томъ домишкѣ, что подлѣ шерстяной лавки; зовутъ его, кажется, Бетховеномъ.

При этомъ великомъ имени сердце мое такъ и защемило. Бетховенъ... это Бетховенъ!.. Трактирщица, увидѣвъ мою внезапную блѣдность, вообразила, что я упаду въ обморокъ. Она вскочила, бросила на столъ оловянное блюдо, бывшее у нея въ рукахъ, и подбѣжала ко мнѣ съ такою поспѣшностью и заботливостью, какъ будто я былъ вдесятеро важнѣе и драгоцѣннѣе самаго Бетховена.

— Боже мой, что я съ вами, сударь? сказала она; чѣмъ мнѣ помочь вамъ?

Между тѣмъ я нѣсколько успокоился.—Это ничего, отвѣчалъ я; но ради нѣмецкаго гостепріимства, сдѣлайте милость, окажите мнѣ великую услугу: если въ васъ есть сколько нибудь сострадания и любви къ ближнему, сжарьте сейчасъ же кусокъ телятины; я не выйду отсюда до тѣхъ поръ, пока не получу своего жаркаго.

— Тсъ! сказала трактирщица, указывая на топившуюся печь, оно уже жарится и мигомъ будетъ готово. — Сказавъ это, она кликнула служанку, кормившую гусей и утокъ на заднемъ дворѣ. Служанка вбѣжала, и по приказанію хозяйки, открыла печь, изъ которой пріятный запахъ жареного мяса разлился по всей кухнѣ. Какъ усладилъ бы онъ обоняніе бѣднаго глухаго! А между тѣмъ, хозяйка сама укладывала на огромное блюдо мое телячье жаркое.

— Зачѣмъ же, спросилъ я, вы не дали бѣдняку Бетховену куска телятины, котораго онъ просилъ?

— Потому, сударь, отвѣчала трактирщица, что это мотъ, готовъ проѣсть послѣдній грошъ, лакомка, которому давай каждый день мяса къ обѣду. Только что успѣетъ промыслить денегъ, тотчасъ несетъ ко мнѣ; я уже беру съ него, какъ можно менѣе, изъ состраданія къ нему же, бѣдняку; притомъ я обѣщала его ключницѣ не потакать ему.

Бѣдный Бетховенъ! бѣдный великій человѣкъ! несчастный художникъ! Честолюбецъ! которому хотѣлось бы каждый день имѣть на столѣ кусокъ горячаго или холоднаго мяса.

— А какое вино предпочитаетъ Бетховенъ? спросилъ я.

— Ей-Богу, сударь, незнаю, отвѣчала трактирщица; этотъ народъ пьетъ, что ни попало; было бы только вино, а дальше они не разбираютъ. Думаю, однако-же, что отъ бутылочки моего стараго рейнвейна онъ не откажется.

— Дайте же мнѣ двѣ бутылки рейнвейна, да смотрите лучшаго, какой у васъ есть, сказалъ я; слишкомъ хорошъ для того, кому я его назначаю, онъ не можетъ быть.

Трактирщица, не дослушавъ моихъ словъ, открыла свой завѣтный погребокъ, и сошла въ него; черезъ минуту она возвратилась съ двумя старыми бутылками, запыленными, замазанными, одѣтыми въ тонкій шелковый покровъ, сотканный какимъ нибудь вѣковымъ паукомъ. — Вотъ обрадую Бетховена! подумалъ я.

— Не прикажете ли отнести? спросила трактирщица.

Я расплатился съ нею, не отвѣчая на ея вопросъ. Потомъ я сунулъ по бутылкѣ въ боковые карманы, взялъ блюдо съ телятиною въ руки, и вышелъ на улицу, гордясь своею ношею. Дорогою я разсуждалъ про себя: Нѣтъ, никому не уступлю чести служить Бетховену! не постыжусь дѣла, которое приноситъ мнѣ отраду! Нѣтъ, я не откажусь отъ чести подать ему обѣдъ на столъ, и доложить, съ салфеткою въ рукѣ: «царь гармоніи, обѣдъ вашъ на столѣ.»

Обыкновенно я плохо помню мѣстность; я человѣкъ разсѣянный и неугомонное мое воображеніе не узнаетъ ни чужихъ квартиръ, ни своей собственной; но на этотъ разъ имя Бетховена такъ врѣзалось въ моемъ умѣ, что будто огненными буквами горѣло на дверяхъ его домика; а это былъ самый маленькій домишко, съ низенькою дверью, узкими окнами, скрытый даже среди бѣлаго дня, уединенный среди своихъ болѣе разряженныхъ братьевъ, честный, но бѣдный домишко, пристойный даже въ своемъ рубищѣ, что для дома такая же рѣдкость, какъ для женщины. Я скоро дошелъ до дома Бетховена.

Бетховенъ жилъ въ первомъ этажѣ; это единственная роскошь, какую онъ себѣ позволялъ; дверь его была вся убита крупными гвоздями, которые давали ей съ

перваго взгляда довольно грозный видъ; но эти гвозди нисколько не служили къ защитѣ дома, замокъ едва держался, и самая дверь чаще бывала отворена, чѣмъ заперта; мнѣ стоило только толкнуть ее ногою, и она отворилась. Я вошелъ: въ прихожей стоялъ только столъ, накрытый толстою холщевою скатертью, канарейка весело пѣла въ клѣткѣ, и огромный котъ, разлегшись на подушкѣ, посматривалъ на порожній столъ, и мяучилъ по временамъ, болѣе отъ скуки и лѣни, чѣмъ отъ голоду. Это были столъ, канарейка и котъ Бетховена. Я поставилъ на столъ свое накрытое блюдо и двѣ бутылки, погладилъ кота, который отъ удовольствія согнулъ въ дугу спину; и поздоровался съ канарейкою, которая продолжала начатую фразу, обращая на меня столько же вниманія, какъ и господинъ ея въ музыкальномъ магазинѣ.

Между тѣмъ вошла ключница Бетховена и, по видимому, также мало удивилась моему посѣщенію, какъ котъ и канарейка, она мнѣ только сказала: — сегодня нельзя съ нимъ видѣться, онъ не выходитъ изъ своей комнаты; онъ такъ не не въ духѣ, что не хочетъ даже обѣдать.

Въ тоже время, не ожидая отвѣта, она отворила дверь его комнаты: я вошелъ.

Онъ сидѣлъ у окна, внимательно разсматривалъ прекрасную гвоздику, имъ самимъ посаженную, и осторожно снималъ съ нея зеленыхъ букашекъ, точившихъ ея листочки. Впрочемъ, эта гвоздика была не единственнымъ украшеніемъ его окна; огромныя настурціи доползли до самаго верху, матовою зеленью образовали чудесную защиту отъ лучей солнца.

Вамъ извѣстно, что Бетховенъ былъ глухъ; онъ не слышалъ меня; но на столѣ передъ нимъ была бумага и перья, и я написалъ: — я принесъ вамъ жареной телятины и рейнвейну, пообѣдаемъ.

Я подалъ ему бумажку. Онъ сначала окончилъ чистку своей гвоздики, а потомъ уже взялъ бумажку и прочелъ ее. Посмотрѣли бы вы тогда, какъ загорѣлись его глаза, и улыбка осѣнила его уста. — Милости просимъ, сказалъ онъ, милости просимъ; вы французъ, хорошо: сдѣлайте мнѣ честь со мною отобѣдать... Марта, продолжалъ онъ, поставить для нихъ еще приборъ.

Потомъ онъ опять обратился ко мнѣ: — Благодарю васъ за то, что вы пришли ко мнѣ, это доброе дѣло; мнѣ было такъ грустно! одна деревня развлекаетъ меня; городъ меня убиваетъ; мнѣ здѣсь душно; безпрестанно слышится какой то странный шумъ; такъ, что я не могу слышать собственнаго своего пѣнія; вѣдь это ужасное мученіе, не правда-ли?

Я стоялъ въ недоумѣніи, не зная, что говорить; замѣтивъ это, онъ продолжалъ со слезами на глазахъ: — Я такъ одинокъ, такъ покинутъ всѣми; никто не скажетъ мнѣ слова, никто не спроситъ, что дѣлается съ старикомъ Бетховеномъ; я самъ уже не знаю, ни какъ меня зовутъ, ни кто я; а прежде вѣдь я былъ владыкою

цѣлаго міра, повелѣвалъ самымъ могучимъ невидимымъ оркестромъ, какой когда либо оглашалъ воздухъ; я днемъ и ночью прислушивался къ дивнымъ симфоніямъ, которыхъ я былъ вмѣстѣ авторомъ, оркестромъ, пѣвцомъ, судьею! жизнь моя была вѣчнымъ концертомъ, одною нескончаемою симфоніею: сколько было у меня тогда радостей! какіе поэтическіе восторги! какіе таинственные, святые голоса! какой могучій смычокъ, достигавшій отъ земли до неба! и все это отдавалось въ моей душѣ! душа моя внимала каждому звуку, исходившему изъ земли или воздуха; пѣніе птицъ, свистъ вѣтра, журчаніе воды, шелестъ тополя, веселое щебетанье воробья, жужжаніе пчелъ, жалобный крикъ сверчка подъ очагомъ; все это было для меня дивною гармоніею, я сосредоточивалъ все въ сердцѣ; въ душѣ; я жилъ звукомъ, мечтами, безмолвіемъ, созерцаніемъ, дружбою, любовью, поэзіею! Но увы! въ одно утро все пропало: и съ тѣхъ поръ, простите мои ясныя видѣнія! прости всемогучій органъ . . . простите, голоса земли и неба! прости и ты, молчаніе! прости все! Я утратилъ болѣе, чѣмъ Мильтонъ; онъ лишился зрѣнія, но сохранилъ свою поэзію; я же утратилъ свою поэзію, утратилъ свою вселенную; я теперь бѣдный изгнанникъ изъ міра гармоніи! Несчастный страдалецъ! стою на краю могилы и пою свою заупокойную пѣснь. . . Но вы мнѣ говорили, что принесли мнѣ двѣ бутылки рейнвейну и кусокъ жареной телятины?

Ключница доложила намъ, что обѣдъ поданъ. Онъ вѣжливо взялъ меня за руку и принудилъ перваго войти въ столовую; на столѣ было только два прибора; ключница, вѣроятно изъ усердія къ славѣ своего господина, уступила мнѣ свое мѣсто, а сама прислуживала намъ за столомъ.

Обѣдъ былъ очень веселъ; Бетховенъ столько смѣялся и шутилъ, такъ хорошо говорилъ, что я скоро забылъ недугъ, подъ которымъ онъ изнывалъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Бетховенъ былъ изъ тѣхъ стариковъ, которые всю жизнь прожили одною идеею; одной великой идеи достаточно для существованія этихъ исключительныхъ людей; она сосредоточиваетъ всѣ ихъ силы, составляетъ всѣ ихъ радости, всѣ ихъ скорби; она ихъ прошедшее и ихъ настоящее, она ростетъ съ ними, развивается и слабѣетъ съ ними; и когда она истощится, человѣкъ умираетъ.

Старый рейнвейнъ такъ оживилъ Бетховена, что послѣ обѣда онъ вскочилъ изъ за стола и побѣжалъ въ свою комнату.—Я покажу вамъ, сказалъ онъ, что старикъ Бетховенъ еще не такъ глухъ, какъ увѣряютъ; люди меня не слышатъ, но я слышу себя; судите сами.—И онъ сѣлъ за фортепьяно.

Это фортепьяно превосходный инструментъ работы Лондонскаго мастера Бродвуда; это подарокъ, присланный ему изъ Англіи Крамеромъ, Калькбреннеромъ, Клементи, Рисомъ и нѣкоторыми другими артистами. Бетховенъ не понятый, оставленный всѣми и поч-

ти забытый, былъ очень тронутъ этимъ знакомъ уваженія великихъ артистовъ, этой почти посмертною данью, которая дѣлаетъ честь ихъ сердцамъ. Онъ сѣлъ за фортепьяно и сталъ играть симфонію своего сочиненія. Боже милостивый! фортепьяно было такъ разстроено, что самъ котъ визжалъ отъ нетерпѣнія; а Бетховенъ колотилъ какъ глухой. Нѣтъ, никогда не слыхалъ я такихъ рѣзкихъ звуковъ, такихъ дикихъ сочетаній, словомъ, такой раздирательной симфоніи! А онъ, увлекаясь минутнымъ восторгомъ, счастливый тѣмъ, что нашелъ себѣ слушателя, (ему, Бетховену, искать слушателей!) онъ продолжалъ начатую симфонію; то таялъ въ нѣжномъ восторгѣ, то содрогался, плакалъ, улыбался, былъ самъ не свой. Я стоялъ, потупивъ глаза, желалъ бы зажать уши, бѣжать;... И мы были правы оба; я былъ на землѣ и выслушивалъ самую раздирательную катавасію, какую можно себѣ представить; онъ же вознесся на небеса, и слышалъ музыку Бетховена!

Кончилась наконецъ моя пытка и его радость; онъ всталъ, изнуренный усталостью, но довольный.—Не правда-ли, сказалъ онъ, это еще хорошо? у старика Бетховена есть еще добрая кровь въ жилахъ? не правда-ли, вотъ настоящая музыка, и я на одинъ часъ былъ опять прежнимъ Бетховеномъ:... Сколько они ни кричи: бѣдный Бетховенъ! несчастный Бетховенъ!—а Бетховенъ все таки еще единственный музыкантъ въ Германіи! Не такъ ли?

И онъ сжималъ меня своими огромными руками, жалъ меня къ широкой груди, и слеза его канула на меня; я отвѣчалъ на его ласки; какъ умѣлъ: добрый, почтенный Бетховенъ!

Потомъ онъ сказалъ мнѣ:—я долженъ дать вамъ что нибудь на память, не могу отпустить васъ домой безъ того; что нибудь новенькое, написанное для васъ, для васъ однихъ.—И онъ отъ фортепьяно подошелъ къ окну и принялся барабанить правою рукою по стеклу, какъ давича въ музыкальномъ магазинѣ; онъ сочинялъ.

Потомъ онъ вручилъ мнѣ лоскутокъ нотной бумаги, исписанный его рукою, съ произведеніемъ его генія, который я храню на память, а иной разъ и для убѣжденія невѣрующихъ въ истинѣ моего разсказа.

—

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ

Мы получили письмо изъ Москвы, котораго содержаніе кажется намъ до того интереснымъ, что мы рѣшились его напечатать.

» Кому болѣе, какъ вамъ, коренному москвичу, извѣстно, у насъ имѣются что свои старческія привычки, пристрастія и предубѣжденія, которыя зарождались вѣками и съ вѣками только могутъ изгладиться. На это и роптать нельзя, но прискорбно видѣть, какъ иногда люди молодые

хотя и душевно близкіе ко всему отечественному, криво и пристрастно смотрятъ на искусство, дѣлаютъ оцѣнки талантамъ, вмѣстѣ несправедливыя и неосновательныя, и выражаютъ свои мнѣнія дѣйствіями, оскорбительными для образованнаго вкуса и неприличными въ кругу людей просвѣщенныхъ. Балетъ нашъ еще свѣжъ въ вашей памяти и вы сами сознаетесь, что онъ не можетъ по хвалиться слишкомъ большимъ обиліемъ огромныхъ талантовъ, а тѣмъ болѣе геніальныхъ представителей. Все, что онъ имѣлъ до сихъ поръ порядочнаго, въ строго эстетическомъ смыслѣ, это была одна г-жа Санковская, почитавшаяся первою танцовщицею. Не отнимая дарованія у г-жи Санковской, отдавая полную справедливость чистотѣ и быстротѣ ея танца, отдѣлкѣ и отчетливости ея па, мы скажемъ, однакоже, откровенно, что въ цѣломъ она еще весьма далека отъ совершенства и никогда до него не достигнетъ, по причинамъ самой природой предопредѣленнымъ. Первое условіе танца *граціи* и красота тѣлосложенія. Безъ хорошаго роста, обрисовывающаго классической станъ, безъ правильной и гармонической соразмѣрности частей тѣла, танцовщица, при всемъ умѣніи хорошо танцовать, при всемъ апломбѣ, не имѣетъ для глаза той прелести и воздушности, которыя обусловливаются словомъ *грація*. Природа въ этомъ отношеніи поскупилась для г-жи Санковской, и надѣливъ ее огромнымъ дарованіемъ съ одной стороны, съ другой ограничила кругъ его проявленія — одними танцами. Въ послѣднее время московскій балетъ былъ нѣсколько оживленъ и освѣженъ заграничнымъ талантомъ, г-жею Иркою Матьясъ, которая своею оригинальностію и разнообразіемъ заставила здѣшнюю публику усомниться въ непогрѣшимой геніальности г-жи Санковской. На нее стали смотрѣть хладнокровнѣе: сравненіе страшный червь, подтачивающій даже громодныя славы; сравненіе этихъ двухъ корифеекъ здѣшней сцены, если не затмило неотъемленыя достоинства г-жи Санковской, то, по крайней мѣрѣ, показало то, чего у нея нѣтъ и чего искусство вправѣ требовать отъ своихъ жрицъ, желающихъ стоять на первой ступени въ лѣствицѣ талантовъ. Ирка Матьясъ въ свою очередь стала любимицею публики, набросивъ легкую тѣнь на свою соперницу.

Но вотъ въ другой уже разъ первая танцовщица С. Петербургскаго театра, г-жа Андреянова, достойная ученица Маріи Тальони, танцовавшая въ Парижѣ съ успѣхомъ рядомъ съ знаменитой Карлоттою Гризи, затмившая на петербургской сценѣ Люцію Гранъ — является на помосты московскаго театра, со всѣмъ обаяніемъ своего таланта и своей славы, съ этой врожденной ей кипучей жизнью въ танцѣ, съ стройностью и грязіей, щедро отпущенной ей природою, съ мимикой выразительной и часто патетически тро-

гательною, съ увѣренностію и апломбомъ, свойственными каждому оконченному артисту, — разумѣется, все около нея меркнетъ, сравненія исчезаютъ, единодушное одобреніе и восторгъ встрѣчаютъ желанную гостью, одна только зависть, да закоренѣлый предразсудокъ, что только свое хорошо, а чужое золото грязь, обливаются желчью, таращатся, осклабляются и, не имѣя силъ повредить всѣми признанному достоинству, прибѣгаютъ къ средствамъ постыднымъ и унизительнымъ.

Вашъ замысловатый и поэтическій разборъ новаго балета» Сатанилла», въ Пантеонѣ нынѣшняго года, и безпристрастная, положительная оцѣнка въ немъ таланта и достоинствъ г-жи Андреяновой, давно уже возбудили въ Москвѣ любопытство и желаніе взглянуть на эту артистку въ новой роли, которую она прославила. Вы можете себѣ послѣ этаго представить, съ какимъ нетерпѣніемъ и усердіемъ рвались за мѣста въ театрѣ, и когда онъ черезъ край наполнился, какъ встрѣтили славную гостью, и какими рукоплесканіями проводили ее, послѣ этой, дѣйствительно, превосходно сыгранной партіи. Въ Москвѣ только и рѣчи было объ очарованіяхъ этого волшебнаго вечера. Торжество артистки было полное. И что-же, повѣрите-ли вы, что въ одно изъ послѣдующихъ представленій, безсмысленная шалость или безсильная злость, не умѣю сказать опредѣлительно, позволила себѣ выходку, недостойную ни мѣста, ни образованнаго города, ни вѣка, въ который, если не уваженіе къ таланту, то уваженіе къ полу, налагаетъ строгія правила приличія, единственныя наружныя признаки ума просвѣщеннаго и характера благороднаго. Всѣ порядочные люди были исполнены негодованіемъ и спѣшили убѣдить артистку, что большинство всегда на сторонѣ истиннаго дарованія и что славу, пріобрѣтенную трудомъ, стараніемъ и талантомъ не въ состояніи затьмить ни безсильная зависть, ни бездушная интрига.

Успѣхи г-жи Андреяновой съ этихъ поръ на нашей сценѣ еще блистательнѣе прежняго, любовь къ ней публики увеличилась и возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и то, чѣмъ можетъ быть, замышляли повредить ей, послужило только къ возвышенію ея славы.

Таковы-то всѣ замыслы человѣческіе!

Въ поученіе припомнимъ стихъ:

Волна хоть мраморъ съ пѣной гложетъ,
Но что-же выйдетъ изъ того?
Вредить ему она не можетъ,
А розобьется объ него.

А. В.... й

—

ВРАЧЪ ПО НЕВОЛѢ.

Давнымъ давно извѣстно, что великіе драматурги рѣдко сами придумываютъ сюжеты своихъ произведеній, а заимствуютъ изъ всѣхъ источниковъ, какіе попадаютъ имъ подъ руки. Лучшее доказательство тому Шекспиръ и

Мольеръ, изъ произведеній которыхъ добрая половина почерпнута изъ современныхъ повѣстей и народныхъ преданій. Такъ Мольеровъ *Каменный гость* заимствованъ имъ у испанскаго драматическаго писателя Тирсо-де-Молины, который самъ почерпнулъ его изъ преданія, ходившаго по всей Европѣ, и которые до нынѣ въ Испаніи, въ особенности въ Севильѣ, считается несомнѣннымъ историческимъ фактомъ. Читатели нашего журнала вѣроятно помнятъ это преданіе, помѣщенное въ одномъ изъ нумеровъ прошлаго года; теперь разскажемъ другое преданіе, изъ котораго родилась извѣстная его комедія *Врачъ по неволѣ*. Замѣтимъ при этомъ, что Мольеру кажется извѣстно было оно не въ настоящемъ видѣ, а только въ невѣрномъ разсказѣ.

Жилъ былъ нѣкогда, говоритъ преданіе, простолюдинъ, разбогатѣвшій трудомъ и скряжничествомъ. Много было у него хлѣба въ анбарахъ, много вина въ погребахъ, и много золота и серебра въ сундукахъ; четыре добрые коня стояли у него въ конюшнѣ, и восемь быковъ въ хлѣву. Долго уговаривали его друзья и сосѣди жениться, и наконецъ уломали его, вызвавшись отыскать ему невѣсту на славу. И дѣйствительно, они тотчасъ пустились въ поиски.

По сосѣдству жилъ одинъ дворянинъ, чрезвычайно бѣдный, съ дочерью. Дочь была красавица лицомъ, и добра, и умна какъ ангелъ; но, какъ отецъ ея, по бѣдности, не могъ дать за нею приданаго, то женихи не замѣчали ни ея красоты, ни добрыхъ свойствъ души. Пришлось бы ей вѣкъ просидѣть въ дѣвушкахъ, если бы сваты не пришли сватать ее за нашего простолюдина. Отецъ согласился, не задумываясь; дочери былъ женихъ страшно не по сердцу; но она не смѣла отказать, чтобы не прогнѣвить отца, и вскорѣ за тѣмъ была сыграна свадьба.

Все шло хорошо, пока простолюдинъ нашъ не протрезвился отъ вина и чаду свадьбы; тутъ началъ онъ размышлять о неудобствахъ, съ которымъ было сопряжено его супружеское счастіе. — » Ну прилично ли, резсуждалъ онъ про себя, мнѣ простолюдину, жениться на дворянской дочери? Весь день долженъ проводить внѣ дома, на полѣ; а между тѣмъ, что станетъ дѣлать жена одна въ домѣ? Чего добраго, еще станетъ скучать, . . . да пожалуй придумаетъ такое средство разгонять скуку, что брррр. . . А у сосѣда моего аббата такія бѣлыя ручки, такія румяныя щеки. . . . и говоритъ то онъ такъ складно, словно по книгѣ читаетъ. . . ему всякій день праздникъ; повадится ходить къ ней, такъ, для бесѣды, а тамъ свыкнуться и чего добраго. . . Чортъ возьми! хорошъ гусь я буду! . .

Грустно стало простолюдину, женившемуся на дворянской дочери; онъ повѣсилъ носъ, почесалъ въ затылкѣ, и призадумался. Вдругъ лицо его просіяло, и губы лукаво усмѣхнулись. Онъ придумалъ славное средство помочь бѣдѣ, и рѣшился употребить его съ завтрашняго же дня.

И вотъ, на другой день утромъ, отправляясь въ поле на работу, онъ подходитъ къ женѣ, еще не вставшей съ постели. Жена думаетъ, что онъ хочетъ поцѣловать ее и подставляетъ ему щечку; а онъ вмѣсто того, хвать ей оплеушину; да еще мало одной.. другую, третью, и не говоря ни слова, отправляется на работу. Идетъ въ припрыжку, потирая себѣ руки; будто камень свалился у него съ сердца.

— Ладно, думалъ онъ, вотъ ей на память; будетъ ей о чемъ поплакать цѣлый день; ужо, какъ вернусь домой, знаю, чѣмъ ее утѣшать и успокоить. А до тѣхъ поръ, въ слезахъ и сокрушеніи не будетъ думать о женскихъ проказахъ. Чтобы быть спокойну на счетъ вѣрности жены, буду повторять этотъ пріемъ каждое утро, до тѣхъ поръ, пока не увѣрюсь въ ней совершенно.

Сначала все шло, какъ мужъ расчитывалъ. Жена, проплакавъ цѣлый день, вечеромъ утѣшилась его ласками и любовью, и простила. Но какъ описать ея изумленіе и негодованіе, когда на слѣдующее утро, мужъ, отправляясь на работу, повторилъ вчерашнюю любезность, и точно также ушелъ, не сказавъ ни слова? Она зарыдала и стала проклинать день, когда ее предали въ руки этого изверга.

Между тѣмъ, какъ она сокрушалась и предавалась отчаянію, два всадника на бѣлыхъ лошадяхъ подъѣхали къ крыльцу и именемъ короля просили позволенія отдохнуть. Она приняла ихъ, какъ умѣла, угостила всѣмъ, что случилось въ домѣ. Сидя за столомъ, проѣзжіе разсказали ей цѣль своего путешествія; юная королева, единственная дочь короля, подавилась рыбьей косточкою; и что ни дѣлали, никакъ не могли вытащить косточки изъ горла; другую недѣлю уже королевна не могла ни ѣсть, ни пить. Король былъ въ отчаяніи; онъ послалъ двухъ своихъ бояръ отыскать гдѣ бы то ни было, въ своемъ королевствѣ или на чужбинѣ, искуснаго врача, который взялся бы спасти его дочь, потому что король очень любилъ дочь и чувствовалъ, что не переживетъ ея.

Услышавъ это, жена простолюдина почти утѣшилась; лучь радости проникъ въ ея сердце и засіялъ въ ея глазахъ.

— Далѣе вамъ ѣхать незачѣмъ, сказала она посланцамъ: я знаю здѣсь человѣка, какой вамъ нуженъ.

— Возможно-ли?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Но увѣрены ли вы, что онъ довольно искусный врачъ.

— Нѣтъ никакаго сомнѣнія; это самый искусный, самый чудесный изъ врачей. Онъ хоть бы самаго Гиппократа за поясъ заткнетъ въ врачебной наукѣ.

— Какое счастье, что судьба привела насъ остановиться у васъ! какъ обрадуется нашъ король, или вашъ врачъ успѣетъ...

— О, будьте совершенно спокойны.

— Но гдѣ же онъ? гдѣ этотъ несравненный волшебникъ? Ради Бога укажите намъ поскорѣе его

жилище, чтобы мы могли ѣхать за нимъ.

Посланцы уже готовы были пуститься въ путь, и съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта.

— Я вамъ сейчасъ укажу, гдѣ вы можете отыскать дивнаго врача, сказала хозяйка съ лукавою улыбкою; но сначала выслушайте наставленіе, безъ котораго этотъ ученый мужъ будетъ вамъ безполезнѣе осла.

— Говори же, мы слушаемъ.

— Надо вамъ сказать, что этотъ человѣкъ мудрѣйшій изъ врачей, но въ тоже время первый чудакъ въ свѣтѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Онъ имѣетъ странную причуду: корчитъ совершеннаго невѣжу, и ни за что въ свѣтѣ не согласится пользовать больнаго, пока его не отколотятъ до полусмерти палкою.

— Вотъ странность! но будьте спокойны; если для того, чтобы заставить его врачевать, нужно только отколотить его, за нами дѣло не станетъ; онъ у насъ будетъ чудеса творить.

Затѣмъ плутовка указала всадникамъ поле, гдѣ работалъ ея мужъ; они пустили лошадей во весь опоръ, и скрылись изъ виду.

Прискакавъ къ простолюдину, они ему низко поклонились, и именемъ короля приказали ему слѣдовать за ними.

— Зачѣмъ? спросилъ удивленный простолюдинъ.

— Лечить его дочь, королевну.

— Мнѣ лечить королевну?

— Разумѣется.

— Вы ошибаетесь, честные господа; я простой земледѣлецъ; гдѣ мнѣ лечить королевскую дочь.

— Ну, сказалъ одинъ изъ всадниковъ товарищу, хозяйка видно правду говорила. За дѣло.

Сказано, сдѣлано. Всадники сходятъ съ лошадей, берутъ по палкѣ, и ну колотить упрямца; больно, правда, но почтительно. Несчастный бьется, кричитъ, божится, что онъ не умѣетъ врачевать, что онъ простой мужикъ и невѣжда; а палки только сильнѣе гуляютъ по его спинѣ. Наконецъ, боль ему уже не вмочь; онъ уже не отговаривается, соглашается, на все чего отъ него требуютъ, сознается, что онъ врачь, и великій врачъ, величайшій врачъ на свѣтѣ, берется лечить кого имъ угодно. Одинъ изъ всадниковъ сажаетъ его за собою на лошадь, и везутъ его такимъ образомъ во весь опоръ во дворецъ.

Донесли королю о его прибытіи, и о средствахъ, употребленныхъ для его убѣжденія. Король очень удивился этой причудѣ, покачалъ головою и сказалъ:

— Отроду не видалъ подобнаго врача; но дѣлать нечего. Коли онъ иначе не согласится лечить мою дочь, какъ изъ подъ палки — дать ему палокъ, да поздоровѣе.

Приводятъ врача въ комнату королевны, король говоритъ ему.

— Голубчикъ, вотъ кого ты долженъ лечить.

— Помилосердуй! кричитъ бѣднякъ, бросаясь къ ногамъ короля, клянусь всѣми святыми, клянусь Богомъ и святою Богородицею, я ни аза не смыслю во врачебной наукѣ.

— Странно, говоритъ король, съ любопытствомъ смотря на врача.

И по знаку его два конюха, наряженные заблаговременно, принялись за несчастнаго; и такой градъ палокъ посыпался на его плеча и спину, что искры брызнули изъ его глазъ.

Такъ какъ конюхи исполняли свое дѣло не шутя, то бѣдняку стало скоро не въ терпежъ. Онъ взмолился о пощадѣ, и обѣщалъ сдѣлать все, чего отъ него ни потребуютъ.

Между тѣмъ, королевна стояла передъ нимъ, блѣдная, почти задохшись, съ раскрытымъ ртомъ, и показывала пальцомъ на мѣсто боли. А онъ смотрѣлъ на нее выпучивъ глаза, и желая провалиться сквозь землю, чтобы выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Но видя, что отступать нѣтъ возможности, онъ велѣлъ всѣмъ выйдти и оставить его одного съ больною. Тутъ онъ велѣлъ ей лечь на кровать, снять чулки, и одною рукою придерживая ей колѣна, сталъ щекотать ей подошвы, и выдѣлывать такія рожи, что королевна расхохоталась и при этомъ сдѣлала такое усиліе, что косточка вылетѣла изъ горла. Врачь тотчасъ взялъ косточку, и побѣжалъ съ нею къ королю, ожидавшему въ сосѣдней комнатѣ.

— Государь, сказалъ онъ, дочь твоя спасена.

Король, въ порывѣ радости, обнялъ простолюдина; обѣщалъ ему богатые наряды и велѣлъ ему оставаться при дворѣ и быть его другомъ и врачемъ. Бѣднякъ возразилъ, что онъ желалъ бы поскорѣе вернуться въ свою деревню; но какъ конюхи опять принялись за свои палки, то онъ согласился оставаться, пока это будетъ угодно его королевскому величеству. Его повели со всевозможнымъ почетомъ, въ отведенную ему комнату, выстригли, выбрили, одѣли въ багряный кафтанъ, и холили, какъ королевскаго сына.

Чудесное изцѣленіе королевы много нашумѣло въ городѣ. Несмѣтное число больныхъ окружило дворецъ, умоляя короля ходатайствовать за нихъ у своего врача. Король послалъ за нимъ, и сказалъ:

— Поручаю твоимъ попеченіемъ всѣхъ этихъ людей. Изцѣли ихъ поскорѣе, чтобы ихъ отпустить по домамъ.

— Государь, отвѣчалъ простолюдинъ, какъ бѣдному невѣждѣ врачевать вдругъ такое множество больныхъ? Развѣ Богъ сотворитъ чудо, а то исполненіе твоей воли невозможно.

— Эй, призвать конюховъ съ палками! вскричалъ король.

Услышавъ это, простолюдинъ взмолился о пощадѣ, и обѣщалъ врачевать хоть весь городъ, если прикажутъ.

Когда больныхъ привели, онъ потребовалъ, чтобы всѣ здоровые до одного, вышли, и велѣлъ развести сильный огонь. Потомъ, онъ разставилъ своихъ новыхъ кліентовъ вокругъ огня, и сказалъ имъ:

— Друзья мои, для изцѣленія вашего есть одно только средст-

во: надо взять самаго больнаго изъ васъ и бросить въ огонь; когда же онъ сгоритъ, собрать его пепелъ, и всѣмъ остальнымъ принимать его, какъ лекарство. Средство немножко сильное, но за то несомнѣнное; ручаюсь головою, что болѣзнь какъ рукою сниметъ. Вотъ увидите.

Съ этими словами, онъ приступилъ къ осмотру больныхъ; осмотрѣлъ всѣхъ чрезвычайно тщательно, и остановившись передъ однимъ, сказалъ:

— Любезный, ты что то очень блѣденъ... очень слабъ... я увѣренъ, что ты всѣхъ отчаяннѣе боленъ.

— Я?.. нѣтъ, господинъ врачь, ничуть, отвѣчалъ больной. Съ нѣкоторыхъ поръ я чувствую себя лучше, даже гораздо лучше... я просто совершенно выздоровѣлъ ..я такъ здоровъ, какъ никогда не бывалъ.

— Какъ, мошенникъ! здоровъ? зачѣмъ же ты сюда пришелъ, если здоровъ?

Но больной уже не слушалъ, онъ поспѣшно отворилъ дверь и далъ тягу. Король, ожидавшій въ сосѣдней комнатѣ, чтобы въ случаѣ нужды, полечить по своему самаго господина врача, увидѣлъ больнаго, и изумился скорости и легкости его походки.

— Чтожъ? уже здоровъ? спросилъ онъ.

— Здоровъ, государь, отвѣчалъ тотъ, не останавливаясь и скрылся.

И отъ перваго до послѣдняго, всѣ съ такою же поспѣшностью проходили мимо короля, и онъ каждому дѣлалъ тотъ же вопросъ и отъ каждаго получалъ тотъ же отвѣтъ, чрезъ нѣсколько мгновеній, грозный врачъ остался одинъ въ своемъ лечебномъ покоѣ. Изумленный король приблизился къ нему.

Господинъ врачъ, сказалъ онъ, я е ва глазамъ вѣрю. Поздравляю тебя съ твоимъ дивнымъ искусствомъ, и не нарадуюсь, что между моими вѣрными подданными нашелся человѣкъ съ такою рѣдкою ученостью. Проси, какой награды хочешь, она заранѣе дарована тебѣ.

Простолюдинъ просилъ только позволенія возвратиться въ свою деревню. Король, осыпавъ его подарками, согласился отпустить его, взявъ однакоже съ него слово, что когда будетъ въ немъ нужда, онъ тотчасъ приѣдетъ, не ставя почитателей своихъ въ необходимость убѣждать его палками.

Когда онъ возвратился въ свою деревню, жена его очень удивилась, увидѣвъ его на прекрасной лошади и въ багряномъ кафтанѣ. Но еще болѣе изумилась, когда узнала все, случившееся съ нимъ. Разсказавъ ей все, простолюдинъ бросился ей въ ноги, обѣщалъ никогда въ жизнь не оскорблять ее, и просилъ простить его звѣрство. Жена подняла его съ ласковою и привѣтливою улыбкою, обняла и сказала:

— Не только прощаю, но даже благодарю тебя; потому что еслибы ты меня не поколотилъ, я никогда не могла бы подозрѣвать до какой степени ты уменъ.

Простолюдинъ сдержалъ слово. Желая во всемъ угождать той,

которую онъ такъ обижалъ, онъ бросилъ полевую работу, и сталъ каждый день бриться, мыть руки, и опрятно одѣваться. Мало того, чтобы сдѣлаться достойнымъ своей жены, онъ принялся учиться съ примѣрнымъ усердіемъ, и скоро сталъ такъ ученъ, что могъ бѣгло читать ей вслухъ сказки и басни, отъ которыхъ они оба помирали со смѣху.

—

ЗНАМЕНИТЫЙ ПАРИЖСКІЙ ТРАГИКЪ БОКАЖЪ.

Пьеръ-Мартиньякъ-Тузе, иначе Бокажъ, родился въ Руанѣ отъ бѣдныхъ ремесленниковъ. Какъ и всѣ почти дѣти городовъ мануфактурныхъ, онъ съ самаго нѣжнаго возраста былъ брошенъ въ удушливую атмосферу мастерскихъ, въ которой вянутъ и гибнутъ люди самаго крѣпкаго сложенія. Для такой же хилой и нѣжной организаціи, какъ организація Бокажа, и подавно необходимъ былъ чистый воздухъ и полная разнообразія жизнь школьная; но увы! тогда какъ и теперь, чтобы имѣть геній необходимо надобно было имѣть деньги; чтобы имѣть кусокъ хлѣба надобно было ткать, и бѣдный ребенокъ ткалъ, ткалъ цѣлый день, чтобы имѣть право вечеромъ глодать свой кусокъ черствого сыра или проглотить ложку супа и какого супа! подобнаго которому ни одинъ докторъ не предписываетъ больному, находящемуся на самой строгой діетѣ. Такое чувствованіе, разумѣется невольно должно было внушать отвращеніе въ душѣ честолюбиваго юноши, въ головѣ котораго роились тысячи желаній, тысячи мечтаній о таинственномъ будущемъ. Много лѣтъ протекло такимъ образомъ въ ежедневной двѣнадцати-часовой работѣ, и въ ежедневныхъ безчисленныхъ лишеніяхъ. Наконецъ, молодой ремесленникъ очутился въ Парижѣ, у одного изъ своихъ братьевъ, содержавшаго мелочную лавочку, который, вѣроятно считалъ большимъ благодѣяніемъ съ своей стороны нарядить его въ бѣлый фартухъ и заставить развѣшивать муку и т. п. Но увы! Мартиньяку нисколько не польстила такая должность, онъ никакъ не находилъ вкуса ни въ патокѣ, ни въ изюмѣ и кончилъ тѣмъ, что дезертировалъ отъ своего любезнаго братца. Изъ лавочника Бокажъ сдѣлался писцомъ у маклера, потомъ писцомъ въ военномъ совѣтѣ,—и ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не могъ ужиться, какой-то демонъ соблазнитель безпрерывно шепталъ ему о славѣ, о богатствѣ, о свободѣ; но гдѣ найти эту славу, это богатство, эту свободу? И вотъ, однажды демонъ этотъ шепнулъ ему слово — *Театръ* — и участь Бокажа рѣшена; онъ распрощался съ отношеніями и рапортами, и полный надежды радостно отправился въ Консерваторію требовать экзамена. По несчастію, единственный фракъ его жестоко пострадалъ отъ ежедневныхъ канцелярскихъ работъ, такъ, что рукава этого фрака, въ особенности на локтяхъ, находились въ самомъ плачевномъ положеніи.

Какъ явиться въ такомъ костюмѣ въ Menus-plaisirs du roi. — А на что же братецъ — лавочникъ - то! Неужли онъ не снабдитъ благоприличнымъ костюмомъ въ счетъ будущей славы? И добрый братецъ дѣйствительно соизволилъ на просьбу и снабдилъ его фракомъ цвѣта трески и свѣтло - желтыми панталонами. — Все это было или очень длинно, или очень узко или очень коротко, — но и то еще не бѣда. И вотъ Бокажъ, облеченный въ этотъ великолѣпный костюмъ, является передъ г-ми экзаменаторами. Тѣ, разумѣется, покатились со смѣху и единодушный отказъ поразилъ несчастнаго дебютанта. Прошелъ цѣлый годъ страданій и лишеній; наконецъ фортуна удостоила обратить взоръ свой на бѣднаго Бокажа: онъ успѣлъ опредѣлиться въ провинціальную труппу, находившуюся подъ управленіемъ г. Кареля — и карьера Бокажа сдѣлана.

Бокажъ былъ актеромъ на театрѣ Porte - st. Martin, игралъ трагическія роли, большею частію роли злодѣевъ. Звучный органъ, пріятная наружность и прекрасный драматическій талантъ доставляли ему постоянную благосклонность публики. Скопивъ умѣренною жизнію небольшое состояньице, Бокажъ сдѣлался самъ директоромъ Одеона, но хлопоты и непріятности, сопряженныя съ этимъ званіемъ, заставили его раскаяться, тѣмъ болѣе, что и выгоды, доставляемыя ему театромъ были очень плохи, во первыхъ потому, что театръ Одеонъ находится слишкомъ далеко отъ центра города, а во второмъ потому, что и репертуаръ его тотъ - же самый, что и репертуаръ Французскаго театра, т. е. трагедіи и комедіи.

—

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

—

Bald ist es dies, bald ist es das,
Bald ist es nicht's, bald ist es was!

—

ЭММОЧКѢ ЖУЖУ

от Базиля Базилевича.

(Отвѣтъ на приглашеніе къ женитьбѣ, помѣщенное въ Іюльской книжкѣ «Пантеона»)

Позвольте Эмочка Жужу,
(Pardon, я отчества не знаю,
Но вашимъ мнѣньемъ дорожу,
И васъ душевно уважаю;)
Позвольте мнѣ, на вашъ привѣтъ,
Въ Іюльской книжкѣ *Пантеона*,
Представить comme il faut отвѣтъ:
Держусь всегда я правилъ тона,
Слѣжу за модой, на-примѣръ,
Я кресло въ Оперѣ имѣю,
Мнѣ фраки шьетъ monsieur Шармеръ;
Я тонко постигать умѣю
Людей и даже высшій свѣтъ;
Люблю торжествовать побѣды,
Ношу на ленточкѣ лорнетъ,
На славу задаю обѣды.
Мнѣ, Эмма, ровно тридцать лѣтъ;
Меня Дюссо и Излеръ знаютъ,
У нихъ я свой, хоть нобожусь;
Они душевно уважаютъ
Гастрономическій мой вкусъ.
Я очень ловокъ на паркетѣ,
Вполнѣ классически сложенъ,
Я ѣзжу въ докторской каретѣ,
Et entre nous—я не дуренъ.
Я музыкантъ — на сколько надо,
И флейта — вотъ мой инструментъ,
Любыя ноты галлопада
Сыграю въ тотъ же вамъ моментъ.
Я понимаю, что супруга
Должна быть въ домѣ госпожей,
И мужу своему подруга,
А не какой нибудь рабой.
Меня любезнѣй человѣка
Вамъ не сыскать, ma chère Жужу,
За современнымъ ходомъ вѣка
Я съ должной важностью слѣжу.
Долги я дѣлаю, нѣтъ спора,
Ну чтожъ? — вѣдь я ихъ не плачу!
Тужить не стану я отъ вздора,
Кредитъ найду — какъ захочу.
Въ душѣ поэтъ, но не писака,
Я ничего не сочинилъ,
Но Сю, Дюма, Жоржъ-Зандъ, Бальзака
Прочелъ, и даже изучилъ;
Отъ моего полькированья,
Скажу я, истину любя,
Въ какомъ бы ни былъ я собраньи,
Всѣ дамы просто внѣ себя.
Къ чему таить: въ кардебалетѣ
Меня изволятъ также знать..
Но чтоже дѣлать, живши въ свѣтѣ,
Нельзя отъ тона отставать!
На видъ поставя откровенно,
Во мнѣ что дорого и цѣнно,
О Эмма! я увидѣть въ васъ
Во всемъ надѣюсь совершенство,
И наконецъ изъ вашихъ глазъ
Прочесть вполнѣ свое блаженство!
Вы пишете, что капиталъ
Въ супружествѣ пунктъ очень важный,
Такой, чтобъ строить позволялъ

Свободно домъ пяти-этажный,
Притомъ, чтобъ будущій вашъ мужъ
Былъ человѣкъ вполнѣ съ душою,
Но главное ревизскихъ душъ
Имѣлъ побольше за собою. . .
Согласенъ въ этомъ съ вами я,
Вы, Эмма, судите прекрасно,
Идти пучиной бытія
Безъ прилагательныхъ опасно.
Въ эгоистическій нашъ вѣкъ,
Въ семъ мірѣ горестей и плача,
Къ недвижимости—человѣкъ
Не капитальная придача!
Оно не весело къ тому-жъ
И мало душу успокоитъ,
Когда на флейтѣ свищетъ мужъ,
Жена-жъ безъ денегъ волкомъ воетъ.
Вашъ всепокорнѣйшій слуга,
(Завидна будетъ участь наша!)
Которому такъ дорога
И такъ мила особа ваша,
Имѣя кое-что и самъ
Въ губерніи Новогородской,
Готовъ представить, Эмма, вамъ
Въ виду наслѣдство, домъ господскій,
И сердце пламенное въ даръ,
И наконецъ. . . . но au revoir!

Базиль Базилевичъ.

—

Знаменитый автографъ. Въ библіотекѣ Французскаго Театра въ Парижѣ, сохраняется записка, чрезвычайно любопытная и драгоцѣнная. На ней написано:

«Другу моему Наполеону Бо-«напарте всегда открыть свобод-«ный доступъ въ мою уборную.»

«*Тальма.*»

—

Красавица по мнѣнію итальянцевъ, урожденныхъ знатоковъ классической красоты, въ полномъ смыслѣ слова, должна имѣть лицо англичанки, грудь и плеча француженки, зубы шведки, ножку испанки и сложеніе голландки.

—

Урокъ воспитанія.

У Агезилая спрашивали: чему, по его мнѣнію, должно учить дѣтей? — «По моему, отвѣчалъ онъ, ихъ надо учить тому, что они должны дѣлать, когда будутъ людьми.»

—

Современные вопросы.

1. Съ чѣмъ труднѣе справиться: съ бѣшеной собакой, или съ бѣшенымъ охотникомъ до собакъ?

2. Что нужнѣе: побольше журналовъ для публики, или побольше публики для журналовъ?

3. Что смѣшнѣе видѣть: даму, которая плохо ѣздитъ верхомъ и пишетъ нескладные стихи, или мужчину, который хорошо приготовляетъ селедки и мастерски рядится?

4. Кто больше пріобрѣлъ: Колумбъ, открывшій Америку, или Фанни Эльслеръ, восхищавшая ее качучей?

—

Сравненіе Моцарта и Россини.

Въ обществѣ сравнивали произведенія Моцарта и Россини, отдавая преимущество и тому, и другому. — » А вы какого мнѣнія объ этихъ маэстро? — спросили у композитора Д.

— Россини, отвѣчалъ Д.., прекрасный тюльпанъ, а Моцартъ — алоэ, которому суждено во сто лѣтъ цвѣти однажды.

Забавная публикація.

Въ одной газетѣ было напечатано:» На дняхъ у сочинителя «*** украдены двѣ рукописи, тра«гедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, и че«тырехтомный романъ. Неизвѣст«ный воръ уже наказанъ.»

—

Веберъ и Россини.

Подъ гравированнымъ портретомъ Вебера, вмѣсто девиза былъ помѣщенъ fac-simile его рукописи: *какъ Богу угодно*! (Wie Gott will).—Еще при жизни Вебера, во время представленія его *Еврі-анты*, кто-то сказалъ: чтобъ поострить надъ композиторомъ «Веберъ пишетъ, какъ Богу угодно, а Россини, какъ публикѣ!» и еще болѣе возвысилъ этими словами славу скромнаго композитора.

—

Театральный аукціонъ.

Директоръ однаго провинціальнаго театра обанкрутился и чтобъ удовлетворить своихъ немногочисленныхъ артистовъ, онъ напечаталъ въ газетахъ объявленіе о распродажѣ театральныхъ принадлежностей.

Продаются:

1.) Большой дворецъ съ великолѣпнымъ садомъ; двѣ неприступныя крѣпости, которыя можно рознять по частямъ; лѣса, рощи, луга, и множество загородныхъ домовъ съ прелестными видами, съ принадлежащею къ нимъ мебелью и разными вещами.

2.) Море изъ 12 большихъ волнъ (средняя волна нѣсколько повреждена).

3.) Дюжина облаковъ, освѣщенныхъ молніею.

4.) Радуга, немножко подержанная, но которую удобно заклѣить.

5.) Снѣгъ, ослѣпительной бѣлизны, изъ голландской бумаги.

6.) Три мѣшка съ плауннымъ порошкомъ, для произведенія молніи.

7.) Совершенно новыя развалины древняго замка.

8.) Страусовыя перья, служившія раза два царю Эдипу и графу Эссексу, очень пригодныя и для Гамлета.

9.) Усы и борода Магомеда.

10.) Почти новые ботфорты Карла XII, со шпорами изъ нейзильбера.

11.) Двѣ дерновыя скамьи изъ карельской березы.

12.) Родословная дона Рапудо де-Калибрадоса, съ вызолоченными украшеніями.

13.) Жоко, бразильская обезьяна, съ картонной головою, на пружинахъ.

14.) Пылающій каминъ, бывшій въ употребленіи лѣтъ десять, но совершенно цѣлый.

15.) Готовый обѣдъ изъ картоннаго пастета, алебастровой курицы, восковаго дессерта и трехъ деревянныхъ бутылокъ вина.

16.) Луна, съ небольшой трещиною, изъ хорошаго матоваго стекла.

17.) Настоящая кольчуга изъ посеребренныхъ нитокъ.

Кромѣ того разныя вещи, какъ то: мечи, алебарды, посохи, турецкія чалмы, рогатыя шапки, ко..

лодезъ, колыбель, кровать, тронъ Юпитера и проч.

—

Мудрое слово. Людовикъ XIV, проходя съ своею свитою по Версальской галлереѣ, замѣтилъ Жана Бара, которой спокойно курилъ трубку въ амбразурѣ открытаго окна. Подозвавъ моряка, онъ сказалъ ему: Жанъ Баръ, я назначилъ тебя начальникомъ эскадры. — «И прекрасно сдѣлали, Ваше Величество!» отвѣчалъ Жанъ Баръ, выколачивая трубку. Придворные засмѣялись. — Господа, сказалъ имъ король, этотъ отвѣтъ приличенъ человѣку, которой чувствуетъ собственное достоинство. Жанъ Баръ не умѣетъ говорить, какъ вы, но кто изъ васъ сдѣлаетъ то, что дѣлаетъ Жанъ Баръ?»

—

НА ПРОКАТЪ!

—

Куплеты изъ Водевиля.

1.

Поэты, судьи, журналисты,
Которымъ счастіе везетъ,
Ужасно на руку нечисты,
Кто какъ умѣетъ, такъ беретъ.
И рецензенты удалые
О всемъ хоть судятъ на-подрядъ:
Но ихъ сужденья *выписныя*,
А мысли взяты *на прокатъ*!

2.

Такихъ поэтовъ, безъ сомнѣнья,
Какъ нашихъ, не вездѣ найдутъ:
Ихъ *легкія* стихотворенья
Частенько продаютъ на *пудъ*!
Они винятъ судей пристрастныхъ,
Которые про нихъ кричатъ,
Что у поэтовъ первокласныхъ
Ихъ риѳмы взяты *на прокатъ*!

3.

Бываетъ въ свѣтѣ сплошь да рядомъ,
Когда поклонники мы дамъ,
Что обольщая насъ нарядомъ,
Онѣ прельщаютъ сердце намъ.
Но жаль! непрочны впечатлѣнья,
Какъ красота ихъ и нарядъ!
Онѣ вѣдь средства обольщенья
Берутъ изъ лавокъ *на прокатъ*.

4.

Лишь честью почесть покупали,
Бывало въ старину у насъ;
Теперь не тѣ ужъ люди стали,
Система новая ввелась.
Честь нынче не видна снаружи,
Она въ карманѣ говорятъ:
И отдаютъ ее къ тому-же
Процентовъ за шесть *на прокатъ*.

5.

Иной въ коляскахъ разъѣзжаетъ,
И носъ свой держитъ высоко,
На биржѣ устрицъ заливаетъ
Струей шипучаго клико;
За то ему почетъ и ласки,
Всѣ думаютъ, что онъ богатъ:
А онъ лишь фраки да коляски
Беретъ безплатно *на прокатъ*.

6.

Въ нашъ вѣкъ заемный, вѣкъ прокатный,
Жить припѣваючи — легко;
Заемщикъ ловкій, аккуратный
Уйдетъ, пожалуй, далеко:
Весь свѣтъ по нынѣшней системѣ
Похожъ на пестрый маскерадъ,
За тѣмъ, что умъ, любовь, родство и племя
Все отдается *на прокатъ*.

Ѳ. Кони.

—

БАЛАГУРЪ.

Бездарный, но очень много о себѣ думавшій актеръ, чрезвычайно ругалъ театральнаго критика, который никакъ не хотѣлъ похвалить его въ своемъ журналѣ. «Это вредитъ моему успѣху въ публикѣ, говорилъ онъ, оттого меня не вызываютъ.» — Разъ онъ сидѣлъ въ трактирѣ послѣ спектакля и опять роптал на то, что его не вызвали, по милости проклятаго критика. Вдругъ ему объявляютъ, что его кто-то спрашиваетъ. Онъ выходитъ въ переднюю и видитъ передъ собою своего врага - рецензента. — Что вамъ угодно? — спрашиваетъ онъ у него. — «Мнѣ собственно — ничего; отвѣчаетъ критикъ; но чтобъ вы на меня не роптали, я хотѣлъ вамъ хотя разъ доставить удовольствіе быть *вызваннымъ*.»

—

Къ одному театральному директору явился актеръ, который просилъ принять его въ оперную труппу. «Какія партіи вы поете?» - спросилъ его директоръ. — Я пою всѣ Альфонсовыя роли; отвѣчалъ пѣвецъ. — «Какія?» — спросилъ директоръ въ недоумѣніи.— Альфонсовыя, повторилъ артистъ, то есть, всѣхъ Альфонсовъ, и въ «Цампѣ», и въ «Фенеллѣ», и въ «Лукреціи - Боржіи» и во всѣхъ другихъ операхъ.

—

Знаменитый трагикъ Яковлевъ ставилъ разъ новую трагедію въ свой бенефисъ и ужасно бился съ статистами, которые никакъ не понимали, чего онъ хотѣлъ, и дѣлали все наизворотъ. Выбившись наконецъ изъ силъ, Яковлевъ вскричалъ въ досадѣ:

«Вотъ дураки, вотъ болваны! не приведи Богъ съ такими имѣть дѣло!»

Одинъ изъ статистовъ очень обидѣлся этими словами, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Помилуйте, Алексѣй Семенычъ! За что же вы бранитесь дураками да болванами: развѣ мы актеры?

—

Когда въ Парижѣ давали въ первый разъ драму «Свадьба при Людовикѣ XV» (Un mariage sous Louis XV); авторъ ея, Александръ Дюма, былъ въ креслахъ и разговаривалъ съ академикомъ, сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ. — «А вчера я здѣсь же на сценѣ видѣлъ «Гладіатора» покойнаго Суме»; сказалъ Дюма. — Что же, какъ шла пьеса? — «Вся публика зѣвала или спала.» — Въ эту самую минуту академикъ замѣтилъ невдалекѣ господина, который преспокойно спалъ въ своемъ креслѣ. Посмотрите, сказалъ онъ Дюма, этотъ зритель кажется, не слишкомъ наслаждается и вашею пьесою. — «О нѣтъ! отвѣчалъ Дюма, это еще одинъ изъ вчерашнихъ!»

—

Молодой драматическій писатель гулялъ по улицѣ съ пріѣзжимъ пріятелемъ. На встрѣчу имъ попадается разряженный франтъ и обмѣнивается нѣсколькими вѣжливостями съ драматургомъ. Когда франтъ ушелъ, пріѣзжій спросилъ драматурга:» Кто этотъ сухопарый щеголь?« — Это первый любовникъ нашей сцены, извѣстный XX актеръ акси... «Скажи, пожалуйста, на улицѣ никакъ не признаешь въ немъ актера!« — Ну, а на сценѣ и того меньше! отвѣчалъ драматургъ.

—

Гамильтона посѣтилъ одинъ знаменитый докторъ и засталъ его въ саду. Они прохаживались и разговаривали. Вдругъ докторъ остановился передъ купою деревъ и воскликнулъ: «По чести, удивительно, Гамильтонъ, какъ ваши деревья скоро растутъ!» — Чтожъ тутъ удивительнаго, отвѣчалъ Гамильтонъ, имъ только и дѣла.

—

Неистовый Тамерланъ былъ разъ въ банѣ вмѣстѣ со многими царедворцами и забавлялся тѣмъ, что каждаго изъ присутствующихъ оцѣнивалъ на деньги. Наконецъ, онъ обратился къ персидскому поэту Гомеди: «Ну, а что, по твоему, я самъ стою?» спросилъ онъ его. — Да тридцать аспрій можно дать! отвѣчалъ поэтъ. — «Знаешь ты толкъ! возразилъ Тамерланъ: одно полотенце, которымъ я утираюсь стоитъ этихъ денегъ.» — Да вѣдь я и цѣнилъ вмѣстѣ съ полотенцемъ! отвѣчалъ Гомеди. Тамерланъ расхохотался: видно онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

—

Редактору журнала П.. говорили разъ:» Такой-то молодой литераторъ ужасно дурно объ васъ отзывается и чернитъ вашу честь.» — Странно, отвѣчалъ редакторъ, за что-же это? Я, кажется, не оказалъ ему никакого благодѣянія!

—

Одна танцовщица писала къ своему обожателю: «Сегодня мнѣ прислали счетъ изъ магазина и ужасно просятъ денегъ; къ несчастію, у меня нѣтъ лишнихъ и я рѣшаюсь просить васъ, нельзя ли мнѣ одолжить 200 руб. сер. Я вамъ буду очень благодарна. P. S. «Мнѣ право такъ совѣстно просить васъ, что я навѣрное изорвала бы эту записку, еслибъ моя горничная уже не унесла ее къ вамъ.»

—

На одной сценѣ роздали роли новой комедіи «Прихоть кокетки» и главная роль гр. Можайской, гнусной кокетки, досталась на долю первой комической актрисѣ, но она никакъ не соглашалась играть ее, говоря, что съ ея поведеніемъ и репутаціею ей неприлично играть такіе характеры. «Напрасно!» отвѣчалъ ей старый и почтенный артистъ. «Наше ремесло самая полезная школа: вотъ я, на-примѣръ, только играя постоянно фатовъ, выучился не быть на нихъ похожимъ.»

—

Докторъ, разговаривая съ Фонтенелемъ о горячихъ напиткахъ, сказалъ, что кофе медленный ядъ. — «Я совершенно съ вами согласенъ, отвѣчалъ Фонтенель; онъ дѣйствуетъ очень медленно: вотъ я пью его восемьдесятъ три года и все еще живъ.»

—

Актеръ Дюкло купался въ Сенѣ, за городомъ, не далеко отъ большой дороги. Въ это время проѣзжала коляска. Кучеръ круто повернулъ съ оврага и вывалилъ свою барыню прямо въ ровъ. Видя это, Дюкло, забывъ о своемъ костюмѣ, выскочилъ изъ рѣки и бросился на помощь къ дамѣ. «Пожалуйте вашу руку, сказалъ онъ, поднимая даму изо рва, извините, ради Бога, что я безъ перчатокъ!»

—

Одинъ канцелярскій левъ, низшаго разряда, пригласилъ къ себѣ живописца. «Я бы желалъ, сказалъ онъ, чтобы вы сняли съ меня портретъ, но тутъ есть одно обстоятельство: видите-ли, мнѣ надо подарить его одной прекрасной барышнѣ, но я боюсь, неровно какъ нибудь попадется на глаза ея родителямъ, такъ нельзя-ли вамъ будетъ написать портретъ такъ, чтобы они недогадались, что это я?»

—

«Видишь-ли,» говорилъ одинъ изъ товарищей покойнаго актера Афонасьева, провожая его домой

изъ Марьиной рощи, гдѣ онъ сильно подгулялъ: «видишь-ли, тебѣ пить совсѣмъ не слѣдуетъ; вотъ, вѣдь на каждомъ шагу спотыкаешься»...

— Эхъ, братецъ, совсѣмъ не то! отвѣчалъ Афонасьевъ, пить-то можно, а вотъ ходить, какъ напьюсь, точно не слѣдуетъ.

—

При окончаніи одной изъ послѣднихъ стычекъ итальянцевъ съ австрійцами, Піемонтскій солдатъ вдругъ закричалъ благимъ матомъ: Г. офицеръ, г. офицеръ! пожалуйте сюда! я захватилъ плѣнника! — « Ну, такъ веди его ко мнѣ! » отвѣчалъ офицеръ. — Радъ-бы привесть, ваше благородіе, да онъ меня не пускаетъ!

—

Столичный франтъ сбирался въ дальную поѣздку. — Смотрите, однако, говорилъ ему помѣщикъ, тамъ дороги не совсѣмъ безопасны, пошаливаютъ . . . «О, на этотъ счетъ будьте покойны, отвѣчалъ франтъ, я велѣлъ камердинеру, на всякій случай, уложить пару пистолетовъ въ чемоданъ. »

—

» Что вы скажете о Цирюльникѣ? » сказалъ любитель Итальянской оперы своему знакомому, недавно пріѣхавшему въ Петербургъ изъ провинціи» — » О какомъ цирюльникѣ? » спросилъ провинціалъ. . » — » Да, о Севильскомъ! » — » Вотъ еще! нужны мнѣ ваши Севильскіе цирюльники! по пустому деньги-то бросать, я и самъ выбрѣюсь.

—

» Ты дурно пѣлъ вчера! » сказалъ актеръ своему товарищу? « Виноватъ-ли я, отвѣчалъ пѣвецъ, развѣ ты не замѣтилъ, что всякій разъ, какъ я только начну пѣть, оркестръ какъ нарочно сфальшивитъ: или тономъ выше, или тономъ ниже.

—

Плохіе актеры дурно разыгрывали плохую трагедію. — Первый трагикъ неистово ревѣлъ, первая актриса страшно завывала. «Эту пьесу слѣдовало бы назвать баснею, а не трагедіею,» сказалъ зѣвающій зритель. — « Отчего? спросилъ его сосѣдъ — « Развѣ вы не слышите, отвѣчалъ первый, что на сценѣ говорятъ не люди, а *животныя.* »

—

«Еслибъ я зналъ, сказалъ одинъ добрякъ, что есть земля, гдѣ люди никогда не умираютъ, то не выѣхалъ бы оттуда до самой смерти.

—

Де-Калонь, французскій министръ, нажившій себѣ огромное состояніе на счетъ казны, подозрѣвая, что у него въ комнатѣ былъ воръ, созвалъ своихъ слугъ и началъ довольно строго до

прашивать ихъ; наконецъ камердинеръ его, наскучивъ этими распросами, наивно сказалъ ему: «Вы утверждаете, что здѣсь былъ воръ, но божусь вамъ, сударь, кромѣ *васъ*—здѣсь никого не было.

—

Помѣщикъ, услышавъ, что въ его селѣ умеръ староста, глубоко задумался: странно, сказалъ онъ, староста, кажется, человѣкъ аккуратный, всегда обо всемъ извѣщаетъ меня предварительно, а теперь, какъ нарочно, не увѣдомилъ о своей смерти.

—

Сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ капитанъ солдата. «Двадцать два года, ваше благородіе; было-бы двадцать три, *да я цѣлый годъ пролежалъ въ лазаретѣ.*

—

Знаменитый Вестрисъ, прозванный *богомъ танцевъ*, (dieu de la danse) всегда возбуждалъ въ зрителяхъ восторгъ, стоя нѣсколько минутъ на одной ногѣ, съ распростертыми руками. Это была одна изъ лучшихъ позъ его. Въ Лондонѣ явилась каррикатура, изображавшая Вестриса въ этой позѣ и подлѣ него гуся, съ поджатою ногою и распущенными крыльями, съ подписью: «*гусь перещеголялъ!*»

—

Портной принесъ актеру брюки.—«Помилуйте, сказалъ актеръ, примѣряя ихъ, они чрезвычайно узки.»—«Теперь такая мода, сказалъ просвѣщенный портной; что дѣлать, надо *идти за вѣкомъ.* — «Да какъ мнѣ *идти за нимъ*, когда я въ этихъ панталонахъ не могу сдѣлать *шагу.*«

—

Въ звѣринцѣ Зама два француза смотрѣли на медвѣдя. «Voyez-vous comme il s'éleve?» сказалъ одинъ изъ нихъ, указывая на звѣря. «Нѣтъ, баринъ, се не левъ, а медвѣдь», замѣтилъ простодушно зритель мужичекъ.

—

Актеръ хотѣлъ жениться. Напрасно товарищи отговаривали его, всѣ старанія ихъ были тщетны; наконецъ суфлеръ, добрый старичекъ, въ свою очередь стараясь убѣдить актера, сказалъ: «Другъ мой, вѣдь ты всегда слушалъ меня на сценѣ, такъ послушай-же и теперь: не женись!»

—

Кребильонъ былъ опасно боленъ. Эрманъ, лечившій его, однажды сказалъ ему: «Если вы умрете, откажите мнѣ въ духовной рукопись *Катилины.*

Кребильонъ отвѣчалъ ему стихомъ изъ *Родомиста.*

«Ah! doit-on hériter de ceux
qu'on *assassine*!

Должны-ль наслѣдовать мы тѣмъ, кого мы умерщвляемъ!»

—

На лекціи Философіи, профессоръ, объясняя Психологію, сказалъ:» Вотъ одинъ человѣкъ вздумалъ, что къ нему въ голову влетѣлъ воробей...Хорошо! воробей! вотъ и влетѣлъ воробей—онъ думалъ. А что-жъ—вѣдь воробей-то къ нему не влетѣлъ? хорошо! что-жъ не влетѣлъ? А отчегожъ онъ думалъ, что влетѣлъ воробей?.. Хорошо!...Вотъ для этого и выдумали Психологію: она объясняетъ, отчего онъ думалъ, что влетѣлъ воробей. Хорошо! И такъ начнемъ . . . . . »

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

Современный анекдотъ

съ жильцомъ и домохозяиномъ.

Оригинальная шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

П. Н. Григорьева 1-го.

—

дѣйствующія:

Иванъ Ивановичъ Ивановъ.
Казимиръ Андреевичъ Глуховъ, *хозяинъ дома.*
Выжигинъ, *управитель его дома, изъ мѣщанъ.*
Неизвѣстный господинъ, *нанимающій квартиру.*

охтенка, *молочница*	Кредиторы Иванова.
прачка.	
булочникъ.	
водовозъ.	
лавочникъ.	
сапожникъ.	
мальчикъ отъ портнаго.	

горничная отъ сосѣда.
Лёвка, *человѣкъ Иванова.*
авдей, дворникъ
деревенская баба *отъ кухмистерши.*

Дѣйствіе происходитъ въ зимнее время, въ квартирѣ Иванова.

Театръ представляетъ довольно большую комнату, бѣдно меблированную. Направо изразцовая печь, которая топится. Въ срединѣ дверь, выходящая въ общій корридоръ, по сторонамъ двери, два окна: у двери проведенъ въ комнату звонокъ. Налѣво, у стѣны, старый комодъ и диванъ; простой, круглый столъ подлѣ дивана. На столѣ: чайная большая чашка, подсвѣчникъ съ огаркомъ и карафинъ съ водой. Диванъ загороженъ ширмами. За печкой въ углу стоитъ у стѣны контрбасъ со смычкомъ, на стѣнѣ виситъ тромбонъ. На полу у печки же разломанная корзинка, топоръ, сломанный стулъ, часть плинтуса.

I.

ЛЕВКА (*у печки*), **ИВАНОВЪ** (*спитъ за ширмами:*)

ЛЕВКА (*ломая корзину, плинтусъ, стулъ, все кладетъ въ печь.*) Фу! какъ холодно стало! . . незнаю, долго ли еще наживемъ мы въ этой фатерѣ, а ужъ больно намъ плохо приходитъ. Деньги прожили и теперича живемъ въ Питерѣ безо всякой участи! т. е. никакого мы существованія не имѣемъ! да еще на горе мое, пришла ему блажь отдать меня въ ученье къ музыкантамъ! «Учись, говоритъ, Лёвка, послѣ спасибо скажешь!»—Какъ же! скажешь спасибо... Муштруютъ меня на музыкѣ, такъ что ахти мнѣ. Эхъ, кабы можно, какъ бы я важно истопилъ печку эвтимъ контрабасищемъ! Разбойникъ управитель! какъ пересталъ намъ давать дрова, съ той поры печка совсѣмъ тепла не держитъ! а баринъ требуетъ. . . «Хоть ты, говоритъ, лопни Лёвка, а чтобъ горница была натоплена!« — Ну и неча дѣлать, вотъ у сосѣдей мимоходомъ унесъ одно полѣшко, да на дворѣ стянулъ корзинку, да старый стулъ стащилъ съ чердака, да, вотъ кое-какъ отодралъ весь плинтусъ у нашей фатеры и отогрѣваю себя съ бариномъ. . . а все—ни тепло, ни холодно. . . Охъ! а что то мы нонича жевать будемъ? Ужъ, кажись, никто намъ не вѣритъ.

За фатеру цѣлый годъ
Ни гроша не платимъ
Въ долгъ же мы у всѣхъ беремъ,
Хошь у чорта схватимъ!
Кредиторовъ цѣлый возъ,
Всякъ насъ осаждаетъ:
Лавка, прачка, водовозъ,
Булошникъ страдаетъ,
И молошница бѣжитъ,
И сапожникъ плачетъ,
И портной на насъ кричитъ. . .
Дѣло худо, значитъ!
Вишь въ Тамбовѣ жизнь тяжка.
«Ѣду! ѣду въ Питеръ!»
Вотъ карманы да бока
Питеръ-то и вытеръ!

ИВАНОВЪ (*кричитъ изъ-за ширмъ*) Левка!

ЛЕВКА (*вскакиваетъ*) Ахти! проснулся! вѣрно прозябъ. . .

ИВАНОВЪ. Левка! ты здѣсь?

ЛЕВКА. Здѣсь, сударь. . .

ИВАНОВЪ. Что ты тамъ дѣлаешь?

ЛЕВКА. Да вотъ, печку топлю-съ. . .

ИВАНОВЪ. Хорошо. А чѣмъ ты топишъ? дровами?

ЛЕВКА. Нѣтъ, сударь, а такъ, чѣмъ Богъ послалъ.

ИВАНОВЪ. Все таки хорошо. А управляющій приходилъ за деньгами?

ЛЕВКА. Ужъ разумѣется. . . раза три. . .

ИВАНОВЪ. Это не хорошо. Что жъ ты ему отвѣчалъ?

ЛЕВКА. Да. . . что обноковенно всякій день: спитъ, молъ, завтра придите.

ИВАНОВЪ. Хорошо. Что же онъ?

ЛЕВКА. Обноковенно что: началъ насъ страмить. . . . потомъ, приводилъ какого-то барина показывать нашу фатеру, да я не пустилъ. .. ну, и онъ обноковенно, пришелъ въ обиду, ругается. . .

ИВАНОВЪ. А какъ ругается?

ЛЕВКА. Да обноковенно не хорошо, говоритъ: Чортъ тебя задави!

ИВАНОВЪ. То есть, кого же — меня, или тебя?

ЛЕВКА. Да онъ со мной разговаривалъ. .. такъ я думаю, что меня.

ИВАНОВЪ. А! хорошо! А что Левка, напоишь ты меня сегодня чаемъ?

ЛЕВКА. Извольте сударь, хоть сейчасъ. . . готовъ. ..

ИВАНОВЪ, (*выбѣгая изъ-за ширмъ въ сюртучномъ халатѣ*) А! Хорошо! давай, давай! спасибо, что распорядился; я же немножко прозябъ. . . давай!

ЛЕВКА. Да чего, сударь?

ИВАНОВЪ. Чаю, дуракъ!

ЛЕВКА. Да гдѣ жъ я возьму? пожалуйте денегъ, такъ я разомъ все изготовлю. . .

ИВАНОВЪ. Ха, ха! ха! болванъ; у тебя только и рѣчей: пожалуйте, да пожалуйте денегъ! а гдѣ я возьму тебѣ денегъ? У меня были, да всѣ вышли. . .

ЛЕВКА. А у меня и отродясь не бывало.

ИВАНОВЪ (*расхаживая изъ угла въ уголъ.*) Ну, такъ сходи въ лавочку, что ли, достань въ долгъ что нужно. . .

ЛЕВКА. Нѣтъ, сударь, меня ужъ изъ трехъ лавокъ чуть не въ шею спровадили за неплатежъ.

ИВАНОВЪ. Гмъ! неужели? какъ это непріятно. . . и даже неловко какъ-то существовать безъ денегъ! Хочется этакъ и того и другаго, и ничего нельзя! . Матушка изъ деревни ничего не присылаетъ. . . вѣрно тамъ у нея неурожай, что ли, или опять саранча. . . должность ничего особеннаго не приноситъ... (*думаетъ и потомъ что-то поетъ*) А что, Левка, много ли мы въ годъ проживаемъ? а?

ЛЕВКА. Да какъ прожили все, такъ ужъ теперь мы совсѣмъ ничего не проживаемъ. А какъ еще этакъ пойдетъ, такъ и сами много не проживемъ.

ИВАНОВЪ. (*весело*) Ха! ха ! Врешь, дуракъ! Я скоро поправлю всѣ свои дѣла. (*вдругъ останавливается, уставя глаза въ потолокъ:*) Постой... сейчасъ.... Кажется, я не всѣмъ еще долженъ? у кого бы еще занять на время. Гмъ... Нѣтъ, надо, надо исправиться... начну съ того, что... займу у кого нибудь побольше денегъ! да... да... это главное.

У меня знакомыхъ много,
Всѣ хлопочатъ поддержать,
Словомъ, есть вездѣ дорога
Право, есть гдѣ въ долгъ занять;
Жить порядочно мнѣ надо,
Чтобъ родства не уронить.
Только вотъ одна досада:
Не могу долговъ платить!
И себѣ я удивляюсь:
Иногда, при деньгахъ, тамъ
Долгъ отдать сто разъ сбираюсь,
Но ни разу не отдамъ!

Впрочемъ, я еще не въ штатныхъ,
Хоть и рыщу отъ долговъ;
Въ Петербургѣ тьма печатныхъ,
Неоплатныхъ должниковъ!

Ну, Левка, такъ чаю сегодня мы пить, значитъ, не расположены.?

ЛЕВКА. Да коли вамъ угодно имѣть это расположеніе, такъ я бы вамъ присовѣтовалъ, какимъ манеромъ можно изворотиться... деньги бы у насъ разомъ явились.

ИВАНОВЪ. Неужели? говори братецъ! я ужъ испыталъ, что иногда даже и совѣтъ дурака имѣетъ благодѣтельное вліяніе на пустой карманъ.

ЛЕВКА. Да, сударь, ужъ и мнѣ бы вы сдѣлали благодѣяніе, если бы приняли мой холопскій совѣтъ.

ИВАНОВЪ. Ну, ну, совѣтуй, мнѣ деньги очень нужны.

ЛЕВКА *(кланяясь низко.)* Батюшка! Иванъ Иванычъ! избавьте отъ грѣха и мученья вашего Левку! Право изъ меня никакого музыканта не будетъ! позвольте продать эвтотъ контрабасъ, да и эвту чортову дудку! хошъ вы меня и понуждаете учиться, но ей-ей, никакой у меня музыки не выходитъ! только трещитъ, да воетъ, а пользы ни на копейку!

ИВАНОВЪ. Ахъ, ты болванъ! ты опять за старую пѣсню? ни! ни! и не смѣй просить! я тебя, осла, хочу сдѣлать замѣчательнымъ артистомъ, потому что у тебя есть отличныя способности, есть ухо.

ЛЕВКА. Помилуйте! у меня, благодаря Господа, и два уха есть, да вѣдь играть-то надо вишь пальцами, да губами, сударь, а уши тутъ у меня совсѣмъ въ сторонѣ... отъ нихъ мнѣ никакой нѣтъ помощи, только трещатъ при ученьи.

ИВАНОВЪ. Врешь, болванъ! я знаю, что у тебя отъ природы вѣрное, музыкальное ухо! ты еще не понимаешь, что ты съ дарованіемъ, уродъ! только не унывай, старайся преодолѣть первыя трудности. Когда ты пройдешь гаммы во всѣхъ тонахъ, когда постигнешь всѣ средства и конструкцію каждаго изъ этихъ инструментовъ, когда наконецъ ознакомишь ухо свое съ гармоніей звуковъ, тогда ужъ ты въ половину музыкантъ! я тебя могу опредѣлить на жалованье въ оркестръ Гунгля, Германа или Конкордіи, ты будешь полезенъ мнѣ и себѣ, будешь благословлять меня, болванъ!

ЛЕВКА *(чешетъ затылокъ)* Нѣтъ, сударь, эвтого вы и во сто лѣтъ отъ меня не дождетесь. Подумайте: сколько до той поры надо муки перетерпѣть! Сколько отъ моего ученья и хозяинъ, и всѣ жильцы всякаго ругательства намъ присылаютъ.

ИВАНОВЪ. Ничего! брань на вороту не виснетъ! ты ужъ вотъ и теперь, ничего не видя, а своимъ талантомъ мнѣ полезенъ. Во время твоего ученья на контрбасѣ, или на тромбонѣ, всѣ мои кредиторы затыкаютъ уши и бѣгутъ вонъ по неволѣ! ха! ха! ха!

ЛЕВКА. Да эвто еще не большое утѣшеніе. Долги то ваши, сколько я ни труби, все только наростаютъ . . . а ужъ я вонъ, смотрите, и мозоли натеръ, и губы-то ободралъ совсѣмъ. . .

ИВАНОВЪ, *(садясь писать.)* Ничего! терти казакъ! Терпѣніе-первая добродѣтель, болванъ!

ЛЕВКА. Да! хорошо вамъ, вы не музыкантъ! вы всякій день въ гостяхъ кушаете, что угодно. А вонъ вчерась вы мнѣ на цѣлый день пожаловали только на ѣду пятакъ серебра. . . какъ я его не вертѣлъ, а до-сыта не наѣлся! воля ваша! а съ голодными животами я трубить не въ силахъ!

ИВАНОВЪ. Ха! ха! ха! ты меня, Левка, забавляешь своимъ прожорствомъ! ты вѣчно голоденъ! но, такъ и быть . . . вотъ я сейчасъ пошлю тебя съ запиской къ моей кузинѣ . . . она мнѣ обѣщала дать денегъ на короткое время, и мы съ тобой, мой будущій артистъ, заживемъ! *(пишетъ)* Который теперь часъ? поди, узнай. . . .

ЛЕВКА. Да за чѣмъ же? Я и такъ знаю. Когда мнѣ утромъ больно ѣсть захочется, значитъ первый часъ.

ИВАНОВЪ. А! да вѣрно ли это?

ЛЕВКА. Да ужъ такъ вѣрно, что чудо!

ИВАНОВЪ *(про себя)* Кузина теперь еще дома . . . Ахъ, еслибы она прислала мнѣ хоть немножко . . . я признаться, и самъ крѣпко проголодался. *(громко)* Левка! достань сейчасъ у сосѣдей облатокъ или сургуча съ печатью.

ЛЕВКА. Нѣтъ, нельзя сударь! никто не дастъ.

ИВАНОВЪ. Неужли? отъ чего же? это значитъ, что ты дуракъ: совсѣмъ не умѣешь жить въ ладу съ нашими сосѣдями.

ЛЕВКА. Помилуйте! и умѣлъ бы, да нельзя. Съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ приказали быть музыкантомъ, всѣ сосѣди меня лѣшимъ зовутъ! и только вотъ одинъ, правда еще новый, что вчера переѣхалъ . . . тотъ еще пока ничего, а только отъ моей игры выбѣгаетъ въ колидоръ, да спрашиваетъ: что это? гдѣ это? у кого это? ахъ, батюшки!

ИВАНОВЪ. Ха! ха! ха! а кто же онъ самъ-то, какъ—его фамилія?

ЛЕВКА. Говорятъ какой-то стряпчій, Ивановъ.

ИВАНОВЪ. А! мой однофамилецъ! пріятно слышать; какъ бы съ нимъ познакомиться?

ЛЕВКА. Нѣтъ, сударь, едва ли!... моя музыка разстроитъ всякое знакомство. Право, сударь, позвольте продать хоть контрабасъ, я нашелъ подлѣ насъ нѣмецкаго столяра, который ихъ роботаетъ. Онъ бы за него цѣлковыхъ десять далъ.

ИВАНОВЪ. Нѣтъ! ни за что! я насильно хочу сдѣлать тебѣ добро! а продамъ твои инструменты ужъ развѣ тогда, какъ совсѣмъ потеряю кредитъ. *(Слышенъ звонокъ.)* Звонятъ! спроси, кто? прежде не отворяй! впрочемъ, ты знаешь, какъ надо дѣйствовать. *(прикрывается ширмами)*

ЛЕВКА *(у дверей, грубо)* Кто тамъ?

ГОЛОСЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ БАБЫ. Отоприте, батюшка, ваше благородіе....

ЛЕВКА *(также)* Да кто ты? отъ кого? *(барину)* Какой-то бабій голосъ.

ТОТЪ ЖЕ ГОЛОСЪ. Здись штоль живетъ баринъ Ивановъ? али нѣту-ти?

ЛЕВКА *(барину)* Насъ спрашиваютъ! *(бабѣ)* А на что тебѣ, тетушка? Коли со счетомъ за деньгами пришла, такъ барина нѣтъ дома! и не обѣдаетъ, и ночевать не будетъ! и завтра не приходи!

ГОЛОСЪ. Нѣтъ, родной, я не за деньгами, а пришла съ кушаньемъ отъ хозяйки.

ЛЕВКА. *(обрадовавшись)* А! съ кушаньемъ? *(отворяетъ)* Такъ добро пожаловать! *(барину)* Ваше благородіе! вамъ кушанье прислали!

ИВАНОВЪ *(изъ за ширмъ, тихо)* Какъ! да кто прислалъ? узнай-ка.

ЛЕВКА, *(вводя бабу)* Поди сюда, моя красавица... покажько, что ты намъ принесла....

—

II.

ТѢЖЕ И ДЕРЕВЕНСКАЯ БАБА,

(вноситъ судки, наполненные разнымъ кушаньемъ)

БАБА. Погодь-ка прежде: здись, аль нитъ, живетъ баринъ Ивановъ?

ЛЕВКА. Здѣся! здѣся! а кто тебя прислалъ?

БАБА. Да моя хозяйка, повариха, что живетъ у Гороховой

улици *(становитъ на комодъ судки и утирается руковомъ рубахи)* Охъ! дотащила, кажись, въ цилости. Вичёрась приходилъ къ намъ вишь твой баринъ, да и сторговался съ хозяйкой носитъ къ нёму обидъ въ первомъ часу, и деньги отдалъ, оставилъ и андрисъ на Глухова домъ, вялилъ толька спросить фатеру Иванова.

ЛЕВКА. Хорошо, хорошо, спасибо, что во-время принесла. Ну, прощай, красавица. . . .

БАБА. Нѣтъ, родной, судки наши опросѣай, надоть ещо въ нихъ въ другое мисто тащить кушанье.

ЛЕВКА. *(живо начинаетъ перекладывать и переливать кушанье въ свою посуду.)* Изволь, изволь, духомъ переложимъ! а какъ тебя зовутъ моя красавица?

БАБА. Ѳедорой, родимой.

ЛЕВКА Неужли? да ужъ ты не родня ли мнѣ приходишься? у меня сноха была Ѳедора.

БАБА. А може и такъ, а може и нитъ. А ты голубецъ мой, развѣ тоже изъ Олончанъ?

ЛЕВКА. Да тутъ, по близости, мы изъ Онеги, Архангельской губерніи. Чьихъ ты господъ-то Ѳедорушка?

БАБА. Да помищицы Толстолобовой. Знаешь?

ЛЕВКА. А! Знаемъ! *(нюхая кушанье)* У! какой совусъ!

ИВАНОВЪ, *(про себя, смѣясь)* Ха! ха! ха! разбойникъ! что онъ тамъ дѣлаетъ? *(вполголоса.)* Левка! тсъ!-тсъ!

БАБА. *(услыхавъ)* Ахти! што-йта тамотка! слышь? а-сь?

ЛЕВКА. Ничего! не слушай. . . . эвто вѣтерокъ въ окнѣ гуляетъ, рама еще не замазана, вчера только такъ приставилъ на ночь отъ холода. *(отдавая судки)* Ну, вотъ, на, ступай Ѳедорушка, благодари хозяйку, и завтра еще приноси. . . .

БАБА. А гдѣ-жъ твой баринъ-то? аль самъ господинъ, штоль?

ЛЕВКА. Да еще не пріѣхалъ, завтра увидишь, только приноси пораньше и побольше.

БАБА. Да ужъ вѣстимо, какъ сготовимъ, такъ ужъ и тово....

ЛЕВКА. Да; да, неси намъ и того, и сего, и всего. . . . прощай! *(Баба уходитъ; Левка запираетъ дверь на ключь.)*

—

III.

ТѢЖЕ, КРОМѢ БАБЫ.

ИВАНОВЪ. *(выходя изъ за ширмъ)* Ха! ха! ха! Левка! разбой-

никъ, да съ чего ты выдумалъ дуракъ, что это кушанье именно ко мнѣ? Я и не думалъ посылать за нимъ.

ЛЕВКА. Неужели-съ? ахти! я вѣдь и забылъ, что у насъ новый жилецъ тоже по фамиліи Ивановъ! виноватъ-сударь!

ИВАНОВЪ. Съ чего жъ ты взялъ останавливать? . .

ЛЕВКА, *(отчаянно)* Да съ голоду, сударь! ей ей! Съ голоду, я воля ваша, не разбираю ни своего, ни чужаго. *(Становитъ все кушанье на столъ передъ печькой)* Вы, сударь, не смѣйтесь. . . это знать ужъ самъ Господь вспомоществуетъ намъ грѣшнымъ. . . . . полюбопытствуйте-ка, батюшка баринъ. . . . . что эвто за совусъ! а супъ-то! батюшки! съ какими-то бѣлыми змѣйками!

ИВАНОВЪ. *(поглядываетъ въ нетерпѣніи на кушанье)* Перестань, дуракъ! стану я ѣсть чортъ знаетъ что, и. . . . . портить аппетитъ! я сегодня буду обѣдать у одного извѣстнаго гастронома. . . . .

ЛЕВКА *(не слушая)* Эхъ! важное кушанье! баринъ! что за супъ! у!

Какъ горячь! какъ жаръ горитъ! . . .
Да тутъ всякій ахнетъ!
Похлебалъ бы въ апетитъ,
Больно вкусно пахнетъ!
Баринъ! сядьте. . . все подамъ. . . .

ИВАНОВЪ.

Не хочу и слушать!

ЛЕВКА.

Да вѣдь чай, въ привычку вамъ
На чужой счетъ кушать.
Сядьте, если Богъ привелъ,
Все лишъ не съѣдайте. . .
Что нибудь на задній столъ
Музыканту дайте;
Не могу играть никакъ!
Хлѣба нѣтъ въ запасѣ,
И въ желудкѣ пусто такъ,
Словно въ контробасѣ!

ИВАНОВЪ *(подходя къ столу)* Но, дуракъ ты этакой! вѣдь надо будетъ заплатить за этотъ обѣдъ, а у меня совсѣмъ нѣтъ денегъ.

ЛЕВКА. Нѣтъ денегъ! ни чего-съ, это, говорятъ, передъ деньгами! завтра отдадите. Посмотрите, вѣдь какъ сготовлено-то фигурно. . . а коли вы сыты, такъ позвольте мнѣ, я все это. . . . уберу. . . .

ИВАНОВЪ, *(толкая Левку)* Пошелъ, дуракъ! *(садится къ столу)* И въ самомъ дѣлѣ, кажется, изрядно, чистенько приготовлено? . . Левка!

ЛЕВКА. Чего изволите?

ИВАНОВЪ. Такъ ты очень ѣсть хочешь. ?

ЛЕВКА. Охъ! очень, сударь!

ИВАНОВЪ. Ну, и я тоже. *(хочетъ взять ложкой супу)* Какой славный бульонъ! начнемъ. . . . О! да мы сегодня съ тобой чудесно пообѣдаемъ. *(Хочетъ ѣсть. Раздается сильный звонокъ)*

ИВАНОВЪ *(въ испугѣ роняетъ изъ рукъ ложку)* Ай! *(вскакивая, убѣгаетъ за ширмы)* Вѣрно опять проклятый управитель? меня дома нѣтъ!

ЛЕВКА. А я боюсь, не Ѳедора ли воротилась? Да ужъ не отдамъ ей ничего. *(у дверей)* Кто тамъ?

Голосъ ВЫЖИГИНА. Левка! отопри! Это я! *(Левка отпираетъ дверь)*

—

IV.

ТѢЖЕ, ВЫЖИГИНЪ.

ЛЕВКА. Да что вамъ угодно, г. управитель: барина нѣтъ дома.

ВЫЖИГИНЪ *(постепенно разгорячается)* Отъ тебя, плута, только и слышишь одно: нѣтъ дома! нѣтъ денегъ! завтра приди! Да что это мнѣ съ вами за мука такая? Когда я избавлюсь и отъ тебя и отъ твоего барина?

ЛЕВКА *(на все отвѣчаетъ холодно)*. А почемъ я знаю? Очистимъ, когда деньги будутъ.

ВЫЖИГИНЪ. Да когда же у твоего барина деньги будутъ? Вѣдь меня хозяинъ поѣдомъ ѣстъ за твоего барина! вѣдь вы цѣлый годъ гроша не отдавали за квартиру.

ЛЕВКА. Ничего, отдадимъ. Завтра придите.

ВЫЖИГИНЪ. Завтра! да ты злодѣй меня съ бариномъ только завтраками и кормите? есть ли у васъ совѣсть-то?

ЛЕВКА. Есть, только денегъ нѣтъ.

ВЫЖИГИНЪ. Денегъ нѣтъ! *(смотря на столъ)* Вотъ ужъ жилецъ навязался! не дай Богъ ни кому! Вишь денегъ нѣтъ, а этакіе разносолы ѣсть! вѣдь не бойсь на деньги же покупаете? что?

ЛЕВКА. Нѣтъ, это такъ. . .

ВЫЖИГИНЪ. Что, такъ? не бойсь даромъ что ли достается?

ЛЕВКА. Да почти даромъ.

ВЫЖИГИНЪ. Да чего добраго! я думаю въ долгъ берете, безъ отдачи! А зачѣмъ ты рожа унесъ зимнюю раму съ чердака?

ЛЕВКА. Да барину холодно стало, а вы дровъ не даете.

ВЫЖИГИНЪ. И по дѣломъ вамъ! зачѣмъ не платите за квартиру! ты вѣдь дурацкая голова только мнѣ стекла перебьешь, а не вставишь, какъ слѣдуетъ. Зачѣмъ же суешься не въ свое дѣло? Авдей придетъ и вставитъ какъ надо — слышишь?

ЛЕВКА. Слышу-съ. Прощайте-съ. . . пожалуйте. . . . *(указывая на дверь.)*

ВЫЖИГИНЪ. Ну, ну, холопъ! Молчать! чѣмъ бы поблагодарить, а ты еще глупишь? Вѣдь я не даромъ пришелъ, надо же раму-то вставить, хоть вы и не стоите. . . . Эй! Авдей! гдѣ ты тамъ?

—

V.

ТѢ ЖЕ, АВДЕЙ *(въ тулупѣ входитъ и оставляетъ дверь настежь).*

АВДЕЙ. Здѣсь, Лаврентій Семенычъ! раму что ли вставлять?

ВЫЖИГИНЪ. Да! вставь и замажь хорошенько, хоть правда, жилецъ этого и не стоитъ.

АВДЕЙ. Слушаю-съ. *(подходитъ къ окну и вынимаетъ раму.)*

ИВАНОВЪ. *(за ширмами про себя)* Вотъ чудеса! такъ управитель еще не совсѣмъ золъ на меня.

ЛЕВКА, *(про себя)* Эко диво! а я думалъ, что мы скоро помремъ съ холоду.

АВДЕЙ. Эхъ! да рама-то не той стороной и стоитъ-то. . . вотъ, этакъ надо. . . *(схватываетъ раму и быстро уноситъ изъ комнаты)* Прощайте!

ИВАНОВЪ, *(замѣчая за дворникомъ)* Какъ! что же это такое?

ЛЕВКА. Эй! куда жъ ты утащилъ раму-то?

ВЫЖИГИНЪ, *(запирая дверь)* Ха! ха! ха! да такъ вамъ и надо! коли васъ выжить нельзя, такъ васъ я хочу холодкомъ протурить. . . . Ха! ха! ха!

ИВАНОВЪ, *(въ бѣшенствѣ выходитъ изъ-за ширмъ)* А! это ужъ варварство!

ЛЕВКА. Ай! ай! караулъ!

ВЫЖИГИНЪ. Э! да вы дома, сударь!

ИВАНОВЪ. Какъ ты смѣешь такъ поступать съ благородными жильцами? а?

ВЫЖИГИНЪ. Пожалуйста, вы меня этакъ не спрашивайте! я ужъ самъ тертый калачь! не испугаюсь. . .

Я давно привыкъ къ угрозамъ,
Денегъ нѣтъ у васъ?
Такъ авось я васъ морозомъ
Выживу отъ насъ!

ИВАНОВЪ.

Но вѣдь это не поможетъ. . .

ВЫЖИГИНЪ.

Нѣтъ, свое возьметъ:
Если совѣсть не тревожитъ,
Холодъ проберетъ!
Чтобъ спастися отъ обмановъ,
Я теперь готовъ
Выводить, какъ таракановъ,
Всѣхъ дурныхъ жильцовъ!

ИВАНОВЪ.

Такъ хозяинъ не дождется
Денегъ получить!

ВЫЖИГИНЪ.

Денегъ нѣтъ, такъ вамъ придется
Жизнью заплатить!

ИВАНОВЪ.

Ты на все готовъ рѣшиться!
Знаю, знаю я!
Вотъ, прошу съ людьми ужиться!

ЛЕВКА.

Просто нѣтъ житья!

ИВАНОВЪ.

Это значитъ управитель!
Кто ты ада сынъ?
Кто ты? плутъ, злодѣй, грабитель?..

ВЫЖИГИНЪ, *(гордо).*

Здѣшній мѣщанинъ!

ИВАНОВЪ, *(постепенно одушевляясь)* Не правда! ты вѣрно не здѣшній, ты пришелъ сюда въ третій этажъ прямо изъ преисподней! но я тебѣ докажу, что я выше всѣхъ твоихъ дьявольскихъ замысловъ! Если другіе жильцы у васъ такъ глупы, что выѣзжаютъ по вашему глупому приказу, такъ я за то жилецъ не дуракъ! Квартира моя сдана другому? хорошо! ничего! но пока я не выѣду добровольно, вы меня не выживете! квартира эта холодна: ничего! я надѣну шубу и теплыя колоши; мы съ Лёвкой сыны Сѣвера! я люблю непогоды, обожаю ураганы! Вы думаете, что мы отъ холода заплачемъ? никогда! мы будемъ на зло вамъ смѣяться, пѣть и плясать! Левка! играй на контрбасѣ! затѣемъ балъ! поднимемъ весь домъ на ноги! разбудимъ сонныхъ и разтревожимъ больныхъ! Оглушимъ хозяина! весь домъ вверхъ дномъ! Валяй увертюру изъ Цампы!

ЛЕВКА *(крѣпко играетъ на контрбасѣ:)*

ВЫЖИГИНЪ. (*затыкая уши*) Батюшки! да съ такимъ жильцомъ хоть не живи на свѣтѣ! побѣгу опять жаловаться хозяину!

ИВАНОВЪ. Ха! ха! ха! что, мѣщанинъ изъ преисподней? поди, поди скажи своему... хозяину: что если я и выѣду изъ его дома, такъ выѣду такъ, что вы никогда не забудете Ивана Ивановича Иванова! Вонъ! дурацкая рожа! выродокъ сатаны! домовой! племянникъ дьявола! вонъ! Левка! уничтожь его контрбасомъ! (*садится къ столу*)

ВЫЖИГИНЪ. (*вынувъ ключь изъ дверей*) Хорошо! но я опять приду! Этимъ насъ не испугаете! (*Левка будто хочетъ поднять контрбасъ:*)

ВЫЖИГИНЪ (*струсивъ, быстро уходитъ.*)

—

VI.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ВЫЖИГИНА.

ИВАНОВЪ. Ха! ха! ха! браво, Левка! управитель побѣжденъ! Разбитый ханъ бѣжитъ.... теперь надо ждать хозяина... Неб-

лагодарные! требовать денегъ, выгонять изъ квартиры тогда, какъ у меня ни того, ни другаго нѣтъ въ запасѣ! Левка! запри дверь на ключь!

ЛЕВКА. (*у дверей*) Нельзя сударь! управитель унесъ ключь съ собою!

ИВАНОВЪ. Ха! ха! ха! Этакой плутъ! противъ воли заставляетъ насъ жить на распашку; нечего дѣлать — давай съ горя утолять голодъ! (*хочетъ начать ѣсть.*)

ЛЕВКА Давайте, давайте сударь. . . . (*Раздается снова звонокъ*)

ИВАНОВЪ (*вскакиваетъ и опять бѣжитъ за ширмы:*) Ай! опять! ну, весь нашъ обѣдъ простынетъ!

ЛЕВКА. Кто тамъ? (*посмотрѣвъ за дверь*) За долгомъ, кажись, пришли! никакъ охтенка. . . .

—

VII.

ТѢЖЕ, ОХТЕНКА (*съ кувшинами*).

ОХТЕНКА. Я, Левушка, я. . . за должкомъ къ твоему барину прибѣжала. . .

ЛЕВКА. Да его дома нѣтъ. . . .

ИВАНОВЪ, (*выбѣгая*) Что ты врешь, дуракъ! для такой хорошенькой я всегда дома! здравствуй, душенька, Марѳушенька! (*обнимаетъ ее*).

ОХТЕНКА. Полноте, эка привычка! не замайте. . . . Молочко мое прольете. . . отдайте-жъ, баринъ, должокъ-отъ. . . . вѣдь я прямо къ вамъ съ Охты.

ИВАНОВЪ, (*заигрывая съ нею*) Охъ-ты, плутовка! какія у тебя пухлыя щечки! какіе варварскіе глазенки! просто кровь съ молокомъ!

ОХТЕНКА. Не замайте! съ вами только грѣхъ! отдайте лучше мои деньжонки. . . .

ИВАНОВЪ (*также*). Да на что тебѣ деньжонки? ты сама дороже всякихъ денегъ! ты просто объяденье, а не молочница! я бы тебя озолотилъ, кабы у меня были деньги.

ОХТЕНКА. Экой вѣдь вы шематонъ, баринъ! пожалуйста, заплатите же. . . .

ИВАНОВЪ. Завтра, завтра заплачу, душенька. . . . Ну, что твои

коровушки? здоровы ли? много-ли даютъ сливокъ? много ли у тебя жениховъ.?

ОХТЕНКА. Да что вамъ до нихъ? вы должокъ-отъ отдайте лучше. . . .

ИВАНОВЪ. Хорошо, изволь! налей прежде бутылку сливочекъ.

ОХТЕНКА. Да сливки, баринъ, всѣ вышли. Коли хотите у меня снятаго молочка осталось.

ИВАНОВЪ. Хорошо, давай хоть молочка, я вѣдь страшный лакомка! (*цѣлуетъ ее. Охтенка наливаетъ въ кружку молока. Левка беретъ у нея*).

ОХТЕНКА. Да ужъ я васъ знаю! съ вами, баринъ, просто бѣда! Вы, хоша добрый, веселый баринъ, Иванъ Иванычъ, только больно тяжело деньги отдаете.

ИВАНОВЪ. Да ужъ тебѣ, такъ и быть, отдамъ, ты такъ занимательна Марѳушенька, что мнѣ холѣлось бы вѣчно быть у тебя въ долгу (*цѣлуетъ ее*) Браво! вотъ и сливочки я снялъ съ твоихъ щечекъ; теперь счастливъ въ полной мѣрѣ.

ОХТЕНКА. Вѣдь эвтакой вы грѣховодникъ! отъ васъ никакъ не увернешься. Ну, пожалуйте-же, расплатитесь кстати за все. . . .

ИВАНОВЪ. Хорошо, мой дружочекъ. . . (*шаритъ въ карманахъ*) Вотъ, видишь ли, деньги у меня завтра будутъ. Завтра я получу тысячь десять серебромъ.

ОХТЕНКА. Какъ! опять завтра? да вы сказали мнѣ, что сегодня. . . .

ИВАНОВЪ. Ну да, душечка, я и говорю сегодня, что отдамъ завтра. Понимаешь?

ОХТЕНКА. Понимаю! завтра вы опять меня обманете.

ИВАНОВЪ. О, Боже сохрани! я отъ роду никого еще не обманывалъ! ужъ кому долженъ, такъ долженъ, у меня долги святое дѣло! я даже нарочно всѣмъ должаю, чтобъ только имѣть удовольствіе расплачиваться! Завтра ты отъ меня получишь: за сливки, за молоко, за поцѣлуй, за всѣ одолженія! да еще подарю тебѣ на сережки, на платье, на бусы, на платокъ, и вотъ задатокъ! (*цѣлуетъ въ щеку.*)

ОХТЕНКА. Да полно вамъ! ну, какъ кто увидитъ изъ нашихъ. . . .

ЛЕВКА. Ну, эка важность!

ОХТЕНКА. Да! ты говори! ну такъ прощайте, я ужо опять забѣгу. . . .

Ужъ и такъ молва презлая
Намъ покою не даетъ,

Охта Малая, Большая
Насъ вертушками зоветъ;
Хоть смѣюсь я ихъ угрозѣ,
Но на Охтѣ всѣ кричатъ:
Будто къ намъ на перевозѣ
Подъѣзжаетъ всякій хватъ;
Будто охтянки-красотки
Любятъ всѣ пощеголять,
И на дачѣ Безбородки
Въ воскресенье погулять. *(уходитъ.)*

—

VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ ОХТЯНКИ.

ИВАНОВЪ. Ну, Лёвка, коли запереться нельзя, такъ лучше я поѣмъ поскорѣе и уйду отъ кредиторовъ.

ЛЕВКА. Да ужъ и меня не забудьте. . . неужто вы отъ такаго обѣда ничего мнѣ не оставите? . .

ИВАНОВЪ. Незнаю братъ. . . Я самъ теперь въ такомъ расположеніи, что ничего не обѣщаю. . . ужъ ты лучше потерпи. . . (*беретъ въ ротъ кусокъ. Опять звонятъ*).

ЛЕВКА. (*прячетъ молоко, которое собрался пѣсть*) Экая напасть сегодня! (*смотритъ въ дверь*)

ИВАНОВЪ. Да, я чувствую, что нынче намъ предстоитъ бурный день. Кто еще? Спрятаться, или нѣтъ? быть или не быть дома?

ЛЕВКА, (*посмотрѣвъ*) Какой-то господинъ. . . совсѣмъ незнакомый. . . не тотъ ли! кому наша фатера сдается?

ИВАНОВЪ. А! такъ не прячусь. . . при незнакомомъ мы покажемъ себя совсѣмъ въ другомъ видѣ, поддержимъ репутацію, пустимъ пыль въ глаза. Управитель съ нимъ?

ЛЁВКА. Идетъ за нимъ по лѣстницѣ.

ИВАНОВЪ. Хорошо же! они, какъ видно, ведутъ ужъ со мной дѣло по военному, пошли на приступъ. . . постой же, проглочу еще кусочекъ, чтобъ придать силы воображенію! о, мой геній! одушеви, поддержи и спаси упадающую честь моего дома! (*снова легкій звонокъ:*)

ЛЕВКА. Да не заперто! что раззвонились.?

ИВАНОВЪ (*тихо Левкѣ.*) Лёвка, смотри въ оба: потакай мнѣ во всемъ! не осрами!

ЛЕВКА. Да ужъ не въ первый разъ. Эту музыку-то я понялъ.

—

IX.

ТѢЖЕ, ИВАНОВЪ, ВЫЖИГИНЪ И НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОСПОДИНЪ (*довольно важной наружности, въ пальто и съ палкою въ рукѣ.*)

выжигинъ. Пожалуйте, ваше высокородіе... дверь здѣсь, я знаю, не заперта, напрасно трудились звонить...

неизвѣстный. А! я не зналъ этого... (*увидя Иванова, кланяется!*) Извините, государь мой, если мы васъ обезпокоили...

выжигинъ. Ничего-съ. Вотъ это та самая квартира, за которую вы изволили дать задатокъ.

ивановъ, (*важно*) Позвольте... что вамъ угодно, сударь? что это значитъ?

неизвѣстный. Да вотъ онъ привелъ меня посмотрѣть вашу квартиру... я далъ ужъ и задатокъ...

ивановъ, (*съ важностію.*) Послушай, ты, управляющій! какъ же ты смѣлъ, братецъ, привести ихъ сюда, не спросивши моего позволенія? что это за наглое невѣжество? у меня еще не убрано ничего, все разбросано, все въ безпорядкѣ...

неизвѣстный (*управляющему.*) Да... точно... какъ же это ты, братецъ, ведешь? (*Иванову*) Въ самомъ дѣлѣ, у васъ, это видно, что все, какъ будто, того... извините.

выжигинъ. Ничего, только такъ говорятъ, для важности...

ивановъ. Послушай ты, болванъ! твои дерзости наконецъ выходятъ изъ границъ! Видно, что ты необтесанный уродъ, который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ должно обращаться съ благородными людьми. А вотъ всякій порядочный человѣкъ сейчасъ видитъ и знаетъ, что въ такомъ случаѣ...

неизвѣстный, (*также*) Въ самомъ дѣлѣ, братецъ, какъ же ты это? я бы и самъ не позволилъ войти къ себѣ безъ позволенія... (*Иванову*). Извините, я право невольно сдѣлалъ такое невѣжество...

ивановъ. Помилуйте, я васъ и не виню. Судя по вашему лицу и пріемамъ, сейчасъ видно, что вы прекрасный, умный человѣкъ, вполнѣ понимающій необходимыя приличія...

неизвѣстный. Покорно васъ благодарю. Вы тоже, сколько я могу понять, человѣкъ прекрасный и какъ-то съ перваго раза умѣете внушить къ себѣ должное уваженіе...

ивановъ. Благодарю... А эти ослы думаютъ, что если имъ жилецъ хоть бездѣлицу задолжалъ за квартиру, такъ ужъ

они и въ правѣ забыть къ нему всякое уваженіе! Конечно я обѣщалъ имъ выѣхать изъ этой квартиры, потому что она мнѣ мала и неудобна, но все таки не позволю же я обходиться съ собою такъ. . . .

выжигинъ. Что вы это такое говорите, сударь! Да съ васъ два раза брали подписку о немедленномъ выѣздѣ, стало быть хозяинъ имѣетъ право понуждать васъ. . . .

ивановъ (*дѣлаясь смѣлѣе*). Хозяинъ твой такой же невѣжда, какъ и ты! Не выѣду же я чортъ знаетъ куда, безъ разбору! въ Петербургѣ квартиръ много, а порядочной, по вкусу, не скоро найдешь! (*Неизвѣстному*) Вы не повѣрите, какъ нынче многіе домовладѣльцы обманываютъ жильцовъ квартирами! Придешь этакъ посмотрѣть: все чисто, выкрашено, замазано, забѣлено, все хорошо,—а только переѣхалъ, такъ я вамъ скажу, просто житья нѣтъ! въ окна вездѣ дуетъ, печи дымятъ, холодъ страшный, сырость по всѣмъ угламъ, просто наказаніе! просишь починить, поправить, ни за что! ну, по неволѣ выйдешь изъ терпѣнія и иногда нарочно не заплатишь мѣсяца за два. . . .

неизвѣстный. Да, да, это случается. . . .

выжигинъ. Но вы должны намъ за цѣлый годъ.

ивановъ. Неправда! вы на меня насчитываете. (*Незнакомцу.*) Я, знаете, самъ давно сбираюсь купить домъ, чтобъ, знаете, не переѣзжать съ квартиры на квартиру, но боюсь, обмануть, непремѣнно обмануть.

неизвѣстный. Да, да, ваша правда . . . я вамъ даже и не совѣтую покупать; пожалуй, даромъ бросите деньги.

ивановъ. Покорно васъ благодарю за совѣтъ: такъ ни за что не куплю! имѣвши свой домъ, вѣдь надо самому во все входить, а я занятъ ужасно, вѣрить же управляющему нельзя! потому-что они, по большей части, разбойники, воруютъ ужасно.

неизвѣстный. Да, да, конечно, бываютъ такіе домашніе разбойники, что просто и не поймаешь. . .

ивановъ. Да и невозможно поймать! вотъ вамъ хоть этотъ молодецъ! вообразите, что онъ сдѣлалъ со мною: я жилъ лѣто все на дачѣ въ Павловскѣ, квартиру оставлялъ на его попеченіе, ничего большаго не взялъ съ собою, и что же? пріѣзжаю . . . у меня здѣсь все пусто, вся мебель отъ Гамса, маслянныя, въ золотыхъ рамахъ, картины, старинное наслѣдственное серебро, зимній гардеробъ—все, все украли! и онъ разбойникъ говоритъ теперь—что у меня ничего этого не было! просто ужасъ, что за люди!

неизвѣстный. Неужли? все украли! тсъ! какъ же тебѣ братецъ, это не стыдно! Какъ же это ты...

ВЫЖИГИНЪ. Помилуйте! Это что еще за новости? Что вы это за небылицу взводите?

ИВАНОВЪ. Вотъ, слышите! отпирается, да и только! и вѣдь къ моему несчастію ничѣмъ его уличить нельзя, а вотъ и человѣкъ мой скажетъ... Левка говори.

ЛЕВКА. Да что серебро! у меня послѣдніе сапоги унесли!

ВЫЖИГИНЪ. Ахъ, ты пропасть какая! откуда у нихъ все это берется?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*жметъ руку*) Жаль мнѣ васъ, душевно жаль; вы, какъ видно, прекрасный, благородный человѣкъ, разсказываете о такой важной потерѣ и съ такимъ равнодушіемъ.. Позвольте узнать, гдѣ вы воспитывались? Мнѣ бы весьма было пріятно познакомить съ вами моего племянника, для котораго я нанимаю эту квартиру...

ИВАНОВЪ. Очень радъ....

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Вы-бы, я надѣюсь, какъ человѣкъ солидный и опытный, остерегли его, внушили бы ему всѣ прекрасныя качества вашего характера...

ИВАНОВЪ. Извольте, я съ большимъ удовольствіемъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, (*съ чувствомъ*) Сдѣлайте милость! я же самъ уѣзжаю въ деревню... А между прочимъ, позвольте взглянуть на квартиру (*осматривая*). Скажите, пожалуйста, что тепла она?

ИВАНОВЪ. Нѣтъ-съ, ужъ не стану васъ обманывать, порядочно холодновата... не правда ли, Левка?

ЛЕВКА. Страшно холодна. Зубъ на зубъ не попадаетъ!

ВЫЖИГИНЪ. Не вѣрьте, сударь, они почти не топили никогда.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Да ужъ ты, братецъ, молчи: я скорѣй повѣрю откровенному жильцу, нежели тебѣ; особливо, какъ они про тебя поразсказали... (*Иванову*) Такъ вы говорите, что холодновата?

ИВАНОВЪ. Ужасно! да и нельзя натопить.... вотъ вамъ доказательство (*стучитъ по стѣнѣ*): внутри пустыя стѣны.. набиты щебнемъ... домъ строенъ, какъ многіе у насъ, на продажу, самымъ плутовскимъ образомъ, я даже думаю, что онъ скоро совсѣмъ обвалится... (*оба стучатъ по стѣнамъ, Левка также беретъ колодку и стучитъ, отбивая штукатурку*) Слышите? слышите?

ЛЕВКА. Да еще задавитъ кого нибудь! (*ударивъ крѣпко*) Вонъ оно!.. ничего недержится!

ВЫЖИГИНЪ. Да чтожъ вы это дѣлаете? (*Левкѣ*) Ты вѣдь, дуракъ, щекотурку отбиваешь!

неизвѣстный. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, домъ не надеженъ. . . долго ли до несчастія? . . По крайней мѣрѣ, скажите, суха ли эта квартира?

ивановъ. Помилуйте! Сырость непомѣрная! всѣ жильцы жалуются, никто жить не хочетъ.

Хоть домъ и новый, но прегадкой,
Какъ управляющій его;
Стоитъ на почвѣ самой шаткой,
Всѣ выѣзжаютъ изъ него;
Всѣ ищутъ вѣрнаго жилища,
Но я увѣрился въ одномъ:
Что нѣтъ надежнѣе кладбища
Какъ въ Петербургѣ новый домъ.

неизвѣстный. Да, да. . . а все проклятыя спекуляціи. . .

выжигинъ. Да не вѣрьте, сударь, у насъ весь домъ занятъ. . .

неизвѣстный, (*не слушая*) Э, да что же это? и плинтусы всѣ оторваны? для чего же это?

выжигинъ. Ай, ай! и въ правду, я еще этого и самъ не замѣтилъ. . .

ивановъ. Видите? хочетъ доказать, что будто плинтусы тутъ были, чтобъ обвинить только жильца. О, безсовѣстный! настоящій Выжигинъ!

выжигинъ. Понимаю! но ужъ это только такой жилецъ, какъ вы, можетъ сдѣлатъ. Плинтусы вездѣ были, право, но вашъ Левка вѣрно ихъ ободралъ, чтобъ даромъ истопить ими печку.

неизвѣстный. Ну, ужъ братъ, это что-то невѣроятно...

ивановъ. Не правда ли? вѣдь именно, смысла нѣтъ, чтобъ благородный жилецъ, какъ я, дошелъ до того, что началъ вмѣсто дровъ топить печи плинтусами. Ахъ! когда меня судьба вынесетъ изъ этой гнусной квартиры! когда я избавлюсь отъ этой скаредной физіономіи? (*неизвѣстному*) Не совѣтую вамъ брать этой негодной квартиры, надо вамъ сказать еще, что наверху живетъ здѣсь всякій сбродъ, сквозь потолокъ протекаетъ вода, вѣчный шумъ, грохотъ, стукотня, минуты нѣтъ покоя!

неизвѣстный. А! неужели? (*управителю*) Какъ же это ты, братецъ? я вамъ на слово повѣрилъ, вы взяли задатокъ, а къ вамъ просто страшно и переѣхать.

выжигинъ. Ахъ, ты Создатель мой! да невѣрьте сударь! Это отъ нихъ никому здѣсь нѣтъ покоя! (*показывая на Левку*) Вотъ этотъ олухъ весь домъ бударажитъ. То зудитъ на контрабасѣ,

то трубитъ на какой то звонкой дудкѣ, такъ страшно, что недавно у одной тутъ жилицы, почтенной барыни, отъ испуга сдѣлался родимчикъ! а одинъ господинъ шелъ разъ задумавшись мимо по колидору, и такъ испугался, какъ этотъ чортъ рявкнулъ на трубѣ, что баринъ покатился съ лѣсницы, вывихнулъ ногу, ссадилъ лобъ, и отъ испуга на недѣлю языкъ отнялся! Это вамъ всѣ скажутъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Ха! ха! ха! вотъ ужъ быть не можетъ!

ИВАНОВЪ. Ха! ха! ха! Это я вамъ скажу, вотъ какъ было: онъ лжетъ на какого то господина,—не правда! это онъ былъ самъ! онъ сбиралъ деньги съ жильцовъ и былъ крѣпко выпивши: онъ пьетъ запоемъ, иногда прокутитъ все, что отъ жильцовъ получитъ! а теперь вздумалъ обвинять моего человѣка.

ВЫЖИГИНЪ. Ахъ, ты батюшки! это не жилецъ, а какая то кара на весь нашъ домъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ. (*управителю*) Э! такъ вотъ ты каковъ! какъ же это ты, братецъ? пусть ужъ лучше мой задатокъ пропадаетъ, а моему племяннику здѣсь не жить! прощай! у меня же есть на примѣтѣ другая квартира. . . (*Иванову*) Очень вамъ благодаренъ за ваше дружеское расположеніе! Милости просимъ ко мнѣ. . . я стою въ Лондонѣ, въ 7мъ нумерѣ. . . пожалуйста, будьте другомъ моего пленянника! вы прекрасный человѣкъ! онъ отъ васъ можетъ, какъ я вижу, много перенять добраго.

ИВАНОВЪ. Помилуйте! готовъ служить душой и тѣломъ: я ужъ пожилъ на свѣтѣ и могу быть руководителемъ молодому человѣку. . . особливо, если вы дадите ему опредѣленное содержаніе. . .

НЕИЗВѢСТНЫЙ. О, на содержаніе я не пожалѣю ничего, лишь бы по пустякамъ не транжирилъ, да не должалъ всѣмъ. . .

ИВАНОВЪ. О, на этотъ счетъ, ужъ я если возьмусь смотрѣть, такъ будьте покойны. . . я не могу копѣйки задолжать, акуратенъ, какъ нѣмецъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Вотъ это безподобно! и такъ до пріятнаго свиданія. . . (*уходитъ*)

ИВАНОВЪ. Сегодня же явлюсь...Левка! отопри дверь! а ты, грубіянъ, пошелъ вонъ!

(*отходитъ на авансцену и хохочетъ*).

ВЫЖИГИНЪ. Гмъ! отбилъ таки жильца! пойду опять жаловаться хозяину! (*беретъ около печки обѣ вьюшки:*)

ЛЕВКА. Что? что взялъ? а? (*оба хохочутъ:*)

ВЫЖИГИНЪ. (*въ дверяхъ*) А вотъ что! нѣтъ же вамъ и вьюшекъ отъ печки! умирайте съ холоду! (*уходитъ*)

—

X.

ТѢЖЕ, кромѣ НЕИЗВѢСТНАГО И ВЫЖИГИНА.

ЛЕВКА. Ай! ай! баринъ! а я только что, съ грѣхомъ пополамъ, истопилъ печку! теперь нечѣмъ намъ и трубы закрыть! а ужъ морозъ на дворѣ...

ИВАНОВЪ. (*шагая по комнатѣ весело*). Ничего, ничего Левка ... мы съ тобой сыны Сѣвера! не должны унывать отъ бурь и непогоды ... учись только скорѣй на контрбасѣ, и тогда я тебя помѣщу въ теплое мѣстечо...

ЛЕВКА. Помилуйте! да у меня безъ ученья руки окостенѣли! теперь намъ одно спасенье отъ холода: руки въ брюки, а носъ въ карманъ...

ИВАНОВЪ. (*потирая руки*) Ничего, ничего, Левка! крѣпись. Если Провидѣніе опредѣлило намъ жить, такъ тебя и злой морозъ не уничтожитъ! погоди..... Я, вотъ еще пріобрѣлъ новое выгодное знакомство ... О, мы еще поживемъ! сверхъ того, авось здѣшній хозяинъ утомится насъ преслѣдовать? я знаю, Казимиръ Андреичъ Глуховъ человѣкъ старый, больной, ужъ близокъ къ смерти, а говорятъ, что-самые скаредные люди иногда передъ смертію раздобриваются. Надѣйся, Левка!

ЛЕВКА. Да не могу: холодно.

ИВАНОВЪ.

Въ нашемъ несчастьи опасно сомнѣніе!
Будемъ же вѣрить-и ждать...
Будемъ испытывать наше терпѣніе,
Будемъ обѣдъ доѣдать!
Въ жалобахъ время напрасно лишь губиться,
Жизнь-безъ того коротка;
Помни-же Лёвка братъ: стерпиться-слюбиться, *(давая ему пустую тарелку).*

На, замори червяка!

ЛЕВКА. Ахъ, вы баринъ! да ужъ и вы не передъ смертью ли такъ раздобрились.

ИВАНОВЪ. (*продолжая пѣть*) Нѣтъ, Левка, это я тебя благодарю за сегоднишній обѣдъ ... О! я всегда умѣю быть благодарнымъ, особливо, кто меня хорошо угощаетъ. А каково мы отдѣлали управителя-то? а? вѣрно онъ побѣжалъ все расказывать хозяину ха! ха! ха!

ЛЕВКА. А каково, сударь, насъ отдѣлаютъ, если онъ приведетъ сюда хозяина-то?

ИВАНОВЪ. Ничего! ужъ мы теперь въ такомъ отчаянномъ положеніи, что намъ остается съ горя только смѣяться! Знаешь ли, что я еще хочу сдѣлать съ хозяиномъ? авось онъ перестанетъ насъ преслѣдовать!

ЛЕВКА. А что такое?

ИВАНОВЪ. Я знаю, что онъ давно сбирается жениться на какой то молоденькой вдовушкѣ, которая живетъ на одной съ нимъ лѣстницѣ. Я прикинусь въ нее влюбленнымъ, сдѣлаюсь отчаяннымъ соперникомъ старичишки хозяина, заведу исторію, онъ начнетъ бѣситься, ревновать, и я ему не уступлю вдовушку до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ мнѣ въ долгъ рублей 200!

ЛЕВКА, Вотъ-тебѣ на! да мы и безъ того за годъ должны ему.

ИВАНОВЪ. Да это ужъ онъ пусть тамъ самъ-собой, какъ хочетъ, предаетъ забвенію, или вычтетъ съ плута управителя... Да! да! кончено! въ крайности человѣкъ долженъ за все хвататься! предпринимать, изобрѣтать, выдумать; особливо, когда зима на дворѣ, дровъ нѣтъ, ѣсть нечего и рамы не вставлены! О! тутъ есть достаточныя причины дѣйствовать отчаянно! бывали примѣры, что иногда, самая дерзкая мысль спасала человѣчество!

Въ нашъ затѣйливый вѣкъ,
Холостой человѣкъ
И не то иногда затѣваетъ!
Пьетъ, играетъ, кутитъ,
Деньги страшно соритъ
И наслѣдство отцовъ проживаетъ!

*

Я жъ, совсѣмъ не кучу,
А лишъ только хочу,
Чтобъ поправиться средства мнѣ дали,
Чтобъ до будущихъ благъ,
Какъ поможетъ Аллахъ,
Изъ квартиры насильно не гнали.

*

Я кой-какъ извернусь,
А вѣрнѣе, женюсь...
Не на бѣдной, красивой вертушкѣ,
Нѣтъ, ужъ я отыскалъ
Пребольшой капиталъ
У одной допотопной старушки.

(*Сильный звонокъ у дверей:*)

ИВАНОВЪ. (*Бѣжитъ за ширмы*) Ай! какъ этотъ проклятый звонокъ сильно дѣйствуетъ на мои нервы! и не хочешь, а спрячешься. (*вполголоса*) Кто тамъ, Левка?

ЛЕВКА (*посмотрѣвъ*) Ну, баринъ! какъ нарочно всѣ наши должники нагрянули!

ИВАНОВЪ. [*тихо*] Ого! сегодня тяжелый, бурный день! а я только хотѣлъ идти соперничать съ хозяиномъ! меня дома нѣтъ! отдѣлайся отъ нихъ, какъ самъ знаешь, а я пока приготовлю письмо къ кузинѣ и обдумаю, какъ лучше аттаковать хозяйскую невѣсту.

ЛЕВКА. Да скоро тутъ отдѣлаешься! (*смотря въ щелку двери:*) Вонъ ихъ какая компанія. . . . булочникъ, прачка, лавочникъ, портной, сапожникъ, водовозъ! всякаго калиберу есть. . . по всѣмъ частямъ задолжали! [*громко и грубо кричитъ:*] Эй! вы, вражьи дѣти! кто тамъ меня безпокоитъ? (*беретъ контрбасъ*) не дадутъ и поучиться порядочно. (*играетъ польку:*) Не смѣйте входить! бѣда будетъ.

—

XI.

Въ окна комнаты поочередно выглядываютъ: **БУЛОЧНИКЪ, ПРАЧКА, ЛАВОЧНИКЪ, МАЛЬЧИКЪ ОТЪ ПОРТНАГО, САПОЖНИКЪ И ВОДОВОЗЪ.**

БУЛОЧНИКЪ. [*съ бородой, выглядывая въ окно изъ корридора:*] Что, Левонтій? дома Иванъ Иванычъ?

ЛЕВКА, (*продолжая играть.*) Нѣтъ.

ЛАВОЧНИКЪ, [*также*] А что, разбогатѣли вы деньгами? получу я по книжкѣ?

ЛЕВКА [*при каждомъ отвѣтѣ сильно дергаетъ смычкомъ:*] Нѣтъ.

САПОЖНИКЪ. Что жъ баринъ-то твой? одастъ сегодня за сапоги-то, что ли?

ЛЕВКА. Нѣтъ.

ПРАЧКА, [*кланяясь въ окнѣ.*] Левушка, полно зудить-то! баринъ-отъ твой вотъ ужъ третій мѣсяцъ водитъ меня. Вчерась сказалъ, что отдастъ мнѣ за стирку безпремѣнно.

Левка. Нѣтъ.

Мальчикъ отъ портнаго, (*показывая счетъ*) Да ты полно, не некай! не отыгрывайся! меня хозяинъ послалъ. . . . . пожалуйте деньги– съ. . .

Левка. Нѣтъ.

Водовозъ (*грубо изъ другаго окна:*) Да брось ты чортову балалайку! Левка, не–ужто я даромъ таскалъ вамъ два мѣсяца воду–то? пожалуйста, отдай. . .

Левка. Нѣтъ.

Всѣ (*вмѣстѣ*) Эка напасть какая! да гдѣ жъ твой баринъ–то?

Левка (*про себя*) Куда бы мнѣ ихъ спровадить? Э! да баринъ мой самъ ищетъ случая напасть на хозяина, завести съ нимъ исторію. . . . такъ постой же, заварю я кашу! (*громко:*) Баринъ мой теперь пошелъ расчитываться съ хозяиномъ за квартиру.

Всѣ: (*съ радостью*) Не–ужто? къ хозяину? такъ у него стало есть деньги?

Левка. Эхъ вы, дурачье! понимаете-ли, онъ уходя сказалъ, что ему, видишь, надо получить еще съ хозяина рублевъ двѣсти.

Всѣ. Эхъ, братцы! такъ мы его тамъ поймаемъ! пойдемъ всѣ къ хозяину! авось! Спасибо, что надоумилъ. . .

Левка. Не за что.

ХОРЪ.

Какъ съ ножомъ къ нему пристанемъ!
А не дастъ, такъ должника
Къ надзирателю потянемъ.
Благо часть не далека!

(*Всѣ уходятъ*)

—

XII.

ИВАНОВЪ и ЛЕВКА.

Ивановъ, (*выходя изъ за ширмъ, хохочетъ до упаду*) Ха! ха! ха! Левка, разбойникъ! что ты это надѣлалъ? ха! ха! ха!

Левка (*оставляя контрабасъ*) Да вы сами сказали: отдѣлайся, какъ знаешь. Ну, я и отдѣлался.

Ивановъ. Ха! Ха! ха! я воображаю, какъ они всѣ начнутъ теперь осаждать хозяина! ха! ха! ха! У Казаміра Андреича пресмѣшно вытянется физіономія: дорого бы далъ я посмотрѣть на эту сцену! ха! ха! ха! впрочемъ, что жъ? если онъ разсердится и придетъ ко мнѣ для объясненій, я оправдаюсь, скажу прямо: что я это сдѣлалъ въ горя, съ отчаянія, съ холоду! и наконецъ отъ любви! да, зачѣмъ хозяинъ отбиваетъ у меня вдовушку, въ которую я влюбленъ до безумія? Э! ужъ коли лгать на себя, такъ надо смѣло. Левка, давай одѣваться... бррръ! воображеніе мое разыгралось такъ, что я сейчасъ иду волочиться за хозяйской невѣстой (*одѣваясь скоро, говоритъ съ одушевленіемъ*) Трепещи Казиміръ Андреичъ! Комедія переходитъ въ отчаянную, раздирательную драму!-Левка, скорѣй! (*разхаживаетъ трагически по комнатѣ*)

Левка. Ахъ, батюшки! видно это васъ съ холоду такъ пробираетъ. . .

Ивановъ. Да, да! безъ вьюшекъ и зимней рамы по неволѣ взбѣсишься! пусть трепещутъ теперь всѣ вдовушки и хозяева домовъ! (*Декламируя*)

«Досель я агнцемъ былъ, отнынѣ изъ вертепа
«Выходитъ тигръ на пагубу враговъ!

(*Сильный звонокъ*)

Ивановъ (*бѣжитъ за ширмы*) Ай! этотъ гнусный звонокъ когда нибудь уходитъ меня; онъ уничтожаетъ всю силу моего характера. . .

—

XIII.

ТѢЖЕ и **ГОРНИЧНАЯ** (*отъ сосѣда*)

Горничная (*высовываясь въ двери*) Извините, господа! не здѣсь-ли живетъ г. Ивановъ?

Левка. А на что тебѣ голубушка?

Горничная (*громко въ дверяхъ*) Ахъ, оченно надо узнать. Мы, видите, вчерась сюда переѣхали, видите-съ, баринъ мой тоже по фамиліи Ивановъ, и велѣлъ кухмистершѣ прислать ему сегодня пораньше обѣдъ; хорошо-съ, ждалъ-ждалъ, и проголодал-

ся ужасти какъ! послалъ меня самое къ кухмистершѣ, а та божится-клянется, что обѣдъ давно послала къ г. Иванову, но только мы не получали! да вотъ теперь бѣгаемъ ищемъ обѣда. Баринъ мой съ голодухи ужасти какъ грызетъ меня. Не къ вамъ ли ошибкой занесли нашъ обѣдъ?

Левка. Нѣтъ, голубушка, у насъ всегда свой поваръ готовитъ. Вѣрно управляющій съѣлъ вашъ обѣдъ, онъ любитъ чужое.

Горничная. Неужли? ахъ, онъ безсовѣстный!

Левка. Да! да! и еще какой. . . . съѣстъ чужое, да потомъ и отпирается.

Горничная. Неужли? такъ пойду скажу своему барину, онъ у меня такой скупой, что за свой кусокъ съѣстъ самаго управляющаго! прощайте. . . (*уходитъ*)

—

XIV.

ТѢЖЕ, кромѣ **ГОРНИЧНОЙ.**

Ивановъ (*апплодируя*) Ха! ха! ха! браво, Левка! Люблю! ты далеко пойдешь: врешь и не краснѣешь! при большихъ несчастіяхъ, это иногда спасаетъ. . .

Левка. Да живучи съ вами, всему научишься.

Ивановъ. Молодецъ! Молодецъ! если ужъ насъ и выживутъ отсюда, такъ этотъ домъ передастъ наши имена въ потомство. Прощай я бѣгу теперь знакомиться съ хозяйской невѣстой. . .

—

XV.

ТѢЖЕ и **ВЫЖИГИНЪ** (*въ попыхахъ*).

Выжигинъ. Г. Ивановъ! помилуйте! что вы это за ватагу пригнали къ хозяину? Онъ человѣкъ такой деликатный, такой слабый здоровьемъ, что ваши должники чуть его съ ногъ не сбили! Помилуйте! ужъ это злодѣйство!

Ивановъ. А! я этого то и хочу! зачѣмъ онъ самъ, злодѣй, меня притѣсняетъ? Зачѣмъ онъ отбиваетъ мою невѣсту, въ которую я влюбленъ до бѣшенства?

Выжигинъ. Что? что? Это еще что за новости! Вы и тутъ еще хотите вмѣшаться?

Ивановъ. Да! да! я человѣкъ отчаянный! я могу не платить за квартиру, но не могу видѣть, когда старый и хворый старичишка отнимаетъ мое счастіе!

Выжигинъ (*про себя*) Экаго жильца нажили! Хорошо, что хозяинъ распорядился заранѣе, какъ отъ него избавиться.

Ивановъ, (*надѣвая шляпу*) Сейчасъ же иду разстроить въ конецъ свадьбу и здоровье твоего хозяина. . .

Выжигинъ. Нѣтъ, ужъ увольте . . . . вотъ онъ самъ къ вамъ идетъ для окончательной раздѣлки. . . .

Ивановъ. А! милости просимъ! я сегодня ужъ рѣшился всѣхъ принимать у себя, даже и домоваго хозяина.

—

XV.

Тѣже и Глуховъ, (*сѣдой, блѣдный старикъ, одѣтый очень чисто, въ фуражкѣ, съ палкою въ рукѣ*).

Глуховъ. (*съ язвительной улыбкой*) А! г. Ивановъ! наконецъ и я являюсь къ вамъ съ визитомъ . . . вы не ожидали? а?

Ивановъ. (*очень вѣжливо*) Нѣтъ . . . но, впрочемъ, я весьма радъ вашему посѣщенію . . . . Левка! подай крѣпкій стулъ Казиміру Андреичу. (*Глуховъ садится*) Какъ ваше драгоцѣнное здоровье?

Глуховъ. Гмъ! не совсѣмъ то хорошо. . . .

Ивановъ. А! это худо! вы вѣроятно все хлопочите. Мало бережете себя? Въ нашемъ климатѣ это опасно. . . .

Глуховъ. Да . . . сверхъ того, и вы также не бережете меня, заставляете къ себѣ ходить. . .

Ивановъ. Помилуйте, я нисколько не хотѣлъ васъ безпокоить . . . я васъ такъ уважаю . . . Ну, какъ вы проводите время, Казиміръ Андреичъ? Весело ли? ужъ вѣроятно, какъ человѣкъ богатый — наслаждаетесь жизнію вполнѣ! Да и грѣшно бы было жить худо при вашихъ средствахъ . . . а вѣдь знаете, у насъ есть люди, которые, какъ ни богаты, а живутъ всегда прескверно! Никого не принимаютъ, дрожатъ надъ каждой копѣйкой, лишаютъ себя даже необходимаго, и все только копятъ деньги... а тамъ, глядишь, и протянули ноги! Ей-богу! т. е. просто. . .

Глуховъ. Гмъ! Позвольте . . . чтожъ вы мнѣ разсказываете? Конечно, я бы тоже могъ жить очень пріятно и счастливо . . . но иногда жизнь наша, и при деньгахъ и при домѣ, бываетъ невыносимо тяжела! особливо, какъ попадется гадкій жилецъ, неугомонный, не платящій за квартиру . . . о! это адское наказаніе въ жизни!

Ивановъ (*нисколько не конфузясь*) Да-съ, это бываетъ . . но, послушайте, я вамъ скажу, что опять вѣдь нельзя же прожить безъ непріятностей . . . мы всѣ рождены на то, чтобъ попеременно испытать и частичку блаженства, и часъ-другой житейскаго горя. Вы согласитесь, что мы съ вами, не такіе же праведники, Казиміръ Андреичъ, чтобъ имѣть притязаніе на безконечное блаженство? (*Глуховъ хочетъ говорить, но Ивановъ перебиваетъ*). Знаю, знаю, что вы хотите сказать . . . но я съ этимъ не согласенъ.

Добро и зло необходимы міру;
У васъ—есть домъ, другой и такъ живетъ,
Одинъ, положимъ, платитъ за квартиру,
Другой, глядишь, ни гроша не даетъ;
Одинъ—къ жильцамъ хорошъ домовладѣлецъ,

(*смотря на Глухова*)

Другой—готовъ обидѣть, какъ злодѣй!
Одинъ—все дастъ, не споритъ изъ бездѣлицъ,
Другой—радъ взять и выюшки отъ печей!
Добро и зло—нашъ другъ и нашъ мучитель,
И какъ жильцы въ домахъ поразберутъ:
Въ одномъ дому—пречестный управитель,

(*показывая на Выжигина*).

Въ другомъ, глядишь: разбойникъ, воръ и плутъ!

Глуховъ, (*перебивая его съ нетерпѣніемъ*).

Или: жилецъ одинъ—живетъ претихо
И аккуратно платитъ. . .

Ивановъ, (*перебивая его*).

Да, да, да. . .
Другой—живетъ и весело, и лихо. . .

Глуховъ (*также*)

Живетъ другой—безъ денегъ, безъ стыда!

ИВАНОВЪ.

Да, да, мы всѣ безъ денегъ въ этомъ мірѣ,
Въ долгахъ за тѣмъ и дѣти, и отцы,
Что на землѣ—какъ въ временной квартирѣ
И вы, и я, не вѣчные жильцы!

ГЛУХОВЪ (*въ нетерпѣніи*) Позвольте же мнѣ хоть слово вымолвить. . .

ИВАНОВЪ. Извольте, извольте. . .

ГЛУХОВЪ (*ударяя на слова*) И такъ, позвольте же . . . жизнь наша, т. е. тогда только пріятна и весела, когда выгонишъ изъ дому неугомоннаго жильца, отъ котораго нѣтъ пользы хозяину и покоя сосѣдямъ, понимаете?

ИВАНОВЪ (*вѣтренно*) Понимаю, но не совсѣмъ . . . потому-что я не былъ домовладѣльцомъ, не испыталъ этого удовольствія. .

ГЛУХОВЪ. О, сударь, а я такъ буду благословлять судьбу, если успѣю выжить отъ себя такого злодѣя. Тогда и сердцу легче, и въ домѣ чище, и жизнь пріятнѣе . . . Скоро вы отъ меня выберетесь?

ИВАНОВЪ. Я? а право еще незнаю. Все жду денегъ отъ матушки изъ деревни, но не шлетъ, вѣрно у нея тамъ опять саранча, или кортофельная болѣзнь появилась . . . не знаю что, только денегъ нѣтъ. . .

ГЛУХОВЪ. Но однакожъ, вы дали подписку выѣхать. Неужли я опять долженъ обратиться къ правительству?

ИВАНОВЪ. Нѣтъ! я вамъ не совѣтую напрасно безпокоиться. Я недавно самъ откровенно имѣлъ честь относиться къ кому слѣдуетъ: что я все заплачу, далъ подписку, за меня поручились, потомъ я объявилъ: что надо же мнѣ жить на квартирѣ, а не на улицѣ,– а какъ я вамъ долженъ за годъ, то во избѣжаніе новыхъ жалобъ, я и рѣшился лучше остаться у васъ. Объ этомъ думали, разсуждали и наконецъ рѣшили. чѣмъ мнѣ переѣзжать изъ дома въ домъ, заводить исторіи со многими, такъ ужъ лучше имѣть дѣло съ одними вами. Это ужъ рѣшено.

ГЛУХОВЪ. Помилуйте! да за чтожъ я одинъ буду страдать?

ИВАНОВЪ. Ахъ, какіе вы! да все же лучше вамъ страдать однимъ, нежели многимъ. И будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы согласился охотно держать васъ, и страдать, чтобъ показать примѣръ всѣмъ скупымъ хозяевамъ.

ГЛУХОВЪ. Да помилуйте, я не хочу держать васъ! вы у меня никому покоя не даете! мнѣ не платите и еще своихъ кредиторовъ ко мнѣ присылаете.

ИВАНОВЪ. Совершенно согласенъ, но я люблю пользоваться жизнію! сверхъ того, я вамъ врагъ, вашъ соперникъ. . .

ГЛУХОВЪ, (*испугавшись*) Что? что? мой соперникъ?

ИВАНОВЪ. Да, Казиміръ Андреичъ! если вы этого еще не знали, такъ теперь я вамъ все открою. Вы хотите жениться на той, которую я обожаю, боготворю, я пылаю отъ нея, не смотря на то, что морозъ на дворѣ. . .

ГЛУХОВЪ. Возможно-ли!? (*про себя*) Еще новое горе! (*ему*) Какъ! развѣ вы знакомы съ Шарлотой Карловной?

ИВАНОВЪ, (*про себя*) Смѣлѣе! (*ему*) О! гораздо прежде васъ! А, она это вѣрно отъ васъ скрывала? душечка! милая вдовушка! понимаю: еслибъ она не любила меня, вѣрно бы открыла вамъ эту тайну, но это хорошо, что она скрыла ее, она отъ перваго мужа любила все скрывать, она съ большимъ характеромъ. Левка! ходилъ ты сегодня справляться о здоровьи Шарлоты Карловны?

ЛЕВКА. Еще бы! ходилъ-съ, два раза. Онѣ, слава Богу, приказали вамъ кланяться и цѣлуютъ васъ заочно!

ГЛУХОВЪ. Что я узналъ! да ужъ это ни на что не похоже! неужли я отъ васъ долженъ еще буду испытать. . .

ИВАНОВЪ (*быстро*) О! вы увидите, что у насъ произойдетъ за все, что я терплю въ вашемъ домѣ. Если вы влюблены въ Шарлоту Карловну, тѣмъ хуже для васъ! если вы на ней женитесь, тѣмъ лучше для меня! я не дуренъ собою, а вы-извините . . . она умѣетъ скрываться, тѣмъ лучше для нея; я бѣденъ, вы богаты тѣмъ хуже для васъ! о! моя партія еще не проиграна!

ГЛУХОВЪ (*отчаянно*) Г. Ивановъ, пощадите! вы не человѣкъ, а врагъ рода человѣческаго!

ИВАНОВЪ. Вы не хозяинъ, а душегубецъ! вы меня морозите! у васъ просто житья нѣтъ!

ГЛУХОВЪ. Такъ, ради Бога, выѣзжайте! вы меня уморите!

ИВАНОВЪ. Ни за что на свѣтѣ! вы заѣдаете мое счастіе! . .

ЛЕВКА (*въ это время взялъ тромбонъ:*) А мнѣ мѣшаете учиться! (*беретъ сильную ноту:*)

ГЛУХОВЪ, (*испугавшись:*) Ай! ай! ай! это еще что?

ЛЕВКА. Музыка.

ГЛУХОВЪ (*садится съ помощію Выжигина*) Перестань, разбойникъ! охъ! какъ я испугался. . .

ВЫЖИГИНЪ (*показывая на хозяина*) Г. Ивановъ! вѣдь онъ человѣкъ больной. . .

ИВАНОВЪ. Да мнѣ то что? а мой человѣкъ парень здоровый, и учится надувать для своей пользы.

ГЛУХОВЪ. (*Выжигину вполголоса*) Нечего дѣлать, надо съ нимъ кончить, а то бѣда!

ВЫЖИГИНЪ. Какъ вамъ угодно. Авось на этихъ условіяхъ избавимся отъ злодѣя.

ГЛУХОВЪ (*встаетъ*). Послушайте, Иванъ Иванычъ. . . я хочу непременно, чтобъ вы выѣхали. . .

ИВАНОВЪ. Мудрено; нѣтъ никакого средства? не будь у матушки картофельной болѣзни, о! тогда бы. .

ГЛУХОВЪ. (*съ усиліемъ*) Я вамъ дамъ всѣ средства къ выѣзду.

ИВАНОВЪ. А? что такое?

ГЛУХОВЪ. Да, я рѣшаюсь на такую жертву, на которую я думаю никто другой не рѣшится. Я нанялъ для васъ квартиру съ дровами.

ИВАНОВЪ. А! покорно васъ благодарю, но мнѣ не чѣмъ платить.

ГЛУХОВЪ (*съ крикомъ*) Позвольте, я все предвидѣлъ и заплатилъ за два мѣсяца впередъ: вотъ у него и росписка въ полученіи. Чувствуете ли вы это?

ИВАНОВЪ, (*удивленный*) Неужли, Казиміръ Андреичъ! вы меня поражаете: это такъ ново и оригинально, что хоть кого обезоружитъ; а мой долгъ за эту квартиру?

ГЛУХОВЪ. Ужъ Богъ съ вами, все прощаю, только сейчасъ очистите эту квартиру.

ИВАНОВЪ. Неужели. . . да это рѣдкая, примѣрная черта! прощаете долгъ за цѣлый годъ?

ГЛУХОВЪ. Прощаю.

ИВАНОВЪ. И наняли мнѣ другую квартиру съ дровами? и заплатили впередъ за два мѣсяца?

ГЛУХОВЪ. Заплатилъ!

ВЫЖИГИНЪ. Вотъ и адресъ дому и росписка въ полученіи за квартиру.

ИВАНОВЪ. (*прочитавъ, кладетъ въ карманъ:*) Да. . . да. . . чудеса; это оригинальный, поучительный, назидательный примѣръ для всѣхъ домохозяевъ! (*про себя*) Постой же. . . коли ужъ пошло на уступки и погашенія долговъ, такъ я его распечатаю до возможной степени! (*ему съ упрекомъ*) Казиміръ Андреичъ! да не ужли я вамъ ужъ такъ насолилъ, что вы даже рѣшаетесь. . .

ГЛУХОВЪ. (*рѣшительно*) На все, на все! только бы сію минуту выжить васъ въ другой домъ.

ИВАНОВЪ. (*также:*) Но, за чтоже вы другому хозяину желаете неизбѣжнаго зла? вы поступаете по татарски, по вашему, ужасно! (*громко и рѣшительно*) нѣтъ! нехочу выѣзжать, во-первыхъ я

человѣкъ, по-возможности, благородный, въ 2хъ влюбленъ, въ 3хъ около ста рублей долженъ здѣсь разнымъ бѣднякамъ,–въ 4хъ, не имѣю денегъ переѣхать и купить кое–что для новоселья,–въ 5хъ... ну, да и этого довольно.

ГЛУХОВЪ, (*съ отчаяніемъ*) Послушайте: вы... вы не жилецъ, а демонъ!

ИВАНОВЪ. А вы, домовой–хозяинъ, который...

ГЛУХОВЪ. Не продолжайте! я умру, я слабый человѣкъ, у меня отъ васъ можетъ лопнуть какая нибудь артерія... такъ и быть, ужъ если я отдалъ впередъ за вашу новую квартиру, такъ не оставлю своего намѣренія. (*кричитъ, обращаясь къ дверямъ*) Эй, вы! приходите ко мнѣ всѣ, кому долженъ г. Ивановъ, все, все отдамъ до копѣйки.

ЛЕВКА. Ага! (*обращаясь къ должникамъ*) Слышите, вы? Ступайте всѣ къ хозяину, а меня съ бариномъ не безпокойте.

ГОЛОСА, (*въ окнахъ*) Очень рады! благодаримъ покорно.

ИВАНОВЪ. (*съ чувствомъ*) Казиміръ Андреичъ! теперь только я знаю: кого я въ васъ лишаюсь. Левка! а тебѣ я сколько долженъ.?

ЛЕВКА. Да ужъ я и счетъ потерялъ: цѣлковыхъ съ четыре кажись–будетъ.

ИВАНОВЪ. Казиміръ Андреичъ! онъ славный, трезвый человѣкъ, это видно по его физіономіи..... притомъ, съ большимъ талантомъ, отлично играетъ на двухъ инструментахъ.... Хотите послушать.? Эй, Левка! Хвати на трамбонѣ изъ Роберта Дьявола. (*Левка хочетъ играть*).

ГЛУХОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Выжигинъ, отдай ему скорѣй четыре цѣлковыхъ!

ВЫЖИГИНЪ (*отдавая Левкѣ*) На! на! дудка проклятая!

ЛЕВКА. Ага!

ИВАНОВЪ. Казиміръ Андреичъ! вы меня побѣдили! отнынѣ, вы будете жить у меня здѣсь! здѣсь! (*показывая на сердце*) но, въ городѣ здѣсь такъ тяжело жить безъ денегъ... (*вынимая пустой бумажникъ*) а здѣсь у меня такъ легко, что изъ рукъ вонъ... такъ ужъ за одно одолжите до первыхъ денегъ цѣлковыхъ тридцать...

ГЛУХОВЪ И ВЫЖИГИНЪ. Еще?...

ИВАНОВЪ. Да, да, вы, я знаю, служили нѣкогда въ Магистратѣ и не даромъ нажили четырехъ–этажной домикъ, вамъ это ничего не значитъ.

ЛЕВКА. Ужъ, разумѣется, расчитайтесь за одно какъ слѣдуетъ, да ужъ и Богъ съ вами.

ГЛУХОВЪ. Иванъ Иванычь . . .

ИВАНОВЪ. Казиміръ Андреичъ.

ГЛУХОВЪ (*внѣ себя:*) Вы ..... вы ..... нѣтъ, ужъ у меня и словъ не достаетъ!

ИВАНОВЪ. А-словъ! ну, ужъ это ваши забота. А у меня вотъ недостаетъ денегъ ..... впрочемъ, вы какъ я вижу, не достаете свои .....

ГЛУХОВЪ (*вынимая деньги*) Да, да, но это послѣдняя жертва. Выжигинъ, вѣли сейчасъ выносить его имѣніе: надо кончить эту операцію!

ИВАНОВЪ. Левка! выѣзжать намъ! или нѣтъ?

ЛЕВКА Ну, ужъ теперича можно .....

(*изъ оперы Аскольдова могила*)

ГЛУХОВЪ.

Вотъ вамъ деньги, и незнайте
Въ этомъ мірѣ насъ и въ томъ!

ВЫЖИГИНЪ,

Выходите! выѣзжайте!

ИВАНОВЪ И ЛЕВКА.

Ѣдемъ, ѣдемъ въ новый домъ!

(*Оба собираютъ вещи, между тѣмъ, Выжигинъ скликнувъ многихъ должниковъ Иванова, заставляетъ ихъ выносить мебель*)

ГЛУХОВЪ.

Выносите все живѣе.

ИВАНОВЪ.

Не сердитесь! съѣдемъ вмигъ!

ВЫЖИГИНЪ.

Выѣзжайте же скорѣе!

ЛЕВКА.

Эхъ, доѣхали мы ихъ!

ГЛУХОВЪ. (*про себя*)

Жить нельзя мнѣ съ этимъ франтомъ!

ИВАНОВЪ. (*считая деньги*)

Трудно деньги наживать.

ЛЕВКА. (*взявъ на плечи контробасъ*)

Тяжело быть музыкантомъ....

ВЫЖИГИНЪ.

Нелегко жильца прогнать!

ИВАНОВЪ.

Худо жить намъ въ этомъ мірѣ!

ЛЕВКА.

Да придется вспомнить имъ:
Вотъ какъ жили - на квартирѣ
Левка съ бариномъ своимъ!

ВСѢ (*къ публикѣ*)

Въ жизни все мы переносимъ
Всѣмъ хлопочимъ угодить,
И всѣхъ жителей здѣсь просимъ
Чтобъ піесѣ дать пожить.

—

7982.
7032

ГОСУДАРС... АКАДЕМ.
Ленинградская ...
БИБЛИО...
имени ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ